

СОБ. СЕРПЕТНО

прыглы
высшей
школы

№ 17936

Прих. № 1354 Экз. № 338
СПЕЦИАЛЬНАЯ
КГБ ЛИТОВСКОЙ ССР

ВЫСШАЯ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КРАСНОЗНАМЕННАЯ ШКОЛА КГБ СССР
имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Совершенно секретно

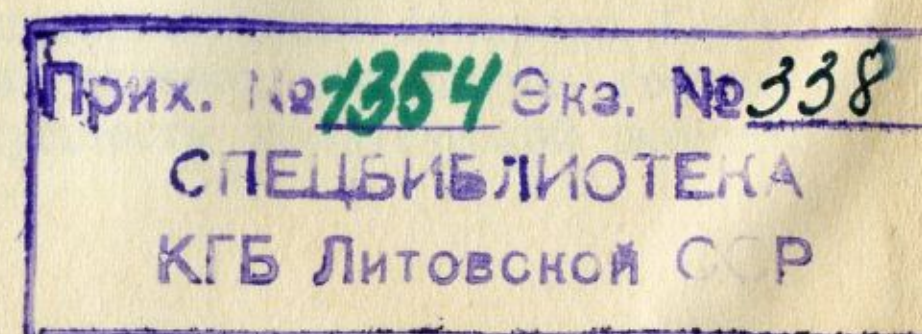
338

Т Р У Д Ы
В Ы С Ш Е Й
Ш К О Л Ы

44

Внимание!
Проверьте наличие вклейки.

№ 17936

Москва 1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Полковник С. В. Дьяков (главный редактор), полковник Ю. И. Авдеев, капитан 1 ранга Ю. Н. Астафьев, полковник В. Д. Бабакаев, полковник И. А. Бушуев, полковник В. П. Гладков, полковник Е. М. Давыдов, полковник Ю. П. Зеленцов, полковник К. Х. Ипполитов (зам. главного редактора), полковник В. Г. Курдаков, полковник Н. П. Маркин, полковник В. Ф. Мацук, полковник Б. И. Михайлов, полковник Ю. М. Михайлов, подполковник А. И. Петренко, полковник В. П. Тарасов, полковник М. П. Третьяков, полковник В. П. Федянин, полковник В. В. Холопов, полковник А. И. Чеботарев, полковник А. В. Челядинов, полковник А. И. Цветков.

Ответственные за выпуск подполковник В. А. Каминский, капитан Н. А. Середюк.

Кандидат исторических наук, доцент
полковник В. Ф. Мацук

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дальнейшему совершенствованию социалистической демократии наша партия уделяет особое внимание. На XXVII съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК КПСС отмечалось, что ускорение и перестройка в нашей стране возможны только через развитие демократических форм, присущих социализму, что «демократия — это тот здоровый и чистый воздух, в котором только и может полнокровно жить социалистический общественный организм»¹.

Сейчас, когда идет процесс обновления и оздоровления советского общества на демократических основах, очень важно опираться на ленинскую методологию, на ленинское истолкование социалистической демократии. Необходимость руководствоваться научным, марксистско-ленинским пониманием социалистической демократии обуславливается прежде всего потребностью практического воплощения в жизнь всех ее принципов, а для этого требуется преодолеть упрощенные, односторонние представления о демократии, укоренившиеся в обыденном сознании многих советских людей. Демократия нередко отождествляется либо с правами и свободами трудящихся, либо с жесткой дисциплиной и принуждением. Причем в обоих случаях предпринимаются попытки сослаться на В. И. Ленина, подбираются отдельные высказывания и цитаты, отражающие ту или иную сторону социалистической демократии. Такого рода прием извращает суть ленинского учения о демократии, наносит вред практике социалистического строительства, льет воду на пропагандистскую мельницу антикоммунизма.

Каковы исходные позиции ленинского толкования демократии?

Демократия, как известно, одна из форм политического управления. Дословно — это народовластие, привлечение представителей народа к управлению. Но народ делится на классы. Поэтому классовый характер демократии определяется классовой природой власти. Там, где имеются антагонистические классы, политическую власть, диктатуру осуществляет господствующий класс с помощью государственного аппарата. Соотношение диктатуры и демократии таково: диктатура господствующего класса выражает сущность политической власти, а демократия — ее форму.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 54.

Демократия как форма политической власти включает в себя структуру и порядок образования органов власти, принципы деятельности и взаимосвязей между ними, политические права и свободы граждан. Политическими правами и свободами в обществе, разделенном на антагонистические классы, в полной мере пользуется господствующий класс. Поэтому буржуазную демократию В. И. Ленин рассматривал как полную, неограниченную свободу для буржуазии и ограниченную, урезанную для трудящихся. В противовес буржуазной демократии в социалистическом обществе, с точки зрения В. И. Ленина, представляет подлинное народовластие. Она обеспечивает всем классам и социальным группам социалистического общества равные права, свободы и обязанности. «При социализме... впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении»². Отсюда следует, что основным критерием социалистического демократизма является мера участия рабочего класса, всех трудящихся в управлении страной, степень развития демократических прав и свобод для трудящихся и их фактическая обеспеченность соответствующими гарантиями.

Однако социалистическая демократия не означает абсолютной свободы каждой личности. Те или иные люди могут вступать в противоречие с коренными интересами социалистических классов и других социальных групп, к которым они принадлежат. Поэтому все, что идет вразрез с объективными интересами социалистического общества, запрещается законом. Как неоднократно указывала партия, для нас демократично то, что служит интересам народа, интересам коммунистического строительства. То, что противоречит этим интересам, мы отвергаем. Политические свободы — свободы слова, печати, собраний, демонстраций и т. д. — всегда трактовались В. И. Лениным с классовых позиций как условия социалистического сплочения трудящихся, как условия распространения социалистической идеологии, полностью исключающие свободу антисоциалистической пропаганды и организации контрреволюционных сил. Критикуя мелкобуржуазные требования неограниченной демократии в Советской России, В. И. Ленин говорил, что из «демократии, свободы они делают лозунг, ведущий к свержению Советской власти»³. Он разоблачил ревизионистские вымыслы о том, будто бы в условиях, когда в стране осуществляется руководящая роль одной, коммунистической, партии, «всеобщая» свобода печати, демонстраций и митингов, свобода высказывания любых идей с любых позиций будут содействовать устранению недостатков и ускорять строительство социализма.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 116.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 31.

Лечить подобного рода болезни, писал В. И. Ленин, «надо не «свободой» (для буржуазии), а мерами пролетарскими и партийными»⁴, нельзя «туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком»⁵.

Демократия — это весьма емкая социально-политическая категория, неразрывно связанная с характером экономического строя, социально-классовой структурой общества, коренными интересами классов. Она представляет собой не только форму организации власти, государственного правления и государственного устройства, но и определенный режим жизни и функционирования социально-политической системы. Социалистическая демократия имеет свои принципы, сформулированные В. И. Лениным. Последовательное воплощение их в жизнь, «развитие демократии до конца», изыскание форм такого развития, испытание их практикой — все это есть одна из составных задач борьбы за социализм. Эта ленинская заповедь и предопределяет курс нашей партии на современном этапе.

Определяющим принципом социалистической демократии является ее подлинно народный характер. Советская власть «дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для... трудящихся»⁶, она «в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии...»⁷.

Народный характер демократии в нашем обществе вытекает из того, что ее экономической основой является общественная собственность на средства производства, исключающая эксплуатацию человека человеком; ее политическая основа — союз рабочего класса, колхозного крестьянства и социалистической интеллигенции. Этот союз нашел свое реальное выражение во всей политической жизни, прежде всего в деятельности выборных органов власти — Советов народных депутатов, главного звена социалистического самоуправления народа. XXVII съезд КПСС разработал конкретную программу мер, направленную на использование возможностей Советов в осуществлении полномочий народа, объединении и мобилизации масс. Одновременно совершенствуется работа государственного аппарата, расширяются права профсоюзов и других общественных организаций. В связи с этим поставлена задача устранения штатных излишеств, искоренения проявлений бюрократизма и формализма, освобождения некомпетентных и безынициативных руководителей. Резко осуждаются и искореняются такие отклонения от принципов социализма, как злоупотребление служебным положением, карьеризм, протекционизм, стремление к личному обогащению. Все шире практикуется выборность и конкурсная

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 81.

⁵ Там же, с. 83.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 256.

⁷ Там же, с. 257.

система замещения руководящих должностей. Активизируются все формы непосредственной демократии: всенародные обсуждения крупных преобразований и реформ, обсуждения проектов решений местных Советов, работа с наказами избирателей, письмами трудящихся и т. д. Усиливается роль трудовых коллективов, особенно в осуществлении самоуправления на производстве. С этой целью расширен круг вопросов, по которым решение трудового коллектива является окончательным.

Всенародный характер советской социалистической демократии не означает, что она лишена классовой основы. Нет демократии, стоящей вне классов или над классами. В условиях социализма, поскольку существуют классы, демократия отражает классовую структуру общества, в ней находит свое выражение руководящая роль рабочего класса и его марксистско-ленинской партии.

Одним из основных принципов социалистической демократии является демократический централизм. Он представляет общий принцип деятельности всех государственных и общественных организаций и означает:

- выборность всех органов власти снизу доверху;
- периодическую отчетность перед теми, кто их избрал, и перед вышестоящими органами;
- подчинение меньшинства большинству;
- обязательность решений высших органов для низших.

Именно в сочетании этих требований заключается гарантия того, что демократия — полновластие трудящихся, самостоятельность и инициатива масс — осуществляется на деле. Вместе с тем этот принцип означает централизованное руководство, организованность, дисциплину и высокую сознательность, ибо централизм не противоречит демократии. «...Централизм,— писал В. И. Ленин,— понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»⁸.

XXVII съезд партии, последующие Пленумы ЦК КПСС определили конкретные меры по совершенствованию сбалансированности двух начал демократического централизма, устранению излишней централизации в управлении и расширению демократических форм и методов, способствующих дальнейшему развитию социалистического самоуправления народа.

Неотъемлемым принципом социалистической демократии является гласность. «Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управ-

лении»⁹. Гласность — это залог активизации человеческого фактора, ответственного отношения к делу трудящихся, это решающее условие свободной критики снизу и реального права контролировать руководителей. «Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей,— указывал В. И. Ленин.— Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности»¹⁰. Бытующее до сих пор мнение о том, что гласность и критика снизу будто бы подрывают авторитет руководителя, несовместимо с ленинским пониманием демократии. Аргументы о «подрыве авторитета» вследствие развития гласности и критики — это не что иное, как прикрытие недостатков в деятельности не справляющихся с порученным делом руководителей. Заслуженный авторитет от критики не пострадает, а негодного руководителя необходимо разоблачать и снимать как можно быстрее. В. И. Ленин не раз отмечал, что в противоположность казенным авторитетам в буржуазном обществе у нас речь может идти только о моральном авторитете, завоеванном в глазах масс образцовым примером служения их интересам. В. И. Ленин подчеркивал, что, если мы научимся говорить всегда правду, какой бы горькой она ни была, мы преодолеем все трудности. Надо смело вскрывать все ошибки и недостатки, находить причины этих недостатков и вовремя их устранять. В этом — серьезность партии. «...Будем смотреть правде прямо в лицо,— учил Владимир Ильич.— В политике это всегда самая лучшая и единственно правильная система»¹¹.

XXVII съезд партии, январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС дали ясный, поистине ленинский ответ тем, кто все еще призывает поосторожнее говорить о наших недостатках, упущениях и трудностях: «...коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда»¹². Такой подход решительно поддерживают советские люди, а тем, кто привык работать спустя рукава, заниматься очковтирательством, действительно неуютно при свете гласности. Поэтому, постановил XXVII съезд КПСС, гласность надо сделать безотказно действующей системой и в центре, и на местах.

Права и свободы В. И. Ленин всегда рассматривал в неразрывном единстве с обязанностями и ответственностью трудящихся перед обществом. Это единство составляет важный принцип нового типа демократии. Высокая дисциплина и сознательность, добросовестное выполнение общественного долга — неотъемлемая черта социалистического образа жизни. «...Мы должны... строго отделять две категории демократических функ-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 152.

⁹ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 60.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 157.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 130.

¹² Материалы XXVII съезда КПСС, с. 60.

ций: с одной стороны — дискуссии, митингования, с другой стороны — установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы»¹³. Таким образом, с точки зрения В. И. Ленина, без дисциплины и прочного общественного порядка демократия невозможна, она превратилась бы в анархию, беспорядок. «Осуществление прав и свобод, — подчеркивается в Конституции СССР, — неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей»¹⁴. Нет и не может быть прав без обязанностей, как не может быть и обязанностей без прав. Причем в диалектическом единстве прав и обязанностей ведущей стороной, безусловно, являются обязанности. Каждый гражданин сначала должен выполнить свой общественный долг, свои обязанности перед обществом, и только это дает ему основание пользоваться правами и свободами. И когда партия нацеливает советских людей на развитие демократии, на работу в условиях дальнейшей демократизации советского общества, имеется в виду не только развитие прав и свобод граждан, расширение гласности и критики, но и укрепление дисциплины, организованности, усиление ответственности каждого за выполнение всех своих обязанностей.

Неотъемлемой чертой и важным принципом социалистической демократии является также строжайшее соблюдение законов и правил социалистического общежития, его правопорядка. Подлинная демократия не существует вне закона и над законом. Социалистическая законность — это юридическая система закрепления и охраны прав личности, интересов общества, государства, неуклонное соблюдение этих прав и интересов. Основной закон гарантирует гражданам СССР всю полноту социально-экономических, политических и личных прав и свобод. Вместе с тем он предусматривает, что «использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан»¹⁵.

Неуклонное соблюдение законов, нетерпимость к малейшему отступлению от закона или обходу его, решительная борьба с преступностью, любыми отклонениями от социалистического правопорядка — эти требования в настоящее время последовательно проводятся в жизнь Коммунистической партией и Советским государством. И когда мы говорим, что необходимо учиться жить в условиях расширяющейся демократии, дело тут не

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 156.

¹⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978, с. 24.

¹⁵ Там же, с. 18.

просто в привыкании к гласности, свободному выражению мнения. Речь идет об умении пользоваться демократическими институтами, о более уважительном и вместе с тем требовательном и принципиальном отношении к людям. Разъясняя это, М. С. Горбачев подчеркнул, что демократия была и остается важнейшим рычагом укрепления социалистической законности, а законность — неотъемлемая часть нашей демократии. Активность всех и каждого в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых отступлений от норм нашего права и морали есть и проявление демократии, и в то же время важный рычаг укрепления правопорядка. На XXVII съезде КПСС перед правоохранительными органами были поставлены конкретные задачи. При этом упор сделан на соблюдение демократических принципов правосудия, равенства граждан перед законом и других гарантий, обеспечивающих защиту интересов государства, общества и каждого гражданина.

Умение жить и трудиться в условиях свободы и демократии во многом зависит от общей культуры людей, от их отношения друг к другу и к обществу в целом, к государству и законам. Говоря конкретнее — от их политической и правовой культуры, включающей в себя политические и юридические знания, традиции и представления, приемы и способы политического руководства и законотворчества, формы и методы деятельности правоприменительных органов, гарантии и процедуры защиты законных прав и интересов граждан. В. И. Ленин постоянно указывал на то, что наладить порядок, дисциплину и организованность, обеспечить твердую законность, четкую работу советских учреждений, охрану и защиту прав трудящихся невозможно, не подняв культурный уровень масс, не воспитав в народе высокой политической и правовой культуры. И напротив, отношение людей к органам государственной власти во многом зависит от твердого правопорядка, от реально существующего уровня демократии.

В принципе уровень демократии не может быть «выше» экономического и культурного развития общества. Однако на современном переломном рубеже в истории Советского государства, требующем максимальной активности народных масс для обеспечения ускорения социально-экономического развития страны, правомерно ставить и решать вопрос об интенсификации и опережающем развитии форм социалистического самоуправления народа, многообразных институтов социалистической демократии. При этом надо иметь в виду, что после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС мы вступили в принципиально новый этап социалистического народовластия, когда совершается переход власти от имени народа к власти, осуществляемой самим народом, другими словами, от демократии согласия к демократии действия. Отсюда — исключительная значимость и необходимость коллективного сопоставления мне-

ний, точек зрения и как следствие — альтернативных вариантов решения актуальных политических вопросов с опорой на инициативу трудящихся, поиска действительно лучших кандидатов в органы власти.

Жизнь подтверждает правильность взятого партией курса на развитие демократии. «...Первый вывод, который вытекает из опыта двух последних лет, состоит в том, чтобы не только сохранять и поддерживать, но и всемерно углублять и развивать сложившуюся в стране обстановку гласности, открытости, которая позволяет каждому человеку проявлять свою гражданскую позицию... — говорил М. С. Горбачев на июньском (1987 г.) Пленуме Центрального Комитета партии. — ...Мы не справимся с задачами перестройки, если не будем твердо и последовательно вести линию на демократизацию»¹⁶.

В условиях начавшегося второго этапа перестройки, когда остро встала задача активизации человеческого фактора, весьма актуальна ленинская постановка вопроса о «максимуме демократизма» социалистического строя, при котором человек чувствует себя хозяином и творцом. Для того чтобы обеспечить «максимум демократизма», а вместе с тем быть на уровне выдвинутых партией современных требований, необходимо строго и последовательно руководствоваться ленинскими принципами социалистической демократии. Это касается деятельности Коммунистической партии, всех общественных организаций и государственных органов, в том числе органов государственной безопасности.

Для органов КГБ СССР правильное понимание сущности социалистической демократии, опора в своей деятельности на ее принципы приобретают особое значение. «Деятельность органов КГБ, — говорил на XXVII съезде КПСС В. М. Чебриков, — осуществляется на основе положений Конституции, законов СССР, в строгом соответствии с принципами социалистической демократии, достигнутым уровнем развития советского общества и задачами дальнейшего его совершенствования»¹⁷. В отличие от спецслужб империалистических государств наши органы государственной безопасности не стоят над народом, а являются плоть от плоти советского народа. Они призваны обеспечивать не только безопасность государства как организации политической власти, но и безопасность советского общества, поскольку их социальные основы и интересы едины. «Поэтому задача обеспечения государственной безопасности является делом всего общества, каждого советского гражданина»¹⁸. Обеспе-

¹⁶ Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987, с. 32.

¹⁷ XXVII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., Политиздат, 1986, с. 349.

¹⁸ Там же, с. 349—350.

чение государственной безопасности представляет собой общенародную задачу, в решении которой участвует весь механизм социалистического народовластия. Следовательно, успешное решение данной задачи в значительной мере зависит от углубления социалистической демократии, от последовательного проведения в жизнь всех ее принципов. Сила органов госбезопасности — в тесной связи с массами, в поддержке трудящихся, в активном участии их в борьбе с подрывными акциями противника. Активизация человеческого фактора через усиление народного характера социалистической демократии, развитие принципов демократического централизма, гласности, расширение прав и свобод трудящихся, укрепление дисциплины и организованности, правопорядка и законности — все это, безусловно, способствует повышению эффективности обеспечения государственной безопасности. Поэтому органы КГБ должны всемерно поддерживать инициативу и самодеятельность масс, их стремление самостоятельно оценивать положение дел и решать государственные вопросы. Недопустимо преследование людей за критику действительных недостатков, за публичное осуждение отступлений тех или иных руководителей от норм социалистического общежития, различного рода злоупотреблений, бюрократизма. «Испытанным инструментом социалистической демократии, — говорил М. С. Горбачев, — является критика и самокритика. Против этого, кажется, нет открытых возражений. Однако в жизни мы сталкиваемся с фактами, свидетельствующими о том, что необходимость поддержки критического настроения в обществе осознана далеко не всеми»¹⁹. Иные руководители стремятся представить критику в свой адрес, как критику Советской власти или комитетов Коммунистической партии, которые они представляют. Однако, во-первых, в советском обществе не должно быть зон, закрытых для критики, во-вторых, есть критика советская и есть критика антисоветская. Сотрудники органов государственной безопасности должны владеть умением различать критику отступлений от принципов социализма и критику самих принципов социализма и действовать в соответствии с этим. Сейчас главное — не погубить массовое движение против извращения социализма, проявлений социальной несправедливости, бюрократизма, за ликвидацию механизмов торможения и оздоровление морально-психологической обстановки в стране. Политическая жизнь в странах социализма свидетельствует, что именно в ходе общественных дискуссий наилучшим образом выясняются спорные вопросы и рождаются правильные решения. Поэтому конструктивная критика должна рассматриваться как элемент естественного рабочего состояния

¹⁹ Материалы Пленума ЦК КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987, с. 33—34.

общества, государственного аппарата, главный рычаг разрешения противоречий. Важно, чтобы в этом плане партийные и государственные органы, в том числе органы государственной безопасности, проявляли терпимость к различным, подчас даже и ошибочным точкам зрения, обеспечивали гарантии защиты лиц, оказывающихся при обсуждении тех или иных вопросов в меньшинстве. Иными словами, необходимо, чтобы такой принцип демократии, как подчинение меньшинства большинству, осуществлялся цивилизованно, этически безупречными средствами, чтобы он не противоречил социальной справедливости и политической честности. Что же касается острых конфликтных ситуаций, возникающих в ходе обострения противоречий между отдельными руководителями и трудовыми коллективами или их представителями, то здесь требуется особая чуткость и осторожность со стороны правоохранительных органов, призванных стоять на страже социалистической демократии и отстаивать интересы трудящихся.

Но это — лишь одна сторона проблемы. Другая сторона — выявлять и пресекать действия подлинных врагов Советской власти и антиобщественных элементов. Противники социализма стремятся поколебать веру советских людей в политическую линию партии, ее курс на перестройку и ускорение, подорвать процесс демократизации и тем самым затормозить наше движение вперед. Поэтому органы государственной безопасности обязаны постоянно сверять свои практические дела с установками партии, определять новые подходы, приемы и средства, намечать более эффективные действия в решении задач по надежному обеспечению безопасности социалистического государства и советского общества.

Позиции, которые являются исходными для нашей работы, сформулированы XXVII съездом партии, последующими Пленумами ЦК КПСС, а также юбилейной Всесоюзной научно-практической конференцией КГБ СССР. В данном случае имеются в виду положения об обострении классового противоборства между двумя мировыми системами, особенностях функционирования органов государственной безопасности в условиях расширения демократии и гласности, их задачах на втором этапе перестройки. Эти положения имеют большое теоретическое и методологическое значение для кафедр социально-экономических дисциплин чекистского вуза. Научно обоснованные методами общественных наук, они в свою очередь позволяют спецкафедрам более глубоко раскрыть механизм подрывной деятельности противника и систему контрразведывательного ограждения. Поэтому кафедры общественных наук должны постоянно держать в центре своего внимания методологические проблемы современной классовой борьбы и развития политической системы социализма. Только на основе четкого определения исходных позиций можно повысить роль кафедр общественных наук как

мировоззренческих центров и с наибольшим успехом готовить кадры для органов и войск КГБ СССР, формировать у слушателей качества политического бойца с активной жизненной позицией и боевым чекистским характером.

*Рекомендована кафедрой философии
и научного коммунизма
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат философских наук, доцент
полковник В. Б. Кулаков*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кандидат юридических наук
капитан 2 ранга В. Е. Овчинников

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ

Социально-экономические перемены, происходящие в нашем обществе после XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, заставляют вновь обратиться к некоторым теоретическим положениям теории советской контрразведки, требуют нового осмысления их прикладной значимости для практических подразделений органов КГБ.

Известно, что к основным методологическим аспектам исследования оперативной обстановки относятся ведущие противоречия явления, содержание, формы, движущие силы, источники ее возникновения и развития. К настоящему времени изучены далеко не все вопросы, связанные с оперативной обстановкой, а методологическим аспектам внимания уделяется традиционно мало.

На первый взгляд такое утверждение может показаться необоснованным. Многие специалисты сталкиваются с необходимостью исследования вопросов оперативной обстановки в контрразведывательной деятельности, тем не менее истинные причины внутренних изменений и процессов ее развития, противоречия, их природа и сущность, степень взаимовлияния с идеологической, экономической, политической обстановками изучены еще недостаточно полно.

В настоящее время оперативная и политическая обстановки часто рассматриваются как часть и целое (одно в другом). Подобное понимание не дает возможности определить источники возникновения оперативной обстановки, выделить ведущие в тот или иной период факторы, оставяет за пределами внимания противоречия экономической обстановки¹, которые большей

¹ См.: Куликов В. В. Противоречие экономической системы социализма как источник ее развития. В научном поиске. М., Экономика, 1987, с. 116—124.

частью являются основополагающими при оценке оперативной обстановки. Кроме того, в практике еще нередки случаи, когда некоторые элементы идеологической обстановки, а также их влияние на политическую и экономическую обстановки только подразумеваются, но реально не учитываются.

Обоснованно поэтому требование Инспекторского управления оценивать и исследовать оперативную обстановку на основе «конкретно-исторического подхода к явлениям и событиям, рассмотрения их в динамике, в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости. Это не разовый, а непрерывный процесс, где необходимы всесторонний учет и объективная оценка всей совокупности явлений, событий, обстоятельств, имеющих значение для надежного обеспечения госбезопасности»².

Именно раскрытие оперативной обстановки во взаимосвязи и взаимозависимости с другими разновидностями обстановок, в их развитии становится важнейшим методологическим инструментом эффективного изучения ее элементов.

Перспективы дальнейшего развития теории советской контрразведки во многом зависят от исследований, связанных с разработкой прогнозов социальных явлений, происходящих в процессе борьбы органов государственной безопасности с подрывной деятельностью противника. В этой связи огромное методологическое значение приобретает теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин требовал учитывать изменения, происходящие в жизни общества, и в соответствии с этим строить свою деятельность. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, если понимать под этим не пустые гадания, а «основные тенденции экономического и политического развития, — те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля»³.

Указанное положение приобретает важное методологическое значение также и в связи с начавшимся процессом формирования концепции оперативной обстановки, в частности постановки проблемы прогнозирования оперативной обстановки. Но, прежде чем говорить о ее постановке, необходимо уточнить само понятие «оперативная обстановка», его содержание и основные функции в системе категорий теории советской контрразведки. Целью статьи и является исследование причин возникновения оперативной обстановки, установление ее возможных движущих сил, наиболее характерных проявлений в классовой борьбе, а также некоторых подходов к прогнозированию ее развития.

² К вопросу об изучении и оценке оперативной обстановки территориальными органами КГБ. — Сборник КГБ, 1981, № 91, с. 37.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 186.

Изучение литературы по данному вопросу⁴, на наш взгляд, не дает четкого представления о сущности оперативной обстановки, ее соотношения с классовой борьбой, обеспечением государственной безопасности, другими разновидностями обстановки.

Мнение, что оперативная обстановка относится к категории только теории советской контрразведки, не подкреплено соответствующими методологическими исследованиями. Кроме того, не ясен и механизм взаимовлияния оперативной обстановки и системы мер контрразведывательной деятельности.

Современная трактовка оперативной обстановки как «совокупности условий, которые прямо или косвенно влияют на процесс борьбы органов государственной безопасности с противником, определяют направления этой борьбы и выбор используемых в ходе ее сил, средств и методов»⁵, бесспорна, но уже недостаточна. Вне поля зрения остаются источники (причины) возникновения оперативной обстановки, ее движущие силы, наиболее характерные проявления в социальной действительности.

Сейчас трудно и, пожалуй, практически невозможно найти сферы деятельности государства, с которыми не приходилось бы согласовывать контрразведывательную деятельность по тем или иным вопросам обеспечения государственной безопасности. Процесс согласования начинается с анализа обстановки, и в этих условиях крайне необходимо точное знание всех ее элементов независимо от того, в какой сфере деятельности образуется обстановка. Например, при анализе разведывательной деятельности выделяют «агентурно-оперативную обстановку», при анализе деятельности МВД, МО, МИД и других ведомств — «оперативную обстановку». Кроме того, существуют «международная обстановка», «социально-политическая», «социально-экономическая», «военно-политическая», «военно-стратегическая» и другие разновидности обстановки.

В связи с этим возникает вопрос: указанные обстановки — разные по своей природе и сущности явления или это части одного наиболее общего целого? Как представляется, рассмотрение данного вопроса с позиций общественно-экономических

⁴ См.: Никитин И. М. Оперативная обстановка по агентурной разработке и ее оценка. — Вестник Высшей школы, 1971, № 7; Пономарев Е. М. Оперативная обстановка и методика ее исследования на участках деятельности органов военной контрразведки в зоне армейской бригады, дивизии, корпуса. Автореф. канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1971; Дмитриев В. М. Оперативная обстановка и ее влияние на организацию контрразведывательной деятельности. Автореф. канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1974; Теоретические и методологические проблемы оценки оперативной обстановки. Сборник материалов дискуссии. М., изд. ВШ КГБ, 1982; Ерошин В. П. Теоретические и прикладные проблемы анализа и оценки оперативной обстановки в контрразведывательной деятельности органов КГБ. — Труды ВШ КГБ, 1982, № 26, с. 14, и др.

⁵ Контрразведывательный словарь. М., изд. ВШ КГБ, 1972, с. 186.

формаций, марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы позволяет наметить один из путей его решения.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что общественные отношения являются результатом человеческой деятельности, обусловленной объективными процессами разделения труда. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что ключ к пониманию всей истории общества следует искать в истории развития труда, который является сферой проявления сущности человека. Лишь в процессе деятельности люди вступают в общественные отношения, которые могут быть экономическими, политическими, юридическими и другими, в зависимости от того, в какой сфере действуют субъекты отношений.

Общественные отношения всегда складываются относительно результата человеческой деятельности, который имеет предметный характер. Каждое общественное отношение включает в себя только свой предмет. Предметы выступают в виде продуктов материального или духовного труда. Общественные отношения — это такие социальные связи, которые опосредованы продуктами человеческой деятельности, иначе говоря, «социальными предметами», выступающими в виде средств производства или его продуктов, производны от общественного производства явлений, таких, как государственная власть, нормы права и морали, эстетические ценности и т. п.⁶

Следовательно, общественные отношения выступают обычно как отношения по поводу социальных предметов в самом общем виде. Например, по поводу средств производства (экономические отношения); по поводу государственной власти (политические отношения); по поводу юридических законов (правовые отношения) и т. п.

Все общественные отношения К. Маркс и Ф. Энгельс разделяли на базисные (материальные) и надстроечные (идеологические). В предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс подчеркивал необходимость отличать «материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»⁷. Высказанный тезис о материальных и идеологических отношениях нашел свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. Материальные отношения, отмечал он, складываются, не проходя через сознание людей, то есть независимо от них. Идеологические же отношения предполагают осознание людьми политических, правовых, нравственных отношений, связанных с определенными целями, интересами, взглядами.

⁶ См.: Общественные отношения. Вопросы общей теории. Изд. МГУ, 1981, с. 26—29.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

В методологическом плане принципиальное значение приобретает исследование оперативной обстановки с позиции структуры общественных отношений. Условно можно выделить два подхода⁸ — социально-философский и системно-социологический. В соответствии с первым подходом все общественные отношения делятся на материальные и идеологические и различаются по их связям с общественным сознанием. Такой подход, как показали классики марксизма-ленинизма, имеет значение в плане изучения механизма общественных связей.

Системно-социологический подход предполагает рассмотрение общественных отношений в определенном единстве, в соответствии с тем или другим характером социальных процессов. Он опирается на системный анализ общественных явлений, рассмотрение различных сторон, аспектов социальных процессов в их системном единстве. В качестве подобных систем выступают два или более вида общественных отношений, находящихся во взаимосвязи.

Последовательно применяя указанные подходы, исследуем один из видов общественных отношений. Системно-социологический подход рассматривает социальные отношения как отношения между субъектами. В качестве субъектов таких отношений можно выделить отдельных лиц, группы, слои, классы, нации, народы, наконец, государства. Последние субъекты связываются социальными отношениями, которые существенно отличаются от внутригосударственных отношений. Подобные отношения являются международными отношениями.

Они являются такой формой экономических, политических, идеологических, духовно-культурных связей, которая не носит самостоятельного характера. Эти связи определяются теми общественными отношениями, которые имеются в той или иной стране. Без учета таких взаимосвязей нельзя правильно понять ни структуры международных экономических, политических, правовых и иных отношений, ни структуры какой-либо определенной системы этих отношений⁹.

Марксистско-ленинское понимание общественных отношений, деятельности и классовой борьбы предполагает рассмотрение их на основе диалектики развития и единства, движущих сил истории и законов развития, материалистического монизма и историзма.

Общественные отношения, по существу, являются тем первичным, что в конечном счете определяет и человеческую деятельность во всевозможных ее проявлениях, и классовую борьбу во всех ее формах. Когда большие группы людей занимают различное место в системе общественного производства и когда они различаются по своему отношению к средствам производ-

ства, их **коренные интересы различны**. Экономически господствующий класс заинтересован в поддержании и укреплении существующих производственных отношений. Интересы же угнетенного класса прямо противоположны. Это порождает ведущее противоречие, которое разрешается борьбой классов. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹⁰.

В отношениях между классами важнейшая роль принадлежит интересам. Осознание классом своих интересов становится движущей силой в борьбе за уничтожение отживающих экономических, политических и идеологических отношений.

Классовая борьба является следствием антагонистических общественных отношений. Однако классы функционируют в различных формах деятельности. Они не могут существовать вне деятельности всех сфер общественной жизни. В то же время противоречия, возникающие в процессе деятельности, порождают состояние противоборства различных сторон в экономической, политической сферах деятельности.

Таким образом, можно сказать, что классовая борьба — это есть продукт, средство и форма проявления общественных отношений, которые невозможно рассматривать вне деятельности людей. Человеческая же деятельность предполагает борьбу за свои права, приоритет, власть, интересы, потребности.

Состояние условий производства, интересов классовых сил в борьбе, их расстановка в определенный момент времени охватываются понятием «обстановка». Подобные моменты классовой борьбы В. И. Ленин охарактеризовал как «бесконечно разнообразные» действия отдельных групп личностей, «различавшихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой...»¹¹, то есть прежде всего действия классов, борьба которых и в настоящее время определяет развитие общества.

По существу, действия групп личностей (деятельность классов), условия производства («отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни...»¹²), интересы класса — вот те первоначальные

⁸ См.: Общественные отношения, с. 36—38.

⁹ См. там же, с. 38.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 430.

¹² Там же, с. 429.

элементы обстановки или, пользуясь определением В. И. Ленина, социальной обстановки¹³.

Классовая борьба как закономерность современной эпохи, как всеобщее явление социальной действительности представляет собой взаимосвязь и диалектическое взаимодействие своеобразных форм проявления экономических, идеологических и политических отношений. Их можно обозначить как некоторые процессы развития классовых сил в виде экономической, политической, идеологической обстановок. Анализ указанных разновидностей обстановок позволяет выделить исходные основания для характеристики основных признаков оперативной обстановки.

Экономическая обстановка. Экономическая теория Маркса основывается на анализе капиталистического способа производства. Данный способ производства, как показывает история его развития, функционирует при участии постоянно обостряющегося основного противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. Обострение противоречий неизбежно приводит к новым экономическим обострениям, кризисам, войнам, которые в свою очередь на новом витке усиливают разрыв противоположностей и вновь ведут к дальнейшему обострению основного противоречия.

К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание взаимосвязи формы собственности с экономическим господством, а также контролю капиталистов над средствами производства. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» была сформулирована концепция теории отчуждения, согласно которой отчуждение рабочего в процессе производства воспринимается как объективная необходимость. Результат деятельности рабочего или продукт труда противопоставляется ему «как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть опредмечивание труда»¹⁴.

Причина отчуждения труда лежит в отношениях собственности. Продукт труда произведен рабочим, а присваивается капиталистом. Процесс труда навязан и контролируется капиталистом, а это означает экономическое принуждение, власть с его стороны.

Нанимаясь к капиталисту на работу, рабочий теряет контроль за процессом и результатом своего труда. Что, где и как будет делать рабочий, зависит от капиталиста. Все эти моменты образуют многообразные противоречия, характеризующие природой экономических отношений. Нам важно отметить то обстоя-

тельство, что экономические противоречия возникают в конкретных местах приложения труда. Они присущи определенной группе лиц, определенному процессу производства и времени. Только при наличии указанных моментов можно говорить о том или ином состоянии экономической обстановки.

Таким образом, экономическая обстановка при капиталистическом способе производства в основном характеризуется противоречиями между рабочим и капиталистом в сфере контроля над процессом, средствами и результатами труда.

Социалистический общественный строй отличают качественно иные черты. Прежде всего это выражается в характере противоречий, отражающих сущность социалистического общества. Эти противоречия в основном неантагонистического типа. Для них свойственно наличие противоположных интересов, имеющих временный, относительный, преходящий характер. Неантагонистические противоречия при социализме разрешаются не путем социальных конфликтов, максимально острых форм борьбы, а с помощью научного руководства и повышения эффективности управления социалистическим обществом, контроля, критики и самокритики. Именно этим и определяется реальная возможность научного предвидения, прогнозирования возможных путей его развития на основе планового хозяйствования.

При социализме противоречия могут проявляться в различных и весьма своеобразных формах. «Даже тогда, когда окончательно устанавливаются социалистические производственные отношения, кое у кого еще сохраняются, а то и воспроизводятся индивидуалистические привычки, стремление поживиться за счет других, за счет общества. Все это, пользуясь терминологией Маркса, последствия отчуждения труда, и они не улетучиваются автоматически и вдруг из сознания, хотя само отчуждение уже ликвидировано», — писал Ю. В. Андропов¹⁵.

Подобные проявления чаще всего выражаются в самоустрашении рабочих и служащих от контроля над процессом труда, слабом контроле руководителей за конечными результатами производства, самоотчуждении от труда отдельных несознательных работников. Все это порождает ряд противоречий между субъектами производственных процессов, между текущими и перспективными, местными, ведомственными и общенародными интересами, которые разрешаются марксистско-ленинской экономической политикой.

В условиях развитого социализма система противоречий состоит из противоречий развития и роста производительных сил, производственных отношений, экономического базиса социализма, социалистической надстройки, формирования нового типа личности.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 431.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 88.

¹⁵ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3, с. 12.

В. И. Ленин отличал противоречия, унаследованные от прошлого, от противоречий, возникающих в процессе развития социализма. Борьбу противоположностей при социализме он связывал, в частности, с возрастанием сложности его управленческого и хозяйственного механизма. Подобные противоположности, например между планом и диспропорциями производства, оплатой и нормированием труда, неоптимальное соотношение между потреблением и накоплением создают реальные предпосылки для возникновения неантагонистических противоречий.

Поэтому необходимо помнить, что такого рода противоречия оказывают влияние на возникновение и развитие экономической обстановки в различных регионах нашей страны.

Учитывая это, можно отметить некоторые отличительные признаки экономической обстановки. Это прежде всего процесс, возникающий в результате взаимодействия субъектов деятельности. В процессе труда субъекты вступают в противоречивые отношения, которые в зависимости от способа производства могут быть антагонистическими или неантагонистическими. В процессе возникновения, развития экономической обстановки взаимодействуют только две стороны: капиталист — рабочий, руководитель — подчиненный и т. д. Разрешение противоречий между этими сторонами осуществляется в процессе трудовой деятельности. Следовательно, *экономическая обстановка — это процесс разрешения противоречий антагонистического и неантагонистического типа в трудовой деятельности.*

Политическая обстановка. Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы подчеркивает взаимосвязь и взаимовлияние экономики и политики. Важнейшей закономерностью подобного взаимодействия является приоритет политики над экономикой. «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»¹⁶.

Политика — это деятельность, направленная на защиту интересов того или иного класса, на завоевание и сохранение государственной власти, на ее использование в интересах соответствующего класса. «Политика, — писал В. И. Ленин, — есть отношение между классами...»¹⁷, «есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»¹⁸. Политика охватывает также взаимоотношения между социальными группами, нациями, государствами. Первичным, определяющим моментом, который выделяет политику как самостоятельную сферу общественной жизни, являются отношения между классами по поводу

государственной власти. В политику в широком смысле включаются политические отношения, государство со своими институтами, партии.

Политические отношения складываются и проявляются в деятельности политических партий, государства и его институтов, которые соответствуют политическим идеям, интересам класса. Специфика политических отношений состоит в том, что они непосредственно воплощаются в политической деятельности, борьбе, существование без которых объективно невозможно.

В современных условиях принцип первенства политики над экономикой требует решать производственные задачи с точки зрения общегосударственных, а не местных или ведомственных интересов, с точки зрения общенародных целей экономической политики партии. Данный принцип требует недопущения нарушений государственной плановой дисциплины, договорных обязательств платежей, поставок и т. д. Если принцип не соблюдается и производственный, хозяйственный подход приходит в противоречие с политическим, преобладает над ним, это неизбежно влечет за собой и экономический ущерб, и неоправданные осложнения политической обстановки в регионе.

Первенство политики над экономикой отражает сложную диалектику общественной жизни и исключает ее двойственное толкование. Метафизический подход проявляется в тех случаях, когда забывается связь политики с экономикой, когда политические отношения, а значит, и борьба объявляются исходными, объективными и независимыми явлениями. Отличительным признаком политической обстановки является противоречивое взаимодействие между субъектами государства и отдельными лицами, группами по поводу власти, а это означает, что если отдельные лица, группы лиц нарушают законы, предписания, постановления, решения, принятые государством, то они в определенной степени оказывают влияние на политическую обстановку¹⁹. Кроме того, на политическую обстановку могут оказывать влияние взаимоотношения классов и партий, партий и их лидеров на международной арене.

Следовательно, *политическая обстановка — это процесс возникновения, развития, разрешения противоречий антагонистического и неантагонистического типа между субъектами государства либо субъектами межгосударственных отношений по поводу власти.*

¹⁹ Так, например, А. П. Бутенко замечает, что при политическом кризисе значительная часть трудящихся «отказывает управляющей политической организации общества (таким ключевым звеньям, как партия и государство) в своей поддержке, так или иначе выражает несогласие с осуществляемой в стране политикой, проявляет недовольство ею и тем самым не позволяет политической системе успешно осуществлять свои функции» (Бутенко А. П. Противоречия развитого социализма как общественного строя. — Вопросы философии, 1982, № 10, с. 18).

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 72.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 340.

Идеологическая обстановка. Идеологическая деятельность осуществляется в процессе функционирования идеологических отношений, которые в отличие от материальных складываются под влиянием воли и сознания людей. Материальные, экономические отношения, присущие тому или иному типу государства, закрепляются в правовых нормах, отражающих интересы господствующего класса. Как писал В. И. Ленин, социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы, и в классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, вносятся идеологами. При этом необходимо подчеркнуть тесную взаимосвязь между экономикой, политикой и идеологией, оказывающей существенное влияние на возникновение и развитие соответствующих обстановок. В. И. Ленин отмечал, что экономика — это самая интересная политика, в решении хозяйственных проблем которой «будет играть все возрастающую, громадную роль агитация и пропаганда»²⁰. Материальной основой идеологической деятельности является система экономических отношений, которые образованы классами — носителями соответствующих идеологий.

Ведущими выразителями идеологии становятся партии, которые, являясь авангардом того или иного класса, организуют борьбу с противостоящим классом или партией. Для идеологической обстановки характерны те же признаки, что и для экономической, политической обстановки. Это тоже процесс, возникающий в результате противоборства классов, партий, социальных групп. Кроме того, данный процесс зависит от системы взглядов и идей: политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных²¹, философских, присущих классам, группам, отдельным лицам.

Противоречия, возникающие между взглядами, идеями отдельных личностей и их действиями, направленными против политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских идей²² государства, образуют движущие силы (причины) возникновения и развития идеологической обстановки. Именно противоречия между взглядами и действиями являются отличительной чертой идеологической обстановки, потому

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 407.

²¹ Так, опыт социалистического строительства показывает, что периоды кризиса в отдельных странах, оживления контрреволюционных элементов (Венгрия — 1956 г., Чехословакия — 1968 г., Польша — 1981 г.) характеризуются значительной активизацией клерикальных сил, которые активно используют зарубежными империалистическими кругами (см.: Мчедлов М. Религия, церковь, политика. — Коммунист, 1982, № 14, с. 100).

²² В данном случае сюда включаются и религиозные идеи государства. Под этим понимаются такие религиозные идеи, которые не запрещены государством.

что степень распространения идей, идеалов в определенном классе общества не ограничивается только формированием сознания, она предусматривает соединение его с практической деятельностью, с выработкой мотивов социального поведения. Эти идеи — не только для класса в целом, но и для всех слоев общества и отдельных личностей. «Интересы общества в целом, — писал Ю. В. Андропов, — важнейший ориентир для развития экономики, опирающейся на социалистическую собственность. Но отсюда, разумеется, не следует, что во имя идеи общего блага социализм будто бы подавляет или игнорирует интересы личные, местные, специфические потребности различных социальных групп. Вовсе нет. «Идея», — как подчеркивали Маркс и Энгельс, — неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 89)»²³.

Таким образом, *идеологическая обстановка — это процесс возникновения, развития, разрешения противоречий между идеями государства и действиями отдельных лиц, направленными против этих идей.*

Исходя из указанных трактовок экономической, политической, идеологической обстановок, можно попытаться сформулировать механизм их возникновения и взаимосвязи с оперативной обстановкой. В качестве гипотезы и с учетом конкретно-исторического анализа указанных разновидностей обстановок можно предположить, что исторически первой возникла экономическая обстановка в экономической борьбе пролетариата. Она сформировала классовый интерес, сознание²⁴. С этого момента образуется идеологическая обстановка. Дальнейшее развитие борьбы, осознание пролетариатом необходимости борьбы за власть создают предпосылки для возникновения политической обстановки, являющейся высшим проявлением классовой борьбы.

В современных условиях развитие экономической, политической, идеологической обстановок приобретает несравненно более сложные и многообразные формы в каждом конкретном государстве, а также в межгосударственных отношениях.

Если в период возникновения первого социалистического государства классовая борьба определялась отношениями между Советским государством и капиталистическими странами, то с развитием мировой системы социализма она охватила отношения между группами стран. В этих условиях отношения между классами все более приобретают характер межгосударственных отношений. Противоречия как движущие силы подоб-

²³ Андропов Ю. В. Цит. раб., с. 12.

²⁴ Показательны в этом смысле слова К. Маркса: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы... эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 183).

ных отношений приобретают несколько иной характер. Государство, выступающее как основное орудие политической власти в классовом обществе, становится стороной классовой борьбы. Оно обладает конкретными потенциалами и стремится добиться превосходства в единоборстве с противоположной стороной в силу антагонистических классовых интересов.

Потенциалы государства — это прежде всего экономические возможности государства, средства, запасы, источники, научно-технические достижения, изобретения, дающие государству качественно новые средства борьбы. Кроме того, сюда могут быть отнесены: количество и качество сил, средств, их дислокация в особый период, их организация и управление, развертывание и другие важные составляющие противоборства. Они могут быть экономическими, политическими, военными, географическими, экологическими, научно-техническими и т. д.

Каждая из сторон обеспечивает безопасность своих потенциалов с помощью системы мер государства и системы специальных органов, реализующих данные меры.

Наличие потенциалов у государства порождает потребность обезопасить и сохранить их в тайне от противоположной стороны. С этой целью оно использует как легальные, так и нелегальные формы, методы и средства противоборства²⁵. Например, страны социалистического содружества, обладающие мощным совокупным потенциалом, обеспечивают свою безопасность с помощью легальных и нелегальных сил, форм, методов и средств. Государства блока НАТО для достижения превосходства стремятся проникнуть к потенциалам прежде всего стран Варшавского Договора, других государств либо всякими способами подорвать их. Поскольку потенциалы тщательно скрываются и составляют государственную тайну, проникновение к ним возможно только с помощью тайных, нелегальных, специальных форм, методов, а их подрыв — нелегальными и легальными средствами.

Конкретно-исторический анализ классовой борьбы свидетельствует, что каждая из противоборствующих сторон имеет отдельных лиц, небольшие группы людей, которые, разделяя взгляды противоположной стороны, в принципе могут выполнять задания по проникновению к тайнам потенциалов либо их подрыву²⁶. Их можно назвать потенциальной агентурой. «...Формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям, — писал В. И. Ленин, — несколько не устраняет того, что они являются — объективно — политическим отрядом буржуазии, проводниками

²⁵ О легальных и нелегальных формах борьбы, их особенностях и необходимости сочетания см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 196—197; т. 19, с. 198—201; т. 22, с. 176—185; т. 44, с. 56; т. 46, с. 55—56.

²⁶ Мотивы действий подобных лиц могут быть как осознанными, так и неосознанными.

ее влияния, агентами ее в рабочем движении»²⁷. Подобные лица объективно обладают возможностями оказывать помощь противнику²⁸.

Объективно наличие потенциальной агентуры дает возможность противнику искать подобных лиц, с тем чтобы установить с ними контакт, завербовать и с их помощью осуществить подрыв либо проникнуть к тайнам потенциала. С другой стороны, страны вероятного противника в силу своей классовой обособленности и самостоятельности уже имеют готовый аппарат подрыва Советского государства.

Возникает противоречие между возможностями вероятного противника установить агентурные отношения с лицами, имеющими отношение к потенциалам, либо подорвать их и способностью государства противостоять подобным попыткам. Разрешение этого противоречия может осуществляться через установление противником контакта с потенциальной агентурой путем ее вербовки, с одной стороны, и созданием агентурных позиций нашей разведки или контрразведки — с другой.

Происходит перемещение центра тяжести борьбы из легальной сферы в нелегальную²⁹. Это накладывает свой отпечаток на специфику возникающих в подобном случае отношений. С момента вербовки противник устанавливает агентурные отношения, которые, с одной стороны, связывают его с агентом, а с другой — с потенциалом или государственной тайной потенциала. Возникают сложные и противоречивые по своей сути отношения между потенциалом и противником.

С учетом того что отношения — это всегда социальные связи, которые опосредованы продуктами человеческой деятельности, «социальными предметами», можно сказать, что в агентурных отношениях они выступают в виде информации о потенциале, расстановке сил и средств в нелегальной борьбе либо в виде признаков воздействия, подрыва государства.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 252.

²⁸ Под противником понимается система государств, государство, класс, слой, группа, отдельные лица, которые обязательно находятся в антагонистических отношениях с Советским государством, всей системой стран социалистического содружества. При реализации противником своего классового интереса возникает соединение антагонистического содержания с неантагонистической формой развертывания противоречий, в результате которого образуются внешне безобидные, в рамках закона действия противника, не имеющие ярко выраженной подрывной направленности.

²⁹ Следует иметь в виду, что в данном случае рассматривается объективное развитие оперативной обстановки без вмешательства субъектов в лице государства, его институтов, организаций, личностей.

Безусловно, подобное развитие невозможно при активном стремлении, например, спецслужб противника оказать влияние на оперативную обстановку в своих интересах. В этом случае противоречия могут приобретать более запутанный характер.

Таким образом, *оперативная обстановка* — это состояние процесса разрешения противоречий в определенный момент времени и на конкретной территории при проникновении противника к тайнам потенциалов Советского государства либо его подрыве.

Из определения следует, что оперативная обстановка объективно возникает в тот момент, когда на конкретной территории находится противник, стремящийся к информации о потенциале или его подрыву. Однако в действительности дело обстоит несколько сложнее.

Известно, что противник стремится добиться превосходства в борьбе, но не всегда ясно, где, когда и каким образом. Возникает очень сложная задача предвосхищения, прогнозирования деятельности противника в условиях неопределенности знаний о нем. Подобную задачу возможно решить только комплексно.

Рассматривая оперативную обстановку с позиций общего, особенного, единичного, следует отметить, что классовая борьба выступает как всеобщее явление социальной действительности и в отдельно взятой стране, и на межгосударственном уровне. Она характеризуется определенной расстановкой классовых сил, партиями, идеологией, потенциалом и т. п.

Особенные моменты классовой борьбы выражаются через процессы развертывания политической, экономической, идеологической обстановок.

Единичное (уникальное, неповторимое) выражается через оперативную обстановку, которая несет в себе моменты всеобщего и особенного. Это согласуется с диалектикой современного развития классовой борьбы. Следовательно, оперативная обстановка является производным моментом классовой борьбы, ее единичным проявлением. Она всегда конкретна, единична в определенном пространстве и времени. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо выделять причины (иначе говоря, факторы) возникновения оперативной обстановки. Если исходить из того, что она является процессом, необходимо признать следующее. Любая деятельность, складывающаяся из подобных процессов, не может производить продукты своей деятельности мгновенно. Поэтому требуется определенное время для их возникновения. Она развертывается, достигает своего наивысшего состояния и наконец спадает, постепенно убывая. Так, оперативная обстановка может развиваться согласно указанным видам состояния. Их можно обозначить следующим образом: возникновение (зарождение) оперативной обстановки; развитие (развертывание) оперативной обстановки; кризис (напряженность)³⁰ оперативной обстановки; спад оперативной обстановки.

³⁰ См.: Глухов В. А. Некоторые вопросы оценки подрывной деятельности противника в системе оперативной обстановки. — В сб.: Актуальные проблемы информационной работы контрразведывательных аппаратов органов КГБ. М., изд. ВШ КГБ, 1976, с. 334.

Возникновение оперативной обстановки — это момент зарождения противоречий (возникновения факторов) экономической, политической и идеологической обстановок. Данные противоречия развертываются в систему противоречий по поводу проникновения в тайну потенциала или подрыва потенциала, между государством и противником.

Развитие оперативной обстановки — это продолжающееся углубление противоречий указанных обстановок. Оно характеризуется появлением новых факторов и условий оперативной обстановки. Они как бы «накапливаются» в процессах экономической, политической, идеологической обстановок, достигая определенного предела.

Кризис оперативной обстановки — это момент максимального обострения противоречий, при котором происходит смена власти, изменение экономической основы государства, нелегальные силы и средства противника переходят на легальное положение, возникает так называемая революционная или контрреволюционная ситуация. (Пример — события в Чили, Португалии, Венгрии, Чехословакии, Польше.)³¹

Спад оперативной обстановки — это момент естественного или искусственного разрешения противоречий обстановки. В этом случае, например, социалистическое государство, получив информацию о возникновении или развитии оперативной обстановки, локализует противоречия в свою пользу, влияет на факторы и условия таким образом, чтобы упреждать противника в его действиях.

Спад оперативной обстановки, очевидно, и представляет собой наиболее стабильное ее образование, которое присуще ей в течение длительного времени.

Любое явление, возникающее в процессе классовой борьбы, в том числе и оперативная обстановка, подчиняется закону причинности, и всякое ее изменение требует познания причин возникновения той или иной обстановки. Если эти причины будут известны органам государственной безопасности, они смогут прогнозировать следствия подобных причин.

Научное объяснение факторов, которые в нашем случае выступают как причины (движущие силы процессов оперативной обстановки), позволяет выделить ряд следствий. Многочисленные следствия действия каждого фактора и являются теми условиями, которые в настоящее время учитываются в справках об оперативной обстановке. Построение альтернативных моделей условий будущей оперативной обстановки создает необходимые предпосылки для управляющего воздействия органов

³¹ См.: Хохлюк Г. С. Уроки борьбы с контрреволюцией. М., Мысль, 1981.

государственной безопасности на развитие оперативной обстановки.

Указанные обстоятельства создают основу для формулирования концепции прогнозирования оперативной обстановки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что прогнозирование оперативной обстановки предназначено для оказания управляющего воздействия на противника с целью ослабления его потенциала и нейтрализации подрывных устремлений к Советскому государству.

Реализация данной концепции представляет собой самостоятельное направление как теоретической, так и практической деятельности органов КГБ. В современных условиях разработка этого направления предоставит в распоряжение органов КГБ дополнительные возможности для обеспечения государственной безопасности СССР и других стран социалистического содружества.

Анализ зарубежной литературы показывает, что к подобного рода исследованиям противник активно приступил примерно с 1958 года. Им накоплен достаточно большой опыт в проведении так называемых «политических игр», «имитации мировой политики», «свободных военных игр без применения ЭВМ», «военно-политических учений», «математических моделей конфликтных ситуаций» и т. п.³², где вопросам прогнозирования оперативной обстановки отводится значительное место.

Совершенно очевидно, и политические события ряда последних лет это доказывают, что противник, видимо, смог разработать удачные модели прогнозирования, с помощью которых ему удается контролировать оперативную обстановку в некоторых районах земного шара.

В Советском Союзе проблемам прогнозирования всегда уделялось и в настоящее время уделяется большое внимание. Прогностические исследования международных отношений ведутся в Московском государственном институте международных отношений, Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, Институте США и Канады АН СССР и в ряде других научных учреждений³³. Это позволяет сделать достаточно оптимистический вывод о том, что теоретическая база для проведения в КГБ СССР исследований по проблеме прогнозирования оперативной обстановки получает достаточно серьезную основу.

³² См.: Прогнозирование научно-технического прогресса за рубежом. — Информационный бюллетень, № 1(4), с. 90, 105, 121; Саати Т. Л. Математические модели конфликтных ситуаций. М., Советское радио, 1977, и др.

³³ См.: Рабочая книга по прогнозированию. М., Мысль, 1982, с. 362; Комплексный прогноз экономического, социального и политического развития Азии и Северной Африки до 2000 года. М., 1981, вып. 1, с. 14.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие предварительные выводы.

Оперативная обстановка, понимаемая как момент классовой борьбы на конкретной территории, заставляет по-иному взглянуть на ее природу и сущность, причины возникновения и развития, а также на ее место в ряду специально-научных понятий теории советской контрразведки. Как категория оперативная обстановка принадлежит не только теории советской контрразведки, но и теории обеспечения государственной безопасности, помогает понять и представить деятельность различных государственных органов и учреждений как единый процесс. Она становится звеном, связующим теорию обеспечения государственной безопасности с теорией контрразведывательной деятельности, с проблемами контрразведывательного обеспечения особо важных объектов, контрразведывательного поиска, охраны государственной границы³⁴, охраны общественного порядка и др.

Оперативная обстановка образуется из двух, а не более сторон — государства (системы государств) и противника. Именно противоречивое взаимодействие этих двух элементов становится источником возникновения и развития оперативной обстановки. Современное понимание оперативной обстановки как взаимодействия трех элементов, а именно: органов контрразведки, противника и среды (объектов обеспечения), недостаточно точно отражает сущность явления. При таком подходе получается, что государство как целостное явление со своей собственной системой мер исключается из противоборства либо включается в сферу деятельности контрразведки через так называемую среду. Среда, а точнее негативная среда, может относиться к противнику, поскольку своими внешними проявлениями и внутренней сущностью она может относиться к «потенциальной агентуре». Кроме того, органы контрразведки уже сейчас чаще всего «работают» со средой как с противником, проводят в отношении среды мероприятия, операции, комбинации и т. п. Поэтому выделять среду в самостоятельный элемент вне связи с противником либо с собственными силами и средствами представляется нецелесообразным.

Исследование процесса противоборства органов государственной безопасности с противником с позиций марксистско-ленинского диалектического метода дает возможность понять глубинную сущность этого процесса и прогнозировать его развитие.

³⁴ См.: Методологические и социально-политические проблемы теории и практики охраны государственной границы СССР. — В кн.: Материалы научно-практической конференции. М., Воениздат, 1980, с. 17—18.

Вполне понятно, что сложность и многогранность затронутой проблемы, ограниченные возможности статьи не позволили осветить даже части вопросов, интересующих практику органов государственной безопасности, достаточно исчерпывающим образом, поэтому автор надеется вернуться к рассмотрению затронутых проблем в последующих работах.

*Рекомендована спецкафедрой № 1
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат юридических наук
подполковник В. И. Махинин*

Кандидат юридических наук, доцент
капитан 1 ранга В. П. Галицкий,
кандидат юридических наук, доцент
полковник Б. А. Мартянов

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ ПРОТИВ СССР
И ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ
ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ
В БОРЬБЕ С НЕЙ**

XXVII съезд КПСС обратил внимание партии и народа на то, что «империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику»¹. Существенную роль в обеспечении достижения целей этой политики играет психологическая война, которая является особой формой агрессии, прямой политико-психологической подготовкой к войне².

Организаторами психологической войны выступают военно-промышленный комплекс США, пропагандистские службы империализма, прежде всего ЮСИА, а исполнителями — многочисленные правительственные ведомства, включая государственный департамент и особенно ЦРУ и РУМО³.

Исследования показывают, что психологическая война ведется противником как в мирное, так и в военное время. В условиях мирного времени противник рассматривает психологическую войну как основное средство оказания давления на политическое руководство стран социалистического содружества для принятия выгодных для себя политических решений и идейно-политического разложения социалистических стран изнутри⁴. В этом плане особое значение приобретает ее идеологический аспект, реализуемый средствами и методами идеологической диверсии.

Советские ученые дают всесторонний классовый анализ психологической войны империализма, ориентируют на теоретиче-

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 13.

² См. там же, с. 111—112.

³ Аппарат психологической войны в послевоенный период был сформирован Г. Трумэном (межведомственный комитет при президенте по вопросам психологической войны) и Д. Эйзенхауэром (комитет по координации операций). В 1961 г. Д. Кеннеди создал группу на правах министерства «по подготовке программы ведения психологической и политической войны» (см.: Хачатуров К. А. Идеологическая экспансия США в Латинской Америке. М., Международные отношения, 1978, с. 70).

⁴ См.: Григорьянц А. Г. «Психологическая война» и современная культура. М., Московский рабочий, 1985, с. 7.

скую и практическую борьбу против психологической войны по всем направлениям — от экономики и политики до идеологии и культуры. В широком смысле слова психологическая война есть система действий, связанных с непрерывным, всесторонним, скоординированным и целенаправленным использованием лжи и демагогии, экономического, дипломатического и иного давления, разведывательно-диверсионных акций и провокаций, военных маневров и локальных вооруженных операций, рассчитанных на демонстрацию силы и соответствующее воздействие на сознание и поведение граждан социалистических государств.

В условиях военного времени собственно психологический аспект подрывного воздействия противника на личный состав войск и населения противоборствующей стороны приобретает ведущую роль, позволяя решать задачи по дезорганизации управления войсками, производством, срыву мероприятий, проводимых в тылу, и т. д. В этих условиях термин «психологическая война» в полной мере отражает сущность этого явления.

В последнее время исследованию вопросов ведения империализмом психологической войны против Советского Союза и других стран социалистического содружества советские ученые уделяли большое внимание. Результаты проведенных исследований отражены в ряде открытых и закрытых публикаций⁵. Определенный вклад в исследование данной проблемы внесли и чекисты⁶.

Анализ открытых и закрытых источников, посвященных исследованию психологической войны и борьбе с ней⁷, позволил

⁵ См.: Волкогонов Д. А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., Воениздат, 1983; Феденко Н. Ф. Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. М., изд. ВПА им. В. И. Ленина, 1981; Бобков А. Ф. Психологическая война империалистических государств против стран социализма и пути борьбы с подрывной пропагандой противника. Канд. дис. М., 1967 (ВПА им. В. И. Ленина); Панфилов А. Ф. Радио США в психологической войне. М., Международные отношения, 1967; Григорьянц А. Г. «Психологическая война» и современная культура. М., Московский рабочий, 1985; Кашлев Ю. Б. Идеологическая борьба и «психологическая война». М., Политиздат, 1986, и др.

⁶ См.: Бобков Ф. Д., Сидоренко А. Г. Общая характеристика идеологической диверсии империалистических государств против СССР. М., изд. ВШ КГБ, 1976; Авдеев Ю. И. К вопросу о развитии понятийного аппарата специальной дисциплины 5.—Труды ВШ КГБ, 1984, № 32; Назаров В. В. Идеологические диверсии империалистов в военное время и борьба с ними органов государственной безопасности СССР. Монография. М., изд. ВШ КГБ, 1972; Цветков А. И. Борьба советских органов государственной безопасности с идеологическими диверсиями противника в особый период и во время войны. Лекция. М., изд. ВШ КГБ, 1983, и др.

⁷ Авторами проанализировано более 100 фундаментальных открытых и закрытых источников по вопросам борьбы с подрывной деятельностью противника в области идеологии и общественного сознания, а также более 50 зарубежных источников по вопросам ведения противником психологической войны.

сделать выводы, во-первых, о наличии существенных различий в сущности понятий «психологическая война» и «идеологическая диверсия», во-вторых, о недостаточно четком определении роли и места (в настоящее время) советской контрразведки в борьбе с акциями психологической войны не только в мирное время, но и прежде всего в особый период и в военное время, когда противником будут полностью задействованы все силы и средства психологической войны и ее масштабы резко увеличатся.

Учитывая вышеизложенное, а также то обстоятельство, что агрессивные круги империалистических государств создали достаточно мощный аппарат психологической войны для использования не только в мирное время, но и в особый период и в военное время, представляется целесообразным рассмотреть, какой характер носит психологическая война империализма и какими силами и средствами она ведется.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции буржуазные теоретики приложили много сил для выработки мер идеологической борьбы с идеями социализма и коммунизма. Выводы буржуазных теоретиков о значении агитационно-пропагандистской работы для обеспечения успеха военно-политических акций были учтены в дальнейшем и нашли практическое выражение в организации соответствующих подразделений и служб ведения психологической войны в предвоенный период и особенно в годы второй мировой войны⁸.

Оценив возможности психологической войны после второй мировой войны, империалистические круги капиталистических стран включили в свои пропагандистские арсеналы это новое оружие.

В Соединенных Штатах переключение психологической войны в разряд специального оружия завершилось в 1952—1953 годах⁹.

Анализ источников по вопросам психологической войны показывает, что психологическая война, которую ведут США, представляет собой планомерное использование пропаганды и

⁸ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., Наука, 1967, с. 300—301; Техника дезинформации и обмана. М., Мысль, 1978, с. 212—238; Селезнев И. А. Война и идеологическая борьба. М., Воениздат, 1964, с. 50; Беглов С. И. Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., Высшая школа, 1984, с. 71.

⁹ К этому времени «тайная война», которую вели США против социалистических стран, достигла громадного размаха. Кроме различных радио-организаций («Голос Америки», «Радио «Освобождение», «Радио «Свободная Европа» и др.) на правительственные средства была по линии ЦРУ создана разветвленная сеть специальных центров и школ, целью которых являлись не только подрывная пропаганда, но и шпионаж и диверсии. Официально это не именовалось «тайной войной». Этому было придумано благозвучное наименование «кампания правды». Эта «кампания» стала крупнейшей операцией в психологической войне США против мира социализма (см.: Панфилов А. Ф. Радиовойна: история и современность. М., Искусство, 1984, с. 76).

других средств массовой коммуникации для воздействия на мнения, настроения, чувства и поведение противной стороны с целью заставить ее действовать в интересах американской нации. Это комплекс действий, обеспечивающих достижение нужных политических целей во время войны и в мирное время. В военное время основной целью психологической войны является оказание влияния на взгляды, настроения, ориентацию и поведение войск и населения противника, население нейтральных или союзных стран, с тем чтобы содействовать осуществлению государственных целей и задач. При этом основная цель содержит в себе ряд важных с точки зрения участия советской контрразведки в борьбе с психологической войной противника подцелей, а именно:

снизить боеспособность противоборствующей стороны путем использования уязвимых мест в политике, экономике, социальном строе, военном деле и моральном состоянии;

провести организационные административно-политические мероприятия на оккупированной территории, установить контроль за поведением населения на ней и склонить его к сотрудничеству с созданным административно-управленческим аппаратом;

активно воздействовать на взгляды, настроения, ориентацию и поведение личного состава вооруженных сил и населения страны противника, с тем чтобы привести его к поражению.

Одним из главных объектов их подрывной деятельности являются Советские Вооруженные Силы. При проведении акций и операций психологической войны против личного состава Вооруженных Сил СССР наш вероятный военный противник предполагает решить в военное время следующие основные задачи:

максимально дезорганизовать управление войсками противной стороны, обеспечив этим эффективность действий собственных вооруженных сил;

создать наиболее благоприятные условия для проведения всех форм подрывной деятельности специальными службами.

Выполнение этих задач противник стремится осуществлять путем побуждения советских граждан и военнослужащих к уклонению от службы в армии и участия в боевых действиях (в форме перехода на сторону врага, симуляции болезней, дезертирства, членовредительства, добровольной сдачи в плен); формирования недоверия к командирам и к боевым возможностям Вооруженных Сил СССР; стимулирования неверия в справедливый характер войны со стороны СССР и возможность победы в современной войне.

Для решения этих задач предполагается использовать комплекс сил и средств как войсковых, так и специальных подразделений, с помощью которых будут проводиться акции по подготовке и распространению газет, брошюр, журналов, листовок, акции радиопропаганды, распространение панических слухов с

помощью специально подготовленной агентуры, диверсионно-разведывательных групп, забрасываемых в тыл советских войск.

Анализ работ теоретиков и идеологов психологической войны (например, Лайнбарджера, Догерти, Яновича, Фуллера, Мартолина, Лернера, Скотта, Фараго, Дейера, Шрамма, Баррета, Кроссмена, Фрезера, Кана, Эндрюса, Мегре и других) показывает, что сущность, цели, задачи, содержание, основные направления, принципы, формы и методы психологической войны в настоящее время в основном сохраняются. Вместе с тем отмечается более сдержанное отношение к оценке возможностей психологической войны, ее результативности, отказ от абсолютизации этой комплексной формы подрывной деятельности против социалистических стран как в обстановке относительно стабильных международных отношений, так и в условиях ведения войны. Это находит свое выражение даже в том, что в последнее время противник отказывается от термина «психологическая война», заменяя его термином «психологические операции». Причиной этого выступает желание западных идеологов психологической войны скрыть агрессивную сущность буржуазной пропаганды, слишком явно выражающуюся в термине «психологическая война»¹⁰. Более глубокой причиной, на наш взгляд, является понимание противником того, что решить все проблемы политического противоборства с социализмом в современных условиях только силами и средствами психологической войны невозможно. Это, в частности, наглядно показывает провал попыток противника создать в нашей стране организованную и управляемую извне политическую оппозицию и с ее помощью реализовать идею о переносе центра тяжести политической борьбы внутрь нашего общества, на территорию СССР.

Понимание необходимости применения комплекса средств для достижения своих политических целей на современном этапе и тем более в ходе возможной будущей войны привело противника к выводу о том, что акции психологической войны лишь важнейший элемент обеспечения и повышения эффективности боевых операций в ходе войны, отсюда и более сдержанное и более точное определение этих акций — психологические операции.

Методологической основой борьбы с психологическими операциями противника являются положения В. И. Ленина о формах классовой борьбы (политическая, экономическая и теоретическая)¹¹ и выводы марксистско-ленинской науки о том, что в войне кроме вооруженных форм борьбы используются также экономическая, дипломатическая формы¹². Все эти формы борьбы взаимосвязаны между собой и служат достижению единой

¹⁰ См.: Тараканов В. Части и подразделения психологических операций США.— Зарубежное военное обозрение, 1981, № 8, с. 11.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

¹² См.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., Воениздат, 1965, с. 40.

военно-политической цели — полному разгрому противника. Психологические аспекты присутствуют в каждой из названных форм. Их значение и вес в мирное и военное время различны. Так, если в мирное время одним из основных элементов психологической войны является идеологическая диверсия и психологические операции противника, которые направлены на повышение эффективности враждебного идейно-политического воздействия на население и вооруженные силы стран социалистического содружества, как, например, это имело место в период известных событий в ЧССР и ПНР, то в условиях войны психологические операции будут использоваться для обеспечения и повышения эффективности вооруженных форм борьбы.

С учетом этого, по нашему мнению, неправомерно ограничивать психологические операции только рамками идеологической диверсии и тем более подрывной пропаганды. Полное совмещение понятий «психологические операции» и «акции идеологической диверсии» приведет к исключению из структуры этих операций всех осуществляемых неречевыми средствами подрывных действий военного, экономического и политического характера, которые, по мнению идеологов психологических операций, составляют существенную их часть¹³. Это в свою очередь затруднило бы разработку научно обоснованных мер борьбы как со всеми силами и средствами, так и с акциями не только идеологической диверсии, но и психологической войны. В частности, командование вооруженных сил империалистических государств планирует в военное время широко прибегать к запугиванию военнослужащих армий социалистических стран атомным и другим оружием массового поражения. При этом предполагается оказывать сильное воздействие на механизмы психологической защиты личности, и прежде всего на эмоции и волю. Идеологический элемент воздействия в данном случае может и не присутствовать. Несмотря на это, подобные действия следует относить к подрывным, так как они специально направлены на стимулирование негативных, а иногда и прямо враждебных действий.

Исходя из вышеизложенного, авторы считают, что понятие «психологическая война» значительно шире, чем понятие «идеологическая диверсия», и соответственно понятие «психологическая операция» шире понятия «акция идеологической диверсии».

Понимание психологической войны или психологических операций как широкого комплекса различных методов и средств воздействия на личность, малые или большие группы людей имеет не только теоретическое, но и прежде всего практическое значение. Для эффективного противодействия психологическим операциям противника нельзя ограничиваться только борьбой

¹³ См.: Лайнбарджер П. Психологическая война. М., Воениздат, 1962, с. 67.

с идеологической диверсией (то есть на уровне общественного сознания). Необходимо, чтобы идейно-психологическая подготовка советских людей, и прежде всего личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, велась на основе научно обоснованной системы мер борьбы против всех сил и средств психологической войны, в том числе и тех, воздействие которых распространяется в основном на чувственную и эмоциональную сферу психики человека.

Для подтверждения этого можно сослаться, например, на то, что организаторы психологической войны готовятся в значительных масштабах прибегать к такому средству подрыва морального духа советских войск, как создание паники и формирование изменнических намерений. Борьба с паникой (прежде всего выявление лиц, распространяющих панические слухи и создающих предпосылки к возникновению паники) и изменническими намерениями является одной из задач советской контрразведки в военное время.

По своей сущности паника является специфической формой переживания чувства страха вследствие действия инстинкта самосохранения¹⁴. Объективной основой проявления этого инстинкта является опасность, этот постоянный спутник войны. «Стихия войны, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностями»¹⁵.

Совершенно очевидно, что условия современной войны по силе воздействия на психику людей значительно превзойдут все то, что встречалось в прошлом¹⁶. Это обстоятельство, с одной стороны, усиливает возможности психологических операций, а с другой стороны, обязывает оперативный и руководящий состав советской контрразведки уже сейчас, в мирное время, уделять больше внимания вопросам психологической подготовки агентов органов КГБ, доходчиво разъяснять им их роль и место в борьбе с паникой, ее пагубные последствия на войне, причины ее возникновения и возможные способы ее умышленного создания противником через свою агентуру или с помощью технических средств, эффективные способы ее обнаружения на ранней стадии и пресечения в боевой обстановке. В данном случае речь идет о формировании у агентов определенного отношения к такому опасному способу психологических операций противника, каким является создание паники.

¹⁴ См.: Военная психология. Учебное пособие. М., изд. ВПА им. В. И. Ленина, 1978, с. 267.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 210.

¹⁶ Подробнее см.: Фронтовые наступательные операции. Учебник. М., изд. Военной академии ГШ ВС СССР, 1974, с. 4, 340; Советская военная стратегия. Учебник. М., изд. Военной академии ГШ ВС СССР, 1976, с. 18, 340—343, 349—359.

Надо признать, что приемы создания паники в ходе проведения противником психологических операций, их содержательная сторона практически не затрагивают область идеологии и не преследуют цель изменения идейных убеждений советских военнослужащих, хотя и создают условия для таких изменений у отдельных лиц в последующем.

Идеологическая диверсия — это форма подрывной деятельности противника, которой он подменил идеологическую борьбу против марксизма-ленинизма, стран социализма, международного коммунистического и рабочего движения, а также национально-освободительного движения.

Психологическая же война своими средствами и методами обслуживает не только идеологическую борьбу. В ходе войны империалистических государств против социалистических стран она обеспечивает как идеологическую, так и вооруженную борьбу, а в ходе войны между империалистическими странами — главным образом вооруженную борьбу. Так, в годы второй мировой войны психологическая война, проводимая фашистской Германией и Японией против США и Англии, фактически не затрагивала идеологической области¹⁷.

В планах американского империализма особое значение придается подготовке собственных вооруженных сил к проведению психологических операций, которые рассматриваются как составная часть боевой деятельности войск¹⁸. С учетом этого Пентагоном разработано специальное наставление ФМ 33—5 «Ведение операций психологической войны». В нем изложены подробные рекомендации, как побуждать солдат противника к сдаче в плен, дезертирству и мятежам, как разжигать у них недоверие к своему правительству и командованию, как вызывать сомнения в правоте целей войны и т. п.

Американское командование считает, что в условиях боевых действий с применением современных видов вооружения возможности психологической войны возрастают, и поэтому делает все, чтобы с помощью средств пропаганды увеличить эффект психологических операций.

Подготовка квалифицированных специалистов по ведению психологической войны осуществляется главным образом в американской школе «специальных методов войны», находящейся в Форт-Брагге (штат Каролина). Большое внимание подготовке кадров для органов и подразделений психологической войны

¹⁷ См.: Боевой устав армии США. Методы оперативных действий войск спецназначения. Пер. с англ. 1974. Спецфонд ВШ КГБ, 1979; Наставление армии США. Психологические операции, техника и тактика. М., изд. ГРУ ГШ ВС СССР, 1974, и др.

¹⁸ Служба радиовещания американских вооруженных сил является самой крупной в мире: министерство обороны США имеет в своем распоряжении 38 телевизионных и более 200 радиостанций (см.: Ярошенко В. Н. «Черный эфир». Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М., Искусство, 1986, с. 103).

уделяется также в ФРГ, Англии, Франции и других империалистических государствах. Осуществляются мероприятия по объединению усилий в этой области. С этой целью при штабе НАТО создан координационный центр по вопросам психологической войны. Страны — члены НАТО имеют план ведения психологической войны, представляющий собой комплекс подробно разработанных мероприятий и операций, которые они собираются проводить в ходе подготовки и ведения агрессивной войны против стран социалистического содружества¹⁹.

Теоретической основой психологической войны является современная буржуазная военная психология²⁰. Как составная часть буржуазной военной науки буржуазная военная психология опирается на философию идеализма, составляющую ее идейно-методологическую базу. Являясь отраслью буржуазной психологии, военная психология основывается на ее идейных и теоретических установках в исследованиях психологического аспекта проблемы строительства вооруженных сил империалистических государств.

Через военно-психологическую теорию реализуется требование подчинения психологической войны единой политической линии господствующего класса империалистических государств. Психологическая война используется реакционными политическими и военными кругами этих государств в интересах осуществления своей агрессивной политики. Она ведется вопреки всем международным нормам в мирное время и своим острием направлена против Советского Союза и других социалистических стран.

Научно-практическое исследование этих вопросов показывает, что в борьбе с операциями психологической войны, и прежде всего с такими их последствиями, как измена Родине в форме перехода на сторону врага, добровольная сдача в плен и т. п., важно учитывать, что буржуазные военные психологи, распространяя выводы других западных ученых-психологов (например, бихевиористов и др.) на область проведения операций психологической войны, разрабатывают соответствующий механизм морально-психологического воздействия на людей. При этом главную задачу они видят в том, чтобы «правильно» подобрать необходимые стимулы, которые вызывали бы наиболее эффективные с военной точки зрения реакции — действия или хотя бы эмоции. Поэтому не случайно специалисты по психологической войне придают особенно большое значение приемам и методам психологического воздействия в особый пе-

¹⁹ См.: Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. 2-е изд. М., Молодая гвардия, 1981, с. 28, 33, 49.

²⁰ О роли буржуазной военной психологии в ведении психологической войны подробнее см.: Феденко Н. Ф. Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. М., изд. ВПА им. В. И. Ленина, 1981.

риод. Уже в настоящее время руководители ЮСИА прямо заявили, что перед ними стоит цель придать своим акциям такое «новое качественное развитие, которое поставило бы их на уровень военных (разрядка наша.— Авторы) задач обеспечения безопасности Запада»²¹.

Большое значение в операциях психологической войны придается вербальным приемам психологической обработки военнослужащих армии противника, как наиболее дешевому и доступному способу воздействия, в котором можно максимально полно учесть особенности психологического склада военнослужащих противостоящей стороны.

В качестве примера эффективного применения слова в акциях психологической войны можно привести операцию американских подразделений психологической войны в годы второй мировой войны, направленную на подавление сопротивления подразделений японской армии. Для этого была разработана листовка, побуждающая к сдаче в плен. На ней был текст в виде призыва: «Я сдаюсь!» Ее распространение ожидаемого эффекта не дало. Исследование причин этого показало, что подобный призыв ассоциировался у японских солдат с изменой своему долгу. В соответствии с рекомендациями теоретиков и разработчиков операции новая партия листовок была подготовлена с несколько измененным призывом: «Я прекращаю сопротивление!» Эта несложная замена устранила препятствие психологического характера, и цель операции была достигнута²².

В соответствии с концепцией бихевиоризма, например, в таком сложном по своей идейно-психологической характеристике акте, как добровольная сдача в плен в условиях боя, решающим является не сознательный элемент в поведении человека, а стимул, вызвавший данную реакцию, то есть деятельность пропагандиста (распространителя информации). Вместе с тем добровольная сдача в плен является актом осознанным, заранее продуманным противоправным действием. Роль пропагандиста (стимулятора) — чаще всего агента противника — в данном случае сводится к тому, что он «помогает» преодолеть последние моральные препятствия перед совершением преступления, «помогает» найти наиболее приемлемое оправдание, сформировать мотив преступления.

Данное положение важно учитывать сотрудникам советской контрразведки, которые ведут борьбу с изменой Родине в форме перехода на сторону врага, с добровольной сдачей в плен, с иными преступлениями в боевых условиях.

С точки зрения советской психологии восприятие человека находится в определенной зависимости от эмоциональной силы

²¹ Цит по: Панфилов А. Ф. Радиовойна: история и современность. М., Искусство, 1984, с. 226.

²² См.: Опыт работы.— Бюллетень ГПУ ВС СССР, 1947, № 6(45), с. 9—11; Лайнбарджер П. Психологическая война, с. 296, 298.

того или иного образа, однако восприятие зависит и от предшествующей деятельности человека, накопленного им опыта, его классовой и профессиональной принадлежности. Поэтому несостоятельны попытки разработчиков и теоретиков психологической войны опираться на ранее созданные стереотипы, под которыми понимаются предвзятые мнения, ложные образы и т. д. В частности, американская пропаганда стремится создать у населения капиталистических стран ложный образ коммуниста, выставляя его как безнравственного, агрессивного человека, иностранного агента.

Еще в большей степени, чем концепции бихевиоризма, в психологической войне используются теоретические положения «глубинной психологии». В концепциях этого течения буржуазной психологии мы видим отступление от всех современных форм психики к примитивным, доисторическим (глубинным) ее основам, от социального к биологическому, от сознательного к бессознательному, инстинктивному. К «глубинным» психологам близко примыкают фрейдисты, социометристы, пытающиеся найти объяснение всем сторонам социальной жизни в скрытых эмоциональных отношениях людей.

Анализ советских источников по вопросам психологической войны²³ показывает, что на теоретических посылах бихевиоризма и «глубинной психологии» сложился ряд принципов психологической войны: учет особенностей объекта психологического воздействия (поиск слабого звена в моральном состоянии противника); правдоподобие как условие действенности пропаганды (определение путей и средств, исключающих возможность разоблачения лживости буржуазной пропаганды); многократность повторения пропагандистской идеи (навязывание человеку объективно чуждых и неприемлемых идей); показ объекту пропаганды путей действия (ослабление боевой активности солдата противника посредством указания путей удовлетворения простейших потребностей); предпочтительность эмоционального элемента в противовес содержательному (превращение активного психического состояния личности в пассивное путем активизации ее примитивных эмоций); выделение объектов ненависти и разжигание противоречий (воздействие на личность или коллектив через актуализацию тех потребностей, которые не должны или не могут быть удовлетворены его руководителями; маскировка мотивов пропаганды (отыскание путей и средств обхода классовой позиции объекта пропаганды в процессе воздействия).

²³ См.: Бобиков А. Ф. Психологическая война империалистических государств против стран социализма и пути борьбы с подрывной пропагандой противника. Автореф. канд. дис. М., 1967, с. 12 (ВПА им. В. И. Ленина); Белашенко Т. К. Содержание, организация и ведение «психологической войны» империалистическими армиями против социалистических стран (1965—1981 гг.). Канд. дис. М., 1982, с. 24—86 (ВПА им. В. И. Ленина), и др.

Рассмотрим наиболее важные из этих принципов.

По взглядам противника, в организации разведки для нужд психологической войны важное значение имеет принцип учета особенностей объекта психологического воздействия. Главное требование этого принципа состоит в учете прежде всего психологического состояния объекта воздействия в каждый конкретный момент, в стремлении выявить у него такие слабые стороны (нужда, тоска, сомнение, недовольство и т. п.), которые могли бы служить основой для подрыва его моральной стойкости. Иными словами, теоретики операций психологической войны ищут в человеке то, что может способствовать его моральному разложению и деградации как личности, призванной решать соответствующие задачи.

Принцип показа объекту пропаганды путей действия для достижения целей наиболее часто применяется при склонении отдельных лиц к измене Родине в форме перехода на сторону врага (в том числе и в вербовочной работе), добровольной сдаче в плен и т. п. В практике психологической войны он применяется как в мирное, так и в военное время. В частности, в период Великой Отечественной войны гитлеровская пропаганда, склоняя советских военнослужащих к переходу на сторону немецко-фашистских войск, не только убеждала их в целесообразности этого действия, но и рекомендовала способы, облегчающие его совершение²⁴. Аналогичным образом в мирное время действуют зарубежные антисоветские центры и организации, склоняя советских граждан к измене Родине в форме бегства за границу²⁵.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях проведение операций психологической войны, как правило, координируется между соответствующими ведомствами капиталистических государств, а также на уровне межгосударственных связей, в связи с чем они приобретают масштабы крупных пропагандистских кампаний, дополняемых операциями полувоенного характера, провокационными экстремистскими акциями разведывательных и контрразведывательных органов противника, подрывными акциями зарубежных центров идеологической диверсии.

В целях противодействия этим операциям необходимо, по нашему мнению, проводить контроперации, направленные на парализацию их действия. Опыт проведения таких контропераций у советской контрразведки имеется.

Так, в период второй мировой войны немецко-фашистской пропагандой у личного состава вооруженных сил Германии была выработана устойчивая установка страха перед советским пленом. Для нейтрализации данной установки органами спе-

²⁴ См.: Архив УКГБ СССР по Омской обл., ф. 40, оп. 14, д. № 596, ч. 4, л. 9.

²⁵ См.: Кустовцев Р. Нелегальные уходы из СССР.— Посев, 1978, № 7, с. 27—28.

циальной пропаганды Вооруженных Сил СССР при активном участии советской контрразведки в течение 1941—1943 годов была проведена огромная пропагандистская работа как среди военнопленных, так и среди личного состава армии фашистской Германии, в ходе которой было реализовано несколько пропагандистских операций²⁶. В послевоенный период широкомасштабная контрпропагандистская операция была проведена в период подготовки спецслужбами США и Англии операции по распространению так называемых «Записок Пенковского» и других антисоветских акций. Достаточно крупные идеологические (пропагандистские) операции с участием органов советской контрразведки проводились против бандформирований в РА в 1983, 1984 и 1985 годах²⁷. Опыт проведения пропагандистских операций в РА нуждается в глубоком исследовании.

Теоретики психологической войны большое значение придают листовкам как основной форме пропаганды и распространения своих идей. В целях повышения эффективности этой формы психологического воздействия ими было проведено специальное исследование. На основе психологического анализа поведения военнопленных и солдат во время второй мировой войны и войны в Корее американскими и английскими теоретиками психологической войны были детально разработаны требования прежде всего к листовкам с призывами к сдаче в плен. По их мнению, ценность любой листовки в конечном счете определяется тем, насколько ей удастся помочь солдату противника морально оправдать сдачу в плен в соответствии с его понятиями о воинской чести. Для солдата, считают они, совершенно не безразлично, как воспринимается его переход в плен другими людьми, в том числе и противником: как добровольный или как вынужденный акт. Он предпочитает, чтобы другие считали данный акт не умышленным действием, а случайностью. Это подтверждается и нашими исследованиями. Так, исследование измены Родине в форме перехода на сторону врага в период Великой Отечественной войны, показывает, что одним из признаков вынашивания этого преступного намерения является повышенный интерес к тому, как относится противник к перебежчикам²⁸.

²⁶ Такие пропагандистские операции проводились политическими органами Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (см.: Опыт работы.— Бюллетень ГПУ ВС СССР, 1947, № 4(43), с. 11).

²⁷ Подробнее см.: Некоторый опыт работы отрядов пропаганды и агитации 40-й армии. Ташкент, изд. Политуправления ТуркВО, 1985, с. 24—26; Опыт политической работы среди военнослужащих и населения ДРА, спецпропаганды на бандформирования.— Бюллетень 7-го отдела ТуркВО, 1985, № 9, с. 52, и др.

²⁸ См.: Галицкий В. П. Измена Родине в форме перехода на сторону врага и борьба с ней органов военной контрразведки. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1982, с. 209.

Организаторы психологической войны придают большое значение такой форме подрывной деятельности, как радиопропаганда. Они учитывают наличие большого количества радиосредств как у населения, так и в войсках. Это обстоятельство объективно повышает возможности психологического пропагандистского воздействия на личный состав вооруженных сил и население социалистических стран. Более того, американское командование намерено в боевой обстановке «обеспечивать» военнослужащих противоборствующей стороны своими радиосредствами (портативными радиоприемными устройствами), которые фиксированно настроены на частоты соответствующих передающих радиоприемников, призванных обеспечить нужное психологическое воздействие²⁹.

Главные империалистические государства, и прежде всего США, имеют детально разработанную доктрину использования радиопропаганды не только в мирное время, но и в условиях боевых действий, непосредственно на фронте. Организаторы подрывной радиопропаганды вооружили себя методиками завоевания доверия, привлечения внимания и поддержания интереса у слушателей, фабрикация и распространения слухов, создания или усиления паники и т. п. Применяемые для этого приемы и методы весьма разнообразны. Мы остановимся лишь на тех из них, которые выделяются, как нам кажется, особой психологической направленностью.

Имеется несколько исходных положений, которые организаторами подрывной радиопропаганды рассматриваются как аксиомы. Это, во-первых, то, что бороться с радиопропагандой техническими средствами практически неэффективно. Они считают, что глушение радиопередач — дело трудное и требует значительных материальных затрат. Во-вторых, любая форма запрета на прослушивание враждебных радиопередач, в том числе и глушение, в конечном счете выгодна тем, кто ведет эти передачи, так как запретом создается психологическая предпосылка повышенного интереса у слушателей к передачам. В-третьих, количество слушающих радиопередачи еще не определяет действительной аудитории, она может быть значительно шире из-за распространения среди населения содержания прослушанных радиопрограмм. В-четвертых, как в мирное время, так и в военное время имеются категории людей, на которые можно воздействовать только с помощью радиопропаганды. К такой категории относятся прежде всего моряки (торговых или военных судов), отдельные категории военнослужащих, дру-

²⁹ Службы психологических операций США прибегли к подобной акции во время агрессии США во Вьетнаме. В марте 1966 г. «Уолл-стрит джорнэл» сообщил, что 10 тысяч маленьких дешевых транзисторных приемников, специально сконструированных для приема американских и южновьетнамских станций, заброшено на территорию Демократической Республики Вьетнам и освобожденных районов Южного Вьетнама.

гих специалистов, выполняющих задания в условиях относительной изоляции от окружающего мира или при отсутствии доступа к другим источникам информации.

Подрывная радиопропаганда ведется в соответствии с известными принципами психологической войны. Однако специфика этой формы пропаганды может повышать или ослаблять значение того или иного принципа. Так, исходя из принципа правдоподобности как условия эффективности пропаганды, специалисты по проведению операций психологической войны указывают на недопустимость таких фактов, когда на разные аудитории передается различная информация. Они рекомендуют использовать одни и те же факты, но по-разному их комментировать и этим добиваться различного их восприятия.

С контрразведывательной точки зрения необходимо также учитывать следующие приемы ведения операций психологической войны. Разработчики и теоретики психологических операций рекомендуют использовать в радиопропаганде психологическую предрасположенность человека обращать внимание на все новое, неожиданное и непривычное. Это является одной из основ для распространения слухов. В связи с этим в буржуазной военной психологии большое внимание уделяется разработке техники подготовки и целенаправленного распространения слухов. В частности, отмечается, что для возникновения слухов необходимы два основных условия: во-первых, большое значение для населения, а также для военнослужащих вопроса, по поводу которого должен распространяться слух; во-вторых, отсутствие или неполнота сведений по этому вопросу. Эти условия используются как для распространения слухов, возникающих стихийно, так и для их фабрикация. Распространяются слухи с помощью агентов или враждебно настроенных лиц. Поэтому задача ведения идеологической диверсии и психологической войны не случайно возложена на ЦРУ США³⁰.

Анализируя вопрос о психологическом обосновании некоторых форм, приемов и методов подрывных действий, нельзя не обратить внимания на то, что противник рассматривает поведение человека без учета его общественной, социальной позиции, мировоззрения. Мировоззренческий фактор он считает второстепенным. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что общественное сознание, отражающееся в форме индивидуального сознания, имеет идейно-психологическое содержание. Поэтому отрицание роли психики и психологических закономерностей в поведении людей, в том числе и на войне, было бы другой крайностью — объективным идеализмом, согласно положениям которого на исторической сцене действуют только социально-

³⁰ См.: Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. 2-е изд. М., Молодая гвардия, 1981, с. 6.

экономические категории, а не живые люди — единственные носители всех объективных исторических закономерностей.

Марксистско-ленинское учение о структуре сознания человека не дает нам права недооценивать возможности психологической войны, игнорировать опасность, которую она представляет, особенно в условиях боевой обстановки.

Глубокое раскрытие агрессивной сущности психологической войны, ее реакционного содержания и места среди других видов борьбы, приемов и методов ведения в современных условиях и в условиях вооруженного противоборства помогает найти наиболее действенные пути и средства борьбы с ней, выявить и предотвратить на ранних стадиях негативные процессы и проявления, возникающие под влиянием психологических операций противника.

Опираясь на методологическое положение В. И. Ленина о том, что «методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства»³¹, целесообразно учитывать изменения, происходящие в стратегии и тактике идеологического противоборства. Это будет способствовать повышению эффективности борьбы советской контрразведки с акциями и операциями психологической войны империализма как в мирное, так и в военное время, улучшать координацию и взаимодействие с другими органами и подразделениями КГБ, а также Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР по организации эффективного противодействия операциям противника и проведению собственных операций наступательного характера.

Сознавая сложность предмета статьи, авторы не претендуют на полное его раскрытие, полагая, что для этого требуется более фундаментальное исследование.

*Рекомендована специальными кафедрами «М» и № 5
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского*

*Научный редактор доктор военных наук, профессор
полковник А. И. Цветков*

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 178.

Кандидат юридических наук
полковник Ф. Д. Попов,
подполковник Н. А. Музырев

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ СЕКРЕТОВ В СССР

Центральный комитет КПСС и Советское правительство, учитывая агрессивный курс империалистических кругов США и его союзников по блоку НАТО, придавали и придают большое значение обеспечению обороноспособности Советского Союза и укреплению режима секретности в нашей стране. С этой целью за последние годы партией и правительством был принят ряд важных совместных решений¹ и в соответствии с ними в стране проведена большая работа по усилению защиты секретов. Однако, несмотря на принятые меры, острота проблемы не уменьшилась. Более того, сегодня, когда специальные службы противника, используя чрезвычайно широкий арсенал средств и методов, ведут тотальную разведку военно-экономического и научно-технического потенциалов СССР и активно осуществляют акции непосредственного подрыва советской экономики, проблема приобрела еще большую значимость.

Как показывают результаты проведенных КГБ СССР исследований, утечка секретных сведений к противнику обусловливается двумя причинами.

Во-первых, противник постоянно совершенствует свою разведывательную систему, с помощью которой ему удается преодолевать наши режимы. Уровень противостоящей нам технической разведки США таков, что скрыть от противника на длительное время (как это было в 50—60-х годах) достижения СССР в области создания новых видов вооружения чрезвычайно сложно, а в ряде случаев просто невозможно. КГБ СССР отмечает также возрастающую активность и эффективность легальной и агентурной разведок.

Качественно иные возможности перед противником открыло широкое использование им новейших средств вычислительной техники для накопления и обработки собираемой и добываемой разведывательной информации. Органы КГБ неоднократно фиксировали успешные попытки спецслужб противника оценивать и прогнозировать состояние и развитие некоторых отраслей

¹ См.: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 448—138 от 8 июля 1980 г. «О мероприятиях по усилению режима секретности»; № 1121—387 от 3 декабря 1980 г. «Об утверждении Перечня главнейших сведений, составляющих государственную тайну, и Положения о порядке установления степени секретности сведений и определения степени сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях»; № 751—194 от 12 августа 1982 г. «О дополнительных мерах по обеспечению государственных секретов по оборонной тематике» и другие.

народного хозяйства СССР по публикуемым в открытой печати технико-экономическим материалам. Так, в 1982 году ЦРУ подготовило для конгресса США доклад под названием «Техника и возможности советской энергетики», в котором были рассмотрены возможности и перспективы развития советской энергетики, потребности ее в западной технологии и вероятные последствия в случае ее предоставления. По заключению НИИ 6-го Управления КГБ СССР, доклад отражает реальное положение дела, хотя и составлен на основе открытых публикаций².

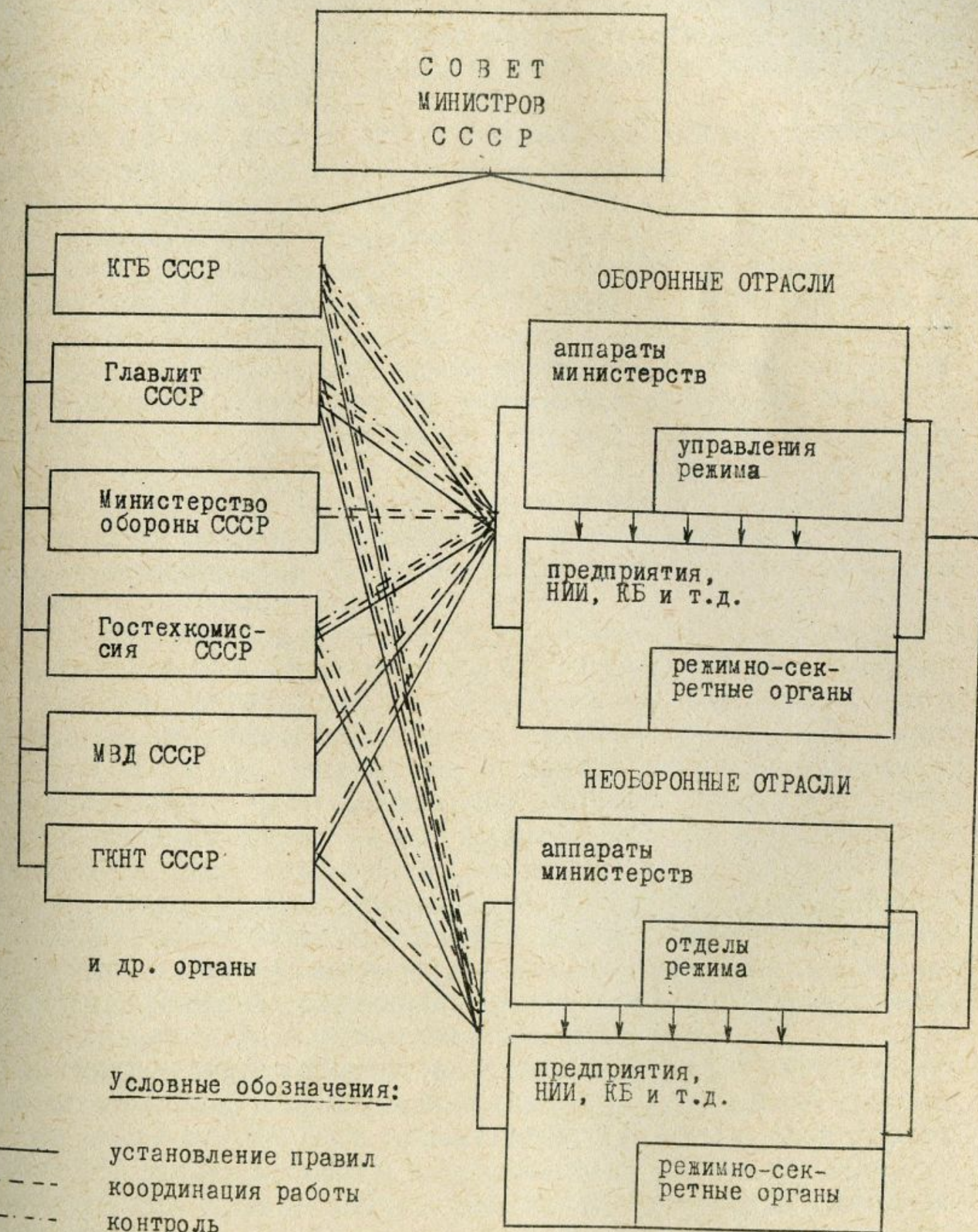
Во-вторых, существующий ныне в стране административно-правовой механизм защиты секретов, как установлено КГБ СССР, нередко не срабатывает, в том числе и в оборонных отраслях промышленности, где он функционирует в наиболее развитом виде. За последнее время 6-м Управлением КГБ СССР и рядом его местных органов на оборонных объектах выявлены существенные недостатки в состоянии режима секретности. Они свидетельствуют о прямом невыполнении персоналом некоторых министерств и их предприятий требований нормативных документов, касающихся режима секретности, в том числе Инструкции по обеспечению сохранения государственной тайны и режима секретности работ, проводимых в учреждениях и на предприятиях СССР, а также упомянутого выше «Положения о порядке установления степени секретности категорий сведений...» (1980 г.). Эти недостатки выражаются в несвоевременном засекречивании работ и документов, необоснованном занижении и завышении грифов секретности, опубликовании секретных сведений в открытых источниках, в неправильном рассекречивании документов и специальных изделий, несанкционированных деловых связях исполнителей секретных работ с иностранными учреждениями и их отдельными представителями, нередко в отсутствии должной экспертной оценки сведений, направленных за границу, и прочих подобных нарушениях.

Видимо, не случайно агентам противника (Толкачев) и другим враждебным и преступным элементам (Овэс, Козлов) удавалось успешно и безнаказанно преодолевать существующие на особо важных объектах режимы и добывать совершенно секретную информацию.

В сложившейся ситуации, по нашему мнению, пришло время пересмотреть подход к понятию и содержанию государственных секретов и поставить вопрос о необходимости повышения эффективности механизма по защите секретов, в том числе и за счет его перестройки. Дело здесь не только и не столько в повышении эффективности деятельности органов КГБ, так как они

² См.: Мартыросов С. В., Мушкаев В. Н., Саталкин С. А. Исследование практики засекречивания сведений экономического характера в отраслях топливно-энергетического комплекса страны и разработка предложений по ее совершенствованию. Научный отчет НИИ 6-го Управления КГБ СССР, 1984, с. 6.

Схема
СИСТЕМА ОРГАНОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В ЗАЩИТЕ СЕКРЕТОВ

Зак. 00231т

ведут борьбу главным образом с прямыми разведывательными акциями на территории СССР и осуществляют надведомственный контроль за уровнем сохранности секретов. На качественно более высокий уровень необходимо поднять общепредупредительные меры. И в этой связи надо прежде всего сделать более гибким, простым и эффективным общегосударственный механизм, чтобы он действовал надежнее, слаженнее, быстрее реагировал на динамику политической и оперативной обстановки, требующей изменений в режиме секретности страны. Сегодня он таковым не является.

Если рассматривать действующий в настоящее время общегосударственный механизм защиты секретов, то в качестве исполнительных звеньев в нем выступают: министерства, ведомства, органы КГБ, Гостехкомиссия, Главлит и их подразделения на местах. По объему компетенции в области сохранности государственной тайны все эти государственные органы делятся на три группы: общей, надведомственной и специальной компетенции. В своей совокупности они образуют систему органов с соответствующими полномочиями в рассматриваемой области. Такую систему органов можно представить в виде следующей схемы, на которой (хотя она предельно упрощена) наглядно представлена многочисленность составляющих ее звеньев, что обусловлено чрезвычайно широким и многообразным характером задач, решаемых Советским государством в интересах обеспечения сохранности секретов.

Вместе с тем даже эта схема показывает, что в действующем общегосударственном механизме отсутствует специальное звено, которое объединяло бы и координировало деятельность названных органов в обеспечении сохранности секретов. Совет Министров СССР, конечно же, обладает всеми необходимыми полномочиями в рассматриваемой области, но в силу своего предназначения он не может осуществлять оперативное руководство ею. Делегирование им некоторых функций управления сохранностью секретов отдельным из названных органов, таким, как КГБ, Гостехкомиссия, и другим, в определенной мере равноправным по своему статусу, не обеспечивает, как показывает практика, решения возникающих здесь вопросов не только межведомственного, но и ведомственного характера.

В современных условиях разработка крупных научных оборонных проблем, создание новых образцов специальной техники, а тем более их серийное производство связаны с кооперированием, при котором каждая из организаций различных ведомств, участвующих в такой кооперации, выполняет определенную локальную задачу.

Отсутствие повседневного централизованного руководства режимом секретности приводит к тому, что ведомства подходят к его обеспечению по-разному, порой местнически. То, что свято оберегается в одном министерстве и на его объектах, излишне

упрощено в другом. Это находит свое отражение даже в ведомственных перечнях сведений, составляющих государственную тайну, в которых наблюдаются существенные противоречия. Потому и аналитическая работа по оценке положения дела с охраной государственных секретов, выявлению и устранению обстоятельств, порождающих утечку секретных сведений, проводимая в некоторых оборонных ведомствах, также не имеет в настоящее время необходимого организующего начала. По этой же причине комплексное изучение надежности обеспечения секретности по конкретным оборонным проблемам в большинстве случаев не проводится.

Разобщенность в проведении аналитической работы и недостаточные контакты в деятельности режимно-секретных органов даже оборонных ведомств, не говоря уже о народнохозяйственных, не позволяют дать объективную оценку фактического положения дел с защитой конкретных оборонных проблем по стране в целом и тем самым затрудняют выработку должных мер в обеспечении их режима секретности.

Как нам представляется, необходимо создать общесоюзный орган, который бы направлял, координировал и обобщал деятельность всех министерств и ведомств. Наличие такого органа значительно повысит эффективность борьбы с утечкой секретной информации, позволит вести ее более целеустремленно и на основе всестороннего изучения состояния режима секретности во всех сферах жизни страны.

Такое предложение было высказано и обосновано еще в 1969 году³ — проведенное одним из авторов данной статьи исследование состояния режима секретности в стране, причин утечки секретов и условий, ей способствующих, уже тогда ясно показало эту необходимость.

За истекшие годы по решению инстанций в стране был осуществлен ряд важных мер, направленных на усиление сохранности государственной тайны, в 1973 году была организована Государственная техническая комиссия СССР по противодействию иностранным техническим разведкам. Это, однако, не устранило проблем координации и взаимодействия соответствующих государственных органов в обеспечении режима секретности.

Аналогичную точку зрения о путях повышения сохранности секретов высказывают и другие авторы. В частности, к такому же выводу пришел в своей диссертации В. А. Поделякин, который отметил, что проблема организации защиты государственных секретов и роли в ней органов КГБ в правовом отношении разработана недостаточно даже на высшем уровне; одним из существенных пробелов является отсутствие в рамках Совета

³ См.: Попов Ф. Д. Административно-правовая защита государственных секретов в СССР. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1969, с. 140—141.

Министров СССР подразделения, ответственного за сохранность государственной тайны⁴.

По нашему мнению, направляющую и координирующую роль в обеспечении режима секретности могли бы выполнять либо военно-промышленная комиссия Президиума Совета Министров СССР, либо другой орган, специально созданный для этих целей при правительстве.

В настоящее время функции подобного органа фактически осуществляет КГБ СССР. Однако следует сказать, что в условиях, когда в связи с бурным развитием науки и техники объем и характер секретной информации растет и усложняется, а обеспечение режима секретности требует все больших материальных и временных затрат, органы госбезопасности не могут продолжать эффективно выполнять делегированные им функции координирующего и направляющего органа. Помимо того что эти функции не следуют из компетенции КГБ СССР, последний не имеет полномочий в области выделения и распределения финансовых, технических, людских и других ресурсов, необходимых для обеспечения режима секретности, не располагает соответствующими высококвалифицированными специалистами во всех областях науки, техники, производства, социальной жизни страны, которые могли бы своевременно разрабатывать эффективные инженерные и другие меры, гарантирующие высокий уровень сохранности государственной тайны в стране.

Новый орган, по-видимому, следует создать по типу Гостехкомиссии с включением в его состав полномочных представителей всех министерств и ведомств. При нем, очевидно, должен функционировать постоянный рабочий орган, укомплектованный соответствующими экспертами, которые будут подготавливать проекты основных решений и осуществлять текущий контроль за их выполнением с использованием всех необходимых сил, средств и методов. В частности, этот орган должен готовить для утверждения в инстанциях основополагающие документы, регламентирующие режим секретности, утверждать ведомственные перечни и инструкции, а при необходимости заслушивать отчеты о состоянии работы по обеспечению сохранности государственной тайны, подготавливать предложения по распределению финансовых, технических, людских и других ресурсов в этих целях, определять основные направления совершенствования режима секретности и осуществлять другие функции в данной области.

Вновь созданный орган мог бы гибко и оперативно реагировать на изменения обстановки, быстрее осуществлять коррекцию перечней государственных секретов и принимать действен-

⁴ См.: Поделякин В. А. Деятельность контрразведывательных аппаратов по защите государственных секретов в процессе реализации крупных международных научно-технических программ. Автореф. канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1986.

ные меры к нарушителям режимных требований как юридическим лицам. Кроме того, это дало бы толчок разработке юридических проблем в обеспечении режима секретности, в частности позволило бы привлечь к ним внимание других наук, что крайне необходимо. Дело в том, что до настоящего времени некоторые основополагающие вопросы защиты секретов разрабатывались главным образом в рамках специальных чекистских, а также юридических дисциплин. А поскольку это так, не исключено, что такие понятия, как «государственная тайна», «военная тайна», «служебная тайна» и другие, имеющие общегосударственное значение, межотраслевое и междисциплинарное содержание, в какой-то мере несут на себе печать ведомственного подхода и поэтому в различных отраслях могут пониматься неодинаково, а вследствие этого применяться неправильно. Кроме того, многие понятия требуют уточнения в связи с тем, что их определения устарели и не могут быть признаны удовлетворительными в современных условиях. Так, например, степень секретности тех или иных сведений определяется в зависимости от ущерба, который может повлечь их разглашение. Думается, что это далеко не отражает всей сути дела. При современном уровне развития разведывательных средств, в том числе технических, недостаточно связывать степень секретности с возможным ущербом от разглашения сведений. Степень секретности сведений должна определяться с учетом возможного ущерба (политического, военного и экономического) и вытекающей отсюда важности их для государства. Утечка же секретов, как известно, возникает не только вследствие разглашения, но и из-за многих других нарушений в порядке обращения с ними, что создает иностранным разведкам условия для восприятия интересующей их информации.

Назрела пора и саму терминологию привести в соответствие с логикой как наукой и сделать ее понятной не только специалистам в области защиты секретов и правоведам, но и всем тем, кто связан с секретами. Между тем логике не удовлетворяют, например, такие понятия и их термины, как «военная тайна», «служебная тайна», «для служебного пользования». Все это, по нашему мнению, создает дополнительные трудности в обеспечении сохранности секретов. Для их преодоления необходимо сконцентрировать на проблеме защиты секретов общие усилия всех других наук, в том числе и правовых, и технических, которые имеют к ней отношение.

Такой специальный орган, наделенный всеми необходимыми полномочиями в обеспечении сохранности секретов в стране, мог бы взять на себя функции разработки наиболее сложных вопросов в области защиты секретов, координации, взаимодействия и надведомственного контроля. Это, по-видимому, повлечет некоторое сужение компетенции органов КГБ в разработке общегосударственных режимных мер и в осуществлении конт-

рольных функций в рассматриваемой области. Но это сужение оправдано в условиях громадного роста массы секретов и секретоносителей, усложнения средств их защиты и контроля.

XXVII съезд КПСС потребовал от всех коммунистов поиска новых подходов в повышении эффективности работы на всех участках государственной и общественной жизни. По нашему глубокому убеждению, такие новые подходы нужны и в деле обеспечения сохранности государственной тайны. Быть может, одним из них и будет создание специального надведомственного органа, который по поручению Правительства СССР сосредоточил бы всю полноту власти по вопросам защиты секретов в СССР в целях ее эффективного обеспечения.

*Рекомендована спецкафедрой № 2 ВК КГБ СССР
(г. Минск)*

*Научный редактор кандидат технических наук, доцент
полковник Ю. С. Крамин*

О ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ПОИСКА ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ЯПОНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Одной из важнейших задач внешней и внутренней политики КПСС является нормализация политической обстановки в Тихоокеанском регионе и укрепление безопасности на востоке страны. По оценке XXVII съезда КПСС, «в этом обширном районе немало запутанных узлов противоречий, да и политическая ситуация в отдельных местах неустойчива. Тут, причем не откладывая, надо искать свои решения, свои пути»¹.

Дальний Восток рассматривается противником в качестве одного из возможных театров военных действий. В западной части Тихого океана усилиями империалистических кругов создана вторая по численности — после западноевропейской — группировка войск². Отсюда большую значимость для органов КГБ приобретают проблемы организации эффективного противодействия подрывной деятельности спецслужб США и Японии.

Как показывает практика контрразведывательной работы территориальных органов КГБ Дальнего Востока, в последние годы в этом регионе активизировалась деятельность японских спецслужб, возродившихся после второй мировой войны и превратившихся в орудие агрессивных устремлений милитаристских и реваншистских кругов Японии. Имеющиеся в КГБ СССР и в местных органах госбезопасности материалы свидетельствуют о неослабном стремлении спецслужб противника к добыче информации о военном и экономическом потенциале советского Дальнего Востока.

Эти стремления обусловлены долговременными политическими и экономическими факторами. С одной стороны, СССР как форпост социализма в Азии издавна является главным препятствием для имперских амбиций Японии, с другой — Советский Союз с богатейшими сырьевыми запасами Дальневосточного региона представляется для японцев перспективным источником приращения своей экономической мощи.

Анализ практической деятельности японских спецслужб позволяет ориентировочно определить районы СССР, к которым они проявляют наибольший интерес. Это центр страны (Моск-

ва, Ленинград), где может быть получена ценная информация любого характера; районы наибольшего приложения экономических усилий (Дальний Восток, Сибирь); районы возможных театров военных действий (Дальний Восток); районы, которые могут использоваться для политических спекуляций в связи с так называемым «территориальным вопросом», в частности Курильские острова³.

Устойчивый интерес противник проявлял и проявляет к количественному и качественному состоянию Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке, дислокации частей и соединений КДВО, КТОФ, Камчатской флотилии, войск ПВО, погранвойск, их техническому оснащению и назначению, к происходящим изменениям в войсках, к транспортным коммуникациям, предприятиям оборонной промышленности и другим военно-стратегическим объектам. На протяжении длительного времени японцев неизменно интересуют вопросы, касающиеся современного состояния аэропортов ГВФ и аэродромов совместного базирования самолетов гражданской авиации и ВВС, точные данные (с учетом происходящих изменений) о количестве, длине, ширине и толщине бетонного покрытия взлетных полос; сведения о применяемых в ГВФ радионавигационных средствах (РЛС, радиомаяки) и технических возможностях диспетчерской службы по одновременному управлению полетами большого количества самолетов; типы современных самолетов ВВС и ракет; пути и маршруты перевозок военной техники; дислокация хранилищ атомного оружия; места производства строительных и топографических работ; любые происходящие изменения в населенных пунктах (появление новых построек, миграция населения и др.).

Помимо сведений военного характера, японцев интересуют перспективы освоения Сибири и Дальнего Востока, в частности БАМ и расположенные вдоль трассы запасы леса, сырья (якутский уголь, руда Нерюнги и т. п.); запасы нефти и газа в Сахалинском шельфе; объекты электроэнергетики; действующие производственные мощности и потенциальные возможности порта Восточный и паромной переправы Ванино—Холмск; предприятия морского транспорта, в том числе Сахморпароходство и Дальневосточное морское пароходство; предприятия Дальрыбы; достижения дальневосточной науки и практики в решении проблемы пополнения рыбных запасов в океане, освоения морепродуктов и марикультур; вопросы снабжения населения в регионе; демографические проблемы и многое другое⁴.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 70.

² В ее составе 190 тыс. американских солдат и офицеров, более 270 тыс. военнослужащих японских «сил самообороны» и свыше 600 тыс. личного состава армии Южной Кореи. Относительно малочисленная японская армия — это профессиональный костяк (70% — офицеры и унтер-офицеры, 30% — будущие командиры), наличие которого позволяет при необходимости развернуть вооруженные силы в 1,5 млн. человек. Японские военные считают необходимым довести численность личного состава до 2—2,5 млн. человек (см.: Аргументы и факты, 1987, № 7, с. 8).

³ См.: Еремин В. Н. Материалы по подготовке и написанию диссертации. М., изд. ВШ КГБ, 1969, т. 2, с. 65.

⁴ Материалы УКГБ СССР по Приморскому краю, литерное дело № 32, т. 93, с. 48—58; Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю, литерное дело № 423, т. 1, с. 67—77; Материалы УКГБ СССР по Сахалинской области, литерное дело № 5, т. 2, с. 27—50.

Спецслужбы Японии на сегодняшний день располагают реальными путями проникновения к объектам своих устремлений на территории СССР. Благодаря наличию стабильных легальных позиций, как дипломатических, так и довольно-таки широкого арсенала недипломатических, в пределах потенциальной досягаемости противника находится значительное число областей и районов нашей страны, где дислоцируются объекты разведывательных интересов японских спецслужб.

Следуя своей традиционной установке на максимальное использование имеющихся на местах разведывательных возможностей, японские спецслужбы при подборе источников информации ориентируются как на типичные для разведок капиталистических государств категории и контингенты жителей СССР, так и на традиционно предпочитаемую ими вербовочную базу — этнически близкую среду из местных японцев и корейцев, число и география расселения которых на территории нашей страны довольно-таки значительны.

Необходимость дальнейшего совершенствования путей контрразведывательного поиска источников информации противника все более возрастает. Это обуславливается в первую очередь тем, что, несмотря на усилия дальневосточных органов КГБ по противодействию разведывательной деятельности японских спецслужб, контрразведывательные подразделения не имеют конечных результатов в выявлении агентуры противника на территории СССР.

Представляется, что без трезвой оценки положения дел на данном участке борьбы с разведывательной деятельностью спецслужб Японии поиски вариантов решения этой проблемы могут оказаться бесплодными. «Мы не сможем продвинуться вперед ни на шаг, если не научимся работать по-новому, не сумеем преодолеть косность и консерватизм в любых их проявлениях, если утратим мужество трезво оценивать обстановку, видеть ее такой, какая она есть»⁵.

Ретроспективный анализ материалов контрразведывательной практики работы по японской линии приводит к заключению, что возникновение проблемной ситуации было обусловлено причинами объективного и субъективного порядка. Рассмотрим важнейшие из них.

Утрата опыта борьбы с японской разведкой. Если до капитуляции Японии практика противоборства позволяла дальневосточным чекистам эмпирическим путем нащупывать специфику применяемой японцами тактики агентурной разведки и находить адекватные меры противодействия ей, то после капитуляции этот опыт постепенно утрачивался, так как ее спец-

службы как самостоятельная сила долгие годы в расчет не брались.

Вплоть до середины 60-х гг. дел оперативного учета с окраской «шпионаж японский» в контрразведывательной практике органов Дальнего Востока не было⁶. Проблема противодействия японским спецслужбам вновь выдвинулась на повестку дня в 1965 г. в связи с добытым тогда 2-м Главным управлением КГБ СССР японским документом «О Советских Вооруженных Силах на Сахалине по состоянию на весну 1964 года».

Было выявлено и подвергнуто активной проверке и разработке около 50 бывших подданных Японии, по ряду признаков имевших отношение к происшедшей утечке информации о войсках. Анализ материалов архивных дел показал, что проверочные мероприятия сводились в основном к попыткам выявления в действиях подозреваемых признаков активного сбора шпионских сведений (вводились в разработку агенты из числа обладателей информации о войсках) и организации наблюдения за действиями объектов по традиционной схеме: сбор — накопление — хранение — передача. Отсутствие таких признаков становилось основанием прекращения проверки (разработки) «за неподтверждением исходных данных и в связи с истечением регламентированных сроков», хотя подозрения в большинстве случаев так и не были сняты.

Значительный перерыв в практике противодействия японским спецслужбам, происходившая в послевоенные годы естественная замена чекистских кадров на Дальнем Востоке (в основном сотрудниками из западных районов страны) постепенно привели к несоответствию наших контрразведывательных мер применяемой противником специфической тактике.

Бытовавшее среди оперативного состава послевоенных лет мнение, будто «методы вербовки японской разведки нами изучены и не представляют собой ничего особенно нового и хитроумного»⁷, в условиях длительного отсутствия конечных результатов в работе по японской линии со временем переросло в убеждение, что на территории Дальнего Востока и в целом по стране японская агентура отсутствует, что японские спецслужбы в настоящее время агентурной деятельностью на территории СССР вообще не занимаются и обходятся легальными возможностями.

Отсутствие линейного подхода в организации контрразведывательной работы по японской линии. Резкое изменение во вто-

⁶ Выявленные в первые послевоенные годы агенты из японцев и корейцев, заброшенные с территории Японии, проходили по делам с окраской «шпионаж американский».

⁷ Аленцев В. Т. Задачи органов МГБ по борьбе с агентурой разведывательных органов. Стенограмма лекции. М., изд. ВШ МГБ СССР, 1949, с. 72.

⁵ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 79.

рой половине 60-х гг. оперативной обстановки на Дальнем Востоке и выдвижение на передний план задач борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб КНР и КНДР не способствовали концентрации внимания на японской проблеме, как заслуживающей самостоятельного изучения.

В приказе председателя КГБ СССР № 0053—75 г. «О мерах по улучшению оперативно-служебной деятельности органов КГБ Дальнего Востока», ставшем основополагающим нормативным актом для дальневосточных чекистов, помимо задач борьбы с агентурной разведкой китайских спецслужб, впервые за многие годы были сформулированы задачи борьбы с разведывательной деятельностью японских спецслужб по отдельным направлениям. Это способствовало накоплению контрразведывательного опыта в противоборстве с японскими спецслужбами, приоритетная важность которого в регионе, пожалуй, неоспорима. Однако роль линейного подхода оказалась приниженой. Отсутствие линейного (системного) подхода, вероятно, является одной из главных причин хронических срывов в координации и взаимодействии между вторыми, четвертыми и шестыми подразделениями (туристы, транспорт, коммерсанты, специалисты), разобщенности между отдельными направлениями и участками работы по японской линии (окружение войск, въезд—выезд, каналы связи, связи иностранцев). На каждом из направлений ведется поиск японского источника информации не по присущим ему признакам, а по привычной модели агента западного образца. Многочисленные и разнообразные координационные планы ожидаемых результатов не приносят, а наладить стабильное взаимодействие с особыми отделами КГБ и с другими контактирующими органами не удается. Агенты органов КГБ, пригодные решать поисковые задачи по японской линии, либо разбросаны по направлениям (в основном на каналах въезда—выезда), либо расставлены не на путях устремлений противника и потому не используются в силу своих возможностей. Общее количество такой агентуры идет на убыль, ибо формированию специализированного агентурного аппарата должного внимания не уделялось.

Ныне существующий в классификаторе системы «Дельта» перечень признаков шпионской деятельности не охватывает специфических проявлений источников информации японских спецслужб, в результате чего значительная часть материалов по японской линии проходит сквозь сито информационных систем, не оседая в них. В силу вышеуказанных причин нередко случаи, когда проверка советских граждан, явно не случайно оказавшихся объектами заинтересованности японской стороны, не доводится до логического конца. Это можно проиллюстрировать типичными примерами из контрразведывательной практики органов КГБ Дальнего Востока.

Так, в 1979—1980 гг. вторым отделом УКГБ СССР по Ха-

баровскому краю разрабатывался В., японец, гражданин СССР, образование высшее, сотрудник радиоредакции. После войны он три года отбыл в лагере для военнопленных, затем в 1949 г. был осужден за шпионаж, отбывал срок в лагере для военных преступников. В 1956 г. В. отказался от репатриации и остался в СССР. В 1970—1972 гг. он проверялся по ДОП с окраской «шпионаж», которое было прекращено за неподтверждением исходных данных.

В последующие годы В. регулярно общался с иностранцами-коммерсантами, сотрудниками МИД и авиакомпаний «Джал», поэтому он оставался в поле зрения органов КГБ, а затем был взят в оперативную разработку. Было достоверно установлено, что В., являясь в глазах японцев надежным «японским справочником в Хабаровске», передавал сведения военного характера генконсулу в Находке, регулярно и инициативно предоставлял японцам информацию политического, экономического и социального характера, давал им рекомендации по тактике ведения переговоров с представителями советских торговых организаций и биографические данные на ряд должностных лиц, имевших отношение к вопросам развития японо-советских торгово-экономических связей. Состоя у нас в агентурном аппарате, В. раскрыл перед объектами разработок свои выводы о возможной принадлежности к органам КГБ некоторых наших источников, предупреждал иностранцев о проявляемом к ним интересе, а от выполнения наших заданий уклонялся. Был настроен националистически и репатриационно. С 1957 г. он вел активную переписку с иностранными корреспондентами в Японии, значительную часть которой адресовал «Джал». Совершал незаконные валютные операции, расплачивался с иностранцами за товары советскими деньгами и золотыми изделиями. Иностранцы ежемесячно вкладывали в один из японских банков на имя В. свыше 30 тыс. иен.

Было установлено, что выдаваемую японцам информацию В. получал как очевидец событий и фактов, внося в нее элементы собственного анализа. Попыток активного сбора им секретных сведений выявлено не было. На основании этого был сделан вывод о прекращении дела оперативной разработки, так как действия объекта не подпадали под ст. 64 УК РСФСР и материалы не подлежали реализации по этой окраске.

По всей вероятности, сотрудники УКГБ по Хабаровскому краю имели дело с типичным источником информации японских спецслужб — японским агентом. Вначале правильно оценив материалы и добыв в результате немалых усилий подтверждающие данные о причастности разрабатываемого к спецслужбам, оперативные работники не решились на продолжение разработки. В. не «вписывался» в привычные представления об агенте противника, а переступить психологический барьер и выйти за пределы укоренившихся стереотипов не удалось. Дело было

прекращено с выводами об ошибочности прежней окраски «шпионаж японский»⁸.

В 1980—1982 гг. УКГБ по Приморскому краю проверялся по сигналу склонный к меркантильным проявлениям капитан Дальневосточного пароходства Ш., с которым в японских портах встречался подозреваемый в причастности к спецслужбам представитель фирмы О. Вначале японец помог Ш. продать его меховую шапку, затем склонил советского моряка к сделке: предложил возвращать фирме использованный сепарационный материал (дает ежерейсно экономию в 250—300 тыс. иен), за что Ш. неоднократно получал от иностранцев инвалюту до 50—80 тыс. иен под расписку. В феврале 1981 г. при расследовании причин столкновения судна с японской рыболовецкой шхуной сотрудники подразделения морской безопасности г. Нигата настояли на подписании советским моряком протокола на японском языке, содержание которого выяснить не удалось. О. принял участие в расследовании и урегулировании инцидента, тем самым закрепив свое влияние на советского моряка. Создав необходимую основу зависимости Ш. и развивая ее, представители фирмы стремились в неофициальных беседах с советским моряком получить данные о коммерческой деятельности Дальневосточного морского пароходства, выяснить личные и деловые качества работников руководящего звена ДВМП и Дальинторга, их увлечения, перспективы роста, передавали им через капитана Ш. дорогостоящие подарки и письма. В 1982 г. Ш. был отстранен от работы на судах заграничного плавания, в связи с чем «установить конечную цель устремлений к нему со стороны иностранцев не представилось возможным»⁹. Таким образом, изучение советского гражданина, поддерживавшего подозрительные контакты с иностранцами, не было доведено даже до стадии оперативной проверки.

В 1983—1985 гг. в УКГБ по Сахалинской области был выделен в дополнительную проверку бывший японский подданный П., который в 60-х гг. проверялся по ДОП, в связи с тем что прошел по связям сотрудников японских выставок в Москве. Тогда дело было прекращено по типичной мотивировке (отсутствии признаков сбора информации). В последующие годы П. еще не раз общался с японцами при различных обстоятельствах, но его проверка не возобновлялась, так как ничего заслуживающего внимания агентура в действиях П. и иностранцев не фиксировала.

Под перечень признаков шпионской деятельности действия П. и иностранцев не попадали, поэтому поступающие данные как сигнал не выделялись.

⁸ Материалы УКГБ СССР по Хабаровскому краю, литерное дело № 423, т. 6, с. 31—40.

⁹ Материалы УКГБ СССР по Приморскому краю, литерное дело № 193, т. 2, с. 66—78.

Состоя с 1977 г. в агентурном аппарате органов КГБ, П. лишь в 1985—1986 гг. сообщил оперработнику подробности о своих встречах с японцами. Выяснилось, что П., судя по многим признакам, в течение длительного времени методично (с перерывами от одного года до трех—пяти лет) изучался японскими коммерсантами. Вновь вступавшие в общение с ним иностранцы «узнавали» П. и, как оказывалось, были осведомлены о его предыдущих встречах с их предшественниками. Стремясь закрепить контакты с П., они щедро дарили ему сувениры, пытались оплачивать за него счета в ресторанах и вручали деньги якобы за его услуги в роли добровольного гида по Москве. Встретив отказ от прямых подношений, японцы прибегли к содействию П. при сбыте московским фарцовщикам кинофотоаппаратуры и инвалюты (долларов), тем самым втянув его в незаконные сделки, а в качестве вознаграждения за оказанные услуги оставляли ему часть вырученной суммы (все крупнее раз от разу). Представляясь бывшими жителями острова, ранее проходившими там службу в японской армии, иностранцы под предлогом выяснения происшедших изменений выводили у П. сведения о состоянии бывших японских аэродромов на Сахалине, о некоторых жителях области, об уровне жизни населения острова и т. п. Познакомившийся с ним в 1976 г. в Находке японец, якобы сослуживец московских приятелей П., пытался вручить ему дорогостоящий магнитофон и инвалюту. Японец заручился обещанием П. прибыть через год в Хабаровск на японскую выставку или в портовый пункт Ноглики (север Сахалина), где иностранец намеревался побывать в качестве сотрудника выставки и приемщика леса. Как признался П., ему очень хотелось съездить в эти пункты, но он не сделал этого, почувстввав неладное и заподозрив в японце сотрудника спецслужб (сказался жизненный опыт). В совокупности материалы его прежнего изучения по ДОП, факты последующих контактов П. с иностранцами и его признания о характере общения с ними, без сомнения, свидетельствовали о том, что П. находился в вербовочной разработке, которая, возможно, не прекращена¹⁰. Нет уверенности в том, что П. раскрылся перед нами полностью. Но, как это ни парадоксально, указанные материалы учету в системе «Сигнал» не подлежат.

В аналогичном положении находятся (сведенные воедино за ряд лет) материалы на некоторых других жителей Сахалинской области, в поведении которых просматриваются некоторые признаки источников информации японских спецслужб. Однако в силу тех же причин значимость на уровне сигнала этим материалам не придана.

¹⁰ Материалы УКГБ СССР по Сахалинской области, л. д. № 12374, т. 1, с. 123—131.

Интересы создания эффективной поисковой системы по японской линии требуют отказа от устоявшихся стереотипов и иных подходов к проблеме ее организации. В условиях когда японские спецслужбы, действуя против нас системно, продолжают добывать интересующую их информацию об СССР, упредить ее утечку можно лишь с помощью опережающей и эффективной системы мер противодействия.

Видимо, все же будет правильным считать, что кардинальные изменения в положении дел на линии борьбы с японскими спецслужбами зависят от закрепления основ системы мер в соответствующем нормативном акте (приказ, указание либо всесоюзный план-операция), где были бы сформулированы задачи борьбы с агентурной разведкой спецслужб Японии, определены пути их решения с конкретизацией используемых сил и средств, была бы дана комплексная оценка разведывательным возможностям противника на территории СССР и применяемой им тактике, сделан однозначный вывод о необходимости перестройки наших мер противодействия и указаны ее направления.

Залог успеха — в объединении возможностей и усилий всех органов, ведущих работу по японской линии. Координация этой работы во всесоюзном масштабе предполагает координацию деятельности на всех уровнях: прежде всего между подразделениями центрального аппарата КГБ, затем между органами КГБ Дальнего Востока, а также между подразделениями центрального аппарата КГБ и органами КГБ на Дальнем Востоке. Далее по вертикали это координация деятельности между управлением КГБ и ОО КГБ СССР, дислоцирующимися на территории области (края), между подразделениями внутри территориального органа.

Представляется, что необходимым условием обеспечения системного подхода в решении японской проблемы явилось бы создание в центре линейного подразделения (возможно, на базе одного из существующих), по функциональности и компетенции аналогичного 16-му отделу ВГУ.

Территориальные органы КГБ СССР Дальнего Востока могли бы уже сейчас в рамках своей компетенции, не дожидаясь каких-либо указаний об организационных переменах, приступить к созданию необходимой базы для современной поисковой системы по японской линии, приспособив под ее параметры имеющиеся компоненты.

Как представляется, создание системы мер контрразведывательного поиска японской агентуры можно было бы начать с формирования ее подсистемы в первичном (основном) звене структуры контрразведывательных органов («снизу») — в отделении (или группе) с соответствующим перераспределением функциональных и управленческих связей.

Ключевой вопрос работы органов КГБ — совершенствование

агентурного аппарата, который «был и остается основным средством чекистской деятельности»¹¹.

В поисковой работе могут и должны участвовать практически все агенты. Различия в характере их производственной деятельности, их служебного и общественного положения, в национальной принадлежности, общеобразовательном уровне и т. п. могут повлиять лишь на объем и содержание тех признаков, которыми они должны быть вооружены для выявления возможных источников информации японских спецслужб.

Процесс формирования агентурного аппарата для работы по японской линии может протекать по таким направлениям:

создание специализированного агентурного аппарата для работы в отношении выделенных в проверку (разработку) лиц из оперативной среды (агенты-разработчики) путем сосредоточения агентуры в распоряжении линейного подразделения, переброски отдельных агентов с других направлений (из подразделений) и за счет целевых вербовок. Здесь следует исходить из того, что модель агента органов КГБ является производной от модели предполагаемого агента противника. Оценка пригодности кандидата на вербовку будет производиться прежде всего по наличию у него реальных перспектив использования в контрразведывательном поиске;

создание агентурных позиций не только непосредственно в местах сосредоточения сведений об объектах разведывательных устремлений японских спецслужб, но и на подступах к ним, прежде всего в снабженческих организациях и подразделениях предприятий, поддерживающих хозяйственные и шефские связи с воинскими частями, в предприятиях службы быта, охватывающих своими услугами военнослужащих и членов их семей;

переориентирование агентов, работающих на транспорте, предприятиях связи и энергетики, в научных учреждениях и на других объектах разведывательного интереса противника, на выявление японских источников информации по разработанной модели. Объем и содержание обучения агентов будут зависеть от реальных возможностей и степени их участия в поисковой работе и выполняемой в ней роли.

В вопросе о подборе и подготовке исполнителей, пригодных к использованию в контрразведывательных операциях по агентурному проникновению, следует исходить из того, что успеха можно добиться, лишь досконально изучив и освоив тонкости вербовочной тактики японских спецслужб («бить противника его же оружием»), вооружив этими знаниями агентов, готовящихся на подставу, либо своевременно перехватывая инициативу, когда становится известен советский гражданин, изучаемый японцами в вербовочном плане. При этом следует учиты-

¹¹ Приказ председателя КГБ СССР № 00140—83 г.

вать то обстоятельство, что японцев не пугает возможное появление в их агентурной сети наших источников.

Свою лепту в решение поисковых задач могла бы внести и закордонная агентура территориальных органов Дальнего Востока.

В основу поисковой системы мер должна закладываться модель предполагаемого облика японского агента. Она же, думается, послужит катализатором психологической перестройки оперативных работников, в сознании которых пока еще превалируют устоявшиеся стереотипы и подходы, а также платформой для разработки классификатора информационных систем.

В пользу необходимости и возможности применения метода моделирования в организации противодействия японским спецслужбам говорят следующие аргументы:

1. Идея моделирования лежит в основе создаваемой системы мер, которая изначально сориентирована на предполагаемый облик искомого агента противника. Отсюда объективная потребность в такой модели.

2. Ситуация в настоящее время такова, что не имеется информации из дел на разоблаченных японских агентов, на основе которой можно было бы разработать модель, наиболее отвечающую критериям полноты и достоверности. Это, с одной стороны, затрудняет разработку модели, с другой — усиливает необходимость в ней, так как метод моделирования позволяет составлять приближенные представления об объекте исследования, не обращаясь к нему непосредственно, и применяется как раз тогда, когда по каким-либо причинам невозможно или затруднено непосредственное изучение объекта. Чем полнее и достовернее информация, тем ближе модель к искомому оригиналу. В сложившейся ситуации к такой информации можно отнести сохранившие свою значимость данные о тактике противника из исторического опыта борьбы с японской агентурной разведкой, результаты анализа архивных дел оперативного учета и следственных дел, действующие дела оперативного учета и сигналы, выводы проведенного исследования (в том числе и гипотетические) об особенностях тактики японских спецслужб.

3. Центральной фигурой в поиске является оперативный работник. От уровня его оперативного мышления, знаний и навыков зависят содержание обучения и качество подготовки агентов органов КГБ и доверенных лиц и в конечном итоге результативность контрразведывательной работы.

Разработанная и постоянно уточняемая модель японского агента поможет сломать устоявшиеся стереотипы и преодолеть психологический барьер. Только тогда можно ожидать, что при проверке (разработке) подозреваемых в шпионаже лиц прекратится тенденция нагромождения различных, совершенно не вытекающих из возможных действий разрабатываемого агентурно-

оперативных мероприятий в расчете на то, что вдруг какое-нибудь из них даст желаемый результат.

Представляется, что для удобства характеристики признаков, входящих в содержание предполагаемого облика источника информации японских спецслужб, предпочтительнее других является вариант, предусматривающий их деление на две группы: признаки личности и признаки поведения субъекта, хотя, как далее будет видно, это деление весьма условно.

По мнению автора, в условиях территориального органа Дальнего Востока следует разрабатывать параллельно два варианта модели: первый вариант — для субъекта из бывших японских подданных, второй — для субъекта из уроженцев СССР коренных национальностей.

Признаки личности. Сюда входят такие признаки, как возраст, образование, место работы (эти признаки могут свидетельствовать об информированности субъекта), политическая и ценностная ориентация, наличие родственных и иных связей за границей (эти признаки позволяют судить о наличии или отсутствии в мировоззрении субъекта выгодной для противника платформы, которую он мог бы использовать для формирования основы зависимости).

Для первого варианта модели наиболее типичными можно считать такие параметры:

возраст — от 50 лет (или около 50) и выше, в том числе и свыше 60¹²;

образование — начальное (шесть классов), неполное среднее (девять классов), полное среднее или гимназическое (одиннадцать классов)¹³;

характер работы — как правило, рядовая либо младшая командная должность (бригадир строительной либо рыболовецкой бригады, бухгалтер и т. д.), порой непрестижная (сторож, рабочий сантехнических служб), так называемые свободные профессии (лекарь-иглотерапевт, художник, зубной техник), служба сервиса (портной, фотограф), работающий пенсионер¹⁴.

При наличии жизненного опыта и наблюдательности перечисленные параметры вполне достаточны для источника инфор-

¹² Отчет ведется от 1945 г. Родившийся позже этого срока уже не может быть отнесен к бывшим подданным Японии.

¹³ Японские школы на Сахалине функционировали до 1947—1948 гг. В рассматриваемой среде имеются отдельные лица, впоследствии закончившие советские школы, техникумы или вузы.

¹⁴ В сегодняшней практике такие признаки, как начальное либо неполное среднее образование и невысокое общественное положение в сочетании с возрастом, нередко рассматриваются как антипризнаки и не берутся во внимание. Между тем среднее и даже неполное среднее (тем более гимназическое) образование, по тем временам доступное далеко не каждому, делало такого субъекта авторитетным и влиятельным в своей среде и, думается, наиболее подходящим в глазах противника объектом для вербовки.

мации японских спецслужб, нацеленного на сбор нужных сведений методом аккумуляции.

Во втором варианте у этих признаков другие параметры, более близкие привычным представлениям. Возраст этого субъекта, видимо, от 25 лет и выше. Скорее всего, он специалист со средним специальным или высшим образованием (капитан, старпом, штурман, научный сотрудник, служащий), с перспективами роста по служебной лестнице или в области науки и т. п. Определяющими признаками здесь являются следующие:

субъект по роду службы свободно общается с японцами; информированность субъекта как следствие его служебного положения.

Отношение субъекта к советской действительности является важным признаком при поиске агента любой разведки противника, и модель японского агента в этом смысле исключением не будет, ибо японские спецслужбы тоже ориентируются на антисоветски настроенных лиц. Тем не менее вряд ли можно считать этот признак характерным для предполагаемого облика источника информации японских спецслужб. Подавляющая масса бывших японских подданных в настоящее время удовлетворена жизнью в СССР и настроена лояльно, а к заграничному и к официальному общению с иностранцами лица нелояльные могут оказаться допущенными лишь случайно.

Поэтому ни в первый, ни во второй варианты модели вкладывать такой признак, как нелояльность, пожалуй, нецелесообразно¹⁵. Здесь скорее всего надо иметь в виду политическую и ценностную ориентацию. В первом варианте этот признак может проявиться в виде тяготения к Японии и преклонения перед всем японским, чрезмерного восхваления достижений этой страны. Наличие у субъекта родственных связей в Японии или Южной Корее, стремление встретиться с ними делают указанный признак устойчивым и одним из наиболее значимых для контрразведки, ибо он является весьма удобной, с точки зрения противника, платформой для вербовочной разработки.

Во втором варианте к такому признаку, видимо, надо относить проявляемую субъектом склонность к приобретательству и накопительству, потребительскую жизненную позицию. Наличие у субъекта связей за границей японская разведка также может искусно использовать при формировании основы зависимости.

Отдельно следует сказать о выходцах из семей бывших японских подданных. По имеющимся на местах данным, японские спецслужбы проявляют повышенный интерес к этой промежуточной (с позиций двухвариантной модели) категории, так как с их точки зрения субъекты этой группы перспективны. Они мо-

лоды, образованы, поднимаются по служебной лестнице или удачливы в научной карьере, им могут быть свойственны выгодные противнику ценностные ориентации. Но ко всему прочему у субъектов данной категории зачастую сохраняется много из мировоззрений родителей. Поэтому данные о личности такого подозреваемого субъекта, по мнению автора, было бы целесообразно соизмерять с параметрами как первого, так и второго вариантов модели японского агента.

Признаки поведения субъекта, свидетельствующие о возможно осуществляемом им сборе и передаче шпионских сведений. При этом исходим из предположения, что основным методом сбора разведывательной информации в японской разведке является аккумуляция по принципу «видеть — слышать — запоминать», а прием — передача собранной информации осуществляются при личном общении субъекта с представителем спецслужбы и в процессе опроса.

Признаки сбора информации методом аккумуляции нами подробно описывались, однако, учитывая, что в реальных условиях их можно зафиксировать лишь с помощью наблюдения (агентура, оперативная техника, наружное наблюдение) за взятым в проверку или разработку лицом, ставить эти признаки в модели на первое место вряд ли будет правильно¹⁶.

К наиболее информативным, видимо, следует отнести признаки сопутствующие, свидетельствующие о создании субъектом условий для сбора и передачи сведений указанными методами. То есть речь, вероятно, должна идти о таких признаках, как возможность широко общаться или свободно передвигаться, принимать и привлекать клиентуру, создавать себе такие условия и иметь среди своих связей информированных лиц, появляться под естественным предлогом вблизи или на самом объекте разведывательных интересов противника либо общаться с работниками таких объектов, поддерживать регулярные или периодические контакты с иностранцами, переписку с иностранными корреспондентами и т. п.

Признаки второй группы одинаково характерны как для первого, так и для второго вариантов. Различаться может лишь их содержание. Так, например, признак «наличие информированных связей» (если иметь в виду информацию военного характера) для первого варианта будет означать наличие связей среди семей военнослужащих или их близких знакомых, в подразделениях организаций, связанных с воинскими частями. Для второго варианта уровень связей, видимо, будет выше (руководители служб и подразделений, лица с заметным общественным положением, военные моряки, участники воинских перево-

¹⁶ Целесообразно признакам аккумуляции уделить в модели достаточное внимание, ибо это один из главных отличительных компонентов модели предполагаемого облика японского агента.

¹⁵ Хотя иметь в виду, конечно, надо.

зок и т. п.). Дополнительным отличительным признаком для субъекта первого варианта, по-видимому, следует назвать сокрытие или маскировку им биографических данных, относящихся к досоветскому периоду.

Представляется, что для изложения сути моделирования предполагаемого облика японского агента достаточно описания лишь основных, наиболее характерных признаков, отличающих эту модель от других подобных. Дальнейшая ее разработка — задача заинтересованных практических подразделений, учитывая, что даже в регионе Дальнего Востока в каждом территориальном органе в модель может быть внесен свой отличительный признак, характерный для местных условий.

Вряд ли следует увлекаться (и от этого хотелось бы предостеречь) излишней детализацией и бесконечным расширением перечня признаков. Это может привести к тому, что за нагромождением деталей исчезнут отличительные (особенные) признаки модели японского источника информации, то есть может произойти возврат к старой «болезни».

Как уже говорилось, необходимым условием успешного функционирования поисковой системы является перестройка под ее параметры работы информационно-аналитических подразделений и других вспомогательных служб. В сегодняшнем виде она (их работа) в создаваемую поисковую систему вписаться не сможет. При первых же попытках пустить в обработку материалы, относящиеся к работе по японской линии, обнаруживается, что в довольно объемном классификаторе признаков шпионской деятельности нет ни одного, к которому можно было бы отнести («подвязать») действия японского источника информации¹⁷. По существующему регламенту учету в системе «Сигнал» подлежат сведения, подпадающие под такие позиции, как «подозрительный интерес к секретам», «подозрительный контакт с иностранцами» и т. п., то есть такая информация, которая либо прямо содержит в себе компрометирующие данные, либо дает основание заподозрить кого-то во враждебных действиях. Причем зачастую существенную (порой решающую) роль при оценке поступающих на обработку материалов играет их свежесть, срывает своего рода срок давности.

В то же время сконцентрированные данные в отношении конкретного лица, по совокупности подпадающие под признаки личности и поведения предполагаемого источника информации японских спецслужб, в систему «Сигнал» не закладываются, так как в привычную схему (перечень) не вписываются.

¹⁷ Это не ставит под сомнение состоятельность унифицированной системы «Дельта» как базовой в ЕСИОК, которая иной и быть не может.

Совершенствование (развитие) региональных информационных систем на базе «Дельты», придание им гибкости отнюдь не противоречат идее ЕСИОК.

Подвергаются также отсеvu многие сведения, которые при их индивидуальном исследовании не представляются оперативно значимыми.

За отсутствием в классификаторе перечня специфических признаков случаи фиксирования повторных проявлений со стороны заподозренного лица в течение установленных сроков весьма редки и являются обычно следствием фактора случайности, а не результатом закономерности поисковой работы.

На практике дело обычно сводится к тому, что по истечении регламентированного срока (до пяти лет) материалы подобного рода уничтожаются «за неподтверждением». Тем самым мы лишаемся преемственности в изучении лиц, возможно занимающихся сбором сведений без внешних активных проявлений. В погоне за более «солидными» и «бесспорными» признаками нередко упускаются «мелочи», за которыми могут скрываться действия противника.

«Анализ дел на разоблаченных агентов иностранных разведок свидетельствует о том, что по этим делам в органы государственной безопасности прежде поступали, как правило, первичные сигналы, которым не была придана оперативная значимость в силу недостаточности содержащейся в них информации. И лишь впоследствии при сопоставлении этих сигналов с новыми оказывалось, что они несут в себе весьма важную оперативную информацию»¹⁸.

Пока же не просматривается ожидаемая обратная связь: от получения, обработки и закладки в информационные массивы до выдачи выводных и прогностических данных.

Приспосабливая информационно-аналитические службы территориальных органов Дальнего Востока к потребностям поисковой работы, видимо, целесообразно исходить из следующих соображений:

1. Информационное обеспечение контрразведки не может быть сведено лишь к одной, даже самой универсальной системе. «Дельта» не может заменить такие традиционные системы, каковыми являются дела оперативного учета и следственные дела, а также другие информационные системы локального характера как в центре, так и на местах, которые сохраняют свое значение для частных задач.

2. Информационное обеспечение каждой из форм контрразведывательной работы должно осуществляться в меру централизованно и в то же время в меру децентрализованно.

Вопрос о степени децентрализации информационной работы в контрразведке не может быть решен однозначно. Важно лишь подчеркнуть принцип «степень централизации информационной

¹⁸ Тетерин Б. С. Теоретические вопросы информационной и аналитической работы в советской контрразведке. Докт. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1977, с. 223—224.

работы зависит от степени централизации самой контрразведывательной работы».

3. Местным информационным системам нужно придать большую оперативную направленность за счет максимального приближения технологии обработки и выдачи информации к условиям оперативной обстановки местного органа КГБ (либо в целом региона).

Видимо, главное место здесь будет отведено расширению возможностей классификатора признаков шпионской деятельности, приданию ему большей оперативной направленности, гибкости и соответствия специфике решаемых задач, а также приближению технологии обработки и выдачи информации к местным условиям.

При разработке классификатора нужно иметь в виду, что характер признаков зависит от метода получения разведывательной информации, способа ее фиксирования, хранения или передачи и стадии развития операции. Следовательно, классификатор признаков должен объединить все эти компоненты таким образом, чтобы достаточно четко отобразить взаимосвязь между ними. Отсюда вытекает, что искомый классификатор, вероятно, будет сориентирован на модель предполагаемого облика японского агента с присущими ему признаками и с соответствующим их группированием: признаки субъективной стороны (признаки личности) и признаки объективной стороны (признаки поведения)¹⁹. На наш взгляд, при этом возможны два пути:

поиск самостоятельных определений и формулировок признаков, поскольку речь идет о нестереотипном способе сбора информации;

«дробление» некоторых позиций имеющегося классификатора. К примеру, позицию «подозрительный интерес к секретам», более или менее пригодную в смысле приближения к характеристике признаков японских источников информации, можно раздробить: «появлялся в местах погрузки—выгрузки военной техники», «оказался в местах расположения или вблизи (либо на территории) воинской части под каким-либо предлогом», «проводил глазами колонну военной техники», «прислушивался к разговорам военнослужащих», «регулярно вращается в кругу военнослужащих, членов их семей и вольнонаемных служащих военных учреждений», «имеет по роду работы широкую клиентуру среди вышеназванных категорий населения» и т. д. и т. п.

Параллельно с работой по совершенствованию ИАП и не дожидаясь ее результатов, было бы целесообразно организовать в оперативных подразделениях на каждом участке и направлении систематический анализ имеющихся и поступающих мате-

¹⁹ По мнению автора, не имеет принципиального значения, будет ли это дополнение к существующему перечню или отдельная система признаков.

риалов по японской линии, используя в этих целях разработанные схемы или осуществляя его в любой другой удобной форме. В основе анализа должны лежать полученные со всех участков и направлений за различные годы оперативно значимые данные на жителя СССР²⁰. Не подменяя работы ИАП и до ее модернизации такой порядок накопления оперативно значимых данных на конкретное лицо даст возможность оперативному работнику в ходе поисковой работы сосредоточить внимание на наиболее вероятных местах проявления противника.

Подлежит также модернизации практика использования таких компонентов создаваемой поисковой системы, как оперативно-технические средства и наружное наблюдение. Основной упор при использовании этих вспомогательных средств представляется целесообразным сделать на выяснении содержания контактов, несмотря на их кажущуюся будничность и ординарность, и использовать малейшие возможности для обеспечения бесед техническим контролем, готовясь применить его как в местах, которые могут посещаться иностранцами, так и в нейтральных и трудно предугадываемых ситуациях (технические средства ОТО и 7-й службы).

Учитывая, что канал международной переписки может использоваться противником главным образом для того, чтобы сориентировать своих источников на предстоящие акции по приему—передаче информации, видимо, целесообразно нацелить службы ПК на выявление подобных фактов, возможно, даже частично отказавшись от заведомо напрасной траты усилий на обнаружение тайнописи и пр.

Было бы также целесообразным приспособить методику наружного наблюдения за подозреваемыми лицами для фиксирования косвенных признаков аккумуляирования сведений по принципу «видеть — слышать — запоминать».

Свой вклад в поисковое дело могли бы внести и следственные подразделения. При расследовании уголовных дел по контрабанде и другим видам правонарушений, связанных с контактами советских граждан с иностранцами, они могли бы помимо установления состава преступления по соответствующим статьям выяснять характер и эволюцию контактов подследственного с японцами для определения причин проявленного к нему интереса со стороны иностранцев.

Это позволит непрерывно держать в поле зрения органов КГБ лиц, возможно втягиваемых японцами в пособничество, не теряя их из виду. Одновременно таким путем будет накапли-

²⁰ Накопление материалов в отношении жителя СССР могло бы осуществляться примерно так же, как в отношении попавшего в поле зрения иностранца до заведения на него оперативной подборки. Учет (регистрацию) таких материалов (в отдельных папках-делах) можно осуществлять в рамках соответствующих литерных дел либо другим путем, исключая нарушение принципа социалистической законности.

ваться опыт использования возможностей следственной разработки для реализации дел оперативного учета с окраской «шпионаж японский».

Наметившиеся в правящих кругах Японии гегемонистские и милитаристские тенденции, являющиеся следствием ее возросшей экономической мощи, приверженность руководства этой страны агрессивному антисоветскому курсу США могут привести к усилению военного аспекта в разведывательных устремлениях японских спецслужб к СССР. Это подтверждает актуальность проблемы совершенствования контрразведывательного поиска источников информации японских спецслужб.

*Рекомендована спецкафедрой № 2
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор Н. Н. Вербовой*

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВНИКА

Кандидат юридических наук
капитан 1 ранга А. М. Колычев

ПОДГОТОВКА ПРОТИВНИКА К ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Современная политическая обстановка в мире характеризуется большой напряженностью и остротой. Это вызвано агрессивным курсом нынешней администрации США и их союзников по НАТО, которые ведут всесторонние приготовления, включая и планы вооруженной борьбы, по уничтожению социализма как общественно-политической системы. В своих военных приготовлениях Пентагон еще не отказался полностью от иллюзий достижения победы в ядерной войне. В Директивных указаниях по строительству вооруженных сил США на 1984—1988 гг. сказано, что в ядерной войне «США должны одержать верх и иметь возможность принудить СССР в короткие сроки прекратить военные действия на условиях США»¹. Таким образом, ставка на победу в ядерной войне, на установление мирового господства составляет основу военной доктрины США.

На учениях войск США отрабатываются способы внезапного нападения и ведения операций с нанесением ударов на всю глубину построения Вооруженных сил стран — участниц Варшавского Договора, в том числе по вторым эшелонам, резервам и коммуникациям². В ряде таких учений принимают непосредственное участие специальные диверсионные подразделения.

Противник, и в первую очередь военное командование США, рассматривает диверсионную деятельность как составную часть вооруженной борьбы. При этом многие задачи, которые предполагается решать силами специальных диверсионных подразделений, отграничиваются от боевых задач военного командования.

Некоторые из возлагаемых на эти подразделения задач они будут решать самостоятельно, а другие во взаимодействии с агентурой, находящейся на объектах или в их окружении.

¹ Цит. по: Гареев М. А. Советская военная наука. М., Знание, 1987, с. 7—8.

² См. там же, с. 10.

Составной частью общей военной доктрины США является теория подготовки и ведения диверсионно-подрывной деятельности в ходе войны. Американское военное руководство планирует развертывать ее в тылу противостоящих государств еще в угрожаемый период в целях содействия стратегическим и оперативно-тактическим операциям своих вооруженных сил. В военное время одним из главных предназначений диверсионно-разведывательных формирований (по американской терминологии — «сил специальных операций») является обеспечение действий группировок американских войск на конкретных ТВД путем проведения разведывательно-диверсионных и психологических операций в тылу противоборствующей стороны³.

О значении, которое противник придает организации диверсионной деятельности в условиях современной войны, свидетельствуют факты.

В Руководящих указаниях по вопросам обороны на 1984—1988 гг., которые в мае 1982 г. были направлены командующим видами вооруженных сил, бывший министр обороны США К. Уайнбергер отмечал, что США должны «возродить, активизировать и укрепить войска специального назначения, чтобы продемонстрировать мощь Соединенных Штатов там, где применение обычных сил было бы преждевременным или невозможным»⁴. Это указание послужило основанием для дальнейшего укрепления войск специального назначения не только в сухопутных войсках, но и в ВВС и ВМС США.

Достоянием мировой общественности стал секретный план заброски американских диверсантов в СССР и в другие социалистические страны. Согласно этому плану операции войск специального назначения начнутся «в момент возникновения военных действий или даже раньше». На территории Европы противником выделено более ста оперативных районов для развертывания диверсионной деятельности. Большая их часть находится на территории СССР.

Для выработки рекомендаций и предложений по вопросам, связанным с боевым использованием, подготовкой, организацией и обеспечением войск специального назначения, при Комитете начальников штабов (КНШ) в 1984 г. было создано Объединенное управление специальных операций, а в настоящее время рассматривается возможность создания Объединенного командования специальных операций (ОКСО) ВС США, которое будет подчиняться непосредственно президенту страны и министру обороны через КНШ⁵.

Все сказанное обязывает органы государственной безопасности постоянно повышать готовность оперативных сил и

³ См.: Указание КГБ СССР № 1с от 6.01.87 г., с. 5; Гареев М. А. Советская военная наука, с. 4.

⁴ Цит. по: Сборник КГБ, 1983, № 98, с. 89.

⁵ См.: Указание КГБ СССР № 1с, с. 11—12.

средств для борьбы с ДРФ противника, знать их задачи, организацию, вооружение и способы действий, своевременно выявлять вероятные районы их заброски и укрытия, уточнять объекты их подрывных устремлений, иметь в этих местах надежные агентурные позиции и необходимые силы и средства для перехвата и ликвидации ДРГ противника.

В современных условиях возникает ряд вопросов, требующих научного обоснования, ответы на которые позволят дать реалистичную оценку действиям противника в особый период, осмыслить организационную структуру и задачи войск специального назначения, а также учесть применяемые ими методы и средства совершения диверсий.

В предлагаемой статье автор на основе анализа имеющихся материалов о специальных силах противника попытался определить их основное предназначение на военный период, кратко рассмотреть их организацию, систематизировать задачи, которые ставятся перед ними на военное время, отметить перспективы развития, а главное — показать, что именно предпринимается противником в плане подготовки к диверсионной деятельности силами специальных операций (СО) в случае начала военных действий.

В США первые ДРФ были созданы в 1942 г. в виде батальонов «рейнджеры», которые привлекались для обеспечения операций вооруженных сил и проведения разведывательно-диверсионных рейдов в тылу противника. В 1952 г. в гарнизоне Форт-Брегг была создана 77-я группа войск специального назначения (воздушно-десантная), а затем на базе этого подразделения были сформированы еще несколько групп специального назначения сухопутных войск («зеленые береты»), которые стали основным звеном войск специального назначения (СН) США⁶.

В настоящее время каждый вид вооруженных сил США имеет собственные части и подразделения спецназначения с различной организацией, специфическими задачами и способами боевых действий. Общее руководство ими осуществляет президент страны (верховный главнокомандующий) и министр обороны по административной линии через министров и штабы видов вооруженных сил, а по оперативной — через КНШ ВС США.

На 1986 г. силы СО вооруженных сил США составляли 32 тыс. человек (15 тыс. — в регулярных войсках и 17 тыс. — в резервных). В их число входит:

в сухопутных войсках — восемь групп спецназначения (1, 5, 7, 10-я — в регулярных войсках, 11-я и 12-я — в резервных, 19-я и 2-я — в национальной гвардии); 75-й пехотный полк «рейнджеры» (состоит из трех батальонов); 160-й батальон

⁶ См.: Указание КГБ СССР № 1с, с. 4—5.

армейской авиации; отряд «Дельта» и четыре группы «психологической войны»;

в военно-воздушных силах — две авиадивизии (одно авиакрыло, 1-я и 7-я авиаэскадрильи и один отряд специального назначения); вертолетный отряд;

в военно-морских силах — на Тихоокеанском флоте — 1-я группа специального назначения в составе трех разведывательно-диверсионных отрядов и эскадры катеров спецназначения; на Атлантическом флоте — 2-я группа спецназначения в составе трех разведывательно-диверсионных отрядов и эскадры катеров спецназначения.

На вооружении сил СО имеется более 100 специально оборудованных самолетов и вертолетов, около 120 катеров и других плавсредств, включая три атомные подводные лодки, минометы, безоткатные орудия, гранатометы и другие противотанковые средства, пулеметы, снайперские винтовки, специальные мины, в том числе малогабаритные ядерные, химические отравляющие вещества и бактериальные средства, малогабаритные переносные радиостанции спутниковой связи и средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ)⁷.

Основными формированиями войск СН являются группы и эскадрильи СН, а также отдельные роты глубинной разведки. Все группы СН в оперативном отношении предназначены для действий на определенном ТВД и в соответствии с ним комплектуются личным составом, который знает языки и проходит боевую подготовку применительно к району боевого использования⁸. Так, в составе американских вооруженных сил, базирующихся на Аляске, имеются скомплектованные из коренного населения специальные подразделения — батальоны «рейнджерс» диверсионно-разведывательного назначения для действий на нашей территории. Такие же формирования созданы в Японии, в частности на о. Хоккайдо, для совершения диверсий на Сахалине и в других районах советского Дальнего Востока.

Для действий в условиях Европы предназначена дислоцирующаяся основным составом в Форт-Девенс 10-я группа СН, которая до 1968 г. в полном составе находилась в Бад-Тельц (ФРГ). В настоящее время в Европе заскладировано вооружение, снаряжение, транспортные и технические средства группы, что позволяет в случае необходимости или осложнения обстановки быстро ввести группу в действие, перебросив лишь личный состав из США на транспортных самолетах.

10-я группа СН состоит из штаба, штабной роты, трех батальонов СН, роты обслуживания, роты связи и разведывательной роты. Каждый батальон СН имеет в своем составе штабной

отряд и три роты. В свою очередь каждая рота состоит из штабного отряда и шести оперативных отрядов.

По американской классификации штабной отряд батальона СН называется отряд «С», штабной отряд роты СН — отряд «В» и оперативный отряд — отряд «А». Таким образом, в составе группы имеется три отряда «С», девять отрядов «В» и 54 отряда «А»⁹.

С целью оперативного развертывания 10-й группы СН на Центрально-Европейском ТВД и организации ее боевого применения в Бад-Тельц постоянно дислоцируется штабной отряд из 27 человек и рота обслуживания из 106 человек из состава группы, а также 1-й батальон из 216 человек. Этот базовый батальон (с приданными подразделениями) организует боевую подготовку, накапливает данные для планирования специальных операций по диверсионной деятельности¹⁰.

Что касается сил СН ВВС США, то, например, для использования в Европе предназначена 7-я эскадрилья СН (авиабаза Рейн-Майн, ФРГ). Она оснащена тремя транспортными самолетами С-130 и четырьмя диверсионно-транспортными самолетами МС-130Е. Этот тип самолетов имеет большую полезную нагрузку, дальность и продолжительность полета, оборудован системой автоматического огибания препятствий, позволяющей осуществлять полет на предельно малых высотах, контейнерными станциями радиоэлектронной борьбы, радиолокационной системой десантирования людей и грузов вне видимости земли, а также устройством беспосадочного подбора людей и грузов с земли и воды. Фюзеляж самолета имеет противорадиолокационное покрытие. На самолете установлена аппаратура дозаправки топливом в воздухе.

Задачами 7-й эскадрильи СН являются:

оказание авиационной поддержки диверсионным группам при ведении боевых действий;

выброска, возвращение ДРГ, доставка им боеприпасов, вооружения, медикаментов и пр.;

тактическая воздушная разведка;

изоляция района боевых действий средствами РЭБ;

топографическая съемка местности и др.

В плане совершенствования авиационных средств спецназначения намечается перейти на использование самолетов МС-130Н, которые в отличие от самолетов МС-130Е будут иметь больший объем грузовой кабины, более совершенное бортовое оборудование. Это позволит снизить количество членов экипажа с девяти до семи человек, увеличить количество подбираемых без посадки диверсантов с двух до шести и т. д.

⁷ См.: Силы специальных операций ВС США. М., изд. ГРУ ГШ ВС СССР, 1987, с. 6—38.

⁸ Подробнее о комплектовании и подготовке личного состава войск спецназначения США см.: Указание КГБ СССР № 1с, с. 26—31.

⁹ См.: Силы специальных операций ВС США, с. 11.

¹⁰ Материалы УОО КГБ СССР по ГСВГ, дело оперативной разработки «Даймон», № 1184.

В начале 90-х гг. на вооружение сил специального назначения ВВС США планируется поставить новые летательные аппараты С-22 «Оспрей», обладающие свойствами самолета и вертолета, способные перебросить группу в 12 человек на дальность до 1300 км.

Для ведения разведывательных и подводно-диверсионных действий против кораблей и судов на стоянках в базах, пунктах базирования, пунктах рассредоточения и т. п., а также против других объектов и сооружений в море, во внутренних водоемах, в прибрежной зоне во многих армиях империалистических государств (США, Англии, ФРГ, Израиля и др.) созданы подводные диверсионные силы и средства (ПДСС) (например, в США это силы специальных операций ВМС). Личный состав таких формирований проходит специальную подготовку по умению владеть всеми видами оружия, диверсионной техникой, а также действовать ночью и днем в условиях плохой видимости. В ходе подготовки изучаются и отрабатываются методы заброски в район действия, а также задания по подрыву объектов на суше, на воде и под водой¹¹.

В настоящее время в составе ВМС капиталистических государств имеется около 200 сверхмалых подводных лодок (СМПЛ) и более 7500 подводных диверсантов. Военно-промышленный комплекс этих государств позволяет в короткое время развернуть широкое строительство СМПЛ и производство необходимых средств подводных диверсий¹².

КГБ, Разведуправление Главного штаба ВМФ располагают информацией о наличии в ВМС США специальных подводных лодок типа «Грейбэк», оснащенных механизмами с пониженными шумами, имеющих подводную скорость 17 узлов и могущих принимать на борт четыре СМПЛ, предназначенные для диверсантов-разведчиков¹³, а также десантных судов, быстроходных катеров, специальных подводных скутеров, буксировщиков и других специальных плавсредств для заброски агентуры и диверсантов¹⁴.

Для доставки в районы боевого применения аппаратов — транспортировщиков боевых пловцов, оружия, снаряжения и самих подводных диверсантов используются переоборудованные атомные подводные лодки типа «Этен Аллен» и «Стерджен». Это позволяет противнику обеспечивать доставку и высадку диверсионных групп в самых отдаленных районах. Такие лодки могут производить выброску диверсантов при малом ходе лодки на глубине до 30 м или при нахождении ее на грунте. К 1990 г.

¹¹ См.: Силы специальных операций ВС США,

¹² См.: Тактика надводных кораблей. Л., изд. 6 ВСОК ВМФ, 1985, с. 180.

¹³ См.: Синников Л. П. Батальон в обороне морского побережья. М., Воениздат, 1973, с. 17—18.

¹⁴ См.: Наставление по обеспечению боевых действий сил Военно-Морского Флота (НОБД ВМФ-81). М., Воениздат, 1981, ч. 9, с. 66—67.

в составе войск спецназначения ВМС США планируется иметь шесть таких подводных лодок.

По материалам, полученным органами безопасности ГДР, стало известно, что в США созданы совершенно новые, отличные от известных органам КГБ, специальные диверсионные формирования ВМС, именуемые «командами специальных стратегических операций»¹⁵. Они созданы из военнослужащих войск НАТО, главным образом из «рейнджеров» и «подводных диверсантов», которые сначала были завербованы представителями американской разведки как агенты, а затем прошли дополнительную специальную подготовку и были сведены в названные диверсионные группы.

Разработкой стратегических концепций и структуры этих подразделений занимались в конце 60-х — начале 70-х гг. адмиралы Томас Ф. Конолли и Гэральд Г. Бовен. Вместе с ними работал представитель Агентства национальной безопасности капитан ВМС Ойген Ф. Файрфакс, который в последующем был назначен командиром главного штаба по специальным стратегическим операциям, подчиненного непосредственно оперативному штабу АНБ¹⁶.

Созданные специальные команды подчинены Агентству национальной безопасности Соединенных Штатов Америки и являются его военными подразделениями с названием «команды специальных стратегических операций». Ни одно подразделение из этих «команд» не выступает официально, а находится под прикрытием воинских частей, экономических, промышленных или торговых организаций (предприятий). Их сотрудникам (которые после выполнения ряда заданий зачисляются в кадровый состав АНБ) выдаются личные документы, соответствующие их официальному прикрытию.

В США и за границей размещены опорные пункты (базы) «команд» тоже под прикрытием либо воинских частей, либо гражданских учреждений и фирм. Находятся они вокруг социалистических государств в следующих странах: в США (включая Аляску, прилегающие и Гавайские острова), Японии, Южной Корее, Западном Пакистане, Турции, Италии, Австрии, ФРГ, Дании, Швеции, Финляндии и Норвегии.

В условиях мирного времени «команды» занимаются сбором информации о важных оборонных и стратегических объектах на территории ГДР, ПНР и СССР в интересах совершения там

¹⁵ Данная информация получена органами МГБ ГДР от арестованных в 1965—1969 гг. бывших военнослужащих западногерманских частей НАТО Бохо, Баумгартена, Теппервина и др. (всего более 10 человек), которые были завербованы американскими спецслужбами, прошли дополнительную подготовку в качестве водолазов-диверсантов и были заброшены в ГДР для выполнения заданий по подготовке к диверсионной деятельности на случай начала военных действий (Материалы ВГУ, Управление «А», дело № Н-1750, т. 1, 2, 3, 4, 5, 6).

¹⁶ Там же, т. 2, с. 290.

диверсий во время войны. Для этого в район объектов доставляется специальная разведывательная радио- и радиоэлектронная аппаратура и аппаратура для создания радиопомех в случае начала военных действий.

Новым в деятельности «команд» является то, что разведывательные задания в отношении важных объектов выполняются разведчиками-диверсантами как из воды, непосредственно из сверхмалой подводной лодки (СМПЛ), так и с выходом разведчиков на побережье.

В своих показаниях арестованные органами безопасности ГДР агенты-диверсанты Бохо, Теппервин и Баумгартен заявили, что, выполняя задания на территории ГДР, они вербовали агентов из местных жителей. Эти показания подтверждаются материалами следствия на завербованных ими агентов, которые были арестованы немецкими чекистами¹⁷.

Из показаний Бохо, Теппервина и Баумгартена видно, что подразделения «команд специальных операций» в настоящее время ведут разведку объектов Советского Союза на Балтийском, Черном и Японском морях в плане возможности совершения там диверсий во время войны¹⁸.

В сопредельных с СССР странах созданы законспирированные базы (опорные пункты) для заброски диверсантов. С этих баз на советское побережье отрабатываются маршруты для СМПЛ. На Балтийском море такие маршруты якобы отрабатаны в направлении Клайпеды, Лиепая, Вентспилса, Рижского залива, островов Хиума, Сааремаа и др. Отрабатываются маршруты движения и по некоторым пограничным и внутренним рекам СССР.

Теппервин на следствии показал, что он лично с напарником высаживался со СМПЛ на побережье Латвийской ССР и провел разведку одного из аэродромов. После выполнения задания на той же СМПЛ он возвратился на базу в ФРГ.

Проверка показала, что описанное Теппервином место операции может относиться к району севернее Лиепая. Оперативная оценка реальности этого факта различными подразделениями органов КГБ противоречива: КГБ Латвийской ССР считает показания Теппервина ложными, а Управление пограничных войск Северо-Западного пограничного округа, а также сотрудники 2-го и 3-го Главных управлений КГБ СССР и Особого отдела дважды Краснознаменного Балтийского флота, выезжавшие на указанное Теппервином место высадки, находят его показания правдоподобными. Кроме того, Теппервин заявил, что он лично со СМПЛ вел разведку советских кораблей и побережья в районе Севастополя. Лодка выходила на разведку из базы в Турции.

¹⁷ Материалы ВГУ, Управление «А», дело Н-1750, т. 3, с. 287.

¹⁸ Там же, с. 288.

О наличии таких баз в Турции также дал показания арестованный Бохо¹⁹.

В настоящее время Комитет государственной безопасности СССР располагает многочисленными сигналами, поступившими в территориальные органы, особые отделы и пограничные войска приморских районов, которые с разной степенью достоверности указывают на разведывательную деятельность противника, проводимую в районах ВМБ социалистических стран с использованием СМПЛ и аквалангистов.

Цели, подозрительные на СМПЛ и аквалангистов, чаще всего наблюдались визуально и неоднократно фиксировались радиолокационными и гидроакустическими средствами погранвойск и ВМФ СССР. Отдельные цели фиксировались одновременно техническими средствами и визуально членами судовых команд и жителями приграничных населенных пунктов²⁰.

По сообщению УКГБ по Крымской области, еще в 1963—1968 гг. поступило несколько сигналов о появлении вблизи Крымского побережья неизвестных подводных лодок²¹.

По данным КГБ Грузинской ССР, 15 апреля 1969 г. экипажем теплохода «Киров» при следовании из Одессы в Батуми в операционной зоне Керченско-Феодосийской ВМБ была подобрана резиновая лодка на семь человек. Лодка американского производства, изготовленная по заявке ВМС США. Известно, что лодки этой конструкции используются и боевыми пловцами.

По данным Особого отдела КГБ 23-го пограничного отряда (Калининградская обл.), только в течение 1970 г. постами технического наблюдения неопознанные малые цели вблизи побережья наших ВМБ фиксировались 16 раз.

Цели, квалифицировавшиеся наблюдавшими их офицерами дважды Краснознаменного Балтийского флота как СМПЛ, неоднократно появлялись непосредственно у порта Лиепая.

Некоторые сигналы указывают на возможное появление СМПЛ противника не только в советских территориальных водах, но даже в акватории портов. При проверке одного из сигналов о появлении СМПЛ в порту Лиепая водолазами в 50—70 м от мола была обнаружена затягивающаяся песком-плывучим ложбина, похожая на место залегания СМПЛ.

¹⁹ Материалы ВГУ, Управление «А», дело № Н-1750, т. 3, с. 330.

²⁰ С 1959 г. в контрразведывательные аппараты и пограничные войска КГБ, в разведку Краснознаменной Каспийской флотилии поступило в общей сложности около 60 сигналов с разной степенью достоверности, свидетельствующих о появлении целей, подозрительных на СМПЛ и аквалангистов.

²¹ Так, 8 июля 1965 г. в 14 час. 44 мин. на траверзе мыса Херсонес с ракетных катеров (РК) был замечен перископ подводной лодки. На поиск ПЛ направлялись вертолеты, корабли, выставлялись противолодочные буй. В 16 час. 20 мин. начал работать буй, а через 10 мин. ПЛ обнаружил торпедный катер (ТК). Вскоре, однако, цель была утеряна, а дальнейший поиск результатов не дал.

Характерно, что наибольшее число сигналов об обнаружении целей, подозрительных на СМПЛ и аквалангистов, падает на те районы, в отношении которых имеются показания об отработанных маршрутах движения СМПЛ на Советский Союз или о наличии там опорных пунктов (Балтийское, Каспийское и Черное моря).

В ГДР зафиксирован ряд событий, которые хотя и не рассматривались под углом зрения возможных действий диверсантов-аквалангистов, но могли быть увязаны с этой деятельностью (обнаружение подозрительных водолазов, предметов одежды и снаряжения, бункеров и т. п.).

Основываясь на результатах оперативных игр и материалах следственных дел на разоблаченных агентах, кубинские друзья установили, что ЦРУ США для заброски агентуры на территорию республики практикует заблаговременное создание так называемых «комитетов по приему»²². В состав «комитета» входят тщательно подготовленные и заранее заброшенные на Кубу агенты, которые обеспечивают безопасность высадки новых групп, переправляемых морским путем. Кубинские друзья обращают внимание на то, что наиболее ответственные операции ЦРУ осуществляются агентами-аквалангистами.

Таким образом, в последние годы КГБ СССР получены документальные сведения о том, что противник создал и использует в настоящее время специальные силы и средства для сбора информации об объектах с целью проведения на них диверсий в военное время.

Небезынтересным является и тот факт, что определенное место в осуществлении агрессивных планов ведения войны на море противник отводит морским животным: дельфинам, гриндам, морским львам, тюленям. В настоящее время в многочисленных лабораториях и на базах США ведутся работы по использованию их для уничтожения морских целей (подводных лодок, надводных кораблей, транспортов) в ВМБ, портах, гаванях, для подрыва плотин и других гидросооружений. Подобные эксперименты ведутся, в частности, специалистами ЦРУ в Ки-Уэсте, у побережья Флориды²³.

Следует отметить и то, что, несмотря на улучшение отношений между СССР и КНР, военное командование и спецслужбы Китая придают большое значение разработке вопросов организации и ведения разведывательно-диверсионной деятельности на территории Советского Союза. В настоящее время в Китае созданы и функционируют разведывательно-диверсионные формирования в сухопутных войсках, в ВМС, в воздушно-десантных частях, в полках пограничной охраны и в народном ополчении, которые должны широко использоваться в случае войны с Со-

²² Материалы ВГУ, Управление «А», дело № Н-1750, т. 7, с. 5.

²³ См.: Васильев Г. Использование морских животных в военных целях. — Зарубежное военное обозрение, 1983, № 1, с. 73—75.

ветским Союзом. Осуществление диверсий планируется проводить не только специальными формированиями, но и с помощью агентуры. Хотя в их организации имеются значительные различия в зависимости от того, используются агентурные или войсковые средства, однако задачи, решаемые ими, одни и те же: уничтожение или вывод из строя важных объектов, отравление или убийства отдельных лиц (а иногда и массовые отравления), создание бандитских отрядов, применение бактериологических, радиоактивных средств и другие²⁴.

Придавая большое значение деятельности диверсионно-разведывательных формирований, китайские спецслужбы обращают особое внимание на подбор, комплектование и проверку личного состава этих подразделений. В них зачисляются «отборные люди», питающие ненависть к Советскому Союзу, готовые на любые жертвы ради достижения поставленной цели. Большое внимание уделяется их подготовке, особенно тех, которые предназначены для нелегальной заброски на территорию СССР²⁵.

Планами развития сил специальных операций США к 1990 г. предусматривается увеличить их численность более чем на 30%, в регулярных частях их численность будет достигать 21 тыс. человек. А ежегодный бюджет превысит 1,7 млрд. долл.

В последние два десятилетия диверсионно-разведывательные подразделения США, Израиля, Англии, ЮАР и Франции широко использовались в агрессивных локальных войнах и диверсионно-террористических акциях. В прибрежных районах и портах действовали подводные диверсанты (боевые пловцы)²⁶. Так, во время войны в Корее, Вьетнаме боевые пловцы ВМС США высаживались на побережье для разрушения береговых объектов, в том числе железнодорожных мостов, туннелей, плотин. Высадки производились преимущественно в темное время суток, без артиллерийской и авиационной поддержки. В районы боевых действий пловцы доставлялись быстроходными транспортом, подводными лодками, катерами, рыболовными шхунами и джонками.

Команды боевых пловцов действовали также в Индонезии, Бирме, Ливане и во Вьетнаме.

Специальные военно-морские диверсионно-разведывательные группы применялись англичанами при высадке десанта на Фолкленды в период англо-аргентинского конфликта (май 1982 г.)²⁷.

Французские подводные диверсанты осуществили диверсионный акт в новозеландском порту Окленд против судна «Рейнбоу Уорриор».

²⁴ См.: Коваленко А. Г., Пономарев Б. И. Специальные службы КНР. Монография. М., изд. ВШ КГБ, с. 268—269, 272, 276.

²⁵ См. там же, с. 274.

²⁶ См.: Спиридонов В. А. Подводные диверсионные силы и средства противника и задачи, решаемые ими. М., изд. ВШ КГБ, 1987, с. 6.

²⁷ См.: Красная звезда, 1982, 21 мая.

Ныне одним из новых аспектов в подготовке диверсантов нашего главного противника является то, что группы диверсантов направляются за рубеж для изучения районов возможного их применения в военное время. Как сообщается в иностранной печати, за последние годы 300 диверсантов уже прошли «стажировку» в различных странах мира²⁸.

Кроме того, практика деятельности особых отделов КГБ СССР по ГСВГ и органов МГБ ГДР показывает, что спецслужбы США направляют на территорию ГДР специально подготовленных агентов из числа «рейнджеров» для оседания в районах важных объектов с целью развертывания разведывательно-подрывных акций в военный период. Агентам разрабатываются легенды, подтверждающие «настоятельную необходимость» переселиться на жительство в ГДР, а иногда и проводятся мероприятия по подтверждению некоторых легенд. Ряд агентов проникает на территорию ГДР нелегально, затем легализуется²⁹.

Противник рассчитывает, что в предконфликтный период агентам из числа «рейнджеров» удастся скрыться от возможных арестов органами безопасности и приступить к выполнению заданий. По данным на 1983 г., на территории ГДР в окружении военных объектов осело 85 бывших «рейнджеров», из них 26 изучались или держались под контролем как возможные агенты, используемые по линии спецвойск³⁰.

Первоочередными объектами диверсионных действий противник считает штабы и командные пункты, узлы управления и связи, склады атомного и термоядерного оружия, боеприпасов, топлива, боевые корабли (особенно атомные подводные лодки) и их механизмы, транспортные и вспомогательные суда, плавкраны и плавдоки, гидротехнические сооружения (мосты, волнорезы, пирсы, причальные стенки, шлюзы и т. п.), маяки, подводные кабели, железнодорожные паромы, а также береговые объекты (аэропорты, ракеты на позициях, водокачки, линии электропередач, электростанции, радио- и радиолокационные станции, судоремонтные заводы, казармы с живой силой и др.)³¹.

Применяя специальные ДРФ, противник иногда планирует не только совершение диверсий по уничтожению или выводу из строя объектов, но и захват их с целью последующего использования своими силами³².

²⁸ См.: Красная звезда, 1983, 15 октября.

²⁹ Подробнее об этом см.: Богдан М. Н., Колычев А. М. Подрывная деятельность военной разведки США против советских войск в Германии с территории ФРГ и Западного Берлина. Лекция. М., изд. ВШ КГБ, 1987.

³⁰ Материалы УОО КГБ СССР по ГСВГ, литерное дело № 1578, т. 3.

³¹ См.: Мосалев В. Принципы использования подводных разведывательно-диверсионных подразделений. — Зарубежное военное обозрение, 1982, № 12, с. 73.

³² См.: Синников Л. П. Батальон в обороне морского побережья, с. 3, 7, 24.

Военно-политическое руководство империалистических государств важное значение придает совершенствованию подводных диверсионных сил и средств (ПДСС), с помощью которых оно предполагает решать следующие задачи:

уничтожение или блокирование подводных лодок (при их нахождении в базах) и других важных объектов военно-морского флота противоборствующей стороны;

доставка на территорию противоборствующей стороны (или эвакуация с нее) агентов, технических средств и материалов;

разведка прибрежной полосы территории противоборствующей стороны с целью выбора наиболее вероятных районов высадки десантов, изучения системы противодиверсионной обороны и проведения других мероприятий по дезорганизации деятельности ее флота³³.

Вообще реки, озера, каналы и другие водные пути, а также прибрежные воды, омывающие пункты базирования сил флота, открывают перед ПДСС хорошие возможности для проведения подрывных операций. В Боевом уставе армии США выделен специальный раздел «Подрывные операции», где говорится, что, если умело применять способы проведения подводных операций, подразделения спецвойск могут успешно проводить операции во всех оперативных районах³⁴.

В публикуемых в зарубежной печати материалах отмечается, что круг задач, которые в последние годы ставятся перед специальными подразделениями, значительно расширился, и дается высокая оценка эффективности мобильных диверсионно-разведывательных групп, использовавшихся во время арабо-израильского конфликта; в розыске бригадного генерала Дж. Доузера в 1982 г., которого итальянские террористы держали в качестве заложника; при организации вторжения в 1983 г. на о. Гренада (операция «Ерджент Фьюри»); на территориях стран Латинской Америки, особенно Панамы, Гондураса и Сальвадора³⁵.

Из материалов следствия по делам на разоблаченных органами МГБ ГДР американских и западногерманских агентов известно, что на специальные морские диверсионные формирования — «команды специальных операций» возложены следующие задачи:

заброска на территорию социалистических стран с использованием подводных средств доставки автоматической разведывательной аппаратуры и другой техники для сбора информации

³³ См.: Спиридонов В. А. Подводные диверсионные силы и средства противника и задачи, решаемые ими, с. 21—23.

³⁴ См.: Боевой устав армии США. Методы оперативных действий войск спецназначения. М., изд. ГРУ МО СССР, 1974, раздел IV, с. 284—285.

³⁵ См.: Силы специальных операций ВС США, с. 78—79; Военная мысль, 1975, № 8, с. 46—47.

о складах ядерного оружия, позициях ракет, радиолокационных средствах, аэродромах и других важных военных объектах;

заброска на территорию социалистических стран агентуры, оснащенной различной аппаратурой, с заданием создания там тайных опорных баз с целью организации радиоперехвата, а в случае необходимости радио- и радиоэлектронного противодействия;

создание в районах ВМБ, на территории социалистических стран, различных диверсионных, террористических и других специальных групп и подготовка их к внезапному массированному использованию;

доставка и заблаговременная установка вблизи важных объектов химического, бактериологического, портативного ядерного и ракетного оружия;

вербовка агентов и вручение им аппаратуры дистанционного управления диверсионными средствами, установленными вблизи важных объектов (при этом об истинном назначении врученной аппаратуры агентам не сообщается, а только дается задание включить ее по обусловленному сигналу);

нанесение внезапных ударов и выведение из строя в начале войны средств ПВО и ПРО, а также средств связи и управления, кораблей, причалов и важных береговых объектов СССР и других социалистических стран;

обеспечение проникновения в заданный район нерегулярных формирований (имеются в виду бандитские, националистические вооруженные группы) и подготовка действий регулярных войск в этом районе.

Как видим, специальные диверсионные силы противника могут решать в условиях современной войны весьма разнообразные задачи, круг которых по сравнению с задачами, которые решались в период второй мировой войны, стал значительно шире.

Задачи эти, по нашему мнению, можно разделить на две основные группы. К первой группе следует отнести задачи, связанные с подготовкой к совершению диверсий: выбор самого объекта (или нескольких объектов) диверсии; сбор информации об обстановке в районе объекта (местонахождение, рельеф местности, подходы, охрана, система противодиверсионной обороны, места, удобные для высадки диверсионных групп, возможность проникновения на объект и т. д.); заблаговременное приобретение непосредственно на объекте или в его окружении (либо внедрение на него) агентуры для использования ее в военное время; заблаговременная доставка и установка вблизи объекта (объектов) диверсии аппаратуры радио- и радиоэлектронного противодействия, а также портативного специального оружия (ядерного, химического, ракетного, бактериологического и др.); подготовка исполнителей (ДРГ, групп боевых пловцов,

агентов и пр.); высадка (или выброска) мелких диверсионно-разведывательных групп или агентов как для самостоятельных диверсионных действий, так и для организации приема и временного укрытия более крупных групп и другие задачи.

Ко второй группе, на наш взгляд, следует отнести задачи по непосредственному осуществлению диверсии. В зависимости от избранного объекта диверсии эти задачи можно разбить на подгруппы. Так, если в качестве объекта диверсии избраны береговые сооружения, то основными задачами, видимо, будут следующие: уничтожение, вывод из строя или захват наиболее важных объектов; парализация средств связи и управления; нарушение работы транспорта и системы снабжения служб, подразделений ВМБ и боевых кораблей всем необходимым (включая водоснабжение, электричество и пр.); захват секретных документов или отдельных видов оружия; захват отдельных лиц и другие.

Если в качестве объекта диверсии избраны гидросооружения, боевые корабли, плавдоки, мастерские, навигационные средства или другие объекты, размещаемые на воде или под водой, то основными задачами, вероятно, будут следующие: уничтожение или вывод из строя не только взрывом или поджогом, но и путем затопления гидросооружений, боевых кораблей, плавающих ремонтных средств; минирование фарватеров, судоходных каналов; минирование надводных и подводных кораблей специальными зарядами и минами; блокирование кораблей — носителей спецоружия на местах стоянок с целью недопущения их выхода в море; перестановка или вывод из строя навигационных знаков и сооружений, а в ночное время — установка их имитаторов в другом месте, чтобы вызвать столкновение судов или посадку их на мель; проделывание проходов в системах ограждения; разминирование зон ПЛО, ПДО для преодоления их основными диверсионными группами и другие задачи.

Следует учитывать, что в условиях современной войны целый ряд объективных факторов будет благоприятствовать проведению диверсионных операций. К числу таких факторов можно отнести: применение специальной диверсионной техники (ядерных устройств, химического и биологического оружия, средств радиоэлектронной борьбы и т. п.), позволяющей диверсионным группам выполнять более сложные задачи, чем в прошлых войнах; совершенствование транспортных средств и увеличение их числа, что даст возможность проводить разведывательно-диверсионные мероприятия в широких масштабах, внезапно, массированно и практически на любую глубину; развитие средств связи, обеспечивающих непрерывное управление подразделениями, действующими в тылу противоборствующей стороны; увеличение количества важных объектов и вынужденное их рассредоточение из-за угрозы поражения ядерным оружием, что

усложняет организацию их надежной охраны и обороны и повышает возможности диверсионных сил по их выводу из строя или ликвидации.

Кроме того, маневренный характер современной войны, рассредоточенность частей и подразделений затрудняют контроль за населением в районе боевых действий, а использование или угроза применения средств массового поражения приведет к нарушению коммуникаций, к массовому перемещению населения, что будет благоприятствовать заброске и деятельности диверсионно-разведывательных групп.

Следует учитывать, что противник планирует в ходе боевых действий осуществлять заброску диверсионных формирований не от случая к случаю, а систематически, на широком фронте и на значительную глубину³⁶.

Анализ состояния, возможностей, направленности подготовки и перспектив развития, в частности американских сил специальных операций, показывает, что в последние годы этому роду сил военно-политическое руководство страны и военное командование придают все возрастающее значение.

Разведки империалистических государств не только планируют развертывание активной диверсионной деятельности в военное время, но и уже сейчас, в мирное время, осуществляют интенсивную подготовку к ней. В этих целях ведется большая работа по добыванию разведывательной информации о важных объектах. При добывании такой информации задействуются все силы и средства специальных служб, включая и подводных диверсантов-аквалангистов. Полученную информацию противник накапливает и обобщает, с тем чтобы в случае начала военных действий использовать ее для развертывания в широких масштабах диверсионной деятельности.

Совершенствуется организация, система управления, увеличивается численность имеющихся сил специальных операций и создаются новые формирования. Отрабатываются весьма обширные и конкретные задачи, которые ставятся перед различным контингентом диверсионных сил с учетом их принадлежности, профиля подготовки и характера объектов диверсий.

Ведя общую подготовку к развертыванию в широких масштабах диверсионной деятельности на случай войны, противник планирует осуществлять диверсии не только силами диверсионно-разведывательных групп, но и агентами, либо заброшенными из-за границы и легализовавшимися в окружении объекта, либо завербованными из местных жителей.

Многочисленность важных объектов, их рассредоточенность осложняют обеспечение эффективной защиты каждого из них и облегчают противнику использование диверсионных групп,

которые могут действовать практически со всех направлений: с поверхности воды, из-под воды и с суши.

Вследствие бурно происходящего научно-технического прогресса у противника появилась реальная возможность значительно увеличить арсенал диверсионных сил и средств, методов совершения диверсий, а следовательно, расширить круг объектов диверсионных устремлений и разнообразить тактику осуществления диверсионных акций. Для этих целей используются открытия и достижения во всех областях науки и техники. Этим занят многочисленный штат ученых и специалистов многих отраслей промышленности.

Роль сил специальных операций будет возрастать и в последующем как следствие проводимой правящими кругами США на международной арене политики неоглобализма, государственного терроризма и вмешательства в дела других государств. Используя при этом войска спецназначения в различных региональных конфликтах, США тем самым исключают возможность крупномасштабного использования вооруженных сил.

Все это позволяет утверждать, что диверсионные силы вероятного противника, исходя из возложенных на них задач, возможностей их выполнения и перспектив развития, представляют серьезную угрозу для важных объектов, вывод из строя которых может причинить серьезный ущерб экономике и боеспособности Вооруженных Сил страны.

*Рекомендована спецафедрой № 6
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор полковник Б. И. Пономарев*

³⁶ См.: Указание КГБ СССР № 1с, с. 5—6.

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СФЕРЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

(на примере спецслужб США и Японии)

Одной из особенностей содержания современной классово-политической конспиративной борьбы на международной арене является процесс интеграции разведывательно-подрывной деятельности главного противника против СССР и других социалистических стран.

Этот объективный процесс как следствие военно-политической интеграции проявляется в различных организационных формах, изучение которых представляет не только научный, но и практический интерес.

Мы являемся свидетелями создания противником различных разведывательных коалиций, объединенных разведцентров и комитетов (например, при НАТО), региональных разведывательных союзов, заключения двусторонних и многосторонних соглашений по сотрудничеству и взаимодействию в борьбе против Советского Союза.

Эти процессы и их последствия рассматриваются противником, и в первую очередь руководством спецслужб США, как важный фактор, определяющий соотношение сил в области разведки и контрразведки, и как важное средство достижения разведывательного превосходства над СССР и его союзниками.

В этой связи особое внимание в разведывательной стратегии США уделяется использованию против СССР возможностей третьих стран, что означает не только расширение географии и масштабов подрывной работы, но и общее усиление собственного разведывательно-подрывного потенциала.

В данной статье эти процессы показаны на примере спецслужб США и Японии, тесное сотрудничество которых носит ярко выраженный антисоветский характер и в значительной степени определяет оперативную обстановку не только на Дальнем Востоке, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе¹.

Это сотрудничество является результатом тесных двусторонних отношений между США и Японией в политической, экономической и военной сферах и юридически базируется на основе «договора безопасности». Вместе с тем, являясь следствием агрессивной внешней политики США и милитаристского курса японских правящих кругов, сотрудничество спецслужб несет на себе печать известных межимпериалистических противо-

¹ В статье рассматриваются такие формы сотрудничества, которые осуществляются в основном на территории Японии.

речий, что необходимо учитывать при организации работы по главному противнику.

Исторически истоки сотрудничества восходят к 1952—1953 годам, когда в результате анализа захваченных архивов и оперативных материалов японской полиции и военной разведки спецслужбы США (вначале «Джи-2») привлекли к работе многих японцев — бывших сотрудников упомянутых органов и затем на свои средства приступили к воссозданию разведывательных и контрразведывательных органов Японии.

В 1957 году на основе «Соглашения о помощи в обеспечении взаимной обороны» был создан «Японо-американский комитет по вопросам безопасности», к компетенции которого помимо согласования чисто военных вопросов были отнесены, в частности, «координация действий специальных служб обеих стран, обсуждение совместных мероприятий и обмен информацией по вопросам безопасности»². Руководящая роль в комитете принадлежала и принадлежит американским представителям.

Перечисленные положения этого соглашения явились ориентировочными направлениями сотрудничества спецслужб США и Японии, которое на практике выходит далеко за юридические рамки и в действительности сводится к решению большой группы задач разведывательного и контрразведывательного характера, где нередко превалируют интересы ЦРУ США. На основании имеющихся материалов можно сделать вывод, что в настоящее время это сотрудничество проявляется в следующих формах:

обмен информацией по широкому кругу проблем, включая многие аспекты агентурно-оперативной обстановки и особенно деятельности загранпредставительств СССР и других соцстран и их разведок, деятельности антиамериканских и прогрессивных организаций, террористических и экстремистских групп и формирований, а также положение в советской и иностранной колониях;

консультации по представляющим взаимный интерес текущим и перспективным вопросам оперативной деятельности, разработка совместных планов, подготовка кадров местных спецслужб, обмен опытом работы;

подготовка и осуществление совместных операций и мероприятий, направленных на подрыв советского влияния, а также политических, дипломатических и торгово-экономических позиций СССР в Японии, на дискредитацию и осложнение деятельности советских загранучреждений, особенно резидентур КГБ, ГРУ и их сотрудников;

разработка и реализация совместных мероприятий по разведывательному (агентурному и техническому) проникновению в загранучреждения СССР и других соцстран;

² Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

организация широкомасштабной разведывательно-подрывной работы против СССР и других соцстран как на территории Японии, так и с позиций этой страны.

Практика сотрудничества обусловила юридически оформленную систему официальных контактов на уровне руководящих работников резидентуры ЦРУ в Японии и местных спецслужб (ИБ — исследовательское бюро при кабинете министров; УРОБ — Управление расследований общественной безопасности; ГПУ — Главное полицейское управление; ТПУ — Токийское полицейское управление; разведка Управления национальной обороны). Специальный нормативный акт предусматривает перечень и номенклатуру соответствующих должностных лиц. Вместе с тем в нарушение существующих правил американские разведчики устанавливают с японскими коллегами неофициальные контакты, нередко поддерживая и развивая их на конспиративной основе. По своему содержанию такие контакты носят вербовочный характер и преследуют сугубо разведывательные цели.

Практика показывает, что с американской стороны соблюдается неукоснительное правило, согласно которому перед местными спецслужбами расшифровывается минимально возможное количество сотрудников резидентуры ЦРУ, только те, кто непосредственно занимается вопросами координации и взаимодействия. Основные функции возложены на «группу по связи с местными спецслужбами», которая организационно входит в состав секции «А» (внешняя разведка и контрразведка) резидентуры ЦРУ и к тому же параллельно решает задачи по агентурному проникновению в разведывательные и контрразведывательные органы Японии. Указанная «группа» в качестве прикрытия использует одно из фиктивных воинских подразделений на военной базе США в Японии.

Сотрудники резидентуры ЦРУ поддерживают ежедневные рабочие контакты с представителями японских спецслужб по вопросам обмена информацией. Японская сторона передает американцам установочные и характеризующие данные на иностранцев, и прежде всего на советских граждан, а также результаты работы по ним службы наружного наблюдения, техники подслушивания и перлюстрации корреспонденции. Наряду с этим японские спецслужбы делятся с резидентурой ЦРУ военно-политической и торгово-экономической информацией стратегического характера в отношении СССР и его союзников, которая поступает из различных источников, включая и заграничные представительства Японии.

По имеющимся в ПГУ КГБ СССР данным, 2-й спецотдел Управления национальной обороны Японии, ведущий радиоперехват работы радиостанций (в том числе и телеграфных шифр-передач) на территории СССР, КНР, МНР, СРВ и КНДР, передает ЦРУ большинство расшифрованных сообщений и все не

поддающиеся дешифрованию материалы. Указанная информация доставляется японскими спецкурьерами ежедневно к 9 часам утра в одно из подразделений ЦРУ, дислоцированное на территории штаба 5-й воздушной армии США в Японии³. Кроме того, японские спецслужбы передают в резидентуру ЦРУ для обработки и анализа материалы по результатам подслушивания телефонных и иных переговоров в советских учреждениях, жилых помещениях, а также в загранпредставительствах других социалистических стран.

Пытаясь ослабить или дискредитировать антиамериканскую деятельность ряда прогрессивных организаций и политических партий Японии, и в первую очередь тех, которые активно выступают за ликвидацию в стране американских военных баз, против захода в японские порты кораблей ВМС США, за расторжение японо-американского договора безопасности, резидентура ЦРУ проявляет крайний интерес и регулярно получает от японцев подробные отчеты о положении в этих организациях, их планах и практических действиях. В силу указанных причин резидентура ЦРУ, поддерживая тесный контакт с департаментом охраны Главного полицейского управления, имеет заблаговременную информацию о предполагаемых массовых демонстрациях, митингах и других актах протеста в районе посольства США и американских военных баз в Японии.

Оперативные данные, полученные ПГУ, свидетельствуют, что резидентура ЦРУ передает японским партнерам такую информацию, которая не наносит ущерба собственным интересам США, а также ту, реализация которой в Японии принесет американцам гарантированные политические или оперативные дивиденды. Так, бывший заместитель директора ЦРУ Р. Клайн неоднократно приезжал в Японию, где проводил информационные беседы для высших чинов японского правительства и местных спецслужб по специфическим (разведывательно-подрывным) аспектам внешнеполитических проблем. По его словам, во время первой встречи японский премьер-министр проявил большой интерес к вопросу оценки военного потенциала СССР и КНР на Дальнем Востоке: в процессе беседы были подробно обсуждены новые виды оружия и стратегические концепции Советского Союза и Китая⁴. А бывший сотрудник резидентуры ЦРУ в Японии Хэлперн свидетельствует: «Сотрудничество ЦРУ с японским правительством в информационной области носило всесторонний характер. Если мы добывали информацию о конкретной деятельности СССР и КНР в Японии, мы сразу информировали японское правительство»⁵. Необходимо подчеркнуть, что резидентура ЦРУ в целях дискредитации деятельности некоторых советских учреждений в Японии и компромета-

³ Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

⁴ См.: Ямаока С. Кирино на кане Си-Ай-Эй. Токио, 1979, с. 217.

⁵ Там же, с. 260.

ции отдельных сотрудников фабрикует на них материалы и передает японцам заведомо фальсифицированную информацию.

По имеющимся данным, 1—2 раза в год на Гавайских островах происходят встречи руководящих работников спецслужб США и Японии, на которых обсуждаются и решаются наиболее принципиальные и узловые вопросы координации и взаимодействия в подрывной деятельности против СССР⁶.

Стремление к консолидации усилий разведок союзных стран проявилось еще в августе 1969 года, когда по инициативе ЦРУ и ФБР в США состоялось совещание руководителей американских разведывательных и контрразведывательных служб, подразделения которых были дислоцированы в Японии и Таиланде, на Филиппинах и Тайване, в Южной Корее и Южном Вьетнаме. В числе обсуждавшихся вопросов рассматривалось директивное указание президента США о необходимости усиления работы спецслужб страны в интересах «предотвращения подрывной деятельности коммунистов и советского влияния в этих странах». Особый акцент был сделан на совершенствовании и резком повышении эффективности сотрудничества спецслужб указанных стран с американской разведкой для того, чтобы «свести до минимума их уязвимость со стороны Советов и левых сил». Представители ЦРУ и ФБР обязались на основе двусторонних соглашений подготовить специалистов соответствующих квалификаций из числа сотрудников местных спецслужб⁷.

В развитие этой стратегической установки определенное количество наиболее перспективных и способных сотрудников японских спецслужб ежегодно персонально приглашаются в США для прохождения подготовки и повышения квалификации в специальных учебных центрах ЦРУ и ФБР, где одновременно проводится их изучение и обработка в целях последующей вербовки. В США регулярно выезжают и руководящие работники японской разведки и контрразведки, где они проходят кратковременную стажировку, обмениваются опытом работы, обсуждают и разрабатывают планы совместных операций и мероприятий, направленных против СССР, а также проводят консультации по текущим вопросам оперативной деятельности. Кроме того, несколько представителей японских спецслужб постоянно находятся в США, где они поддерживают регулярные контакты с ЦРУ и ФБР.

Практика свидетельствует, что в подрывной работе против советских учреждений и граждан в Японии резидентура ЦРУ активно и достаточно результативно использует оперативные возможности местных спецслужб и особенно их агентуру. Оперативные игры с противником показывают, что японским бизне-

⁶ На Гавайях при начальнике штаба командующего вооруженных сил США в зоне Тихого океана существует представительство ЦРУ, которое обычно возглавляет руководящий сотрудник высокого ранга.

⁷ Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

сменам, журналистам и туристам, выезжающим в СССР, через местные спецслужбы нередко даются разведывательные задания, разработанные сотрудниками ЦРУ США. Документально установлено, что резидентура ЦРУ по наводкам и при участии японской агентуры, а также при активном содействии местных иммиграционных и портовых властей ведет изучение и разработку членов экипажей советских, кубинских и польских судов, посещающих порты Японии.

Из оперативных материалов, отражающих характер сотрудничества спецслужб США и Японии, следует, что в отдельных случаях японская контрразведка по просьбе ЦРУ проводит различные оперативные мероприятия, включая подставы своей агентуры, осуществление наружного наблюдения, внедрение техники слухового контроля и реализацию разработок на советских гражданах и их связи из числа местных и иностранных граждан. О степени и масштабах сотрудничества говорит и такой факт, что даже при решении визовых вопросов в отношении советских граждан и представителей других соцстран японская контрразведка запрашивает у американцев не только информацию на этих лиц, но и мнение резидентуры ЦРУ о возможности или нежелательности их въезда в страну. Мнение американцев зачастую бывает решающим.

Тесное взаимодействие американских и японских спецслужб иллюстрируют и примеры последних лет — посадка в Японии советского военного самолета МИГ-25, пилотируемого изменником Родины В. Беленко; обстоятельства измены и невозвращения на Родину в декабре 1981 года бывшего посла ПНР в Японии Здислава Руража, а также дело Левченко. Так, по настоянию ЦРУ США японские спецслужбы всячески препятствовали организации встречи представителей советского посольства с В. Беленко и возвращению в СССР военного самолета. Более того, под нажимом ЦРУ и совместно с его специалистами японцы приняли участие в демонтаже МИГ-25, изучении и изъятии ряда его важнейших агрегатов и деталей. Осуществив эту акцию, ЦРУ не только нанесло ущерб нашей оборонной мощи, но и серьезно осложнило японо-советские отношения.

Выдвигая в качестве предлога необходимость усиления сотрудничества и мобилизации сил разведок противника для борьбы против СССР и других социалистических стран, ЦРУ США пытается прежде всего координировать действия спецслужб союзных государств через объединенные разведцентры (при НАТО, АСЕАН), а также разведок других дружественных стран в рамках региональных консультативных совещаний и двусторонних соглашений. Так, на состоявшемся в апреле 1981 года в Джакарте (Индонезия) по инициативе ЦРУ США координационном совещании представителей спецслужб ряда азиатских стран, в том числе и Японии, обсуждался вопрос о задачах союзных разведок по наращиванию усилий в разве-

дивательно-подрывной работе против СССР на Дальнем Востоке и в странах Юго-Восточной Азии. Отражением известных тенденций в этой области является и то обстоятельство, что спецслужбы США установили сотрудничество и обмениваются информацией с разведывательными и контрразведывательными органами 60 государств, а отпечатками пальцев — с 82 странами; советники и офицеры связи ЦРУ США имеются более чем в 60 странах мира⁸.

Какие бы задачи ни решало ЦРУ США в третьих странах, объектом первостепенной важности для него является советская разведка, ее резидентуры и представители. Реализуя свою разведывательную доктрину, ЦРУ США в конце 70-х годов направило спецслужбам ряда европейских стран и Японии ориентировку о «подрывной» деятельности КГБ и ГРУ и предложило регулярно обмениваться разведывательной информацией по следующим вопросам:

- о целях и задачах разведок СССР и других соцстран в отношении наиболее важных объектов Соединенных Штатов;
- о формах и методах работы КГБ и ГРУ;
- о выявленных советских разведчиках и агентах, их установочных и характеризующих данных;
- о фактах разработки советской разведкой любого правительственного учреждения США за границей;
- об официальных и конспиративных контактах советских разведчиков и их агентуры с гражданами США;
- об установочных и иных данных на граждан США, посещающих за границей официальные представительства СССР и других соцстран или работающих в них⁹.

Анализ оперативных материалов показывает, что в большинстве случаев резидентура ЦРУ и японская контрразведка разрабатывают иностранцев самостоятельно, согласовывая лишь отдельные мероприятия и взаимодействуя при их осуществлении. Когда речь идет о разработке советского разведчика, то сотрудники резидентуры ЦРУ соблюдают максимум конспирации и информируют японцев только по мере необходимости, исходя из своих интересов и потребностей. В таком ключе, например, была реализована разработка сотрудника резидентуры ГРУ в Токио «М», который работал с подставой американской разведки неким Шмидтом — служащим одной из военных баз США в Японии. Как показали последующие события, японская полиция задержала «М» с уликовыми материалами в момент встречи и приема документальной информации от агента-двойника по просьбе американцев, которые вели оперативную игру.

Резидентура ЦРУ и японская контрразведка совместными усилиями организовали разработку нелегалов ГРУ в Японии су-

пругов «Ролленсов» и попытались осуществить их похищение. Лишь благодаря экстренным мерам резидентуры КГБ удалось своевременно вывезти их из страны и тем самым сорвать планы противника.

Показателен пример «бескорыстного» сотрудничества этих же спецслужб при реализации дела «К» — сотрудника резидентуры ГРУ в Токио¹⁰. Американцы сообщили японским партнерам, что располагают данными об агентурных отношениях одного японца с представителем советской разведки. Только заручившись согласием японской стороны придать этот факт широкой гласности и организовать через средства массовой информации очередную антисоветскую кампанию, они передали ей установочные и другие необходимые данные. Как оказалось, «К», используя некоего Кобаяси, продавца бытовой радиотехники (тот в свою очередь использовал двух подисточников, работавших на американской военной базе), попал в поле зрения американской разведки, в результате чего японец был переведен ею. При очередной встрече, проведенной сотрудником ГРУ с грубыми нарушениями правил безопасности («К» по настоянию агента для приема материалов сел в его машину), он был задержан японской контрразведкой, объявлен персона нон-грата и в течение 48 часов был вынужден покинуть страну. Таким образом, реализация этой разработки была предельно оговорена рядом политических условий в интересах США, направленных на подрыв престижа СССР, дискредитацию нашей военной разведки и затруднение деятельности ее сотрудников в Японии.

В феврале 1980 года американская пресса со ссылкой на источники в разведывательном сообществе США опубликовала сообщение о том, что в январе—феврале 1980 года ЦРУ совместно со спецслужбами ряда капиталистических государств осуществило мероприятия по разоблачению деятельности советской разведки во многих странах мира¹¹. Указанная акция была проведена якобы в качестве ответной меры на решение СССР направить ограниченный воинский контингент в Афганистан. При этом подчеркивалось, что по просьбе ЦРУ спецслужбы Канады, Японии, Новой Зеландии и Испании реализовали или передали гласности ряд дел о работе советской разведки на территории этих стран. Одновременно ЦРУ будто бы передало упомянутым разведкам «сотни ранее засекреченных документов о деятельности КГБ».

При анализе событий того периода напрашивается вывод, что по времени и по целям упомянутая акция совпала с реализацией в Японии разработки дела Миянаги, результаты которой

⁸ Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

⁹ Там же.

¹⁰ Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

¹¹ См.: Сан, 1980, 26 февраля.

имели серьезные политические и оперативные последствия и нанесли значительный ущерб советско-японским отношениям¹².

17 января 1980 года японская контрразведка по настоянию ЦРУ США арестовала по обвинению в шпионаже в пользу СССР ценного агента резидентуры ГРУ в Токио отставного генерал-майора Юкихиса Миянагу, бывшего заместителя начальника разведшколы сухопутных войск, и двух его подисточников: Эйити Каси — сотрудника отдела безопасности группы планирования центрального разведотряда, занимавшего должность «хранителя тайн», и Цунетоси Осиму — сотрудника 2-го отделения 2-го разведотдела штаба сухопутных войск, который выполнял функции курьера по доставке в УНО шифротелеграмм, поступавших от японских военных атташе за границей. При обыске на квартире Миянаги были обнаружены некоторые предметы специальной экипировки, а также секретные документы УНО и армии США (все — копии)¹³.

Указанная операция наиболее ярко отражает характер соподчиненности в области сотрудничества спецслужб США и Японии и имеет два четко выраженных аспекта: политический и оперативный. С оперативной точки зрения она выглядит неубедительно, так как проведена наспех, без достаточно глубокой проработки и творческого замысла. Не вызывает сомнения, что в данном случае превалировали чисто политические интересы США: с одной стороны, дискредитация советской внешней политики и подрыв советско-японских отношений, а с другой — оказание давления на японское правительство для принятия в стране антидемократического законодательства и обработка общественного мнения в пользу США. Инспирированная затем ЦРУ и развернутая средствами массовой информации широкомасштабная антисоветская кампания была направлена на нагнетание в стране атмосферы шпиономании и усиление административно-полицейского режима под предлогом укрепления доверия к Японии и силам самообороны со стороны Соединенных Штатов Америки.

Обращает внимание выбор момента реализации разработки, а именно поиск предлога для организации санкций против

¹² Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

¹³ Характерно, что буквально накануне судебного разбирательства Токийским полицейским управлением еще решался вопрос о предъявлении обвинения: применять ли специальный уголовный закон, принятый на основе японо-американского договора безопасности, который призван охранять американские военные секреты на территории Японии и ответственность за нарушение которого предусматривает санкцию до 10 лет каторжных работ, тогда как привлечение к ответственности за нарушение закона о силах самообороны Японии влечет наказание до 1 года каторги. В конечном итоге всем перечисленным лицам было предъявлено обвинение в нарушении 59-й статьи закона о силах самообороны (обязательство сохранения тайны), выразившемся в передаче секретных материалов представителям советской разведки.

СССР и отсутствие в это время в стране высших политических руководителей Японии (премьер-министр Охира и министр иностранных дел Окита находились с официальным визитом в Австралии). Напрашивается обоснованный вывод, что ЦРУ оказало нажим на руководство японской контрразведки, которое пошло на реализацию дела Миянаги без санкции правительства и предало его гласности даже в ущерб собственно японским интересам и престижу сил самообороны. Впоследствии сам премьер-министр с горечью заявил, что это «дело» подорвало престиж Японии на международной арене, нанесло серьезный ущерб ее дипломатии и оборонной политике.

Согласно двустороннему соглашению между США и Японией ЦРУ должно информировать японское правительство о всех важных мероприятиях, планируемых и осуществляемых им на территории Японии, и в первую очередь о тех, последствия которых могут затронуть безопасность страны. Однако на практике американская разведка не соблюдает договоренности и зачастую информирует или дает вынужденные объяснения лишь после запросов или требований японской стороны.

Многочисленные скандальные разоблачения подрывной деятельности ЦРУ США в Японии и других странах (вмешательство во внутренние дела, в процесс всеобщих выборов, подкуп правительственных чиновников и политических деятелей, угрозы, шантаж, похищения и убийства) компрометируют в глазах общественности любое государственное учреждение, частную компанию или общественную организацию, которые имеют связи с ЦРУ. Не случайно поэтому еще в апреле 1976 года на заседании бюджетной комиссии палаты советников японского парламента на запрос депутата от КПЯ Уэда о деятельности ЦРУ в Японии представители МИД, ИБ и УНО ответили, что руководимые ими ведомства никаких контактов с ЦРУ не имеют¹⁴. Таким образом, несмотря на действительное положение вещей и вопреки известным фактам, официальные японские представители преднамеренно искажают истину и скрывают от законодателей существующее сотрудничество спецслужб США и Японии.

Анализируя характер этого сотрудничества, необходимо отметить, что оно направлено не только против СССР и других социалистических стран. Будучи классово-реакционным по содержанию и конспиративным по форме, оно направлено и против прогрессивных и демократических сил самой Японии и имеет целью обеспечить в стране господство монополистического капитала и военно-промышленного комплекса. Такова политическая двуединая сущность американско-японского сотрудничества в области разведки и контрразведки.

¹⁴ Материалы 1-го Главного управления КГБ СССР.

В заключение необходимо подчеркнуть, что сотрудничество спецслужб США и Японии является следствием интеграционных процессов в области международной политики и отражает общую тенденцию к коалиционности разведок империалистических государств под эгидой США.

Учитывая резкое усиление агрессивности и авантюризма внешнеполитического курса США и активизацию разведывательно-подрывной деятельности американских спецслужб, в целях совершенствования организации и повышения эффективности борьбы с противником необходимы дальнейшее выявление и исследования конкретных направлений и форм сотрудничества спецслужб США и Японии, новых документальных фактов их скоординированных действий, а также характера существующих между ними противоречий. Это позволит организовать и спланировать как перспективные, так и текущие активные мероприятия органов КГБ по компрометации самой идеи и факта сотрудничества, а также дискредитации обеих спецслужб перед японской и международной общественностью.

*Рекомендована спецкафедрой № 19
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник В. П. Фомичев*

Кандидат технических наук
подполковник В. Н. Суриков,
полковник В. Ф. Блинков

**СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ
(радиосвязь прямой видимости)**

Комитет государственной безопасности СССР всегда придавал и в настоящее время придает большое значение совершенствованию способов (каналов) связи с агентами, которые действуют за рубежом в мирное время и в особенности с зафронтowymi агентами во время войны. Так, в Приказе КГБ СССР № 00186 от 8 декабря 1980 года указывается: «Третьему управлению совместно с Первым главным и Оперативно-техническим управлениями КГБ СССР рассмотреть вопрос и доложить в первом полугодии 1981 года в Комитет государственной безопасности предложения по оснащению соответствующих органов военной контрразведки необходимыми техническими средствами связи для обеспечения особо ценной надежной агентуры за границей с целью своевременного получения от нее информации, в том числе и в особый период».

Попытка проанализировать в данной статье некоторые вопросы, связанные с совершенствованием средств специальной радиосвязи прямой видимости, применяемых специальными службами некоторых капиталистических стран, может, по мнению авторов, способствовать более глубокому анализу использующихся в системе органов государственной безопасности в настоящее время с закордонными, а на случай возникновения современной войны зафронтowymi агентами форм, видов, способов (каналов) связи.

Как показывает анализ открытых и закрытых источников информации, наш потенциальный противник в лице США и его союзников по блоку НАТО большое внимание уделяет усовершенствованию как гражданской, так военной и специальной связи.

Он тщательно следит за всеми новейшими разработками в области радиосвязи и все передовое, технически совершенное приспособляет для своей деятельности, в том числе для действий в условиях новой мировой войны.

Можно отметить, что в настоящее время гражданские, военные и специальные средства (комплексы) радиосвязи развиваются по следующим основным направлениям: радиосвязь прямой видимости с использованием отдельных радиостанций, работающих в высокочастотных, очень высокочастотных и ультравысокочастотных диапазонах волн; тропосферная связь на дальность в пределах 300 км; спутниковая связь с использованием

искусственных спутников Земли (связи) практически на любые расстояния и наземные проводные защищенные линии связи, действующие в пределах контролируемого региона.

Как отмечается в прессе¹, на вооружение американских военных и специальных служб начиная с 1984 года стало поступать новое связное оборудование по программе «Racer Speack», которое включает в себя отдельные радиостанции, например приемопередатчик «RT-1319/URC», носимую радиостанцию «AN/PRC-113», возимые радиостанции: «AN/TRC-176» и «AN/VRC-83», а также комплекс радиосвязи «AN/GRC-206».

Особенностью этих новейших станций и комплексов радиосвязи является то, что они имеют аппаратуру засекречивания; позволяют осуществлять устойчивую связь в пределах фронтовой операции; не требуют большой мощности; имеют встроенную схему защиты от помех, а также небольшие массогабаритные показатели; способны переноситься одним человеком или размещаться на мобильных транспортных средствах (джипах, боевых машинах пехоты и др.); осуществлять связь во время войны как с неподвижными, так и перемещающимися объектами, в том числе и за линией фронта. Некоторые из этих устройств снабжены специальным блоком памяти, где сохраняется ранее принятая информация. Кроме того, на ряде из них предусмотрено дистанционное управление приемопередатчиком.

Помимо отдельных радиокомплексов западные специалисты большое внимание уделяют созданию различного рода автоматизированных национальных и международных систем связи.

Так, французские специалисты создали автоматизированную систему связи РИТА (RITA — Réseau Integre de Transmissions Automatiques), предназначенную для передачи информации по многоканальным линиям связи, включая радиосвязь в прифронтовой полосе, которая выполняет роль связующего звена между стационарными системами связи высшего звена управления, в том числе центрального подразделения спецслужб, и мобильными подразделениями, действующими как на поле боя, так и за линией фронта, иначе — спецподразделениями и отдельными агентами.

При разработке системы связи РИТА уделялось внимание вопросам повышения надежности, помехозащищенности и засекреченности передаваемой информации, а также защиты от поражающих факторов ядерного взрыва. Кроме этого, были учтены требования по ее сопряжению с автоматизированными системами других стран блока НАТО и с объединенной системой связи НАТО-НИКС.

¹ См.: Лучко Г. Новые американские радиостанции для передовых авиационных наводчиков. — Зарубежное военное обозрение, № 6, 1984, с. 56—58.

Система связи РИТА построена по принципу «секки» и представляет собой территориально-распределительную решетку, в узлах которой находятся центры коммутации.

Система связи РИТА может обслуживать свыше 3000 абонентов, имеющих различную оконечную аппаратуру в зависимости от своих потребностей.

Автоматизированная система РИТА, по мнению французских специалистов, существенно отличается от других идентичных систем оперативно-тактического назначения. Она может обслуживать мобильных абонентов как путем создания локальных сетей УКВ-радиосвязи с полосой канала 0,3—2,4 кГц, так и путем использования проводных линий связи. Мобильными абонентами могут быть подвижные подразделения (разведывательные, химического обеспечения и др.), действующие обычно на боевых машинах пехоты или бронетранспортерах, и отдельные лица (в том числе агенты за линией фронта). Подвижные подразделения обеспечиваются радиостанциями, работающими в одном из трех диапазонов: 225—400, 400—900 и 1350—2700 МГц. Радиостанции первого диапазона комплектуются передатчиками с выходной мощностью 15 Вт, второго — 10 и 5 Вт, а третьего — 2,5 и 1,5 Вт.

Отдельные мобильные абоненты снабжаются носимыми радиостанциями УКВ-диапазона (70—80 МГц), которые позволяют вести телефонную связь по одному из 40 дуплексных каналов и разносом между ними 50 кГц. Разведывательная информация по системе связи передается в засекреченном виде. Засекречивание осуществляется с помощью шифраторов, расположенных на центрах коммутации и вмонтированных в радиостанции УКВ-диапазона.

По мнению французских специалистов, полное развертывание автоматизированной системы связи РИТА значительно повышает оперативность, живучесть и качество связи, а следовательно, эффективность управления соединениями и частями², а также подразделениями спецслужб.

С неменьшим эффектом эта система может использоваться спецслужбами Франции и для организации связи со своей зафронтовой агентурой, которая планируется ими для действий за линией фронта, а также группами специального назначения, забрасываемыми на территорию противника во время войны.

Значительных успехов в развитии систем связи помимо Франции достигли главные участники агрессивного блока НАТО: США, Англия, ФРГ, Италия и др.

Если касаться направлений развития чисто связного оборудования, то можно отметить следующие: первое — снижение массогабаритных показателей аппаратуры за счет совершен-

² См.: Ливанов Е. Французская автоматизированная система связи РИТА. — Зарубежное военное обозрение, № 4, 1984, с. 32—35.

ствования элементной базы; второе — повышение достоверности передаваемой по каналам связи разведывательной информации за счет применения специальных методов кодирования; третье — повышение скрытности передачи информации как за счет увеличения стойкости встроенного шифроборудования, так и за счет других методов.

Коротко остановимся на некоторых решениях, направленных на повышение достоверности и скрытности специальной связи.

Как известно из теории кодирования, путем введения в передаваемое сообщение «избыточности» возможно достижение задаваемой достоверности практически в любых условиях связи. До недавнего времени в специальных средствах радиосвязи такое решение не находило применения из-за сложности технической реализации эффективных помехоустойчивых кодов. Разработка микропроцессорных средств и запоминающих устройств в интегральном исполнении для жестких климатических условий позволила оснастить носимые радиостанции ВЧ-диапазона кодерами, реализующими сложные алгоритмы. Так, например, в разведывательной сети США агенты, дислоцирующиеся в Пешаваре (Пакистан), применяют радиостанции, в которых одновременно реализованы исправляющий ошибки код Боуза-Чоудхури-Хоквингема (БЧХ-код) и распределенное временное кодирование матричного типа.

Скрытность передачи информации достигается различными путями, основными из которых являются: сокращение времени передачи сообщения, использование «прыгающей несущей частоты» и снижение мощности передатчика.

Сокращение времени передачи сообщения заданного объема может быть достигнуто путем увеличения скорости, и в то же время введение избыточного кодирования для повышения достоверности снижает скорость передачи и увеличивает время, то есть требования повышения достоверности и сокращения времени передачи являются в определенной мере противоречивыми. Выход из этого положения может быть найден в сокращении времени передачи фрагмента сообщения на одной несущей частоте. Суть этого способа состоит в следующем: сообщение разбивается на фрагменты и каждый фрагмент последовательно (в более сложных системах все фрагменты одновременно) передается на своей несущей частоте, причем выбор конкретного набора несущих частот и порядка их чередования является своеобразным ключом, неизвестным противнику. Время работы передатчика на каждой конкретной частоте колеблется от тысячных долей секунды до нескольких секунд. По признанию наших противников, такой метод стал применяться в разведке чуть больше 10 лет назад³.

³ См.: Svenska Dagbladet, 1984, 19 февраля, с. 16.

Так как пребывание передатчика в эфире при скоростной передаче обычно не превышает двух секунд и радиоконтрразведка противоположной стороны, как правило, не располагает предварительными данными о времени сеанса и рабочей частоте, такой метод передачи разведывательных сообщений обеспечивал до недавнего времени достаточно высокую конспиративность связи: перехват и пеленгация радиосообщений, передаваемых с большой скоростью, представляли значительные трудности.

Первая аппаратура для ведения передач со скачкообразным изменением частоты появилась в США в 1977 году и немедленно была взята на вооружение как разведывательными службами, так и военными.

Именно такая аппаратура испытывалась в военных радиостанциях Израиля системы «Shamior» во время боевых действий в долине Бекаа в 1982 году и зарекомендовала себя как эффективное средство связи с высокой стойкостью к радиоперехвату⁴.

Из западной прессы известно, что Пентагон планирует закупить для вооруженных сил США 200 тысяч радиостанций со скачкообразным изменением частоты.

Полагают также, что в ближайшие годы появится радиоаппаратура с числом скачков сигнала, достигающим 250—500 раз в секунду, при этом во столько же раз сократится длительность передач.

В шведской печати сообщалось, что якобы уже сейчас радиоаппаратура разведывательных спутников США обеспечивает передачу сообщений со скачкообразным изменением частоты 18 тыс. раз в секунду⁵.

Трудности перехвата таких передач состоят в том, что необходимо постоянно контролировать весь диапазон волн, то есть все возможные каналы связи данного участка, что технически осуществить очень сложно.

Недавно группе шведских специалистов удалось сконструировать многоканальную систему перехвата и регистрации радиосообщений, переданных с большой скоростью при скачкообразном изменении частоты сигнала, в которой использовано «приемное устройство со сжатием сигнала». По сообщению шведской прессы, эта система после доводки поступит на вооружение Управления радиосвязи министерства обороны Швеции⁶.

Другим путем повышения скрытности передачи информации является снижение мощности передатчика. В данном случае

⁴ См.: Специальный выпуск по материалам иностранной печати. Серия «Р», 1984, № 6, с. 38.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

применяются так называемые широкополосные, или шумоподобные, сигналы. Использование этих сигналов позволяет снизить мощность передатчика до мощности естественных атмосферных и тепловых шумов, при этом обнаружить такой передатчик обычными приемниками практически невозможно.

Повышению скрытности передачи информации по радиоканалу служит также использование современных безопасных терминалов и шифровальных устройств, в которых широко применяется цифровая обработка речевых сигналов.

По сообщению американской прессы, спецслужбы США для защиты каналов связи используют новую аппаратуру — «радиостанции безопасной речевой связи», обеспечивающую криптографическую защиту передаваемых сообщений⁷. Для этого в каждый передатчик и приемник вмонтирован специальный криптографический блок. В качестве шифра используется национальный стандарт криптографической защиты данных (НСКЗД), разработанный Национальным бюро стандартов совместно с Агентством национальной безопасности (АНБ). По мнению американских специалистов, раскрытие шифров «посторонними перехватчиками» мало вероятно, поскольку ключи можно менять с любой периодичностью. Отмечается, что контрразведкой США давно используется специальная техника связи, в которой для защиты применяются еще более сложные шифры АНБ⁸.

Одним из изготовителей различного рода связной техники и криптоаппаратуры является в настоящее время израильская фирма «Tadiran», которая относится к крупным поставщикам следующих, пользующихся большим спросом на мировом рынке агрегатов:

цифрового криптоблока «SEC-15», предназначенного для шифрования информации, передаваемой как по радио, так и по проводным линиям связи;

цифрового терминала «SEC-22» для шифрования речевого сигнала;

терминала «SEC-13», обеспечивающего максимальную безопасность информации в системах ближней связи и передачи данных и малогабаритного криптоустройства «SEC-36».

Портативный криптоблок «SEC-36» размером с обычный микрокалькулятор предназначен в основном для использования в системах ближней связи и шифрует сообщения, передаваемые по радио и проводным линиям. Встроенное батарейное питание обеспечивает автономное функционирование.

Согласно выбранному алгоритму шифрования открытый

текст сообщения преобразуется в шифртекст с помощью псевдослучайной последовательности, задаваемой оператором (пользователем). Специалисты фирмы утверждают, что дешифровать шифртекст практически невозможно даже в том случае, если обеспечен физический доступ к блоку «SEC-36». Для расшифрования сообщения на приемном конце линии необходимо наличие аналогичного шифроблока и знание кодирующей последовательности.

Стойкость такого шифра обеспечивается одноразовым использованием кодирующей последовательности и тем, что заложенная в криптоблоке программа шифрования сменная⁹.

В японской промышленности налажено производство специальных интегральных схем, предназначенных для обработки, сжатия, засекречивания и передачи речевых сигналов в цифровой форме со скоростью 16—32 кбит/сек. Они обеспечивают довольно высокое качество передачи речевого сигнала и позволяют надежно идентифицировать не менее 60% слогов передаваемого сообщения.

На базе самых современных компонентов японскими специалистами созданы прототипы портативных цифровых систем связи мощностью 1 Вт, работающих в симплексном режиме на частотах, как правило, 150—350 МГц¹⁰.

Английская фирма «Racal-Covisec» также приступила к выпуску нового компактного шифроблока «МА 4263», который, по заявлению представителя этой фирмы, обеспечивает надежную защиту речевого и письменного текста от дешифрования даже с помощью новейших ЭВМ. Шифроблок рассчитан на совместную работу с большинством имеющихся в продаже бытовых портативных носимых приемопередатчиков, причем использованный в нем новый метод синхронизации не снижает радиуса действия передатчика.

Оригинальность устройства состоит в использовании больших интегральных схем. Шифрующую гамму, которая накладывается на открытый текст, вырабатывает встроенный генератор нелинейных последовательностей. Передача шифртекста производится, как правило, со скоростью 16 кбит/сек. При необходимости можно снизить скорость передачи до 12,5 или повысить до 19,2 кбит/сек.

В заключение необходимо сказать, что каждый из рассмотренных выше путей повышения скрытности передачи имеет определенные достоинства и недостатки, поэтому выбор конкретных решений должен осуществляться исходя из конкретной оперативной обстановки.

⁷ См.: Нью-Йорк таймс, 1983, 12 марта, с. 2.

⁸ См.: Специальный выпуск по материалам иностранной печати. Серия «Р», 1984, № 9, с. 7.

⁹ См.: Специальный выпуск по материалам иностранной печати. Серия «Р», 1984, № 8, с. 32—34.

¹⁰ См. там же, 1983, № 11, с. 48—49.

Заканчивая в целом рассмотрение средств специальной радиосвязи ВЧ-, ОВЧ- и УВЧ-диапазонов, подчеркнем, что спецслужбы противника для обеспечения связи со своей агентурой в стране и за рубежом будут использовать активно эти диапазоны еще в течение длительного времени, а развитие микроэлектроники и ее широкое внедрение в специальные радиосредства делают радиосвязь в ВЧ- и ОВЧ-диапазонах достаточно надежной и скрытной.

*Рекомендована специальной кафедрой «М»
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор доктор военных наук, профессор
полковник А. И. Цветков*

Подполковник В. Ф. Бородич

К ИЗМЕНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В КНР

I

Политическая обстановка в Китае с конца 70-х гг. по настоящее время претерпела серьезные изменения, для оценки которых нужно исходить из концепции нового политического мышления, выработанной после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Концепция основывается, в частности, на таких принципиально важных положениях, как требование придать приоритетный характер отношениям СССР с другими социалистическими странами, требование критического переосмысления имевшей место практики судить обо всем со своих позиций, недостаточно учитывая новизну проблем и специфику братских стран. Применение концепции нового политического мышления в политической теории и практике позволяет «быстро и последовательно очистить наши отношения от негативных наслоений прошлого»¹.

Требования партийных документов заставляют по-новому взглянуть на многие явления и процессы, происходящие в КНР после смерти Мао Цзэдуна и получившие на рубеже 70—80-х гг. не всегда обоснованную, излишне критическую оценку в ряде работ по Китаю.

Вместе с тем неуместно увлечение «розовыми красками» при анализе современной китайской действительности. 10 апреля 1987 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая в Праге, сформулировал актуальное положение, справедливое для оценки внешнеполитической деятельности каждого социалистического государства: «Успехи социалистического сотрудничества невозможны без заботы каждой партии и страны не только о собственных, но и об общих интересах, без уважительного отношения к друзьям и союзникам, обязательного учета их интересов»². Анализ многих практических шагов китайского руководства, особенно на международной арене, свидетельствует о сохранении в «особой позиции» Китая элементов национального эгоизма, китаецентризма, наносящих ущерб интересам других социалистических стран, интересам мирового социализма в целом.

Анализ структурных и функциональных изменений во всех сферах жизнедеятельности китайского общества за период после провозглашения руководством Компартии Китая в декаб-

¹ Титаренко М. СССР — Китай: за дальнейшее развитие сотрудничества. — Известия, 1987, 25 сентября.

² Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Чехословацкую Социалистическую Республику, 9—11 апреля 1987 г. Документы и материалы. М., Политиздат, 1987, с. 42.

ре 1978 г. нового политического курса приводит к следующим выводам.

Политическая обстановка в КНР, понимаемая как состояние происходящих в стране политических процессов, характеризуется относительной стабильностью и устойчивостью политического режима «демократической диктатуры народа» (своеобразной формы диктатуры пролетариата в условиях слабо-развитой страны), установившегося в результате отказа нового руководства Китая от методов военно-бюрократической диктатуры и осуществляющего политический курс «построения социализма с китайской спецификой» на «начальном этапе строительства социализма» в КНР³.

Во внутривнутриполитическом процессе ведущими факторами в последние годы являются:

руководящая роль компартии в политической системе КНР; практическое подтверждение закрепленной в конституции КНР линии на построение социализма;

официальный отказ китайского руководства от значительной части идейно-теоретического наследия Мао Цзэдуна, включая теорию классовой борьбы внутри социалистического общества как главного фактора общественного развития, и разработка альтернативной программы широких реформ (программы «социалистической модернизации») с упором на реформы в социально-экономической сфере;

изменение характера политического режима, сокращение роли вооруженных сил во внутривнутриполитической жизни КНР при расширении демократии, укреплении законности, реальном повышении роли права в управлении государством и обществом;

решение в целом продовольственной проблемы, длительное время являвшейся одним из главных факторов политической нестабильности;

разработка, принятие в сентябре 1985 г. и начало осуществления первой за последние три десятилетия широкой социальной программы, направленной на всемерную активизацию человеческого фактора как в сфере материального производства, так и в сфере духовной жизни;

структурная реформа партийно-государственного и хозяйственного аппарата в сочетании с «чисткой» компартии от выживших «культурной революции» и тех кадровых работников, которые занимают пассивную либо отрицательную позицию к программе «социалистической модернизации».

Указанные факторы в целом могут быть оценены как позитивный опыт решения задач социалистического строительства в условиях Китая.

Однако характер политической обстановки в КНР определяется одновременно и другой группой факторов — «остаточ-

ного», традиционалистского характера, действие которых основывается на отсталой социально-экономической структуре страны, во многом обуславливающей завышение роли традиционных, несоциалистических форм политического мышления и политической деятельности. Это следующие факторы:

декларативность ведущей роли рабочего класса и центрального места демократических институтов в обществе. Ведущая роль рабочего класса является не фактом действительности, а нормой-целью. В равной степени это относится к социалистической демократии. Указанные обстоятельства служат фактором политической обстановки, повышающим возможность принятия руководством страны политических решений, расходящихся с действительными интересами рабочего класса, интересами строительства социализма. В данных условиях Компартия Китая продолжает, как и в первые годы народной власти, играть роль института, компенсирующего слабость позиций рабочего класса в обществе. А состояние процессов, происходящих внутри КПК, как правило, напрямую влияет на функционирование режима «демократической диктатуры народа»;

неразвитость социально-экономической структуры, значительное преобладание крестьянского населения при незначительной численности рабочих крупных и средних предприятий. Являются объективной предпосылкой для широкого использования политическим руководством страны традиционных институтов политического и общественного управления. Активизация человеческого фактора поэтому стимулируется не только развитием социалистической демократии (эффект от чего ощущается в городах), но и широким использованием регулирующего потенциала традиционных норм, ориентацией на национально-психологические стереотипы и ценности несоциалистического характера.

В соотношении этих двух направлений активизации человеческого фактора второе из них нередко становится доминирующим. Например, в стимулировании активности крестьянства важную роль играет официально утвержденная норма «добиваться обогащения» (социалистический принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» не получил в деревне широкого распространения). Призывы к повышению производительности труда сопровождаются чаще апелляцией к преимуществам «национальных качеств» китайцев, а не системы социалистического хозяйствования.

В целом ведущие факторы политической обстановки неоднозначно влияют на политические процессы в КНР. Факторы, обеспечивающие социалистическое развитие страны, например курс руководства КПК на развитие социалистической демократии, могут в данный период времени не играть существенной роли в обеспечении политической стабильности. В то же время традиционалистские факторы, например широкое использова-

³ Жэньминь жибао, 1987, 26 ноября.

ние национально-психологических стереотипов и ценностей в политике, могут существенно влиять на политическую стабильность. Представляется, что современное китайское руководство активно и небезуспешно ведет поиск путей диалектического сочетания развивающего начала ведущих социалистических и стабилизирующего начала традиционалистских факторов.

Среди ведущих внешнеполитических факторов еще следует выделить группу факторов, содержащих значительный позитивный потенциал с точки зрения интересов мирового социализма, и группу факторов, действие которых наносит ущерб социалистическим государствам.

К первой группе относятся:

изменение подхода китайского руководства к вопросу о войне и мире, произошедшее в 1985 г., отказ от маоистского тезиса о невозможности предотвратить третью мировую войну;

сближение позиции КНР с позицией СССР и других стран социалистического содружества по вопросам ограничения гонки вооружений, разоружения, недопущения развертывания космического оружия, неприменения первым ядерного оружия, создания безъядерных зон и т. п.;

проявление Китаем заинтересованности в развитии широкого экономического сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), объективно совпадающей с заинтересованностью СССР в данной области;

постепенное восстановление Китаем связей с социалистическими странами, их развитие и углубление;

широкое использование возможностей внешних связей для ускорения социально-экономического развития страны.

Вторая группа факторов все еще продолжает оказывать сильное влияние на внешнеполитическую стратегию китайского руководства:

теоретической основой внешнеполитической доктрины КНР остается теория «трех миров», появившаяся на свет в первой половине 70-х гг. как альтернатива подходу КПСС и большинства коммунистических и рабочих партий мира к оценке главного противоречия современной эпохи, содержания мирового революционного процесса. Обусловленная прагматическими, национально-эгоистическими, китаецентристскими интересами, теория «трех миров» продолжает служить одним из основных факторов ослабления единства в мировой социалистической системе, исключающим возможность разработки и осуществления странами социализма согласованной внешнеполитической деятельности во все более усложняющейся международной обстановке.

Следование маоистской теории «трех миров» позволяет китайскому руководству использовать международную напряженность как инструмент для реализации своих китаецентристских внешнеполитических целей и задач. Во многом из-за последствий применения Китаем теории «трех миров» в мировом ком-

мунистическом и рабочем движении сохраняется сложная ситуация, в которой, как отметил секретарь ЦК КПСС А. Ф. Добрынин, коммунистам «не удастся продемонстрировать свою позицию как силы интернациональной даже по актуальным вопросам антивоенной, антиядерной борьбы»⁴;

внешнеполитическая и военная доктрины КНР сохраняют положения, противоречащие духу основополагающих составных частей доктрин социалистических государств, военной доктрины стран Варшавского Договора. Если, например, государства — участники Варшавского Договора во внешней политике не связывают решение международных проблем с применением силы, то высшее военно-политическое руководство Китая считает возможным применение силы. В 1985 г. Ху Яобан, бывший тогда Генеральным секретарем ЦК КПК, заявил, например: «Сейчас невозможно отказаться от применения силы против Тайваня. В будущем Китаю, возможно, придется применить военные средства, чтобы вернуть свою 29-ю провинцию»⁵. Китай принял в 1979 г. крупномасштабную агрессию против соседнего социалистического Вьетнама и поддерживает напряженность на границах с ним и в настоящее время.

В отличие от государств — участников Варшавского Договора внешнеполитическая и военная доктрины КНР включают положения о территориальных претензиях к сопредельным странам, в том числе к социалистическим — СССР, СРВ, МНР;

сохраняя приверженность прагматизму и традиционной стратегемности, примером которой является решение внешнеполитических и военных задач путем сталкивания между собой сильных противников с целью их взаимного ослабления, использование и разжигание противоречий между ними в своих целях, китайское руководство осуществляет политику «равноудаленности» от СССР и США. Такая политика обеспечивает, по замыслам высших руководителей КНР, проведение курса на быстрый экономический подъем Китая при одновременном торможении экономического развития СССР и США. Политика «равноудаленности» дает Китаю преимущества перед другими социалистическими странами в получении современной технологии, образцов вооружения и т. д. из развитых капиталистических стран в обмен на фактический отказ от принципа социалистического интернационализма. Она служит своеобразным идеологическим прикрытием фактического блокирования Китая с империалистическими силами по ряду вопросов мировой политики («афганский», «кампучийский» вопросы).

⁴ Добрынин А. Ф. О развитии инициатив братских стран по вопросам разоружения и международной безопасности с учетом итогов Рейкьявика и хода венской встречи. — Информационный бюллетень ЦК КПСС (по международным вопросам), 1987, № 2, с. 13.

⁵ Бюллетень почтовой информации ТАСС, 1987, № 172, с. 42.

Анализ ведущих факторов внутривнутриполитического и внешнеполитического курсов КНР свидетельствует о заметном расхождении сущности указанных курсов. Внутривнутриполитический курс в значительно большей мере освобожден от маоистского наследия. Что касается внешнеполитического курса КНР, то в нем продолжают сохраняться такие маоистские черты политики, как китаецентризм, национальный эгоизм, гегемонизм.

Учитывая определяющий в целом характер внутренней политики государства в ее диалектическом взаимодействии и единстве с внешней политикой, рассмотрим влияние на политический процесс в КНР внешних факторов.

Наибольшее влияние на политический курс и на политическую обстановку в Китае оказывают развитые капиталистические страны и государства социалистического мира. Но приоритет в связях по всем направлениям Китай отдает в настоящее время капиталистическому миру, а следовательно, в количественном отношении, по интенсивности влияния на экономику, политику, духовную жизнь, социальные процессы Китая его капиталистические партнеры превосходят социалистические государства.

Например, в 1985 г. в сфере экономических связей товарооборот Китая с Японией составлял 18,9, с США — 7,3, а с Советским Союзом — 1,9 млрд. долларов⁶.

По линии научного и культурного обмена с 1978 г. Китай направил за границу 40 тыс. студентов и аспирантов, кроме того 10 тыс. студентов и аспирантов получили разрешение на выезд за границу для учебы за свой счет. Из общего числа лиц, выехавших за границу по этому каналу, около половины учились или стажировались в США, 10 тыс. находятся там сейчас. Что касается обмена с Советским Союзом, то после его возобновления в 1983 г. в нашу страну прибыло лишь около 400 человек. Причем стажировки в США отличаются не только количественно. Гражданами КНР широко практикуется защита ученой степени доктора наук с последующим продлением пребывания за границей для продолжения исследований в интересах развития науки и техники Китая.

Между КНР и империалистическими государствами поддерживаются широкие регулярные военные связи, включающие обмен делегациями на уровне высшего военно-политического руководства, обмен разведывательной информацией, поставки Китаю вооружений и боевой техники и т. п.

Интенсивное влияние капиталистического мира усиливает действие дестабилизирующих факторов внутривнутриполитической обстановки в КНР, препятствует процессу укрепления социалистических начал во всех сферах общественной жизни страны.

⁶ См.: Бюллетень почтовой информации ТАСС, 1987, № 105, с. 52, 54.

Однако следует принимать во внимание, что начавшееся в последние годы оживление отношений КНР с социалистическими странами, включая Советский Союз, вызвано не только прагматическими соображениями националистически настроенных руководителей Китая, но и влиянием на внешнеполитический курс социалистических по характеру внутривнутриполитических процессов и явлений, действием закономерностей развития мировой социалистической системы. В условиях проведения Китаем «открытого» внешнеполитического курса значительно повысилась эффективность влияния на него конструктивных инициатив, приоритет в которых принадлежит Советскому Союзу, другим социалистическим странам (с важными инициативами выступили в последнее время, например, МНР, СРВ, ПНР). Одним из результатов действия названных внутренних и внешних позитивных факторов является приоритет отношений КНР с социалистическим миром, что, в свою очередь, также является фактором, усиливающим социалистическое начало политических процессов в Китае.

Таким образом, современную политическую обстановку в КНР определяет действие трех факторов: социалистического развития; прокапиталистического развития; националистического фактора «китайской специфики». Последний фактор определяется усилиями националистических кругов руководства КНР по использованию в решении первоочередных задач и долговременных целей потенциалов как социалистического, так и капиталистического мира, а также результатов борьбы двух миров.

В сложившихся условиях возрастает влияние внешних факторов, включая фактор разведывательного противоборства, на политическую обстановку в КНР. Перед социалистическими странами, в том числе и перед их разведывательными и контрразведывательными органами, стоит задача активизировать борьбу за социалистический Китай — важное звено мировой системы социализма, содействовать развитию и усилению социалистических начал в общественно-политической жизни КНР, нейтрализации и блокированию влияния на Китай капиталистического мира.

II

Изменения, происшедшие в политической обстановке КНР, повлекли серьезные изменения и оперативной обстановки⁷. Они затронули процессы политического противоборства по поводу

⁷ Под оперативной обстановкой в стране автор понимает состояние разведывательного противоборства в общественно-политической среде конкретной страны, в котором участвуют субъекты разведывательного противоборства данного государства, с одной стороны, и субъекты разведывательного противоборства иностранных государств и иных внешних политических сил, с другой стороны.

ряда объектов защиты системой обеспечения государственной безопасности КНР, в первую очередь социалистического строя, включая новый политический режим (условно — режим «демократической диктатуры народа»), пришедший на смену режиму военно-бюрократической диктатуры, нового политического курса «социалистической модернизации» общества.

Определенные изменения произошли и в подходе высшего политического руководства к определению главных субъектов угрозы интересам государственной безопасности КНР, характера и степени угрозы со стороны каждого из субъектов.

Судя по ряду признаков, в том числе по активно проводимой сейчас внутриполитической кампании борьбы с «буржуазной либерализацией», китайское руководство определяет субъектами, посягающими на указанные выше объекты защиты, империалистические государства во главе с США и их спецслужбы.

В зависимости от степени заинтересованности субъектов в нанесении ущерба интересам государственной безопасности КНР и их реальных возможностей, условий для нанесения ущерба (географическое взаиморасположение, исторические связи и характер современных отношений, наличие союзнических связей с другими субъектами угрозы государственной безопасности КНР), установленной или предполагаемой разведывательно-подрывной деятельности и т. п. субъекты ранжированы, судя по документам ЦК КПК, Госсовета, МГБ и МОБ, в следующем порядке: США, Тайвань, Япония, страны Западной Европы и спецслужбы перечисленных государств.

В отличие от империалистических государств социалистические страны не считаются источниками угрозы социалистическому строю.

В годы существования режима военно-бюрократической диктатуры СССР и его союзники считались субъектами угрозы существованию данного политического режима. Изменение политического режима и внутриполитического курса в КНР и положительная реакция на это событие со стороны СССР⁸ и других социалистических стран объективно выводят указанные государства из числа таких субъектов.

Вместе с тем СССР и его союзники, интересам государственной безопасности которых наносят ущерб некоторые аспекты «особого» внешнеполитического курса Китая, направленные на обеспечение в первую очередь национально-государственных, а не классовых интересов КНР, вынуждены принимать ответственные внешнеполитические, в том числе разведывательные и

⁸ Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в речи на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина, 28 июля 1986 г. заявил: «Советские люди с пониманием и уважением воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа» (Правда, 1986, 29 июля).

контрразведывательные, меры обеспечения государственной безопасности. Учитывая данные обстоятельства, китайское руководство в настоящее время продолжает квалифицировать Советский Союз и его ближайших союзников, их разведывательные и контрразведывательные органы в качестве субъектов угрозы «национальным интересам» КНР.

Это соответствует оценке военно-политическим руководством КНР Советского Союза как источника «непосредственной и главной угрозы Китаю»⁹.

Из указанного следует, что состояние противоборства между Китаем и СССР в сфере, затрагивающей интересы их государственной безопасности, обусловлено главным образом одним фактором — фактором сохранения националистических начал во внешнеполитическом курсе КНР. Перспективы сохранения данного фактора в политике КНР требуют отдельного изучения. На период же его действия система обеспечения государственной безопасности КНР, как показывают факты практической деятельности китайских спецорганов, будет по-прежнему ориентирована против советской разведки и контрразведки и их деятельности по Китаю.

Серьезные изменения произошли на направлениях противоборства в сфере обеспечения государственной безопасности КНР. Направлением, на котором система обеспечения государственной безопасности Китая прикрывает все объекты защиты, включая такой конкретный объект, как руководящая роль Компартии Китая в обществе, является противоборство с деятельностью разведок и контрразведок империалистических государств. Оперативная обстановка на этом направлении определяется:

процессами и событиями в общественной среде: усилением в ходе экономической реформы частнопредпринимательского сектора экономики, индивидуального способа организации труда в деревне (с охватом этой формой производства 95% крестьянских хозяйств), что ведет к резкому сокращению масштабов партийной работы и активности коммунистов в деревне и частично в сферах материального производства, торговли и обслуживания в городе; повышением социально-политической активности молодежи, интеллигенции в результате осуществления политики «раскрепощения сознания», активизации человеческого фактора, «расширения связей с внешним миром»; массовой «чисткой» партийно-государственного и хозяйственного аппарата от выдвиженцев «культурной революции», сплошной проверкой степени и формы участия в событиях тех лет, а также лояльности к курсу «социалистической модернизации» лиц, вступивших в КПК в период «культурной революции» (около

⁹ Китай и его вооруженные силы. М., изд. ГРУ Генштаба ВС СССР, 1986, с. 52.

18 млн. человек); крупными кадровыми перестановками, явившимися результатом «чистки»; подрывом авторитета идеологии и политической практики маоизма; отсутствием роста реальной роли рабочего класса в политической жизни и т. п.;

использованием перечисленных процессов и событий империалистическими государствами и их спецслужбами с целью подрыва руководящей роли КПК в политической системе КНР. Широкий размах приняла подрывная пропаганда, направленная на формирование общественного мнения в КНР в пользу введения в стране многопартийной системы по образцу буржуазных государств. Активной антикоммунистической обработке подвергаются выезжающие в капиталистические страны студенты, научно-технические работники, представители деловых кругов (спецслужбы империалистических государств учитывают тот факт, что по возвращении из-за рубежа данная категория лиц становится одним из главных источников пополнения и обновления аппарата управления).

Большие возможности для ведения разведывательно-подрывной деятельности имеют многочисленные американские, японские специалисты, специалисты западных государств, находящиеся на территории КНР и постоянно контактирующие с управленческими работниками, различными категориями секретносителей;

разработкой и совершенствованием в КНР системы организационно-политических, идейно-воспитательных, агентурно-оперативных и военных мер обеспечения государственной безопасности. Руководство КНР в рамках поставленной задачи обеспечения политической и социально-экономической стабильности как важного и необходимого внутреннего условия успешного осуществления курса «социалистической модернизации» приняло решение на перестройку и качественное совершенствование политической и правовой системы. Развернутое решение по реформе политической системы принято на XIII съезде КПК в октябре 1987 г., реформа правовой системы осуществляется с конца 70-х гг. Она направлена на ликвидацию последствий «правового нигилизма», существовавшего в годы военно-бюрократической диктатуры, поднятие роли права в управлении государством и обществом, укрепление социалистического правопорядка как важной составной части общественного порядка, на развитие демократии, совершенствование законодательства и укрепление законности.

В ходе осуществления правовой реформы все более активно проводится правотворческая деятельность¹⁰. Осуществляются

¹⁰ На 1986 г. было запланировано разработать 162 проекта законов и законоположений, что в два раза больше, чем за 1984 и 1985 гг., вместе взятые (см.: Атлас ТАСС, 1987, № 22, с. 15).

меры по созданию условий для эффективного правоприменения: расширяется сеть юридических учебных заведений, совершенствуется структура правовой системы, разработана и осуществляется система правовой пропаганды.

Составной частью развития правовой системы КНР является развитие правовой подсистемы в сфере обеспечения государственной безопасности. Обновлено административное законодательство в области охраны государственной тайны при контактах с иностранцами, в уголовном законодательстве появились акты, направленные на усиление уголовно-правовых мер обеспечения государственной безопасности КНР (охраны государственной границы Китая с СССР, МНР, рядом других государств).

Традиционно важную роль в обеспечении государственной безопасности играют идейно-воспитательные меры. Среди них — меры общей профилактики идейно-нравственного перерождения граждан КНР, вовлеченных в контакты с иностранцами, занимающимися частным предпринимательством. После принятия ЦК КПК в 1981 г. документа № 41 «Извещение ЦК КПК о необходимости граждан беречь честь страны и сохранять национальное достоинство при общении с иностранцами» и в 1982 г. документа № 17 «Уведомление по Протоколу совещания двух провинций (Гуандун и Фуцзянь)» на местах под руководством партийных комитетов реорганизована и функционирует система идейно-воспитательных, режимных и иных мер обеспечения государственной безопасности.

Совершенствуются агентурно-оперативные меры обеспечения государственной безопасности на рассматриваемом направлении. Произведены изменения в структуре соответствующих органов.

Главным контрразведывательным органом стало образованное в июне 1983 г. Министерство государственной безопасности (МГБ). На местах от уезда и выше функционируют местные органы государственной безопасности.

В решении разведывательных задач участвуют органы партийной разведки, замыкающиеся на Отдел исследований ЦК КПК, МГБ, подразделения военной разведки, министерства общественной безопасности (в частности, формирования народной вооруженной пограничной полиции), части погранохраны, формирования народного ополчения и даже активисты различных общественных организаций.

С учетом долговременной перспективы широких связей с внешним миром развернута сеть учебных заведений по подготовке кадров для оперативных, оперативно-технических, следственных подразделений системы обеспечения государственной безопасности. Обоснованно будет предположить, что спецслужбами КНР широко используется в подготовке

кадров канал обмена студентами и стажерами с другими странами.

Реорганизация системы обеспечения безопасности КНР распространилась и на систему военных мер. Воссозданы в структуре Министерства общественной безопасности (МОБ) войска общественной безопасности, выведенные из подчинения армии и получившие наименование народной вооруженной полиции. При МОБ образовано Главное управление народной вооруженной полиции, в структуре которого функционирует управление пограничной полиции. Погранполиция создана в целях обеспечения более высокой эффективности как войсковой охраны, так и агентурно-оперативного прикрытия государственной границы.

Получены данные о создании в КНР подразделений быстрого развертывания.

Выше уже говорилось о том, что система обеспечения государственной безопасности КНР ориентирована не только на противодействие и противоборство с империалистическими государствами и их спецслужбами, но и на противодействие и противоборство с СССР и его союзниками, их разведывательными и контрразведывательными органами на направлениях защиты «особого» внешнеполитического курса и территориальной неприкосновенности. Противоборство по поводу последнего из упомянутых объектов защиты, как известно, было навязано Советскому Союзу разведывательно-подрывной деятельностью китайских спецслужб через государственную границу Китая с СССР в 60-х гг.

Специфика названных объектов защиты и субъектов противоборства (советской разведки и контрразведки) обусловила и некоторые особенности системы обеспечения государственной безопасности в КНР. Здесь вкратце можно отметить следующие особенности: ярко выраженные региональные отличия режима безопасности в приграничных с СССР районах Китая от режима безопасности в тыловых районах страны либо в районах, граничащих с другими государствами; в целом сравнительно ограниченный характер деятельности советской разведки и контрразведки в КНР (ограничения связаны, во-первых, с принципом необходимой достаточности в борьбе с активностью спецслужб противника, во-вторых, с характером возможностей, которые до недавнего времени определялись как значительные на канале противоборства через государственную границу и весьма ограниченные на большинстве других каналов), что нашло отражение в системе обеспечения государственной безопасности Китая. В деятельности спецорганов КНР находит отражение то обстоятельство, что объектом их борьбы являются разведка и контрразведка социалистических государств — СССР и его союзников. Все отмеченные особенности нашли отражение и в оперативной обстановке в КНР.

III

Решая поставленные партией и правительством задачи по Китаю, органы КГБ вынуждены действовать в условиях сложившейся проблемной ситуации — изменение политической обстановки в КНР, произошедшее под влиянием ряда внутренних и внешних факторов, сделало возможным быстрое расширение связей между СССР и Китаем. Однако китайская сторона сохраняет при этом отношение к Советскому Союзу как к политическому и военному противнику, видя будущее отношений обоих государств в соперничестве и конкуренции за влияние в социалистическом мире, на мировой арене в целом.

Проблемная ситуация ставит органы КГБ перед необходимостью оценить перспективы развития оперативной обстановки на китайской линии и предусмотреть меры, достаточные для контрразведывательного и разведывательного обеспечения политики СССР в отношении Китая.

Оперативную обстановку на китайской линии работы органов КГБ СССР определяет в настоящее время ряд факторов, в числе которых:

фактор объективной необходимости расширения связей между СССР и Китаем в силу принадлежности последнего к мировой социалистической системе;

фактор потенциальной взаимодополняемости экономик обоих государств и схождения приоритетов — ускорения социально-экономического развития;

фактор благоприятного для широких и всесторонних связей географического положения обоих государств;

фактор дискредитации в значительной степени теории и практики маоизма и сокращения масштабов антисоветской пропаганды внутри Китая и за его пределами и т. д.;

фактор продолжения Китаем разведывательно-подрывной деятельности против Советского Союза и даже расширения ее масштабов на отдельных направлениях;

фактор расширения Китаем масштабов подготовки специалистов разных профилей, в том числе для вооруженных сил и спецорганов, со знанием русского языка при дальнейшем углублении и интенсификации возобновленного в 70-е гг. процесса всестороннего изучения Советского Союза, проблем и перспектив его политического, социально-экономического и духовного развития. При этом в изучении Советского Союза всемерно используется научный потенциал приграничных с СССР провинций и автономных районов Китая, в особенности северо-восточных провинций. Это свидетельствует о рациональной, планомерной подготовке руководства Китая к долговременным, широко-масштабным и прогрессирующим связям и отношениям с СССР

как с крупным партнером-соперником, партнером-конкурентом с вытекающими отсюда для китайской разведки и контрразведки последствиями;

фактор резкого расширения с конца 70-х гг. оперативных возможностей и масштабов деятельности в КНР спецслужб империалистических государств, деятельность которых, учитывая развитие связей Китая с СССР и протяженность границы между ними, опыт работы китайской разведки и контрразведки против СССР через государственную границу и на других каналах, продолжение указанной деятельности в настоящем, опыт сотрудничества разведок Китая и США, может осуществляться самостоятельно или совместно со спецорганами КНР с территории Китая в ущерб интересам государственной безопасности СССР.

Действие перечисленных и ряда других, не названных здесь факторов требует тщательного анализа не только применительно к деятельности практических подразделений КГБ СССР, но и применительно к современному состоянию и перспективам научных исследований по Китаю в системе КГБ СССР и подготовке чекистских кадров для работы по китайской линии.

Проводимая сейчас перестройка системы подготовки и переподготовки чекистских кадров затрагивает и направление подготовки кадров со знаниями в области страноведения по Китаю, владеющих китайским языком. Концепция этой перестройки должна учитывать, в частности, расширяющийся социальный заказ на кадры китаеведов и лиц со знанием китайского языка различных специальностей для обеспечения конкретных современных и перспективных политических шагов КПСС и Советского правительства в отношении Китая, а также для обеспечения инициатив СССР по развитию сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона (частью которого является сотрудничество СССР и КНР), Долговременной государственной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 года и т. д. Составной частью мер обеспечения данных шагов и инициатив является обеспечение их в разведывательном и контрразведывательном отношении. Это предполагает соответствующие настоящим и перспективным потребностям масштаб и качество подготовки и переподготовки оперативных, оперативно-технических кадров и кадров следователей с китаеведческим образованием, а также расширение оперативной базы для решения разведывательных и контрразведывательных задач по Китаю.

В части обеспечения кадрами расширяющихся связей КНР и СССР, деятельности китайской разведки и контрразведки на данной линии китайская сторона, как показывает предвари-

тельный анализ, имеет преимущества в масштабе подготовки кадров со страноведческим образованием, владеющих русским языком, в рациональности размещения вузов, подготавливающих такие кадры,— значительная их часть находится близ границ с СССР, а эти территории в наибольшей степени будут задействованы в контактах между двумя странами (в Советском Союзе подготовка китаеведов ведется преимущественно в Москве и ряде других городов европейской части страны).

Аналогичное положение сложилось и в области научного обеспечения: по неполным данным соотношение периферийных центров научных исследований по сопредельной стране (советский Дальний Восток — Северо-Восточный Китай) составляет пять к одному в пользу Северо-Восточного Китая, причем прикладные исследования по современному Китаю в дальневосточном регионе практически только развертываются, а изучение советского Дальнего Востока в Северо-Восточном Китае ведется едва ли не в таком же масштабе, что и нашими отечественными дальневосточными и сибирскими центрами.

Мы не располагаем данными о масштабе подготовки кадров для разведки и контрразведки в специальных учебных заведениях КНР. Однако известно о существовании таких заведений и о практике организованной подготовки таких кадров в некоторых гражданских вузах (например, в Хэйлунцзянском университете).

Размер и прогрессирующий характер социального заказа на подготовку чекистских кадров, активность китайского руководства и спецорганов на данном направлении требуют особенно тщательно рассмотреть такие вопросы, как: учет потребности в кадрах оперативного, оперативно-технического и следственного составов в настоящее время и на перспективу прогрессирующего роста советско-китайских отношений; учет наличия кадров с китаеведческой подготовкой и рациональности их расстановки; учет чекистского резерва кадров из числа выпускников гражданских вузов, осуществляющих подготовку китаеведов; определение, беря во внимание вышеуказанное, размера набора в учебные заведения КГБ СССР, характера подготовки, требований к качеству подготовки.

Кроме того, в интересах расширения оперативной базы для работы органов КГБ по китайской линии целесообразно было бы изучить и обосновать с точки зрения интересов обеспечения государственной безопасности введение преподавания китайского языка и соответствующего страноведческого курса в ряде гражданских вузов страны, готовящих кадры по специальностям, пользующимся повышенным спросом в структуре советско-китайских отношений, в том числе торгово-экономических и научно-технических.

В целях повышения эффективности использования научно-практического потенциала учебных и научно-исследовательских заведений КГБ СССР в интересах практики в Высшей школе начата апробация комплексных исследовательских групп, состоящих из научно-педагогических работников Высшей школы, практических работников подразделений центрального аппарата и слушателей Высшей школы. Группы создаются по социальному заказу практических подразделений и решают задачи информационно-аналитического обеспечения участков работы по китайской линии, причем слушательский состав участвует в решении не учебных, а практических боевых задач. Безусловно, деятельность групп основывается на строгом соблюдении принципов конспирации в обращении с оперативными документами и материалами. Одна особенность замысла создания таких групп — концентрация усилий слушателей на обработке материалов в основном несекретного характера, систематизация и обработка которого в оперативных подразделениях чаще всего невозможна. Другая особенность — формирование состава групп из числа слушателей, работа которых после выпуска может быть связана с проблемами, которые решает именно данная группа. Это — важный фактор раннего и более качественного профилирования обучения слушателей, их специализации.

Для китайской линии целесообразно и возможно создание и более представительных по составу групп — для разработки фундаментальных и остроактуальных проблем, требующих решения в ограниченный срок. Вместо создания для решения таких проблем постоянных коллективов, что требует времени и средств и не всегда приводит к концентрации в таком коллективе нужных специалистов, могут создаваться временные комплексные исследовательские группы из числа специалистов, представляющих разные подразделения, освобожденных частично или полностью на время краткосрочного исследования от своих основных обязанностей. Среди приоритетных тем, ждущих разработки — «разведывательное и контрразведывательное обеспечение на перспективных направлениях развития советско-китайских отношений», «разведывательное и контрразведывательное обеспечение Долговременной программы комплексного развития советского Дальнего Востока и Восточной Сибири» и т. д.

Работа органов КГБ СССР по Китаю в последние годы выдвигает ряд серьезных и актуальных проблем, решение которых возможно лишь с помощью перестройки некоторых сложившихся стереотипов практической работы и мышления. Пример перестройки подает в первую очередь ЦК КПСС, Советское правительство, выработавшие после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС важный методологический ориентир в подходе к мировым проблемам, в частности к отношениям с Китаем,—

концепцию нового политического мышления. Реализация данной концепции в системе подготовки и переподготовки чекистских кадров и научных исследований по Китаю обеспечит повышение эффективности выполнения задач, стоящих перед органами КГБ СССР.

*Рекомендована специальной кафедрой № 16
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат психологических наук
майор А. А. Кокорев*

Кандидат исторических наук, доцент
полковник *В. А. Золототрубов*,
кандидат философских наук, доцент
полковник *В. Б. Кулаков*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦСЛУЖБАМИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ ИДЕОЛОГИИ БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И КЛЕРИКАЛИЗМА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В партийных документах глубоко освещены проблемы, имеющие огромное значение для Советского многонационального государства. В них убедительно подчеркивается, что наш народ выступает ныне как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством политических целей, экономических интересов и идеологии. «Основы решения национального вопроса в нашей стране заложила Великая Октябрьская социалистическая революция. Опираясь на учение В. И. Ленина, завоевания социализма, Коммунистическая партия проделала гигантскую преобразующую работу в этой области. Ее результаты — выдающееся завоевание социализма, обогатившее мировую цивилизацию»¹. Дружба советских народов сама по себе — уникальное явление в мировой истории. Для нас же она — одна из главных опор могущества и прочности Советского государства².

Сегодня на повестке дня новые проблемы, порождаемые самим фактом совместного проживания и сотрудничества в одном государстве множества наций и народностей. И в условиях, когда в ходе революционной перестройки партия стремится поднять развитие нашего общества на более высокую ступень, когда расширяются демократия, гласность и самоуправление, когда идет быстрый рост национального самосознания, углубляются процессы интернационализации, особую важность приобретает своевременное и справедливое разрешение этих проблем на

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1987, с. 53.

² См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., Политиздат, 1987, с. 36—37.

единственно возможной основе — в интересах расцвета каждой нации и народности, их дальнейшего сближения, в интересах всего социалистического общества. Глубинные процессы, происходящие сегодня в сфере национальных отношений, закономерно ведут к слиянию в перспективе всех наций и народностей.

С этим не могут смириться наши идеологические противники в странах Запада. Используя спецслужбы и зарубежные антисоветские центры, они пытаются принизить значение исторических завоеваний Великого Октября, вызвать недоверие советских людей и трудящихся всего мира к национальной политике КПСС, подорвать интернациональное единство и братскую дружбу народов нашей страны — то, что по праву считается одним из высших достижений социализма³.

Факты последних лет убедительно показывают, что изощренная фальсификация процесса развития национальных отношений, национальной политики КПСС является одним из ведущих направлений в деятельности противника, особенно в современных условиях, когда в СССР идет реализация генеральной линии КПСС на перестройку. Основываясь на идеологии буржуазного национализма, они пытаются создать в нашей стране позиции, которые способствовали бы процессам «политической эрозии» общества, социальных и политических потрясений, «ослабить единство и дружбу многонационального общества, инспирировать национальную рознь, сепаратистские настроения»⁴.

Особую ставку противник делает на создание враждебного националистического подполья, на «националистический взрыв» внутри Советского Союза. При этом повышенное внимание подрывные центры Запада проявляют к советской молодежи, которая в современных условиях стала одним из главных объектов идеологической диверсии⁵. В НАТО, например, молодежными проблемами занимается самостоятельный отдел — так называемый «совет по делам молодежи», в чьи функции входит пропаганда идеалов «западного образа жизни», а также обработка молодежи в антисоветском и националистическом духе с целью воспитания у нее «способности противостоять коммунизму». «Нам совсем не безразлично, в каком духе воспитывается подрастающее поколение нашего потенциального противника и в чьих руках окажется судьба Советской России в недалеком будущем, когда это поколение вырастет», — заявил в бытность свою главнокомандующим вооруженными силами НАТО генерал Норстэд⁶.

³ См.: Правда, 1987, 11 сентября, с. 3.

⁴ Бобков Ф. Д. Политическая бдительность — требование времени. — Политическое самообразование, 1986, № 6, с. 31.

⁵ Подробно об этом см.: Золототрубов В. А. Советская молодежь — один из важнейших объектов идеологической диверсии империалистических государств в современных условиях. — Подрывная деятельность противника и оперативная обстановка в зарубежных странах, 1981, с. 19—44.

⁶ Цит. по: Налин Ю. На прицеле молодежь. — Труд, 1983, 2 февраля.

Идеологический противник усиливает попытки проникновения в среду советской молодежи, считая ее более поддающейся идеологической обработке в антисоветском, националистическом духе, чем старшее поколение. Он стремится найти «щель» в единстве и духовной стойкости ее рядов, рассчитывая превратить ее в более крупные «бреши», обнаружить такие негативные факторы и проявления в образе жизни и поведении молодых людей, которые бы повысили эффективность подрывной деятельности по вовлечению их в антиобщественную, националистическую деятельность. Противник предпринимает попытки проследить глубинные тенденции системы идейно-политической подготовки молодежи в стране.

Он спекулирует на таких возрастных, социально-психологических особенностях отдельных представителей этой демографической группы советского общества, как недостаточная классовая закалка и политическая зрелость, неумение с классовых позиций самостоятельно оценивать социальные явления, разбираться в сложных процессах идеологической борьбы, склонность к поспешным выводам, некритическому восприятию любой новой информации, фиксация внимания на тех фактах и явлениях действительности, которые не соответствуют сложившимся идеалам, установкам. Эти особенности, свойственные отдельным представителям молодежи, не позволяют им вовремя распознать направленные на них акции идеологической диверсии противника и противостоять им.

«Советологи», «специалисты» по национальному вопросу упорно ищут так называемые «внутренние слабости» в советском обществе. «Внутреннее сопротивление» (имеется в виду прежде всего «сопротивление» советской молодежи) политике КПСС в многонациональном Советском государстве имело бы «решающее стратегическое значение во время войны», пишет известный антикоммунист Вольштеттер⁷. Этот теоретик буржуазного национализма пытается выдать желаемое за действительное. Он утверждает: «...весьма вероятно, что внутреннее напряжение, которое изощренный советский аппарат жестко контролирует в мирное время, может привести к взрыву в военное время, когда этот аппарат будет вынужден отдавать все силы задаче контроля над советскими солдатами и гражданскими лицами, находящимися в контакте с внешними врагами, чьи страны Советы, быть может, оккупируют»⁸.

Противником постоянно предпринимаются попытки внедрения в среду советской молодежи буржуазно-националистических взглядов и воззрений. Так, известный антисоветчик, «заслужен-

⁷ См.: Советские национальности в стратегической перспективе. Пер. с англ. М., Прогресс, 1986, с. 18. А. Вольштеттер — директор научно-исследовательского института панэвристики, президент Европейско-американского института по изучению проблем безопасности.

⁸ Там же, с. 20.

ный» профессор Высшей школы социальных наук в Париже А. Беннигсен в своей статье «Советские мусульмане и мусульманский мир», рассчитанной на советскую молодежь, проживающую в республиках Средней Азии, делает подстрекательский вывод: «Власти СССР, русские диссиденты и многие западные обозреватели согласны в одном: национальная проблема в Советском Союзе представляет собой одно из самых слабых мест в системе, потенциально именно здесь кроется главная опасность, и только эта проблема способна уничтожить советскую империю изнутри»⁹.

В соответствии с этой «стратегической перспективой» спецслужбы активизируют подрывную деятельность против молодежи СССР, ориентируясь на создание в ее среде «очагов социального возбуждения»¹⁰ путем разжигания национализма. В этих целях они используют широкий диапазон фальсификаций национальных отношений в СССР: от грубых инсинуаций и открытых антисоветских выпадов с требованиями ликвидировать социалистический строй как якобы «не соответствующий» интересам развития наций до «объективных» и «доброжелательных» рассуждений с призывами «усовершенствовать» социализм, дать ему «возможность приобрести» «гуманные», демократические свободы и «национальное самоуправление».

Идеологическую диверсию в сфере национальных отношений спецслужбы империалистических государств и зарубежные антисоветские центры стремятся проводить с учетом объективного положения дел в этой области, в частности используют отдельные нехарактерные для советской действительности негативные проявления в жизни народов нашей многонациональной страны. При этом подрывная деятельность против СССР ведется под демагогическим девизом: «национальное выше классового и обеспечение национальной независимости важнее международных обязательств».

Наиболее активно под руководством спецслужб осуществляют идеологическую диверсию против советской молодежи националистические формирования украинской, прибалтийской и армянской реакционной эмиграции¹¹. Так, в принятом на состоявшемся в 1981 году VI съезде ЗЧ ОУН «Обращении к украинскому народу» содержался провокационный призыв к молодежи УССР отказываться от выезда за пределы республики, в том числе на новостройки Сибири, Урала и Дальнего Востока, а к военным служащим — изучать военное дело, с тем чтобы «при

⁹ Советские национальности в стратегической перспективе, с. 240.

¹⁰ См.: Приказ КГБ СССР № 0042 от 3 апреля 1984 г., с. 4; Указание КГБ СССР № 81с от 31 декабря 1985 г., с. 3.

¹¹ О подрывной деятельности против советской молодежи зарубежной националистической организации «Дашнакцутюн» см.: Труды ВШ КГБ, 1987, № 39, с. 303—316.

соответствующей обстановке использовать оружие против Советской власти»¹².

Литовские, латышские и эстонские националистические центры в соответствии с решением состоявшегося в августе 1986 года в Зальцбурге (Австрия) сборища главарей реакционной прибалтийской эмиграции начали засылку предназначенных для молодежи листовок с призывом уклоняться от службы в Советской Армии, от выполнения интернационального долга в Афганистане¹³.

«Осознав, что Советский Союз выйдет из перестройки еще более сильным, а притягательность социализма в мире растет, — отметил на совещании в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и пропаганды секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, — противники начали собирать в единый фронт все реакционные силы, чтобы помешать, а если можно, то и сорвать нашу политику ускорения, перестройки, демократизации. Особая ставка делается на оживление националистических настроений»¹⁴. Все более наглядно просматривается стремление буржуазных националистов любыми недозволенными, чаще всего подстрекательскими методами подорвать веру советской молодежи в необходимость глубоких общественных перемен, посеять сомнение в осуществимости стратегического курса КПСС на ускорение социально-экономического развития в рамках существующего многонационального государства.

Как известно, XXVII съезд КПСС нацелил на укрепление союзной государственности и одновременно отметил необходимость дальнейшего повышения роли республик, автономных областей и автономных округов в решении общенародных задач, активизации участия трудящихся всех национальностей в деятельности органов власти и управления. При этом сочетание местной инициативы с централизованным управлением в общесоюзном масштабе партия ставит ныне во главу угла в дальнейшем развитии национальных отношений.

Если такой подход к основным направлениям национальной политики не соблюдается, то могут возникать местничество, национальная замкнутость, иждивенческие настроения¹⁵.

¹² Указание КГБ СССР № 81с от 31 декабря 1985 г., с. 7.

¹³ См.: Информационный бюллетень 5-го Управления КГБ СССР, 1987, № 2, с. 14.

¹⁴ Правда, 1987, 17 сентября.

¹⁵ Как отмечает академик Ю. Бромлей, в нашей стране идет постоянный рост национального самосознания у представителей всех наций. Вместе с тем он сочетается с общесоветским сознанием. «Но, конечно, — подчеркивает Ю. Бромлей, — нельзя забывать, что общественное сознание, общественная психология могут подчас и неадекватно отражать объективные социальные процессы. При определенных условиях у отдельных людей возникают те или иные проявления национализма, представляющего с точки зрения социальной психологии одно из обличий эгоизма — стремление обеспечить привилегии своей национальности за счет других» (Бромлей Ю. Национальные процессы в СССР: достижения и проблемы. — Правда, 1987, 13 февраля).

Межнациональные отношения представляют собой живой процесс сложного взаимодействия национального и интернационального, где новое, прогрессивное утверждается в постоянной борьбе со старым, не отбрасывая его полностью, а обновляя, удерживая все ценное, положительное. Специфика национального фактора состоит в том, что он уходит корнями в глубь истории. В силу этого в данной сфере общественных отношений долго еще приходится иметь дело с отжившими традициями, отдельными реакционными проявлениями национальной психологии.

Противнику очень выгодно, чтобы отдельные носящие негативный характер эксцессы переросли в антиобщественные, открыто националистические проявления. Это дает основание идеологическим диверсантам на Западе усилить шумиху по поводу якобы существующего в Советском Союзе «национального вопроса», поднять на щит выступления отдельных националистических элементов в «защиту национальных прав и свобод».

Негативные явления последних десятилетий, с которыми партия ведет сейчас решительную борьбу, отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, отразились и на сфере национальных отношений. О том, что не все здесь обстоит благополучно, напомнили националистические проявления в Алма-Ате в конце 1986 года, действия группы экстремистов из числа крымских татар, провокационные вылазки националистов в столицах республик Советской Прибалтики¹⁶, недавние события в Нагорном Карабахе.

Однако в период застоя в теории и практике господствовал тезис о беспроблемности национальных процессов в условиях социализма, они изображались некоей безжизненной абстракцией, зоной всеобщей гармонии. Навязывалось мнение, будто общество едва ли не автоматически движется ко все крепнущему братству народов. Все, что противоречило этому мнению, клеймилось как проявление буржуазного национализма. По существу, игнорировались многие реальные потребности и интересы как национального, так и общегосударственного развития.

Национальные отношения и их отражение в общественном сознании, в психологии, взглядах и поведении людей — это живая, движущаяся реальность, чутко реагирующая на состояние экономики, развитие социальной сферы, на все успехи и трудности государственного и культурного строительства¹⁷.

В основе националистических проявлений лежит совокупность объективных и субъективных факторов. Это и хозяйственные неурядицы, и нарушения советских законов, ленинских принципов кадровой политики, серьезные просчеты в интерна-

¹⁶ См.: Правда, 1987, 11 сентября.

¹⁷ См.: Коммунист, 1987, № 13, с. 4.

циональном воспитании, бюрократические извращения и оживление в этих условиях антиобщественных элементов.

Национализм проявляется, например, в местничестве, то есть в стремлении налаживать производство местной промышленности для удовлетворения потребностей коренного населения республики, национальном чванстве — возвеличивании своей нации и стремлении умалить достижения других. Он выражается также в выдвигании на передний план национальной принадлежности при подборе и расстановке кадров, преувеличении национальной специфики под видом защиты национальных особенностей народа, гипертрофировании роли национальных чувств и национального сознания, идеализации исторического прошлого, надклассовом подходе к его оценке и т. д.

Особенно опасно, когда национальные проблемы эксплуатируют различные политические проходимцы, экстремисты. В докладе на Пленуме ЦК Компартии Казахстана (март 1987 г.) первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин отметил: «Основой для беспорядков в Алма-Ате было наличие, так сказать, «горючего материала», образованного экстремистски настроенными националистическими элементами, сумевшими приобщить к себе часть социально незрелой студенческой молодежи, не обладающей стойким иммунитетом к провокационным слухам, внушениям... которой достаточно было дать понять, моргнуть, что наших, мол... «обижают», что надо, мол, солидаризироваться, что иначе ничего не решить, как они оказались готовыми вспыхнуть, проявить неправомерные действия и, подогревая друг друга, скатились на проявления хулиганства и бесчинств»¹⁸.

Националистические проявления, имевшие место за последнее время в ряде республик нашей страны, с новой силой подхвачены западными пропагандистскими центрами. Цель этой шумихи — показать, опираясь на «реальные» факты социальной действительности, живучесть «националистического вируса» в любом обществе, независимо от типа социальной системы. «Нет ничего нового в волнениях в Средней Азии, — передало американское агентство Ассошиэйтед Пресс 21 декабря 1986 года в комментарии к событиям в Алма-Ате. — Новое лишь то, что они сообщили об этом»¹⁹. Из этой выдержки ясно, что буржуазные идеологи с явно провокационным умыслом выдают случившееся в Алма-Ате за закономерность и пытаются убедить в этом политически незрелую часть молодежи.

Более того, они безосновательно утверждают, что якобы существующая между русским и нерусскими народами вражда углубляется и интернационализм не прошел испытание временем. Закономерный и естественный процесс сближения всех на-

ций, народностей нашей страны «советологи» пытаются изобразить исключительно лишь как результат «принудительной» политики партии, диктуемой соображениями «тоталитарной государственной важности». Они ставят знак равенства между сближением наций в условиях социалистического строительства и так называемой «русификацией». По их утверждению, последняя производится потому, что этнически однородным государством управлять легче, чем многонациональным обществом, которое будто бы является вечным рассадником «непокорных» национальных чувств и устремлений. Процесс сближения представляется ими как насильственное создание национальной общности «на русской основе». Разумеется, что при таком подходе к данному вопросу нерусские народы изображаются как объекты насильственной ассимиляции со стороны русского народа.

В условиях перестройки социально-экономической жизни в нашей стране антикоммунисты усиленно проводят устаревший тезис, согласно которому народы СССР могут успешно решить все свои проблемы, лишь идя по пути национальной самостоятельности, полной независимости от «господствующей» русской нации, которая «своекорыстно» заинтересована в сближении народов страны и стремится использовать этот процесс для того, чтобы еще сильнее «привязать» нерусские народы к советской системе, выгоднее их «эксплуатировать». Выдвигая версию о политике насильственной ассимиляции, буржуазные националисты пытаются запугать нерусские народы «потерей национальной самостоятельности», их «этнической индивидуальности».

Именно поэтому в постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному патриотическому воспитанию трудящихся» говорится: «Сегодня, когда революционные процессы обновления охватывают все стороны жизни общества, временное решение возникающих проблем в сфере национальных отношений приобретает важнейшее значение»²⁰.

Существенной составной частью перестройки является гармонизация национальных, республиканских, общенародных и общегосударственных интересов. А это в конечном счете сведет на нет усилия буржуазных идеологов, направленные на раздувание, гипертрофирование национальных чувств, противопоставление национальных и интернациональных интересов.

В борьбе с идеологической диверсией противника нельзя не учитывать и того, что живучесть националистических настроений тесно связана с влиянием религии на сознание определенной части населения, в том числе и молодежи.

Как известно, в истории народов религия нередко была способом выражения общенародных интересов и общенационального самосознания. Она столетиями накладывала глубокий от-

¹⁸ См.: Казахстанская правда, 1987, 15 марта.

¹⁹ Цит. по: Глобус, 1987, № 21, с. 4.

²⁰ Коммунист, 1987, № 12, с. 15.

печаток на идеологическую, политическую, экономическую и культурную жизнь народностей и наций.

В последние годы спецслужбы и зарубежные центры идеологической диверсии включили религию в арсенал антикоммунизма и антисоветизма, используют ее и для инспирирования национализма.

В подрывных целях против Советского Союза противник активно использует за рубежом националистически настроенных религиозных деятелей. Последними на антисоциалистической основе созданы концепции о существовании особых «католических», «мусульманских» наций. Эти концепции означают признание необходимой такой связи конкретной нации с той или иной религией (конфессией), без которой невозможно само национальное существование определенного народа. Религия в соответствии с ними представляется основой единства нации, ферментом ее духовной жизни, хранительницей национальной самобытности, носителем культуры. Религия, таким образом, уже не просто исторический атрибут национальной жизни народа, она выступает как надисторический способ его национального бытия вообще. Это приводит к отождествлению национальной и конфессиональной принадлежности людей, подмене национального критерия религиозно-общинным или их смешению. В связи с этим на уровне обыденного сознания появляются такие стереотипы, как «узбек-мусульманин», «литовец-католик» и т. д., создается идея некоей «богоданной родины». Понятия «национальное» и «религиозное» в таком случае ставятся в отношения взаимопереходящей связи, например: «узбекское — мусульманское», «мусульманское — узбекское», «литовское — католическое», «католическое — литовское». В сознании верующих религия, ассоциируясь с национальным самосознанием, выступает как выражение национальной общности, как общая черта людей данной национальности²¹.

Отождествление национальной принадлежности с религиозной используется для обоснования клерикализации жизни нации, является источником национальной розни на религиозной почве, основой клерикального национализма. Клерикалы стремятся дать национализму современное религиозное прикрытие, а религии — националистическое содержание. В этом смысле идеология религии и идеология буржуазного национализма выступают единым фронтом в разжигании недоверия и вражды

²¹ Так, в период событий в Казахстане националистические элементы разбрасывали листовки следующего содержания: «21 декабря 1986 года тигра мечети на митинг в связи с избранием на место Д. А. Кунаева иноверца Колбина. Поддержим забастовку нашей столицы и областного центра. Да благословит вас Аллах на это ратное дело! Долой иноверцев из руководящих органов!»

между народами, рассчитывая воздействовать прежде всего на многонациональную советскую молодежь.

Отмечая взаимообусловленность религиозности и национальной ограниченности, национального эгоизма в условиях углубляющейся интернационализации общественной жизни нашей страны, А. Турсунов правильно, на наш взгляд, выделяет «два новых фактора — внутренний (объективный рост инонациональных элементов в ранее компактной национальной среде) и внешний (стремление клерикального антикоммунизма использовать этот факт для разжигания межнациональной розни, оживления националистических предрассудков, попытки буржуазного национализма рядиться порой в религиозные одежды)»²². Эти факторы должны учитываться чекистскими подразделениями в борьбе с идеологической диверсией с использованием идеологии национализма, осуществляемой не только клерикальными центрами, но и теми подрывными организациями за рубежом, которые на словах придерживаются католической, униатской и иной ориентации. Здесь есть предмет для серьезных размышлений, поскольку подрывная деятельность преподносится как «чисто церковная», «миролюбивая». Так, в целях разжигания национализма среди населения Прибалтийских республик СССР некоторые советологи, в частности Б. Бочюркив (профессор политических наук Карлтонского университета в Канаде), пытаются выдать церковь за такой институт, который якобы борется за права человека внутри страны, но ориентируется при этом на Запад, на его помощь. Обращаясь к населению Литовской ССР, Б. Бочюркив провокационно заявляет: «После ликвидации Советами самостоятельной литовской государственности церковь остается единственным литовским этническим институтом в СССР, отстаивающим национальные интересы не только перед Советским Союзом, но и перед Ватиканом»²³.

Этот «специалист» по национальному вопросу в СССР пытается доказать, что «продолжающееся до сих пор каноническое подчинение церкви папе римскому срывает советские попытки разрушить ядро литовского католицизма». Он пропагандирует, в частности, «подпольную церковную структуру, функционирующую в тени легальной церкви». По мнению Б. Бочюркива, «издающаяся подпольно «Хроника католической церкви в Литве» (главное «самиздатовское» периодическое издание в республике, выходящее с 1972 года. — Авторы) выражает тесную взаимозависимость религии и национализма в Литве и роль литовской католической церкви, которая объединяет нацию и тем самым разъединяет империю»²⁴ (имеется в виду Советский Союз. — Авторы).

²² Турсунов А. Атеизм и культура. — Правда, 1987, 16 января.

²³ Советские национальности в стратегической перспективе, с. 211.

²⁴ Там же, с. 221.

Клерикальные антикоммунистические центры, в том числе и реакционные эмигрантские организации, активно ищут себе союзников внутри нашей страны. Зарубежные реакционные круги подстрекают католиков Литвы, Западной Украины к выступлениям за предоставление церкви неограниченных свобод. Под их воздействием фанатично настроенные служители культа в проповедях призывают верующих не участвовать в общественно-политической жизни, клеветают на партийных и советских работников, проводят нелегальную подготовку священнослужителей, подстрекают верующих к сбору подписей под петициями с необоснованными требованиями, в содержание которых они вкладывают все притязания идеологов реакционной эмиграции.

Идеологические диверсанты делают особую ставку на разжигание религиозности в связи с тем, что в СССР религия является единственной легально существующей формой идеологии, противостоящей марксизму-ленинизму. Учитывается и то, что религиозные организации объединяют наиболее отсталую в мировоззренческом отношении часть населения, которая легко поддается на провокации и антисоциалистическую пропаганду. В связи с этим религия рассматривается в качестве своего рода мировоззренческого барьера, стоящего на пути формирования личности с коммунистическими воззрениями. Она может в известной мере нейтрализовать влияние марксистско-ленинской идеологии на религиозно ориентированных молодых граждан социалистического общества, служить каналом для проникновения в их среду буржуазного мировоззрения, националистических настроений.

Следует подчеркнуть, что спецслужбы противника в последнее время, опираясь на клерикально-националистические круги, направляют особые усилия на разжигание среди советской молодежи религиозного экстремизма²⁵. В связи с празднованием тысячелетия принятия христианства на Руси муслируется провокационная идея, что в условиях социалистического общества с его массовым атеизмом религиозность будто бы может проявляться исключительно в «экстремальных» формах, а «истинно верующими» являются лишь религиозные фанатики, церковные и сектантские экстремисты.

В связи с этим особое место в планах подрывных центров занимают сектантские группирования, находящиеся, по существу, на нелегальном положении и имеющие опыт конспиративного противодействия органам КГБ: секты иеговистов, адвентистов-реформистов и другие. Противник поддерживает фанатизм этих сект, оказывает им материальную и иную поддержку, толкает их на совершение антигосударственных акций. Наиболее

²⁵ Религиозный экстремизм — идеология и деятельность крайне фанатичных, социально негативистски настроенных элементов в религиозных объединениях, имеющих мелкобуржуазные, индивидуалистические и анархические устремления (см.: Агитатор, 1987, № 9, с. 57—58).

отчетливое выражение религиозный экстремизм нашел в призывах и действиях группы так называемых баптистов-«инициативников» — сторонников Совета церквей ЕХБ, являющихся непосредственными пособниками тех, кто ведет клерикальную антикоммунистическую пропаганду. Религиозная лишь по форме, деятельность лидеров баптистов-«инициативников» направлена на возбуждение среди верующих фанатизма и крайней враждебности к советской действительности. Рядовых баптистов-«инициативников» подстрекают к злостному нарушению советских законов, неисполнению гражданских обязанностей. Руководители сект запрещают молодым верующим заниматься общественно полезной деятельностью, провоцируют на отказ от службы в Советской Армии. В последнее время ими обсуждается вопрос о создании баптистского союза молодежи (бапсомола) — экстремистской организации со строгой дисциплиной. Враждебными элементами из среды сектантов организуются детские воскресные школы и так называемые «летние лагеря» для религиозного обучения детей, привития им религиозного образа жизни, навыков антиобщественной деятельности.

На тех же позициях религиозного экстремизма, неприятия социалистической действительности, блокирования с силами международной клерикальной реакции стоят активисты сект «свидетелей Иеговы», адвентистов-реформистов и отказавшиеся от регистрации общины пятидесятников. Религиозная активность используется ими лишь для маскировки враждебности к социализму. Бруклинский иеговистский центр (США), координируя и направляя деятельность иеговистских объединений внутри нашей страны по нелегальным каналам, требует от руководителей иеговистских групп сбора самой разнообразной информации о различных регионах СССР, о важнейших сторонах политической и экономической жизни советского общества, о результатах вербовочной деятельности и настроениях верующих. Империалистическая реакция, рассматривая активистов «свидетелей Иеговы» как свою агентуру, своего рода «пятую колонну» внутри советского общества, провоцирует их, а через них и молодых членов объединений на конфликты с советским законодательством, разжигает в их среде антисоветские настроения.

В числе средств, используемых противниками социализма для враждебной обработки юношества, религии отводится важная роль. «Антикоммунисты учитывают, что какая-то часть молодых людей в нашей стране все еще подвержена религиозным предрассудкам. Именно на них пытаются оказать негативное воздействие многочисленные зарубежные клерикальные центры, такие, например, как Ватикан, Бруклинский центр иеговистов, так называемая «Евангелизация в странах коммунизма», «Свет на Востоке», «Русская зарубежная церковь». Все они в той или иной степени координируют свои акции с органами буржуазной пропаганды, разведками империалистических государств, за-

кордонными националистическими и антисоветскими организациями. Например, деятельность Бруклинского центра иеговистов и «Русской зарубежной церкви» финансируется из фондов ЦРУ»²⁶.

Экстремистские методы становятся преобладающими и в деятельности некоторых мусульманских религиозных деятелей внутри нашей страны. Деятельность незарегистрированных мусульманских общин носит воинственный характер, они принимают принцип вооруженной борьбы с иноверцами. Самозванные проповедники призывают молодежь к отказу от воинской службы, вступления в пионерскую и комсомольскую организации, организуют коллективные прослушивания зарубежных радиопередач, распространяют «самиздатовскую» литературу религиозно-националистического содержания. Все это проводится под лозунгом защиты религиозных и национальных традиций. Мусульманские проповедники стремятся сделать религиозные обряды (во время религиозных празднеств «курбан-хаит», «ураза-хаит») популярными среди подрастающего поколения, заронить в сознание молодежи мысль о том, что атеистическое воспитание имеет якобы антинациональную направленность.

Экстремистов среди религиозно настроенных молодых людей немного, но они опасны тем, что, как правило, выдают себя за истинных представителей православной, католической церкви, последователей ислама, особенно ишано-мюридских группировок, для которых характерно переплетение крайней религиозности и национализма.

Изложенное показывает, что спецслужбы противника и зарубежные центры идеологической диверсии не оставляют попыток использовать в своих интересах отдельных молодых людей, которые оказались под влиянием идеологии буржуазного национализма и клерикализма. «Классовый противник ведет свои атаки на молодежь, используя религию как средство насаждения националистических настроений. Антисоветски настроенные клерикалы за рубежом и враждебные элементы из числа церковников и сектантов внутри страны пытаются с помощью религиозных догматов возбудить среди молодых верующих национальную рознь, натравливая католиков на православных, мусульман на христиан и т. д.»²⁷.

Изучение показывает, что подрывная клерикально-националистическая пропаганда, направленная на молодежь Советского Союза, носит дифференцированный характер, при ее проведении учитываются социальные, возрастные, национальные, религиозные и иные особенности групп молодежи. Используя интерес некоторых молодых людей к истории своей нации, народности, религии, ее обрядам, буржуазные пропагандисты пытаются

²⁶ Молодой коммунист, 1981, № 4, с. 30.

²⁷ Там же.

сформировать у них мировоззренческий индифферентизм, социальную пассивность, добиться отказа от марксистско-ленинского подхода к оценке религии, ее социальной, политической и идеологической сущности. Применяется тактика постепенного подтачивания, разложения коммунистического мировоззрения и внедрения вместо него «нового религиозного сознания». «Стремясь вытеснить из умов молодежи коммунистическое, научное мировоззрение и заменить его реакционными теологическими концепциями объяснения мира и сущности человека, пытаюсь истолковать в свою пользу новейшие открытия... клерикалы надеются втянуть осмысливающих эти открытия молодых людей в богостроительство и богоискательство и тем самым отключить их от активной общественной жизни»²⁸.

Подобные расчеты западных центров идеологической диверсии обречены на провал. В нашей молодежи, отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», заключен огромный потенциал перестройки. Ведь именно молодежи жить и работать в обновленном обществе. Отсюда повышенное внимание партии к трудовой, идейной и нравственной закалке молодежи. Это тем более важно, что результаты застойного периода остро отразились на мироощущении молодежи, на всей идейно-воспитательной работе с этой категорией населения. Сегодня партия выдвигает задачу привести содержание, формы и методы идейно-политического воспитания трудящихся, и в первую очередь молодежи, в соответствие с реальностями внутренней и международной жизни. В контрпропагандистской работе, направленной против идеологической диверсии империализма, одной из задач является разоблачение новых методических приемов и средств, используемых зарубежными буржуазно-националистическими центрами и организациями, действующими в тесном взаимодействии с клерикалами, для борьбы с СССР и другими странами социалистического содружества.

Это по-новому ставит и задачи совершенствования работы органов государственной безопасности с молодежью. Следует больше учитывать в профилактической работе ее возрастные, социально-психологические особенности, анализировать состояние морально-психологического климата среди различных категорий молодежи, прогнозировать возможные негативные процессы в ее среде, которые противник может использовать в осуществлении идеологической диверсии против СССР.

Особое значение имеет вопрос разумного и продуманного участия органов КГБ под руководством партийных организаций в интернациональном и атеистическом воспитании молодежи в многонациональных трудовых или учебных коллективах, где общность целей и задач представителей различных наций и на-

²⁸ Молодой коммунист, 1981, № 4, с. 30.

родностей создает хорошие условия для объединения людей в процессе труда, учебы. Очень важно при этом «постоянно искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые ставит жизнь. А всяческим националистическим поветриям должен быть противопоставлен только последовательный интернационализм»²⁹. Задача чекистских подразделений заключается и в том, чтобы вовремя сориентировать и оказать помощь комсомольским организациям в ограждении политически незрелых и заблуждающихся молодых людей от влияния национализма³⁰.

При ведении борьбы с любыми проявлениями национализма и клерикализма, особенно среди молодежи³¹, чекисты должны постоянно помнить о своей высокой политической ответственности. Им необходимо руководствоваться методологическим положением, содержащимся в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партий: «Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Это надо иметь в виду и тогда, когда под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, противоречащие нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению»³².

Подлинная диалектика национального, интернационального и религиозного в условиях социализма состоит в неуклонном возрастании роли интернационального начала, на основе чего происходит дальнейшее преобразование национального фактора и ослабление роли религиозного фактора как тормоза на пути общественного прогресса. В отличие от пролетарского интернационализма буржуазный национализм находится в противоречии с ходом истории. И чем дальше, тем очевиднее узость и бесперспективность его идеологии. С высоты 70-летия Великого Октября становится все более очевидной всемирно-историческая заслуга социализма в разрешении национального вопроса и в то же время все более несостоятельными попытки противников

²⁹ По законам братства. Важная задача партийных организаций. — Правда, 1987, 11 мая.

³⁰ См.: Приказ КГБ СССР № 0042 от 3 апреля 1984 г., с. 9.

³¹ О задачах ограждения советской молодежи от идеологической диверсии, в том числе с использованием идеологии буржуазного национализма, подробно см.: Шадрин В. П., Золототрубов В. А., Эйсмунтас Э. А. Идеологическая диверсия против советской молодежи и задачи контрразведки по ее ограждению. М., изд. ВШ КГБ, 1985, с. 47—59.

³² Материалы XXVII съезда КПСС, с. 53—54.

социализма искусственно воздвигнуть видимые и невидимые перегородки между национальностями. Как показывает исторический опыт, национализм, хотя и провозглашает себя защитником национальных интересов, национальных ценностей, на деле обкрадывает нацию. На своем жизненном опыте многие народы убедились, что только на пути интернационализма, прошедшего испытание временем, возможен всесторонний расцвет и сближение всех наций и народностей.

Для чекистских подразделений в решении вопросов ограждения советской молодежи от идеологической диверсии, осуществляемой противником с использованием идеологии буржуазного национализма и клерикализма, актуальными являются слова: «Партия рассматривает сохранение и упрочение интернационального единства как один из коренных вопросов защиты социалистического Отечества и никогда никому не позволит посягать на великое братство советских народов»³³.

*Рекомендована кафедрой философии
и научного коммунизма
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат философских наук
полковник В. А. Борисенко*

³³ Правда, 1987, 11 сентября.

Кандидат философских наук, доцент
В. А. Васильев,
кандидат экономических наук
подполковник В. А. Шаронов

АНТИСОВЕТСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ПЕРЕСТРОЙКЕ В СССР

Материалы XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов партии, позитивные перемены в жизни советского общества продолжают вызывать пристальное внимание и нарастающий интерес за рубежом. Естественно, что международные комментарии по поводу перестройки в нашей стране неоднозначны: они зависят от того, чье мнение выражает тот или иной исследователь, орган массовой информации, какие социальные классы, слои они представляют.

Наши друзья видят в начавшейся перестройке революционный по своему характеру процесс, который все полнее раскрывает преимущества и нереализованные возможности социализма, ведет к ускорению социально-экономического развития СССР, а значит, и к укреплению мирового содружества в целом, к укреплению международной безопасности.

Другой, противоположной позиции придерживаются противники социализма, пытающиеся всеми способами помешать выполнению наших задач, получить превосходство в военной области, ослабить нашу экономику, подорвать социализм изнутри. Среди классовых противников есть и такие, которые хвалят нас за перестройку, вкладывая в нее свое извращенное понимание, питают надежды на отход Советского Союза от социализма в сторону рыночной экономики, идеологического плюрализма, западной демократии¹. Расчет при этом делается на то, что экономические трудности, накопившиеся в СССР к началу 80-х годов, будут все больше и больше отталкивать население страны от партии, от существующей общественно-политической системы.

«...Курс КПСС на ускорение социально-экономического развития, на расширение демократии и гласности,— отмечалось на торжественном собрании, посвященном 110-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского,— вызвал негативную реакцию со стороны воинствующих антикоммунистов. Их особенно беспокоят реальные перспективы укрепления Советского государства, рост притягательности идей социализма в целом. Поэтому реакционные круги империалистических стран сосредоточивают усилия на попытках сорвать или по крайней мере затормозить процесс социально-экономического обновления советского общества»².

Проблемы происходящей в нашей стране перестройки нахо-

дятся в центре внимания подрывных центров противника. Ими организуются и проводятся международные форумы, конференции, на которых обсуждаются перспективы развития советской экономики. Например, в Милане (5—7 апреля 1986 года) состоялась международная советологическая конференция представителей ведущих антикоммунистических центров США, Западной Европы и некоторых эмигрантских организаций первого и второго поколения, включая НТС («Народно-трудовой союз»). Участники конференции поставили перед собой цель уяснить, «куда движется Советский Союз?». Одно из заседаний конференции было посвящено теме «Развитие экономики или застой?». В штаб-квартире НАТО в Брюсселе (апрель 1987 года) состоялся научный colloquium на тему «Советская экономика: новый курс?», в котором приняли участие представители политических, научных, военных и деловых кругов ряда капиталистических стран.

Представители НТС выдвинули свой проект «Основ обновления народного хозяйства в России», а в ноябре 1986 года в Нью-Йорке состоялась конференция НТС и его печатного органа — журнала «Посев» на тему «Перспективы перемен в Советском Союзе». В ходе названных конференций предпринимались попытки не только рассмотреть с враждебных позиций документы XXVII съезда КПСС, но также выработать альтернативные политике КПСС положения, разработать методы, с помощью которых можно было бы негативно повлиять на перестройку в нашей стране.

В программных выступлениях советологов, «российских солидаристов» твердо звучит одна нота: прогрессивные изменения в Советском Союзе невозможны без осуществления решительных экономических реформ. Или делается вывод о необходимости осуществления в СССР плюрализма собственности (частной, кооперативной и государственной).

Плюрализм форм собственности буржуазные идеологи связывают со свободой личности, с предпринимательской деятельностью, индивидуализмом, то есть с тем, что отражает объективные условия капиталистических отношений. Среди трех форм собственности они всячески превозносят частную и пытаются отыскать в нашей стране такие процессы, которые подтверждали бы оживление частного сектора. В этой связи не случайно буржуазная пропаганда подняла большой шум по поводу принятого у нас Закона об индивидуальной трудовой деятельности, трактуя его как «возрождение капитализма» в СССР. В таком же духе обсуждался документ и о создании кооперативов, которые, по мнению советологов, несут в себе простор личной инициативе, конкуренции, способствуя развитию частного предпринимательства.

Лондонская «Таймс» в этой же связи пишет: «Преобразования в СССР разочаровывают слишком ярых сторонников новой

¹ См.: Правда, 1987, 27 апреля.

² Правда, 1987, 11 сентября.

России, ибо такие меры, как создание — в ограниченных рамках — кооперативов или открытие ресторанов, обслуживаемых членами одной семьи, не обеспечат достаточно быстрого поворота в экономике и не приведут к успеху вообще, коль скоро в стране будет сохранен централизованный контроль над планированием, ценами, сырьем».

Представители НТС усматривают основную причину возникновения застоя в СССР в ликвидации частной собственности на средства производства и передаче их в собственность социалистического государства. Пытаясь исправить «ошибку истории», идеологи НТС разрабатывают свою программу обновления народного хозяйства СССР, в которой, в частности, говорится, что необходимы децентрализация управления промышленностью, роспуск колхозов, передача значительной доли сектора потребления и услуг частному предпринимательству.

Говоря о развитии собственности в СССР (личной и коллективной), идеологи НТС имеют в виду принятый у нас Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Однако на Западе в такой формулировке он не упоминается. Его называют законом о частном предпринимательстве³.

Конечно же, такая подмена одного понятия другим не случайна, поскольку индивидуальная трудовая деятельность граждан нашей страны ничего общего не имеет с частным предпринимательством⁴. Подтверждением тому является четко сформулированное положение из первой статьи названного закона: «Не допускается индивидуальная трудовая деятельность с привлечением наемного труда»⁵. Не вдаваясь в подробности всех проблем, связанных с индивидуальной трудовой деятельностью, отметим только, что производство, основанное на индивидуальном труде и личной собственности на средства производства (или средствах производства, арендуемых у государства, кооперативов), относится к категории мелкотоварного. Оно сосуществует и взаимодействует с общественным социалистическим производством, основанным на государственной или кооперативной собственности на средства производства. Согласно известному положению марксистско-ленинской теории мелкотоварное производство ни в одной общественной формации не играет

самостоятельной роли, подчиняется господствующему способу производства, дополняет его, интегрируется с ним.

При социализме окончательно и бесповоротно ликвидируются объективные условия для превращения мелкотоварного производства в капиталистическое. Оно уже не может выступать в качестве социально-экономической основы для возрождения капиталистических отношений, поскольку функционирует в соответствии с требованиями объективных экономических законов социализма, а также несопоставимо по своему объему и роли в народном хозяйстве с крупным общественным производством и связано с ним различными формами кооперации.

Согласно закону индивидуальная трудовая деятельность направлена на более полное удовлетворение растущего спроса населения на различные виды услуг в сферах бытового обслуживания и общественного питания, в социально-культурной сфере, а также на производство товаров народного потребления, заготовку и переработку вторичного сырья.

Закон, кроме того, дает возможность вовлечь в общественно полезный труд ранее не участвовавшие в нем группы населения (домашние хозяйки, пенсионеры, инвалиды, студенты и учащиеся). Новое законодательство создает условия для получения гражданами дополнительных доходов в соответствии с затратами своего труда.

Нельзя, однако, не считаться с тем, что поощрение индивидуальной трудовой деятельности может необоснованно усиливать имущественную дифференциацию граждан⁶. Поэтому Закон СССР об индивидуальной трудовой деятельности предусматривает совокупность мер по предотвращению нетрудовых доходов: недопустимость наемного труда, экономическую и административную ответственность за занятие запрещенными видами деятельности (а также разрешенными, но без санкции местных Советов), обязанность представления декларации о доходах, обязанность финансовых и правовых органов осуществлять контроль за исполнением требований закона.

Таким образом, законом гарантировано полное соответствие индивидуальной трудовой деятельности сформировавшимся в нашей стране принципам социалистического хозяйствования, на что особо обращено внимание на XXVII съезде КПСС.

Идеологи же НТС для выхода СССР из состояния, которое они называют «критическим тупиком», рекомендуют осуществить в нашей стране экономический плюрализм. С их точки зрения, это — конституционно разрешенные иные формы собственности, кроме общегосударственной, для начала хотя бы в форме трехсекторной экономики, с настоящей частной собственностью, с настоящей кооперативной собственностью. По

⁶ Имеется в виду получение отдельными гражданами высоких доходов, которые не соответствуют их трудовому вкладу.

³ См.: Доброхотов А. Перестройка и идеологическая борьба. — Аргументы и факты, 1986, № 21, с. 6.

⁴ См.: Лушина И., Тур В., Лившиц Р. Труд — индивидуальный, польза — общая. — Коммунист, 1986, № 18, с. 25; Лацис О. Индивидуальный труд в современной экономике. — Коммунист, 1987, № 1, с. 74—82.

⁵ Закон Союза Советских Социалистических Республик об индивидуальной трудовой деятельности. — Правда, 1986, 20 ноября.

Следует оговориться, что в отдельных социалистических странах, например в ВНР, ГДР, ЧССР, законом разрешается привлечение дополнительных работников в строго ограниченных размерах.

мнению советологов, «автономные подсистемы» в виде частной и кооперативной форм собственности — это не подчиненные центральной власти объединения хозяйственного, трудового, профессионального, культурного характера. Материальная база общественного плюрализма и независимость гражданского общества от государства есть право индивидуальных и коллективных членов этого общества обладать собственностью и использовать ее по своему усмотрению.

Такого рода советы отнюдь не новы. Достаточно напомнить о полемике Ф. Энгельса с Е. Дюрингом. Последний ставил вопрос: не будут ли при социализме «коммуны» полностью самостоятельными и не будут ли при этом их дела решаться посредством механизма конкуренции? На это Ф. Энгельс ответил, что в таком случае все «идет совсем по-старому, с той только разницей, что место капиталиста заняла теперь коммуна»⁷.

«...Буржуазные идеологи,— отмечалось на торжественном собрании, посвященном 110-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского,— заново перетряхивают свой обветшалый багаж, аргументы для своих инсинуаций нередко извлекают из арсенала троцкизма и других оппортунистических течений»⁸.

В первые годы Советской власти нашей партии пришлось вести борьбу с так называемой «рабочей оппозицией», которая предлагала передать управление всем народным хозяйством Всероссийскому съезду производителей. В. И. Ленин вскрыл теоретическую ошибочность и политический вред такого предложения. Передача управления промышленностью в руки съезда производителей означала бы замену всенародной собственности собственностью групповой и передачу управления каждой отрасли в руки особого профессионального союза, объединяющего всех работающих в данной отрасли, а это и было бы, по существу, превращение заводов и фабрик не в собственность всего общества, от имени которого может выступать только государство диктатуры рабочего класса, а в собственность отдельных групп.

В. И. Ленин писал, что «величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...»⁹.

Отказ от централизованной плановой системы противоречит экономическим законам социализма, приводит к постепенной утрате тех преимуществ, которые дает коммунистический способ производства. Решающим преимуществом социализма является

планомерное развитие общества, народного хозяйства, объективной основой которого служит общенародная собственность на средства производства. Социализм исключает анархию рынка, конкуренцию, присущие капиталистическому производству. При социализме вступает в силу закон планомерного, пропорционального развития. В то же время общественная собственность, объединив в одно целое промышленное и сельскохозяйственное производство, создает возможность и порождает необходимость централизованного управления в масштабах страны.

Эта тенденция намечается еще в капиталистическом способе производства при перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический, оказывающий определяющее влияние на экономику и политику капиталистической страны. Воздействие ГМК на экономику выражается прежде всего в неуклонно увеличивающейся роли государства в создании гарантированного рынка для монополий, его участии в накоплении капитала и в мероприятиях, обеспечивающих поддержание «эффективного спроса». Иными словами, при капитализме не только рынок, но и государство устанавливает связь между отраслями хозяйства, соединяет их в одно целое, собирая информацию о ходе всего общественного воспроизводства, необходимую для его регулирования. Все это говорит о том, что механизм стихийных рыночных отношений, пороки которых вынуждены признать даже некоторые буржуазные идеологи, тем более непригоден для социалистического народного хозяйства, где определяющую роль играет общегосударственное планирование.

Государство как орудие организации единого централизованного руководства производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ сохранится до тех пор, пока производство и общественное разделение труда не достигнут такого уровня, при котором исчезнет имущественное неравенство, а распределение по труду не будет заменено распределением в соответствии с потребностями. Государственная форма общенародной собственности имеет социалистическую природу, которая гарантирует невозможность эксплуатации трудящихся на государственных предприятиях. Задача социалистического государства состоит в том, чтобы содействовать развитию общественной социалистической собственности, ее превращению в коммунистическую собственность.

Социализм, по выражению К. Маркса, основан «на началах коллективизма, на общем владении средствами производства»¹⁰. Поэтому главный вопрос в теории и практике социализма, в теории и практике коренных перемен, происходящих в нашем обществе, отмечал М. С. Горбачев на июньском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС,— это вопрос о том, «как на социалистиче-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 301.

⁸ Правда, 1987, 11 сентября.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 481.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 18.

ской основе создать более мощные, чем при капитализме, стимулы экономического, научно-технического и социального прогресса, как наиболее эффективно соединить плановое руководство с интересами личности и коллектива»¹¹. Ответ на этот вопрос ясно дан в документах КПСС.

XXVII съезд КПСС подчеркнул, что курс на ускорение социально-экономического развития диктует необходимость глубокой перестройки хозяйственного механизма, создания устойчивой, эффективной и гибкой системы управления, основанной на принципе демократического централизма, позволяющей полнее реализовать возможности социализма¹². Применительно к управлению социалистическим производством эта задача выражается в двух органически взаимосвязанных требованиях: первое — усилить роль централизованного руководства; второе — значительно расширить хозяйственную самостоятельность и ответственность объединений и предприятий за высокие конечные народнохозяйственные результаты. Условия для подлинной реализации социалистической демократии на производстве создаются при переходе на новые условия хозяйствования, полный хозяйственный расчет (он заключается в том, что за счет средств предприятий, полученных от реализации продукции, покрываются не только текущие расходы на производство, но и капитальные затраты на расширенное воспроизводство, прежде всего связанное с техническим перевооружением и реконструкцией).

Полный хозяйственный расчет позволяет на деле создать систему отношений, которая обеспечивает человеку труда положение подлинного хозяина и на своем рабочем месте, и в коллективе, и в обществе в целом. Именно такой хозяйственный расчет позволяет соединить общенародные интересы с интересами коллектива предприятия (объединения) и каждого его работника.

Осуществляя комплексную перестройку хозяйственного механизма, включающую перестройку планирования, материально-технического снабжения, хозрасчета, ценообразования, финансирования и кредитования, денежного обращения, переход от административных к экономическим методам управления, КПСС исходит из того, что все это должно осуществляться не за пределами социализма, а в рамках его, путем более полного использования потенциала плановой экономики, социалистической демократии. Это означает, что совершенствование производственных отношений должно укреплять в них общесоциалистические начала, которые непосредственно связаны с преимуще-

¹¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., Политиздат, 1987, с. 44.

¹² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 33.

ствами социализма. Речь идет о содержании таких фундаментальных понятий, как социалистическая собственность и формы ее реализации; централизм и самоуправление в экономике; распределение по труду и социальная справедливость; оптимальное сочетание планомерности с товарно-денежными отношениями и др.

Противники социализма одновременно с нападками на централизованное планирование и управление экономикой в СССР искажают и само понятие централизма, отождествляя его с бюрократизмом. «Сегодня более чем когда-либо стало ясно, что централизм неизбежно создает питательную среду для бюрократического господства меньшинства и влечет за собой недостатки в функционировании экономической системы регулирования. Тем самым децентрализация является непрямым предварительным условием для функционирования экономики, которая призвана служить демократически самоуправляемому обществу»¹³.

Однако такое толкование демократического централизма совершенно неправомерно. В современных условиях, конечно, еще полностью не исключена возможность волокиты, бюрократизма и других злоупотреблений служебным положением. Есть объективные причины неполной зрелости планомерной организации и функционирования социалистической экономики. Они порождают бюрократизм, другие элементы механизма торможения перестройки. Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «действующие в настоящее время формы производственных отношений, система хозяйствования и управления в основном сложились в условиях экстенсивного развития экономики. Постепенно они устарели, стали утрачивать стимулирующую роль, а кое в чем превратились в тормоз»¹⁴. Это осложнялось и рядом политических факторов: недостаточной развитостью демократических институтов, отсутствием необходимой гласности, слабым контролем за деятельностью органов государственного управления. В этом — самая глубокая, коренная причина тех негативных явлений, которые обнаружились в конце 70-х и начале 80-х годов.

Лучшим средством для преодоления бюрократизма является не отказ от централизма, а правильное сочетание централизованного управления с творческой инициативой широких народных масс. Подчеркивая это важное требование научного управления социалистическим хозяйством, В. И. Ленин писал, что «централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных

¹³ Маркс сегодня. За и против. Пер. с нем. М., Прогресс, 1984, с. 279.

¹⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 38—39.

особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»¹⁵.

Основное направление и тональность антисоветской пропаганды формируются, как известно, в Вашингтоне. Следует напомнить в этой связи, что президент США Р. Рейган в «Послании о положении страны» и докладе «О стратегии США в области национальной безопасности» (1987 год) утверждал, что, дескать, «только общество, построенное на конкуренции и принципе свободного предпринимательства, постоянно одерживает верх над экономикой с планированием из центра».

Под это высказывание президента США подстраиваются и идеологи НТС. В упомянутой уже экономической программе перестройки в СССР они утверждают, что необходимо установить внутренне последовательные, полностью рыночные отношения как потребителей с производителями, так и между самими производителями. Изменения в экономике советского общества, с их точки зрения, предполагают, во-первых, расширение возможностей хозяйственной инициативы объединений, предприятий, частных лиц на местах и, во-вторых, расширение сферы договорных, а не директивных цен, включая цены на средства производства, то есть на сырье, на труд, на землю, на капитал, на предпринимательский риск, на научно-техническую информацию. Предлагаемые реформы достигнут своей цели лишь в той мере, в которой они удовлетворяют эти два требования.

Суть рыночных отношений, как известно, состоит в праве производителя самостоятельно выбирать тот вид продукции, который пользуется спросом; в праве свободно устанавливать цены на рынке, исходя из соотношения спроса и предложения товаров; в праве выбора покупателя и продавца и т. д. «Рыночный социализм» означает, что все экономические пропорции развития страны и все ресурсы (материальные, трудовые, финансовые) определяются только рынком. Известно и другое — социалистическая экономика развивалась, развивается и будет развиваться планомерно. «Социализм,— писал В. И. Ленин,— не мыслим... без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»¹⁶.

Замысел проводимой в стране радикальной экономической реформы, как уже отмечалось, состоит в том, чтобы, с одной стороны, усилить централизованное начало экономического развития, с другой стороны, в значительной степени расширить хозяйственную самостоятельность предприятий и объединений, перевести их на полный хозяйственный расчет.

Однако возникает вопрос: не подрывает ли этот переход основы и преимущества централизованного планирования, позволяющего быстро концентрировать ресурсы на решающих направлениях и задачах экономического развития страны? Ведь при переводе предприятий на самофинансирование круг прежних форм и рычагов такой концентрации резко сужается. Можно ли в таких условиях усилить роль центра в реализации основных целей экономической стратегии партии, определении темпов и пропорций развития народного хозяйства, его сбалансированности, на необходимость чего указал XXVII съезд КПСС?

Обращаясь к документам XXVII съезда партии и июньского (1987 года) Пленума ЦК КПСС, мы видим пути решения поставленной задачи — оптимальное сочетание планомерного развития страны (плана) и новых по содержанию товарно-денежных отношений (рынка), а именно: ввод системы экономических нормативов (длительного действия) и использование государственных заказов.

Требования центральных органов как представителей общества будут выражаться через государственные заказы и экономические нормативы, которые, обеспечивая приоритет общественных интересов, создают экономические условия для широкой самостоятельности, инициативы и предприимчивости коллективов предприятий. Тем самым не только сохраняются плановые начала, но и резко повышается их действенность. При этом возможности концентрации ресурсов на решающих направлениях научно-технического прогресса не только не ослабевают, а, напротив, усиливаются за счет преодоления ведомственности и местничества. Это позволит качественно улучшить ситуацию. Возрастет и экономическая обоснованность выбора направления вложения государственных ресурсов, экономическая ответственность за него трудовых коллективов, непосредственно использующих эти средства.

Государственный заказ, включающий поставки и закупки важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, задания по вводу в действие важнейших производственных мощностей и социальных объектов за счет государственных централизованных капитальных вложений, распространяется в основном на предприятия тяжелой и обрабатывающей промышленности. В среднем он составит 50—70 процентов всего объема производства¹⁷. Оставшаяся часть продукции производится и реализуется предприятием путем свободного выбора партнеров по договорной системе. На предприятия легкой промышленности и сферы услуг государственный заказ вообще не распространяется. И они на основе хозяйственных договоров сами формируют свою программу и функционируют самостоя-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 152.

¹⁶ Там же, с. 300.

¹⁷ См.: Перестройка планирования.— Правда, 1987, 18 августа.

тельно. Это и есть рынок, рыночные отношения. И то, что есть рынок и нет плана, совсем не значит, что нет планомерности развития в целом всей экономики страны.

Экономические нормативы длительного пользования, например норматив отчисления прибыли, позволяют предприятиям, и это крайне важно для них, заранее знать свое экономическое положение, его устойчивость. Ведь самофинансирование предполагает развитие предприятий преимущественно за счет средств, заработанных от реализации продукции, когда она находит конкретного потребителя, а не передается, как раньше, государственным торговым предприятиям для продажи. Часть этих средств согласно экономическим нормативам передается государству для удовлетворения общенародных нужд, другая — остается в распоряжении предприятий. Такая система нормативов, государственных заказов гарантирует необходимую степень хозяйственной самостоятельности для предприятий и в то же время обеспечивает прямую связь с задачами государства на конкретный период.

Предприятиям нужна также и юридическая гарантия их хозяйственной самостоятельности. И такую гарантию дает им утвержденный Закон СССР о государственном предприятии (объединении) (июнь 1987 года), вступивший в силу с 1 января 1988 года.

Таким образом, проводимая в нашей стране радикальная реформа хозяйственного механизма ни в коей мере не означает перехода к «рыночному социализму», отхода от основ социализма или какого-то их ослабления. «Наоборот,— отметил М. С. Горбачев на июньском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС,— то, что мы уже делаем, намечаем и предлагаем, должно укрепить социализм, устранить все, что стоит на пути развития социализма и тормозит его прогресс, раскрыть его огромный потенциал в интересах народа, привести в действие все преимущества нашего общественного строя, придать ему самые современные формы»¹⁸.

Идеологи НТС, говоря о необходимости экономического плюрализма, имеют в виду далеко идущие цели, которые они и не пытаются скрывать. Они утверждают, что если идти до логического конца по пути радикальных реформ, то можно предположить, что плюрализм форм собственности со временем повлечет за собой и политический плюрализм, то есть, по мнению авторов энтээсовской программы, перестройка советской экономики в рыночном отношении требует ломки всей сложившейся политической структуры власти.

Таким образом, цель идеологов НТС ясна — выработать альтернативные политике КПСС положения и выдать рекомен-

¹⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г., с. 43.

дации антисоветским центрам, с помощью которых последние могут негативно повлиять на перестройку в СССР, использовать плюрализм как своего рода «внутренний механизм» подрыва социализма изнутри.

Члены НТС не только осуществляют теоретические альтернативные разработки программным документам, которые выдвигаются КПСС. Наряду с этой деятельностью они выискивают каналы для нелегальной засылки в нашу страну антисоветской литературы, чтобы негативно повлиять на сознание советских людей. На торжественном собрании, посвященном 110-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, отмечалось: «Специальные службы империализма пытаются нащупать новые лазейки для проникновения в наше общество, оказывают целенаправленное и дифференцированное воздействие на различные группы населения СССР с целью навязать советским людям буржуазное понимание демократии, вывести процесс повышения социально-политической активности трудящихся из-под влияния партии, расколоть монолитное единство партии и народа, насадить политический и идеологический плюрализм»¹⁹.

Таким образом, перестройка в СССР находится под пристальным вниманием противников социализма, которые стремятся разработать и нелегально распространить альтернативные политике КПСС и социалистического государства положения. Их подрывная деятельность направлена на ослабление социалистической экономики как фундамента социализма. Поэтому одна из самых важных задач органов государственной безопасности состоит в защите социалистической экономики. Это требует активного противодействия не только внешним, но и внутренним факторам, отрицательно влияющим на внутреннюю жизнь страны. Органы государственной безопасности также видят свою задачу в том, чтобы максимально способствовать успешному развитию процесса перестройки, пресекать попытки эмиссаров НТС распространять антисоветскую литературу среди граждан нашего общества, отстаивать и защищать марксизм-ленинизм, завоевания реального социализма.

*Рекомендована
кафедрой общественных наук факультета № 6
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор капитан Е. Г. Панов*

¹⁹ Правда, 1987, 11 сентября.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Кандидат юридических наук, доцент
полковник *Е. М. Давыдов*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Происходящие в нашей стране преобразования, реформы, намеченные XXVII съездом партии, последующими Пленумами ЦК КПСС,— это, как подчеркивал М. С. Горбачев, настоящая революция во всей системе отношений в обществе, в умах и сердцах людей, психологии и понимании современного периода.

Данный вывод, имеющий важное мировоззренческое, методологическое, нравственно-психологическое значение, принципиально важен для понимания роли управления контрразведывательной деятельностью в современных условиях перестройки, дальнейшего углубления демократизации советского общества.

Современный руководитель органов и подразделений КГБ в своей организационно-управленческой деятельности постоянно сталкивается с задачами, решение которых не всегда можно найти в прошлом опыте. Только глубокие теоретические знания, обобщение положительного опыта работы в новых условиях, подготовленность руководителя в области научного управления позволяют обеспечить его восприимчивость к новым идеям, практическое преломление принципов управления к своей оперативно-служебной деятельности, значительное повышение уровня чекистской работы.

На современном этапе партия ставит в практическую плоскость переход от частичных улучшений и преобразований к целостной, радикальной реформе управления и считает важнейшим делом ускорить создание новой, гибкой системы управления. Радикальное улучшение системы управления партия связывает в первую очередь с дальнейшим развитием социалистической демократии. КПСС открыто повела борьбу против методов администрирования, командования, которые еще присущи некоторым руководителям государственного аппарата. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул задачу настойчиво

учиться работать в условиях расширения демократии и гласности, опираясь на доверие и поддержку народа.

Насущная потребность в обосновании и конкретизации путей совершенствования управления контрразведывательной деятельностью на нынешнем этапе исторического развития нашей страны не может не вызывать различных подходов, дискуссий в решении этих проблем. Поэтому при подготовке статьи автор ставил своей целью рассмотреть некоторые актуальные проблемы улучшения управления в советской контрразведке в условиях демократизации советского общества.

Выделяя основные направления совершенствования управления контрразведывательной деятельностью, автор не претендует на то, что избранные подходы к решению проблем управления являются единственно правильными и исчерпывающими.

В условиях дальнейшего углубления демократизации советского общества главную задачу органы государственной безопасности видят в том, чтобы максимально способствовать успешному развитию процесса перестройки, перестраивая в то же время свою оперативно-служебную деятельность.

На майском (1986 г.) Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР была разработана программа перестройки деятельности органов КГБ, дополненная и конкретизированная в ряде решений Коллегии, приказов и указаний КГБ СССР.

Обеспечение процесса перестройки в деятельности органов КГБ означает прежде всего повышение качества и эффективности работы, демократизацию самой деятельности органов госбезопасности, упрочение связи органов КГБ с советским обществом по всем направлениям, недопущение подрыва противником процесса перестройки в нашей стране. Именно под таким углом зрения сейчас соизмеряется деятельность органов госбезопасности СССР.

Управление в советской контрразведке должно быть нацелено в первую очередь на обеспечение успешного решения этих главных задач, вытекающих из установок ЦК КПСС. Именно в этом должна проявляться, по мнению автора, особенность содержания управления контрразведывательной деятельностью в нынешних условиях.

На современном этапе каждое звено в системе Комитета госбезопасности находится в творческом поиске наиболее эффективных путей решения этих задач. Поиск касается всех, и каждый должен внести свою лепту в качественное улучшение работы органов и подразделений КГБ.

Самое главное, указывалось в докладе на совещании руководящего состава, секретарей парткомов и партбюро подразделений центрального аппарата КГБ СССР 8 июля 1987 г., состоит в том, что в целом личный состав органов КГБ активно включился в работу по перестройке, ведет поиск новых, более

эффективных подходов к решению стоящих задач. Однако, подчеркнул докладчик, если рассматривать результаты работы органов с учетом требований июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, то надо сказать, что мы еще в начале перестройки. Она пока не набрала должного темпа, не стала глубинным процессом, охватывающим всех работников как в центре, так и на местах¹.

Перестройка работы органов КГБ в условиях дальнейшего углубления демократии требует изменения мышления всех сотрудников, осознания большего значения политических критериев и ответственности за обеспечение безопасности страны в новых внутренних и внешних условиях.

Управление в советской контрразведке, являясь составной частью государственного управления, служит средством выполнения задач и функций, возложенных государством на органы госбезопасности. В этом состоит объективная основа его содержания.

В условиях демократизации советского общества задачи органов КГБ, вытекающие из курса партии на ускорение социально-экономического развития страны, обуславливают качественное совершенствование содержания их управленческой деятельности. Они определяют цели управления, диктуют общее направление улучшения системы управления контрразведывательной деятельностью.

Управление в советской контрразведке в определенной степени носит властный характер в отношениях между субъектом и подчиненным объектом управления. Однако оно не сводится целиком к отношениям власти и подчинения, ибо управление в сфере контрразведки призвано осуществлять общие функции, решать вопросы, возникающие в ходе реализации контрразведывательных задач, обеспечивать необходимые условия оперативному составу для успешного выполнения функциональных обязанностей, обслуживать нужды работников, охранять их права и законные интересы.

Управление в контрразведке не может рассматриваться как область только отношений власти и подчинения также потому, что основным его методом является не принуждение, а убеждение. «Прежде всего, — указывал В. И. Ленин, — мы должны убедить, а потом принудить»². Этот принцип вытекает из демократической природы власти в социалистическом государстве.

Свое воздействие на поведение и действия оперативного состава управление оказывает не столько властно-регулирующими мерами, сколько идеологическими средствами, путем формирования у работников классового самосознания, отношений товарищеского сотрудничества всех членов чекистского коллектива,

взаимопомощи, коллективизма, чувства ответственности каждого за успехи коллектива в целом.

Зафиксировав имевшее место в 60—70-х гг. историческое запоздание с необходимым изменением системы управления советским обществом, апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд партии, январский и июньский (1987 г.) Пленумы ЦК КПСС разработали принципиальную концепцию, определили стратегическую линию коренной перестройки системы управления, стиля и методов руководства в условиях расширения демократии и гласности.

Происходящий процесс перестройки системы управления в стране является жизненно необходимым, без него немыслимо наше развитие, совершенствование. «Перестраиваться обязаны и органы госбезопасности. И нам есть что перестраивать. Жизнь требует большого динамизма и темпов, высокого качества работы. Без этого немыслима борьба, которую ведут органы КГБ с противником, их участие в революционно-преобразующем процессе, происходящем в обществе, в процессе не одномоментном, а таком, который будет протекать определенный исторический период»³.

В руководящих партийных документах в качестве главных направлений перестройки системы управления определены: дальнейшее укрепление и развитие демократического централизма в управлении, повышение в нем эффективности централизованного начала, значительное расширение самостоятельности и ответственности низовых звеньев управления, совершенствование планирования, активное использование более гибких форм и методов руководства, совершенствование организационных структур управления, усиление методов мотивации и стимулов трудовой деятельности работников. Эти направления М. С. Горбачев назвал принципиальной сутью перестройки управления⁴.

Перестройка, подчеркивалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, состоит в восстановлении и развитии в управлении ленинских принципов демократического централизма⁵. Дальнейшее развитие советской демократии означает широкое вовлечение трудящихся в процесс принятия решений на всех уровнях. Оно предполагает более полную информированность людей о событиях в стране и за рубежом, обеспечение гласности, откровенной критики недостатков. Развитие демократии включает расширение прав и свобод граждан, усиление их гарантий. Демократия, суть которой составляет власть человека труда,

³ Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. Сборник документов и материалов. М., изд. ВШ КГБ, 1986, вып. 3, с. 224.

⁴ См.: Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. М., Политиздат, 1985, с. 22—23.

⁵ См.: Коммунист, 1987, № 3, с. 12.

¹ См.: Сборник КГБ, 1987, № 118, с. 8—9.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 54.

указывалось на январском Пленуме ЦК КПСС, — это форма реализации его широких политических и гражданских прав, заинтересованности в преобразованиях, практическом участии в их осуществлении⁶.

Руководство КГБ СССР указывает на необходимость правильного понимания происходящего в стране процесса демократизации общества и выработки иных подходов в организации работы в новых условиях. Понимание существа этого процесса имеет практическую значимость, поскольку определяет место и роль управления контрразведывательной деятельностью органов КГБ в обеспечении перестройки.

Главной проблемой перестройки системы управления остается проблема соотношения централизма и самостоятельности на различных уровнях. Применительно к управлению в советской контрразведке речь идет о повышении действенности централизованного руководства, усилении роли центра в реализации стратегических целей на основных направлениях борьбы с противником (борьба с агентурной разведкой, защита секретов, борьба с подрывной работой против советской экономики, борьба с идеологической диверсией). Вместе с тем совершенствование управления предполагает, исходя из установок руководства КГБ, расширение границ самостоятельности и повышение ответственности местных органов КГБ за достижение высоких конечных результатов с учетом особенностей местных условий.

На Всесоюзном совещании (1986 г.) указано на необходимость дальнейшего повышения самостоятельности республиканских, краевых и областных органов КГБ во всем, что касается решения возложенных на них задач. Руководители КГБ—УКГБ при возникновении каких-либо негативных или оперативно выгодных ситуаций не должны в каждом случае ждать особых указаний из центра, они должны действовать решительно и продуманно в соответствии с законом, в рамках своей компетенции. Начальники органов должны постоянно уточнять и конкретизировать задачи, сферы и границы ответственности оперативных подразделений, своевременно выдвигать перед ними проблемные вопросы, которые подлежат совместному решению, добиваться единства действий контрразведки⁷.

Успешное решение задачи совершенствования централизованного стратегического руководства во многом будет зависеть от сосредоточения усилий центра на проведении единой политики в деятельности органов КГБ. При этом важнейшей задачей централизованного руководства становится не мелочная опека местных органов, не мелочная регламентация их деятельности,

⁶ См.: Коммунист, 1987, № 3, с. 18.

⁷ См.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе, с. 113.

а стимулирование, оказание конкретной помощи в достижении конечных результатов.

Следует иметь в виду, что реальная сила централизма руководства определяется не количеством находящихся в ведении центра проблем, а их характером и степенью компетентности принимаемых управленческих решений с учетом специфики той или иной конкретной оперативной обстановки. Однако при этом в деятельности контрразведки существуют вопросы, определяющие ее общее состояние и не разрешимые на уровне местных органов. Поэтому и является столь актуальной проблема объективных границ как самостоятельности, так и централизма в управлении.

На Всесоюзном совещании (1986 г.) подчеркивалось, что процесс демократизации выдвигает перед органами КГБ требование о повышении роли советов и коллегий в решении оперативно-служебных задач, обеспечении глубокой связи руководителей всех рангов с оперативным составом, использовании коллективного опыта. Важность этого требования подчеркивал В. И. Ленин. Характеризуя необходимость участия трудящихся в управлении делами государства, он писал: «Если мы этой задачи не решим... тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца»⁸.

Если руководитель подразделения опирается на коллектив, организует работу таким образом, чтобы члены коллектива были заинтересованы и участвовали в формировании управленческих решений, то в этом случае создаются условия для повышения эффективности управления и качества работы. «Только строгое соблюдение и всемерное укрепление принципа коллективности руководства, — указывал М. С. Горбачев, — может оградить от субъективистских заскоков, создать предпосылки для принятия продуманных, обоснованных решений. Руководитель, хорошо понимающий это, имеет право рассчитывать на долгую и плодотворную работу»⁹.

XXVII съезд партии в условиях углубления демократии исключительно важное значение придает вопросам совершенствования организационных структур управления. В руководящих партийных документах в плане улучшения организационных структур управления намечены конкретные меры, включающие: уточнение либо разработку там, где это необходимо, новых генеральных схем управления; создание органов управления группами взаимосвязанных отраслей; эффективное решение вопросов специализации, координации и взаимодействия; более четкое разграничение прав и обязанностей между уровнями управления, упразднение излишних звеньев, устранение дублирования

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 450—451.

⁹ Материалы апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. М., Политиздат, 1985.

и параллелизма в работе; улучшение организации управленческого труда¹⁰.

Организационная структура управления в советской контрразведке представляет собой внутреннее построение управляющей и управляемой систем, представленное их звеньями и связями. Изменения в организационной структуре управления обусловливаются расширением состава контрразведывательных задач и выполняемых функций, углублением специализации в их работе, необходимостью совершенствования взаимодействия в деятельности всех звеньев контрразведки, а также координации с другими государственными органами.

В работе над созданием целостной системы управления партия важную роль отводит поиску более эффективных форм и методов планирования. На современном этапе, как подчеркивается в руководящих документах КГБ СССР, вопросы дальнейшего совершенствования планирования в целях повышения результативности работы контрразведывательных подразделений приобретают особую актуальность.

Сейчас главное, указывалось на Всесоюзном совещании (1986 г.), разобраться в конкретных причинах низкой результативности работы некоторых чекистских органов, малой эффективности проводимых ими мероприятий, запаздывания в раскрытии планов противника и осуществлении действий контрразведки. Планы должны быть нацелены на борьбу с конкретным противником, и в этой связи в процессе планирования контрразведывательной работы оперативные подразделения и сотрудники должны идти не только от объектов контрразведывательного обеспечения, от имеющихся в их распоряжении сил и средств, но и от противника, от знания его возможностей. Информацию, которую постоянно получают органы КГБ о характере и содержании разведывательно-подрывной деятельности противника, следует в полном объеме использовать при разработке планов борьбы с его подрывными акциями.

В установках КГБ СССР выдвинута задача — поднять всю плановую работу на качественно новый уровень. Для решения этой задачи особое внимание необходимо уделить совершенствованию перспективного планирования и научного прогнозирования, использованию программно-целевого подхода в планировании.

Прогнозирование, являясь важнейшим средством оптимизации перспективного планирования, призвано обеспечить обоснованность планов, наступательность в деятельности контрразведки. Прогнозирование в контрразведке приобретает все более актуальное значение, поскольку помогает преодолеть многие трудности, связанные с выявлением механизма воздействия мно-

гочисленных внешних и внутренних факторов на оперативную обстановку.

Как известно, прогнозирование важно не само по себе, не для пассивного созерцания возможных вариантов будущего, а прежде всего для того, чтобы будущее можно было планировать с учетом настоящего.

Для успешного решения проблемы научного прогнозирования оперативной обстановки, а на ее основе перспективного планирования нужен новый подход в организации этой работы. В частности, необходимы: единая централизованная информационная база; подготовка и использование высококвалифицированных специалистов-аналитиков, владеющих научными методами прогнозирования и в целом аналитической работы; наличие современных средств вычислительной техники.

Внедрение программно-целевого подхода в планировании предполагает: выявление и обоснование комплексных проблем, касающихся интересов ряда подразделений и органов КГБ — УКГБ; соединение наличных сил и средств в систему и использование их для достижения крупномасштабных целей борьбы с противником; создание для управления реализацией комплексных проблем временных штабных подразделений, наделенных соответствующими полномочиями по руководству деятельностью исполнителей мероприятий.

Важно в нынешних условиях для обеспечения наступательности в деятельности контрразведки разрабатывать в ходе подготовки планов меры по сковыванию, затруднению деятельности спецслужб, центров идеологической диверсии, зарубежных антисоветских организаций, предотвращению политически вредных проявлений в нашем обществе. Намечаемые в планах мероприятия должны быть направлены на перехват инициативы у противника, упреждение его действий, перевод его подрывных акций на негодные объекты.

Демократизация общества, подчеркивалось на январском Пленуме ЦК КПСС, по-новому ставит вопрос о контроле за тем, как работают государственные органы и их кадры. Уходят в прошлое так называемые «зоны вне критики», «зоны вне контроля». Однако кое-где еще проявляется тенденция завышать результаты в работе.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС указал на то, что ни один работник не может оставаться вне контроля и каждая проверка должна приносить практическую пользу, служить интересам дела. Упор при этом должен делаться на анализе того, как работники решают узловые вопросы¹¹.

На собрании партактива центрального аппарата КГБ СССР в 1986 г. подчеркивалось, что главным в контроле должно быть

¹⁰ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986.

¹¹ См.: Материалы апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, с. 19.

обеспечение эффективности и качества работы, добросовестного отношения сотрудников к порученному делу, оказания им конкретной практической помощи в выполнении возложенных на них обязанностей¹².

При совершенствовании системы контроля в органах госбезопасности необходимо исходить из того, что в контроле нужна не регистрация успехов, просчетов и недостатков, а глубокий анализ истинного положения дел, конкретные рекомендации по улучшению работы. В этом выражается сущность контроля, его высокая принципиальность и глубокая партийность.

Повышение качества контроля обуславливает необходимость улучшения содержания и форм отчетности на различных уровнях управления, совершенствования организации и методики анализа и оценки эффективности управленческой деятельности, разработки наилучших способов реализации результатов контроля в управлении контрразведывательной деятельностью.

Важным шагом в осуществлении демократизации контроля за работой государственного аппарата является принятие закона о порядке судебного обжалования неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права гражданина. В стране последовательно развиваются и совершенствуются политические, социальные и правовые механизмы, необходимые для строжайшего соблюдения законности в стране. И это составная часть перестройки. Ибо подлинная демократия не существует вне закона и над законом. Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — конституционная обязанность всех государственных органов и должностных лиц, включая и органы госбезопасности.

В условиях углубления демократии, разработки нового уголовного законодательства важное место в деятельности органов КГБ отводится предупреждению антиобщественных проявлений, имеющих вредную политическую направленность, решению задач воспитательной функции, совершенствованию работы следственных подразделений органов госбезопасности.

Имеющиеся факты нарушения социалистической законности свидетельствуют о том, что, к сожалению, некоторые работники не поняли в полной мере сущности происходящих процессов демократизации общества и не готовы еще работать в новых условиях. Особенно важно юридическое обоснование ограничительных мер в отношении советских граждан.

Эффективность управления сейчас определяется во многом тем, насколько оно обеспечивает повышение творческой активности масс, активизацию человеческого фактора.

Социалистическое общество не может эффективно функционировать, указывалось на XXVII съезде КПСС, не находя

новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни.

Всякая перестройка системы управления начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач. Поэтому следует прежде всего в полной мере привести в действие главный резерв, заключающийся в человеческом факторе, в обеспечении высокой организованности, дисциплины и порядка.

Инициатива, творческий подход работников подразделений органов госбезопасности к решению задач, понимание ими сути происходящих в стране процессов перестройки или, напротив, пассивность в работе оказывают все возрастающее воздействие на качество и эффективность работы контрразведывательных аппаратов. Таким образом, вопрос прежде всего в человеке, его социальных качествах, без совершенствования которых вряд ли можно достичь перестройки.

Человеческий фактор как органическое единство сознательности и деятельности отражает энергию людей, движимых идеологическими, моральными и психологическими побуждениями.

Возрастание роли человеческого фактора в деятельности органов КГБ носит объективный характер, и в дальнейшем его роль будет усиливаться, что делает особенно актуальным организацию эффективного управления им. Первым эшелоном этого важнейшего резерва перестройки являются руководители подразделений органов КГБ, поскольку им доверено право возглавлять чекистские коллективы, строить практическую работу по претворению политики партии в жизнь, именно они призваны, являя собой личный пример в работе, воспитывать подчиненных, добиваться слаженности в работе, обеспечивать такие условия труда, которые в полной мере раскрывали бы потенциальные возможности и способности работников. Иногда, особенно на первых порах, у инициативных, деятельных сотрудников не все получается, становление их как контрразведчиков проходит болезненно. В этом случае только доверие, доброжелательная помощь позволяют им быстрее овладевать сложной профессией чекиста.

С повышением уровня профессионализма проявляется стремление оперативных работников к большей самостоятельности, инициативности в решении стоящих задач. Если же такое стремление не реализуется, работник нередко отчуждается от труда, переносит свои интересы в другие сферы. Таким образом, более подготовленный в профессиональном отношении работник, несомненно, является в то же время и более сложным объектом управления, что предъявляет повышенные требования к руководителям.

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что сравнительно быструю отдачу можно получить, если в первую очередь активизировать человеческий фактор, добиться

¹² См.: Сборник КГБ, 1986, № 107, с. 14.

ся того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей. На Всесоюзном совещании (май 1986 г.) указывалось на необходимость руководящему и оперативному составу перестраивать свою работу, повсеместно проявлять больше деловитости, конкретности, инициативы, принципиальной требовательности и самокритичности.

Психологический климат в чекистском коллективе в значительной степени зависит от умения руководителя строить свои взаимоотношения с подчиненными на деловой основе. Однако это не означает, что они должны быть строго регламентированы. В основе их должны лежать взаимная благожелательность, товарищеское сотрудничество. В. И. Ленин подчеркивал, что «руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей...»¹³.

Руководителю зачастую мешает выполнять свои функции неспособность сотрудничать с подчиненными. Искусство работы с людьми не дается от рождения, оно формируется в течение жизни под влиянием практического опыта, работы над собой, различных форм обучения. Для руководителя важно понимать психологию другого человека.

Решение проблемы активизации человеческого фактора применительно к деятельности контрразведки сопряжено с правом на риск, ибо всякое творчество, тем более в нестандартных ситуациях, в условиях неполноты информации об оперативной обстановке и лимита времени связано с возможными ошибками, а следовательно, риском. Поэтому инициатива оперработников требует к себе бережного отношения со стороны руководителей. Нередко подчиненных наказывают не за неправильные решения, неосознательные ошибки, а за пассивность и бездеятельность в работе.

Перестройка представляет собой многообразный, многосторонний процесс преодоления противоречий разного рода и масштабов. К числу таких противоречий принадлежит бюрократизм, еще проявляющийся в различных звеньях организационно-управленческой деятельности. Преодоление бюрократизма способствует решению целого ряда задач: совершенствование управления на уровне требований науки и практики, осуществление сильной социальной политики, углубление демократизации, активизации человеческого фактора.

Борьбу с бюрократизмом в управленческой деятельности партия всегда рассматривала как задачу первостепенной важности. Теперь эта задача актуализируется. XXVII съезд КПСС призвал к бескомпромиссной борьбе с бюрократизмом. «Партия должна объявить решительную и беспощадную войну бюрократизму. Владимир Ильич Ленин считал особенно важной борьбу с ним в переломные моменты, во время перехода от одной си-

стемы управления к другой, когда требуется максимум деловитости, быстроты и энергии. Сегодня бюрократизм — серьезная преграда на пути решения главной нашей задачи — ускорения социально-экономического развития страны и связанной с этим коренной перестройки механизма хозяйствования. Этот вопрос не может не волновать, он требует выводов»¹⁴.

На XXVII съезде партии при рассмотрении вопросов совершенствования системы управления подчеркивалось, что во многих случаях в пухлых инструкциях и методиках искажается суть вопросов, берет верх ведомственность, выхолащивается живое дело¹⁵. На июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС указано, что «бумаготворчество — отнюдь не технический, а политический вопрос. Любая проверка у нас приводит к изучению справок, таблиц, протоколов, планов мероприятий, к выяснению, обсуждался ли вопрос и принято ли по нему соответствующее решение. Привыкли работать с бумагами, а не с людьми, да и на людей смотреть через бумаги»¹⁶. Известно, что недостаток информации сказывается на обоснованности принимаемых решений, однако избыточная малозначительная информация вообще может блокировать их принятие, не говоря уже о том, что нижестоящие уровни управления вместо того, чтобы заниматься делом, будут тратить непомерно много усилий на многочисленные сводки, справки, отчеты. Добывание, передача и переработка избыточной информации — это и есть бумаготворчество.

На Всесоюзном совещании (1986 г.) специально обращено внимание на необходимость совершенствовать стиль работы, изживать бумаготворчество, элементы косности и бюрократизма в деятельности органов госбезопасности. «Поток малозначительной информации, — указано на совещании, — должен быть сведен к минимуму, чтобы за многочисленными материалами «обо всем» не терялись вопросы первостепенной важности»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что управленческая деятельность есть особый вид деятельности, обладающий своей спецификой и относительной самостоятельностью. В этом залог ее развития на научной основе, но в этом же кроется и возможность излишнего ее обособления, а в известной мере и отрыва от решения конкретных задач, когда результаты деятельности управленческих звеньев и отдельных работников оцениваются лишь по количественным критериям — по количеству, например, проведенных явок с агентами, полученных агентурных сообщений, проведен-

¹⁴ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 83.

¹⁵ См.: Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. М., Политиздат, 1986, с. 47.

¹⁶ Материалы июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС, 16 июня 1986 г. М., Политиздат, 1986.

¹⁷ Материалы Всесоюзного совещания руководящего состава органов и войск КГБ (май 1986 г.), с. 58.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 351.

ных мероприятий, заседаний и т. п. В этом случае возникает опасность разрастания формализма и бюрократизма. Вот здесь-то и необходимы умение связать, как учил В. И. Ленин, администрирование с политикой, умение оценить решения, действия, методы работы с позиций государственных интересов. Только это — да еще научная организация управленческого труда — может предотвратить работу управленческого аппарата вхолостую, «на себя», обеспечить подлинную культуру, деловитость и эффективность вместо показной работы.

Придавая важное значение вопросам объективной оценки результативности работы, Коллегия КГБ СССР в своем решении, объявленном Приказом председателя КГБ СССР № 00195—86 года, потребовала решительно изживать практику оценки результатов труда работников по формальным, количественным показателям.

Преодоление бюрократизма требует постоянного критического анализа и совершенствования стиля работы, партийно-политического воспитания чекистских кадров, укрепления правовых основ деятельности руководителей, постоянного развития критики и самокритики и прежде всего усиления контроля за выполнением принятых решений.

Придавая серьезное значение вопросам искоренения любых форм формализма и бюрократизма в деятельности органов госбезопасности, Коллегия КГБ СССР в своем решении, объявленном Приказом № 00195—86 года, потребовала принятия мер по искоренению проявлений ведомственности, местничества и амбициозности, по неукоснительному выполнению партийной установки о том, что ни один коллектив, ни один работник не должен ограждать себя от критики.

В условиях перестройки руководство Комитета госбезопасности СССР нацеливает все управленческие звенья в системе КГБ на: значительное повышение уровня чекистской работы; перенесение центра тяжести на конкретные дела; взыскательный спрос с каждого; внесение весомого личного вклада всех работников в достижение высоких конечных результатов; критический объективный анализ достигнутого; настойчивое проведение в жизнь мер по укреплению дисциплины; укрепление морально-нравственного климата в чекистских коллективах; обеспечение единоначалия, его сочетание с коллегиальностью, привнесение демократических начал в управление.

Ограждая Советское государство и общество от враждебных происков империализма, органы государственной безопасности СССР всей своей деятельностью обязаны всемерно обеспечивать реализацию курса партии на перестройку, сохранять такую обстановку в стране, которая исключала бы возможность антисоветских проявлений, враждебных акций против Советского государства.

Исходя из требований XXVII съезда партии, январского и июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС, установок КГБ СССР, основным политическим критерием оценки эффективности управления деятельностью органов государственной безопасности следует считать соответствие системы контрразведывательных мер целям обеспечения курса партии на ускорение социально-экономического развития страны, перестройку нашего общества.

Сегодня, как этого требует руководство КГБ СССР, особенно нетерпимы общие фразы и прописные истины. Нужны конкретные результаты. Необходимо действовать быстро, решительно и в то же время профессионально грамотно, без ошибок и срывов, строго соблюдая социалистическую законность. В наше переломное время актуальным является ленинское положение о том, что «безусловный лозунг наш должен быть: *поменьше «руководства», побольше практического дела, то есть поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад*»¹⁸.

Рекомендована спецкафедрой № 17
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

Научный редактор доцент
полковник Е. Г. Назаров

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 325.

**ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
ПО РОЗЫСКУ АВТОРОВ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ
АНОНИМНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТОВ**

В рамках работ по созданию Единой системы информационного обеспечения контрразведки (ЕСИОК, шифр «Дельта») Управление «Н» 2-го Главного управления КГБ СССР проводит большой комплекс мероприятий по созданию и внедрению в практику контрразведывательных подразделений центрального аппарата и территориальных органов КГБ автоматизированных систем информационного обеспечения контрразведывательной деятельности (АСИО КД), что отвечает современным требованиям партии о широком использовании достижений научно-технического прогресса во всех областях государственной деятельности. Создаваемые в рамках ЕСИОК автоматизированные информационные системы предназначены для удовлетворения информационных потребностей руководящего и оперативного состава по различным направлениям, линиям, объектам и участкам контрразведывательной работы. Они оснащены современной электронно-вычислительной техникой, средствами передачи данных с учетом последних достижений в области информатики и призваны обеспечить значительное повышение эффективности и качества информационного обеспечения контрразведывательных подразделений КГБ СССР¹.

Одним из направлений работ при создании АСИО КД является исследование вопросов, связанных с совершенствованием информационного обеспечения розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов.

В Инструкции по организации розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов, утвержденной и введенной в действие Приказом председателя КГБ СССР № 00111—83 г., розыск указанной категории лиц определен как одна из задач органов государственной безопасности, решение которой способствует активному предупреждению и пресечению проводимой отдельными враждебно настроенными лицами антисоветской агитации и пропаганды, отнесенной советским уголовным законодательством к категории особо опасных государственных преступлений. Работа по розыску авторов и распространителей анонимных антисоветских документов — сложное, трудоемкое и кропотливое дело; оно требует от работников, ведущих розыск², высокого профессионализма, целенаправленного использования всего арсенала оперативно-технических

и криминалистических средств, четкого взаимодействия оперативных и следственных подразделений органов госбезопасности. Розыскная работа включает в себя целый комплекс следственных действий и оперативных мероприятий, связанных с установлением и проверкой авторов и распространителей анонимных антисоветских документов, и отличается рядом особенностей, определяющих требования к ее информационному обеспечению.

Анализ существующего порядка проведения розыскных мероприятий позволяет сформулировать следующие потребности в информационном обеспечении данной линии контрразведывательной работы:

1. Необходимость тщательного анализа и сопоставления различных анонимных антисоветских проявлений по большому числу признаков с целью выявления по определенным критериям идентичных или похожих антисоветских анонимных проявлений. В качестве примеров можно привести следующие виды данной работы: анализ и сопоставление обстоятельств, связанных с фактом распространения анонимных антисоветских документов (место, время, способ распространения, количество и вид распространенных документов, периодичность распространения, возможное количество участников и т. д.); анализ и сопоставление черт предполагаемого облика автора анонимного антисоветского документа (внешние приметы, примерный возраст, уровень и профиль образования, место учебы, работы, место жительства, национальность, возможные враждебные проявления в прошлом и т. д.); анализ и сопоставление способов изготовления и размножения документов; анализ и сопоставление характерных особенностей почерка или шрифта пишущей машинки (формула почерка, топография расположения, дефекты шрифта и т. д.); анализ и сопоставление содержания текста (окраска и тематика документа, заголовок, характерные слова и словосочетания, подпись в документе и т. д.).

2. Необходимость изучения дополнительной (по отношению к анонимным антисоветским проявлениям) информации: образцов почерков лиц, проходящих по делам оперативного учета, психически больных лиц с агрессивными намерениями, а также лиц, на которых в органы КГБ поступают сигналы об их высказываниях или действиях, свидетельствующих о возможной подготовке к изготовлению и распространению анонимных антисоветских документов; образцов оттисков шрифтов пишущих машинок, принадлежащих предприятиям, учреждениям, воинским частям, а также находящихся в личном пользовании и в прокате.

3. Необходимость получения информации о лицах, вынашивающих намерение изготовления, распространения анонимных антисоветских документов, приобретения множительной техники, допускающих высказывания идеологически вредного харак-

¹ См.: Приказы председателя КГБ СССР № 0661—86 г., № 0571—86 г.

² В дальнейшем такие работники будут называться розысниками.

тера, а также данных о нарушении правил учета и хранения шрифтов, бумаги, красителей и правил эксплуатации множительных аппаратов, печатной техники. Указанная информация может поступать из различных источников и в разное время. Для ее получения используются все возможности органа КГБ.

4. Необходимость централизации информационных материалов ввиду возможной широкой «географии» анонимных антисоветских проявлений одного и того же автора и распространителя.

Анализ указанных выше потребностей показывает, что процесс розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов предъявляет многообразные требования к его информационному обеспечению. Как же решаются задачи информационного обеспечения розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов?

В настоящее время в органе государственной безопасности, как правило, ведется картотека учета анонимных антисоветских документов и установленных авторов. В 5-м Управлении КГБ СССР создан централизованный картотечный учет находящихся в органах КГБ дел розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов, а также централизованный учет фотокопий анонимных антисоветских документов по этим делам. Картотека учета анонимных антисоветских документов и установленных авторов состоит из четырех разделов.

В первом разделе сосредоточены фотокопии анонимных антисоветских документов, на авторов которых заведены дела розыска как в самом органе КГБ, так и в подчиненных ему органах (подразделениях). Здесь же находятся фотокопии анонимных антисоветских документов, авторы которых разыскиваются по ориентировкам 5-го Управления КГБ СССР или других органов КГБ.

Во втором разделе хранятся анонимные антисоветские документы, авторы которых не подлежат немедленному розыску, однако содержание документов представляет оперативный интерес и требует контроля за дальнейшими возможными проявлениями автора анонимных антисоветских документов. В этом же разделе находятся и анонимные антисоветские документы, изъятые из прекращенных дел розыска.

В третьем разделе содержатся материалы на установленных авторов и распространителей анонимных антисоветских документов.

В четвертом разделе картотеки накапливаются образцы или копии почерков лиц, проходящих по делам оперативного учета в данном органе КГБ. Если эти лица имеют собственные пишущие машинки, то кроме почерка на учет ставятся оттиски шрифтов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

существующая система информационного обеспечения ориентирована на использование ручных средств обработки данных, рассчитана на возможности самих розыскных подразделений, что вызывает большие трудозатраты при поиске идентичных или похожих анонимных антисоветских проявлений, а при больших объемах информации и необходимости сопоставления по ряду аспектов поиск данных с использованием ручных средств практически невозможен. Так, например, прямой поиск установленных авторов может производиться только тогда, когда известна фамилия; поиск документов осуществляется по формуле почерка, а поиск пишущей машинки — по марке шрифта, что позволяет выделить не конкретный документ или машинку, а некоторое их подмножество. Во всех остальных случаях поиск необходимо проводить путем перебора всех материалов картотеки; при этом добиться гарантированной полноты и точности, используя ручной поиск и применяя достаточно сложные критерии сопоставления, практически невозможно. Примером больших трудозатрат, связанных с ручным способом поиска и обработки информации, может служить также подготовка ежегодных статистических отчетов об итогах розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов. В 5-м Управлении КГБ СССР на подготовку таких отчетов уходит несколько человеко-дней;

существующая система информационного обеспечения не регламентирует порядка накопления данных, имеющих косвенное отношение к работе по розыску авторов и распространителей анонимных антисоветских документов (например, сведений о фактах идеологически вредных высказываний), и не обеспечивает полноты накопления таких данных, а также их централизации;

не обеспечивается централизованное накопление данных по образцам почерков лиц, проходящих по делам оперативного учета; психически больных лиц с агрессивными намерениями; лиц, на которых поступили соответствующие сигналы, а также оттисков шрифтов принадлежащих им пишущих машинок;

отсутствуют единый, регламентированный порядок детального описания анонимных антисоветских документов, унифицированные правила фиксации и классификации информации об анонимных антисоветских проявлениях. Например, нет утвержденных правил составления формулы почерка автора документа, исполненного скорописью или печатными буквами.

Указанные недостатки информационного обеспечения затрудняют розыск авторов и распространителей анонимных антисоветских документов и вызывают необходимость совершенствования существующего порядка накопления и обработки данных об анонимных антисоветских проявлениях.

В целях совершенствования информационной работы по линии розыска авторов и распространителей анонимных антисо-

ветских документов Управлением «Н» 2-го Главного управления совместно с седьмым отделом 5-го Управления КГБ СССР и КГБ Украинской ССР были проведены необходимые исследования, в результате которых как основное направление совершенствования было определено использование возможностей Единой системы информационного обеспечения контрразведки. В соответствии с этим в рамках АСИО КД был разработан функциональный блок «Силуэт», предназначенный для решения информационных задач, возникающих в процессе розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов. Особо следует подчеркнуть, что данный блок разрабатывался не как локальная, изолированная информационная система, а как составная часть АСИО КД, обеспечивающей интегрированное накопление и обработку информации в интересах всех контрразведывательных подразделений органа КГБ. Проектирование функционального блока «Силуэт» как составной части АСИО КД органов КГБ велось с использованием принципов системного подхода к созданию АИС, таких, как модульность информационного, лингвистического, математического и программного обеспечения, одноразовый ввод информации, интегрированная информационная база. Такой подход ведет к сокращению трудозатрат на разработку обеспечивающих частей функционального блока, помогая избежать недостатков, свойственных так называемому «позадачному подходу», позволяет не только сопоставлять анонимные антисоветские документы, но и сравнивать их с другими представляющими оперативный интерес оперативными данными, поступающими из различных источников и в разное время, что весьма важно при организации розыскной работы. Введение единых, унифицированных правил описания информации и обмена данными между оргзвеньями ЕСИОК обеспечивает возможность интеграции и централизации представляющих оперативный интерес сведений. Применение методов информационной работы, предусмотренных функциональным блоком «Силуэт», обеспечит установление тесного взаимодействия между розыскными и информационно-аналитическими подразделениями в интересах совершенствования информационного обеспечения работы по розыску авторов и распространителей анонимных антисоветских документов.

Функциональный блок «Силуэт» представляет собой совокупность общих для АСИО КД средств и специально разработанных средств, включающих следующие элементы:

- порядок отбора, накопления и обработки информации;
- единая система унифицированных документов, предназначенная для отражения накапливаемых сведений;
- инструкции и словари, определяющие правила подготовки документов, классификации и кодирования данных;
- массивы документов ручного контура и формализованных данных, хранящихся во внешней памяти ЭВМ;

алгоритмы и программные средства поиска, отождествления, обработки и выдачи сведений, хранящихся в интегрированном банке данных АСИО КД.

Порядок отбора, накопления и обработки информации является составной частью принятых в АСИО КД правил и базируется на положениях Указания председателя КГБ СССР № 18с—84 г., вводящего в действие единый порядок отбора, накопления, хранения и обработки информации. Функциональный блок «Силуэт» предполагает сосредоточение сведений о фактах изготовления, хранения или распространения анонимных антисоветских документов (в отношении которых принято решение о необходимости проведения розыскных мероприятий), данных об установленных авторах и распространителях анонимных антисоветских документов, образцах почерка или оттисках шрифтов пишущих машинок, накапливаемых в розыскных подразделениях, а также данных о делах розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов. Для накопления сведений в ручном контуре и последующего ввода в ЭВМ используется единая для АСИО КД совокупность унифицированных документов — информационных карт (ИК). Информационная карта представляет собой бланк стандартного формата с реквизитами, отражающими свойства того или иного системного объекта, например лица, организации, действия, дела оперативного учета, документа и т. п. Существующие между системными объектами отношения фиксируются с помощью специальных отсылок между ИК. Заполнять ИК может либо розыскник, прошедший кратковременный курс обучения в информационно-аналитическом подразделении (ИАП), либо сотрудник ИАП по материалам розыскного подразделения. Информационные карты заполняются по специально разработанным инструкциям (с применением словарей, предназначенных для классификации и кодирования информации).

Сам факт анонимного антисоветского проявления описывается с помощью информационной карты «Действие», в которой фиксируются такие сведения, как краткое содержание действия, его квалификация, место, время, средства совершения действия и т. п.

Для описания установочных, характеризующих и оперативных данных установленных авторов и распространителей анонимных антисоветских документов, а также лиц, проходящих по делам оперативного учета, психически больных лиц с агрессивными намерениями и лиц, на которых поступили соответствующие сигналы, используется информационная карта «Лицо», где отражаются такие сведения, как фамилия, имя, отчество, псевдоним, дата и место рождения, национальность, партийность, образование, знание языков, место и период учебы, работы, место жительства, внешние приметы, оперативная категория, принимавшиеся в отношении лица меры и другие данные.

Для описания анонимных антисоветских документов, а также образцов почерка или оттисков шрифтов пишущих машинок, принадлежащих представляющим оперативный интерес лицам, используются соответствующие карты на документ, где фиксируются данные по тематике и окраске анонимного документа: куда и кому он был направлен; вид документа; язык, на котором исполнен документ; вид носителя; способ изготовления и размножения; заголовок документа; первая и последняя фразы; характерные слова и словосочетания; подпись в документе; вид и цвет красителя; марка и дефекты шрифта; формула почерка, особенности почерка, его связность, размер, нажим, наклон, разгон; особенности текста (топография расположения текста, расположения знаков препинания, другие особенности), а также некоторые другие данные.

Сведения о деле розыска автора и распространителя анонимных антисоветских документов отражаются в ИК «Дело оперативного учета», где, в частности, фиксируются такие данные, как дата заведения, дата и причина прекращения, окраска, кличка, кто ведет дело, суть материалов дела, номер дела.

Указанные материалы централизованно накапливаются в органе КГБ, ведущем контрразведывательную работу на территории области, республики. После соответствующей обработки в информационно-аналитическом подразделении сведения вводятся в банк данных АСИО КД органа КГБ.

В целях обеспечения сигнального (инициативного) информирования розыскных подразделений об имеющихся в системе документах, по тем или иным критериям «похожих» на поступивший документ, в рамках функционального блока «Силуэт» разработаны алгоритмы и создаются необходимые программные средства автоматического поиска «похожих» документов. Поиск осуществляется на основе массива описаний анонимных антисоветских документов, а также описаний образцов почерка и оттисков шрифта пишущих машинок. В состав документов, подлежащих сопоставлению, могут быть включены и другие типы документов, например антисоветские документы, не являющиеся анонимными. Технология поиска «похожих» документов предполагает их сопоставление в трех режимах: режим поиска описаний документов, «похожих» по способу их изготовления (режим А), режим поиска описаний документов, «похожих» на изготовленные одним и тем же лицом (режим Б), и режим поиска описаний документов, «похожих» по содержанию (режим В). Каждый из режимов реализуется на соответствующем наборе сопоставляемых характеристик описания документа. Для сопоставления в режиме А выделен следующий набор характеристик: вид документа (например, листовка, плакат, видеозапись и т. п.); окраска документа (например, призывы к борьбе с Советской властью, одобрение действий антисоциалистических сил

в других странах и т. п.)³; вид носителя документа (например, фотобумага, магнитная лента, картон и т. п.); способ изготовления (например, типографский, от руки, монтаж из букв, слов и фраз, вырезанных из текстов, и т. п.); вид красителя (например, тушь, штемпельная краска, акварель и т. п.); цвет красителя.

Для сопоставления в режиме Б используется три набора характеристик: для документов, исполненных скорописью, печатными буквами или на пишущей машинке. Так, для документов, исполненных скорописью, используется следующий набор: формула почерка, графика букв скорописи, разгон, связность, размер, нажим, наклон, дополнительные особенности, вид изменения почерка (например, письмо левой рукой, исполнение документа клинописью и т. п.), топография расположения текста, расположение знаков препинания, особенности исполнения текста (например, употребление архаичных слов и выражений, подделка под лицо другой национальности и т. п.). Для документов, исполненных на пишущей машинке, используется следующий набор характеристик: марка шрифта, дефекты шрифта и механизма, топография расположения текста, расположение знаков препинания, особенности исполнения текста.

Для сопоставления документов в режиме В используется следующий набор характеристик: заголовок (название) документа, окраска документа, первая фраза, характерные слова и фразы, последняя фраза, подпись в документе.

Всем характеристикам документа, входящим в сопоставляемые наборы, присваивается определенный весовой коэффициент информативности. Выдача документа, хранящегося в банке данных, как «похожего» на поступивший в систему документ производится в том случае, когда значение суммарной оценки «похожести» (Е) равно заданному порогу (П) или больше его. Формально это условие можно записать следующим образом:

$$E = \sum_i L_i \geq \Pi, \text{ где}$$

$$L_i = \begin{cases} n \cdot p_i, & \text{где } n \text{ — количество пар } (x_i, x'_i), \text{ для которых} \\ & \text{выполняется } x_i = x'_i \text{ при сопоставлении} \\ & \text{множественных характеристик «Характер-} \\ & \text{ные слова, фразы», «Дефекты шрифта»,} \\ & \text{«Графика букв скорописи», «Графика букв} \\ & \text{печатных», «Топография расположения} \\ & \text{текста»;} \\ k \cdot p_i, & \text{где } k \text{ — количество пар } (y_{ij}, y'_{ij}), \text{ для которых} \\ & \text{выполняется } y_{ij} = y'_{ij} \text{ при сопоставлении} \\ & \text{характеристик «Формула почерка»;} \\ & \text{если } M_i \cap M'_i \neq \emptyset \text{ при сопоставлении дру-} \\ & \text{гих характеристик.} \end{cases}$$

³ Данная характеристика используется для ограничения объема выдачи в режиме А.

Здесь L_i — оценка информативности i -й характеристики;
 $M_i(M'_i)$ — множество значений i -й характеристики в поступившем (хранящемся) документе;
 $X_i(X'_i)$ — значение i -й характеристики в поступившем (хранящемся) документе;
 $u_{ij}(u'_{ij})$ — элемент значения i -й характеристики, стоящий в j -й позиции (соответственно в поступившем и хранящемся документе).

Состав наборов сопоставляемых характеристик, весовые коэффициенты (P_i) характеристик, правила вычисления оценок информативности сопоставляемых характеристик (L_i), значение порога (Π) задаются при настройке программных средств поиска «похожих» документов и могут достаточно легко модифицироваться.

По результатам помещения документов в банк данных и автоматического поиска «похожих» для каждого поступившего документа осуществляется систематизированная выдача «похожих» на него документов, хранящихся в банке данных. Выдача осуществляется в следующем порядке: список описаний документов, «похожих» на изготовление одним и тем же лицом; список описаний документов, «похожих» по способу изготовления; список описаний документов, «похожих» по их содержанию. Описания документов внутри данных списков упорядочиваются по убыванию суммарной оценки «похожести». Вместе с каждым описанием «похожего» анонимного антисоветского документа выдается и описание самого факта анонимного антисоветского проявления (место, время распространения и т. д.).

Рассмотренные средства автоматического поиска «похожих» документов обеспечивают полное, детальное сопоставление представляющих интерес документов и намного превосходят возможности ручного поиска по картотеке.

Помимо специально разработанных для функционального блока «Силуэт» средств поиска «похожих» документов пользователь системы имеет широкие возможности для поиска, обработки и выдачи хранящейся в банке данных информации. Система позволяет обрабатывать различные тематические, статистические и информационно-логические запросы в режимах исполнения разовых запросов, периодического информирования по постоянным запросам (по расписанию или требованию), сигнального информирования по постоянным запросам (инициативного информирования о накоплении в банке данных оперативно значимых ситуаций) и дифференцированного распределения информации (распределения поступающей информации по подразделениям в соответствии с их компетенцией). Поиск сведений возможен по любому сочетанию характеристик при задании различных условий на их значения (например, «равно», «больше или равно», «посимвольное равенство», «похожесть»,

«наличие слова» и др.). На основе массива отобранной информации могут быть проведены различные виды статистической обработки данных, а также установлены неявные (отсутствующие в банке данных) взаимосвязи между различными элементами информации. Выдача сведений может осуществляться в различных, удобных для пользователя формах. В АСИО КД имеются также средства непосредственного взаимодействия пользователя с ЭВМ посредством видеотерминалов.

Чтобы проиллюстрировать возможности, предоставляемые функциональным блоком «Силуэт», рассмотрим некоторые примеры информационного обеспечения различных этапов контрразведывательной работы по розыску авторов и распространителей анонимных антисоветских документов.

На этапе первоначальных следственных действий и первичных оперативных мероприятий по факту распространения и обнаружения анонимных антисоветских документов с использованием функционального блока «Силуэт» помимо описаний «похожих» документов по описанной выше методике могут быть получены также сведения о зафиксированных ранее фактах распространения и обнаружения анонимных антисоветских документов, которые способствуют выдвижению обоснованных оперативных версий и сужению границ розыска. При поиске сведений о фактах анонимных антисоветских проявлений в блоке «Силуэт» можно задать условия на значения следующих признаков:

место распространения, обнаружения (республика, область, район, населенный пункт, улица, станция, платформа и т. п.) документов;

время или период распространения, обнаружения (час, минута, число, день недели, месяц, год) документов;

вид обнаруженных документов (листовки, плакаты и т. п.);

способ изготовления документов;

способ размножения документов;

способ распространения документов;

количество обнаруженных документов;

окраска документа;

марка шрифта пишущей машинки и дефекты шрифта (для документов, исполненных на пишущей машинке);

топография текста и расположение знаков препинания;

формула почерка (для документов, исполненных от руки скорописью или печатными буквами);

характеристики текста (заголовки, первая и последняя фразы, характерные слова и словосочетания, подпись);

вид конверта.

При формулировании запросов на поиск информации сотрудники розыскного подразделения могут задавать условия в любом сочетании указанных характеристик.

На этапе розыска авторов и распространителей анонимных документов с использованием функционального блока «Силуэт» могут быть решены следующие информационные задачи:

1. Получение сведений об имеющихся в АСИО КД описаниях лиц, сходных с предполагаемым обликом разыскиваемого автора и распространителя анонимных антисоветских документов. При решении данной задачи могут задаваться условия на различные сочетания таких характеристик, как место жительства, место работы, учебы, образование, национальность, знание языков, внешние приметы, возраст, место рождения, социальное положение и т. п. В интересах наиболее точного отражения информационных потребностей розыскника при решении данной задачи в настоящее время разрабатываются средства, позволяющие задавать аддитивный весовой критерий отбора и ограничивать выдачу заданным порогом информативности. Решение данной задачи будет способствовать розыску автора и распространителя анонимных антисоветских документов по его предполагаемому облику.

2. Получение сведений об установленных авторах и распространителях анонимных антисоветских документов, а также описание подготовленных ими анонимных антисоветских документов и фактов их изготовления, хранения, распространения. При решении данной задачи могут быть заданы условия на место жительства или работы установленных авторов, другие характеризующие их данные, а также на время и место распространения анонимных антисоветских документов, способ изготовления, размножения, распространения, окраску и т. д.

3. Получение сведений, поступающих в АСИО КД из различных источников, о фактах и признаках враждебной деятельности граждан СССР, которые могут представлять оперативный интерес при розыске авторов и распространителей анонимных антисоветских документов (например, сведения о фактах нарушения режима эксплуатации множительной техники, фактах антисоветских высказываний с определенной окраской и т. п.). Данная задача может решаться в режиме поиска ретроспективной информации, накопленной в банке данных АСИО КД, а также в режиме сигнального информирования о поступлении в систему новых данных, представляющих оперативный интерес для розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов. Средства сигнального информирования позволяют автоматически осуществлять непрерывный отбор представляющей оперативный интерес информации, поступающей в интегрированный банк данных АСИО КД из различных источников и в разное время. Очевидно, что традиционные методы не позволяют решить данную задачу с той степенью полноты, какая возможна при применении автоматизированной системы информационного обеспечения.

4. Получение сведений о делах оперативного учета, которые

могут представлять оперативный интерес для розыска. Помимо завершенных, а также находящихся в производстве дел розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов может быть получена информация в отношении других дел оперативного учета, представляющих оперативный интерес⁴. При решении данной задачи условия могут задаваться на такие характеристики, как «вид дела», «окраска дела», «кличка дела», «дата заведения дела», «подразделение, ведущее дело», а также на различные характеристики объекта дела и проходящих по делу лиц, действий, организаций.

5. Получение сведений о сигналах, находящихся в проверке оперативных подразделений органа КГБ, представляющих оперативный интерес для розыска автора и распространителя анонимных антисоветских документов. Условия могут быть заданы на окраску сигнала, время его получения, а также на характеристики проходящих по нему лиц и совершенных ими действий.

На этапе проверки лиц, подозреваемых в авторстве или распространении анонимных антисоветских документов, с помощью АСИО КД можно получить информацию об указанных лицах, имеющуюся в интегрированном банке данных, а также поставить на контроль вновь поступающую на них информацию.

На этапе подготовки отчетности об итогах розыскной работы функциональный блок «Силуэт» позволяет автоматизировать подготовку статистических сводок, предусмотренных Приказом председателя КГБ СССР № 00111—83 г., что значительно сокращает трудозатраты.

Приведенный выше перечень информационных задач, выполняемых посредством функционального блока «Силуэт» по информационному обеспечению розыскной работы, наглядно демонстрирует его возможности.

В настоящее время в соответствии с решением Коллегии КГБ Украинской ССР в центральном аппарате и ряде территориальных органов КГБ УССР проводятся экспериментальные работы по накоплению информации в ручном контуре функционального блока «Силуэт». Отработка технологии отражения оперативно значимой информации путем использования единой системы унифицированных документов и правил их заполнения, передачи и накопления сведений позволит уточнить как информационные потребности розыскных подразделений, так и проектные решения, принятые по функциональному блоку «Силуэт», а также создаст необходимый задел для комплектования банка данных автоматизированного контура. Создание средств ма-

⁴ В целях накопления и обработки информации о делах оперативного учета, ведущихся в органе КГБ, в рамках АСИО КД создается функциональный блок «Дела оперативного учета». Выдача информации осуществляется в соответствии с ограничениями, данными абонентом — поставщиком сведений.

тематического и программного обеспечения функционального блока «Силуэт» в настоящее время завершено. Опыт работ КГБ Украинской ССР явится основой подготовки типовой методики и распространения ее в других органах КГБ.

Создание функционального блока «Силуэт» как компонента интегрированной АСИО КД, базирующегося на едином порядке накопления и обработки информации, использующем средства электронно-вычислительной техники и мощный аппарат поиска и обработки данных, должно оказать существенное влияние на практику информационного обеспечения розыска авторов и распространителей анонимных антисоветских документов и значительно повысить его качество и эффективность.

*Рекомендована Управлением «Н»
2-го Главного управления КГБ СССР*

*Научный редактор кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
полковник Р. И. Тямушкин*

Подполковник Н. А. Чичулин

ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ТРУДА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКЕ

Для решения проблемы создания прочной материальной базы по реализации основных программных целей КПСС — быстрого роста народного благосостояния и всестороннего развития человека, укрепления экономического и оборонного могущества нашей Родины XXVII съезд партии выдвинул требование поставить на службу коммунистическому строительству достижения передовой науки, самую совершенную и могучую технику.

Это требование относится прямо и к советской контрразведке, которая на базе достижений научно-технического прогресса (НТП) может осуществить прорыв на основных направлениях контрразведывательной деятельности. Обогащение содержания труда наряду с совершенствованием его условий можно считать одним из главных социальных факторов научно-технической революции (НТР) в деятельности контрразведывательных подразделений, поскольку изменение материальных условий, при которых совершенствуется труд, обусловлено внедрением научно-технических нововведений.

Научно-техническая революция по-особому ставит проблему совершенствования человеческих качеств современного оперативного работника. Новейшие автоматические средства, многократно облегчая в первую очередь физические усилия человека, ведут вместе с тем к большому интеллектуальному и психологическому напряжению.

Высокие параметры технологических процессов при проведении аналитических исследований в советской контрразведке требуют от субъекта огромной сосредоточенности, четкости, оперативности.

Поэтому проблема совершенствования содержания труда оперативного работника в условиях кардинального развития научно-технического прогресса становится всё более настоятельной, так как современная НТР, преобразуя материально-техническую основу контрразведывательной деятельности, повышает значение человека в этой деятельности. «Под влиянием современной научно-технической революции изменяется положение и роль субъекта контрразведки в связи с изменениями в содержании, характере, разделении и организации чекистского труда»¹.

¹ Старцев Ю. Н. Современная научно-техническая революция и ее влияние на совершенствование деятельности советской контрразведки в области выявления агентурных радиосвязей разведок противника. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1974, с. 48.

Необходимость этого совершенствования наиболее актуальна при проведении субъектом контрразведывательной системы аналитических исследований, эффективность которых значительно возрастает с внедрением в практику контрразведывательной деятельности научно обоснованных приемов и методов работы, а также с применением разнообразной информационной техники, в том числе и быстродействующих электронно-вычислительных машин (ЭВМ), для накопления и обработки оперативной информации.

В современных условиях совершенствование информационного обеспечения при проведении аналитических исследований идет по пути перевода информационных процессов на техническую основу с использованием ЭВМ на основе принципов единства информационной системы и оперативного информирования субъектов управления в советской контрразведке.

Для обеспечения всего комплекса оперативных и управленческих задач, поставленных перед органами госбезопасности, создана Единая система информационного обеспечения контрразведки (ЕСИОК) «Дельта», которая представляет собой интегрированную систему автоматизированной обработки данных².

Указанная система постоянно развивается. Развиваются и ее составные элементы, задачи, технология обработки данных, совершенствуется центральный банк данных, который с января 1986 г. введен в эксплуатацию.

В настоящее время созданы и функционируют локальные информационные системы практически во всех органах КГБ на уровне союзных, автономных республик, автономных областей, УКГБ по краям и областям, особых отделов КГБ округов, флотов и армий.

Создаваемые органами КГБ на местах информационные системы являются подсистемами ЕСИОК «Дельта».

Вопрос о внедрении в деятельность контрразведки новой техники и ЭВМ не является чисто технико-технологической проблемой. Решение этой проблемы предусматривается в комплексном сочетании технического, оперативного и социально-политического подходов. Только это позволит субъекту контрразведывательной системы осваивать достижения научно-технического прогресса в контрразведывательной деятельности вообще и в первую очередь при проведении аналитических исследований.

Успех в решении этой проблемы зависит от того, насколько быстро и глубоко сотрудники контрразведывательной системы воспринимают необходимость внедрения в деятельность контрразведывательных подразделений ЭВМ и микроэлектроники, которые, являясь катализатором современного научно-техниче-

² Подробнее об этом см.: Пипия Г. В., Селетков С. Н. Принципы построения ЕСИОК. Ее состояние и перспективы развития. — Труды ВШ КГБ, 1987, № 39, с. 317—328.

ского прогресса, «оказывают решающее влияние на эффективность средств труда, технологических систем во всех отраслях»³.

На этапе развития НТР, которая приводит к усложнению социальной системы, объективно возникает проблема усиления научной обоснованности подготовки и принятия управленческих решений в различных сферах деятельности человека.

Для решения этой проблемы партия ставит задачу обеспечения опережающего развития поисковых, фундаментальных исследований и быстрее материализации научных идей, расширения прикладных исследований.

Особенно большое значение данное положение имеет для управления советской контрразведкой в силу ряда наиболее важных обстоятельств:

во-первых, информация, поступающая в контрразведку по различным каналам и на различных уровнях управления, не всегда является достаточно полной и точной;

во-вторых, повышение обоснованности принимаемых решений зависит не только от качества информации и подготовленности субъекта управления, но и от того, каким образом анализируется информация, по каким правилам принимается решение⁴.

Именно поэтому «нужно повысить уровень научных исследований, их практическую значимость, уделить первостепенное внимание самым актуальным темам»⁵.

От аналитических исследований мы можем и должны получать несравненно больший эффект. На задачи исследований необходимо взглянуть по-новому, сквозь призму требований времени. С этих позиций должны быть проанализированы и укреплены все звенья, соединяющие анализ, контрразведку и технику.

С внедрением современной техники и ЭВМ в деятельность советской контрразведки коренным образом изменится содержание понятий «труд» и «квалификация» оперативного работника.

Если в настоящее время с понятием «квалификация» связывается представление о наличии практического опыта, закрепленных специализированных навыков и теоретических знаний, то в условиях автоматизированного проведения аналитических исследований понятие «квалификация» дополнительно предполагает получение достаточно объемной суммы специальных, правовых, естественно-научных, технических знаний, а также пони-

³ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, 11 июня 1985 года. М., Политиздат, 1985, с. 14.

⁴ Подробнее об этом см., например: Фролов А. П. Некоторые вопросы управления в советской контрразведке в условиях НТР. М., изд. ВШ КГБ, 1975, с. 5—17.

⁵ Сборник КГБ, 1986, № 111, с. 19.

мание сущности и научных основ применения ЭВМ в контрразведывательной деятельности.

Раскрывая понятие труда как целесообразной деятельности человека, В. И. Ленин подчеркивал, что содержание труда характеризуют состав, структура и сложность трудовых функций, которые определяются сложностью орудий и предметов труда, уровнем его механизации и автоматизации, а также формами организации. Содержание труда определяется его характером. При этом единство этих двух категорий он выражает формулой «...работы на себя... опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»⁶.

Как известно, одну из сторон содержания труда характеризует монотонность трудовых операций, их разнообразие, возможность и необходимость использования профессиональных навыков и достижений науки в процессе труда, сложность труда, определяемая целесообразностью решения нестереотипных задач, не имеющих заранее заданного алгоритма решений.

Некоторые из этих показателей могут быть исчислены на основе объективных данных: средняя продолжительность рабочих циклов, степень повторяемости одних и тех же действий, число разнообразных операций, выполняемых на данном рабочем месте, уровень образования и продолжительность профессиональной подготовки, необходимой на рабочем месте, степень ответственности и т. д.⁷

Другие показатели могут быть получены лишь в ходе опроса самих работников и квалифицированных экспертов: возможность использования знаний, оценка разнообразия и сложности труда, удовлетворенность его содержательностью.

О соотношении организаторского и исполнительского труда оперативного работника органов КГБ можно судить по длительности сроков, на которые ему устанавливаются рабочие задания вышестоящими субъектами управления, формам контроля за ходом работы (соотношение самостоятельного и административного контроля), по степени участия оперативных работников в распределении заданий, нормировании труда и учете его результатов (самостоятельный, внешне выборочный и сплошной учет с помощью документов, технических средств и т. д.).

Особое значение в этом плане имеет степень самостоятельности в выборе методов выполнения операций, их последовательности и распределении по времени, степень регламентированности темпа работы и т. п. «В социалистических условиях основным критерием оценки работы любого хозяйственного звена должно быть достижение самых лучших конечных результатов»⁸.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 196.

⁷ Подробнее об этом см.: Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. М., Мысль, 1977.

⁸ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии, с. 23.

Это относится и к управлению контрразведывательной деятельностью в советской контрразведке. Только благодаря использованию достижений НТР советская контрразведка сможет создать материальные предпосылки для совершенствования деятельности субъекта управления контрразведывательной системой.

Ныне в органах КГБ широко применяются средства приема и передачи информации (фототелеграфная аппаратура, сигнально-кодовые устройства, звукозаписывающая аппаратура); средства автоматического засекречивания, кодирования; средства обработки оперативной информации (ИС, ЭВМ); устройства наглядного отображения информации и др.

Непосредственное применение науки в контрразведывательной деятельности и органическое переплетение аналитических исследований с практической деятельностью контрразведки требуют не только тесного взаимодействия специалистов оперативных подразделений, научно-исследовательских коллективов с участием профессорско-преподавательского состава Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского, но и органического соединения всех видов деятельности, а следовательно, и всестороннего развития оперативного работника, его правильной ориентации во всей контрразведывательной системе⁹.

В этой связи во весь рост встает проблема создания широкомасштабной системы повышения квалификации и переподготовки кадров, так как, для того чтобы в максимальной степени задействовать созданный в настоящее время научно-технический потенциал, нужны подготовленные кадры, которые способны быстро преодолеть инерцию прошлого и, используя принципы социалистического соревнования, добиться высоких количественных и качественных конечных результатов. «Сегодня нужна кадровая политика, отвечающая задачам перестройки»¹⁰.

Партия выдвинула задачу по коренной перестройке системы повышения квалификации и переподготовки специалистов. В частности, предусматриваются меры по достижению более высокого уровня компетентности кадров, развитию их умений решать на современном этапе задачи модернизации и автоматизации, улучшению организационного управления.

В этих целях намечается: переход от периодического к непрерывному повышению квалификации; охват руководящих работников и специалистов дифференцируемыми видами обучения в течение всей их трудовой деятельности; обеспечение тесной взаимосвязи аттестации и должностных перемещений руководя-

⁹ Подробнее об этом см., например: Пипия Г. В., Селетков С. Н. Принципы построения ЕСИОК. Ее состояние и перспективы развития, с. 317—328.

¹⁰ О перестройке и кадровой политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года. — Коммунист, 1987, № 3, с. 30.

ших работников и специалистов с их обучением в системе повышения квалификации и переподготовки кадров.

Кроме организационной перестройки системы повышения квалификации ставится задача и по постоянному совершенствованию учебного процесса, предусматривается усиление индивидуального подхода к обучению, значительное расширение применения технических средств обучения, активных методов, в том числе деловых игр, с использованием вычислительной техники.

Поэтому, как отмечалось на Всесоюзном совещании (май 1986 г.) руководящего состава органов и войск КГБ СССР, своевременная подготовка квалифицированных кадров, широкая пропаганда преимуществ новой техники в деятельности контрразведки являются важнейшим фактором повышения эффективности управления советской контрразведкой.

Запоздание в решении вопроса подготовки кадров может привести к тому, что новая техника будет простаивать из-за отсутствия оперативного и руководящего состава, имеющего необходимые теоретические знания, а также практическое умение и навыки по использованию достижений НТР в профессиональной деятельности контрразведывательных подразделений.

Безусловно, внедрение новой техники в контрразведывательную практику — необходимое условие повышения ее эффективности. Однако, учитывая, что в условиях обострения международной обстановки спецслужбы противника при проведении подрывной деятельности против стран социалистического содружества широко используют достижения НТР, советской контрразведке нужна не любая техника, а техника наиболее эффективная. Этим определяется важность задачи выбора путей развития и совершенствования новых технических средств, а также сравнение наиболее эффективных вариантов использования этих средств.

На наш взгляд, как в производстве, так и в контрразведке выбор вариантов научно-технического прогресса может основываться на сопоставлении полученного эффекта с затратами. При решении этой проблемы приходится считаться с тем, что разработка и внедрение новой техники в контрразведку требуют определенных капитальных вложений, иногда очень крупных (например, разработка автоматизированных комплексов по управлению контрразведывательной системой или оснащение электронно-вычислительными машинами информационно-аналитических служб органов КГБ).

Анализ пусть даже небольшого практического опыта использования ЭВМ и микроэлектроники при проведении аналитических исследований в ряде подразделений органов КГБ позволяет заметить, что разработка новейшей техники и взятых на вооружение современных достижений науки советской контрразведкой определяется прежде всего политическими задачами, задачами обеспечения государственной безопасности с учетом

разумного расходования материальных сил и средств и экономии государственных фондов.

Целью применения технических средств в управлении контрразведывательной деятельностью является создание материальной возможности для непрерывного расширения сферы управляемых процессов и решения все новых контрразведывательных задач, выдвигаемых необходимостью постоянного совершенствования контрразведывательной деятельности в борьбе с подрывной деятельностью противника.

Совершенствование контрразведывательной деятельности в современных условиях осуществляется в нескольких направлениях:

- анализ особенностей и закономерностей современной НТР и ее возможностей с целью использования достижений НТП в интересах советской контрразведки;

- совершенствование процесса управления оперативно-служебной деятельностью на основе применения научных средств и методов планирования и прогнозирования, анализа эффективности деятельности всех звеньев контрразведки;

- разработка современной технической базы для сбора, хранения, обработки и распределения информации на основе применения электронно-вычислительной техники;

- подготовка и переподготовка кадров для разработки и эксплуатации информационных и других технических средств.

Технический прогресс в управлении контрразведывательной деятельностью может быть достигнут при комплексном развитии его технической базы, представляющей собой единую цепочку средств получения, хранения, поиска информации, копирования и размножения документов, передачи и дистанционного отображения данных, вычислительной и логической обработки информации, специального оборудования для оснащения управленческого труда.

Основные признаки этой комплексности — взаимоувязанность элементов технической системы и согласованность в наращивании их производственных мощностей в соответствии с потребностями управления. При этом большее значение приобретает развитие механизации и автоматизации управленческих процессов как по линии внедрения ЭВМ, так и в части применения средств оргтехники и систем комплексной механизации управленческого труда.

Отставание в развитии взаимоувязанных элементов комплекса технических средств неизбежно приводит к неполному использованию оборудования, к потере скорости, оперативности и качества управления. Особенно дорого обходится нерациональное использование сложной, высокопроизводительной техники при выполнении на ней работ, которые быстрее и выгоднее сделать с помощью более простых средств.

На основе внедрения в контрразведку современных технических средств изменяется профессиональная структура сотрудников контрразведывательных подразделений. Коренным образом меняется их содержание, появляются новые профессии, к примеру информационно-аналитические работники, математики-программисты, операторы и наладчики ЭВМ и т. д.

Поэтому подготовка и переподготовка специалистов, умеющих соединять научные знания с достижениями НТР, выдвигать оригинальные идеи, является одним из наиболее важных факторов совершенствования содержания труда при проведении аналитических исследований в советской контрразведке.

Раскрывая необходимость кардинальных изменений в существующей практике подготовки и переподготовки кадров в системе органов государственной безопасности, основное внимание должно быть уделено подготовке таких специалистов, которые способны на высоком профессиональном уровне проводить аналитические исследования с использованием достижений научно-технической революции.

Поэтому в условиях кардинального развития НТП при проведении аналитических исследований в советской контрразведке неизмеримо возрастает роль личного фактора¹¹. Как подчеркивалось на Всесоюзном совещании (май 1986 г.) руководящего состава органов и войск КГБ СССР, все более настоятельной становится потребность в массовом формировании работников нового типа: инициативных и предприимчивых, имеющих широкое общее образование, разносторонние навыки, обладающих глубокими специальными знаниями и способных использовать самую совершенную технику и технологию, свободно ориентироваться во всей контрразведывательной системе.

Не менее важным фактором совершенствования содержания труда при проведении аналитических исследований с помощью ЭВМ является разработка инструментария, предназначенного для сбора первичной оперативной информации.

Для того чтобы собранные сведения можно было обработать и обобщить, методический инструментарий должен пройти стадию предварительной подготовки к обработке.

Первый этап такой подготовки — проверка методического инструментария на точность, полноту и качество заполнения.

Проверка на *точность* заполнения заключается в выявлении правильности ответа на каждый вопрос анкеты и в исправлении ошибок в случае их наличия.

Проверка анкет, бланков-интервью на *полноту* заполнения предполагает выбраковку тех из них, в которых отсутствуют ответы более чем на тридцать процентов основных вопросов.

¹¹ Подробнее об этом см., например: Пипия Г. В., Селетков С. Н. Принципы построения ЕСИОК. Ее состояние и перспективы развития, с. 317—328.

Проверка анкет на *качество* заполнения состоит во внимательном просмотре их на предмет ясности, четкости и понятности ответов, обводки кодов.

Дело в том, что непонятный (нечеткий, небрежный) почерк исключает возможность точной и однозначной интерпретации ответов, делает анкету непригодной для обработки.

Решив проблемы первого этапа подготовки методического инструментария, исследователь получает тем самым возможность значительно сократить время на сбор и обработку информационного массива, необходимого для проведения аналитического исследования по конкретной контрразведывательной проблеме.

Второй этап подготовки методических документов к обработке заключается в кодировании информации, содержащейся в них.

Процедура кодирования информации представляет собой вспомогательный процесс формализации ответов на вопросы, связанные с процедурой обработки и анализа информации. Она выступает интегральным звеном между качественной и количественной формами информации.

Принцип кодирования заключается в переводе содержательной информации на язык формальной логики. Это значит, что кодируется не само содержание ответов, а только факт его наличия или отсутствия.

Такая форма кодирования вполне достаточна для того, чтобы в последующем осуществить числовые операции с любой информацией, независимо от ее первоначального вида, формы, содержания или предназначения.

После завершения процесса кодирования первичной оперативной информации переходят к ее обработке. Сущность этого процесса заключается в обобщении первичной информации. Полученные результаты обобщения будем называть оперативными данными.

После кодирования оперативной информации переходят к ее обработке на ЭВМ. Для этого осуществляется перфорация закодированной информации, сортировка и проверка перфокарт на качество пробивки, ввод информации в память ЭВМ и ее обработка. Задание на обработку информации составляет исследователь в соответствии с гипотезами исследования и задачами их проверки, а также с учетом программы обработки информации, имеющейся в оперативном подразделении.

Результаты расчетов с помощью ЭВМ получаются в виде табуляграмм, содержащих оперативные данные. Их анализ позволяет исследователю подтвердить (опровергнуть) выдвинутые гипотезы, обнаружить отклонения или новые явления и тенденции в предмете и объекте изучения.

Полученные с ЭВМ, сведенные в таблицы или отображенные при помощи графиков и рисунков результаты аналитического

исследования представляют собой числовые величины, пригодные для выводов о характере и признаках изучаемого явления.

Однако без исследователя эти выводы не могут быть сделаны. Объясняется это тем, что само по себе любое число безучастно к содержательной стороне явления.

Поэтому первое условие, позволяющее должным образом использовать аналитические данные,— их всестороннее и правильное объяснение, называемое работниками аналитических подразделений интерпретацией.

Исходным элементом первоначальных построений научно-технического прогресса является техника, которая как стержневой элемент средств контрразведывательной системы позволяет нам увидеть точки приложения научно-технической революции к развитию современных технических средств контрразведки.

Поэтому исторический процесс развития современной техники, являющейся основным средством повышения эффективности контрразведывательной деятельности, невозможно представить себе без этапа комплексной автоматизации.

Этот процесс характерен как для контрразведывательной системы в целом, так и для информационно-аналитических подразделений в частности.

В этой связи, говоря о внутренней структурной связи между современной НТР и диалектикой развития специальной техники, мы прежде всего подразумеваем необходимость разработки и внедрения в контрразведывательную систему различных комплексных автоматических средств, назначение которых — повысить эффективность управления контрразведывательной деятельностью.

«Опираясь на достижения науки в области управления, необходимо поднять на еще более высокий уровень управленческую работу в Комитете госбезопасности. Нам нужно научиться более полно использовать свои внутренние резервы и там, где можно решать оперативные задачи меньшими силами, следует решительно и последовательно идти на это»¹².

В этой связи, чтобы не упустить чего-либо, сделать все в сроки и с учетом предъявляемых требований, при проведении аналитических исследований необходимо применять целевые комплексные программы.

Наличие научно-технической и производственной базы в органах КГБ, а также значительных научных сил и высококвалифицированных инженерно-технических работников при интенсивном использовании достижений НТР с целью повышения эффективности контрразведывательной деятельности в борьбе с подрывной деятельностью противника — все это определяет

¹² Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. Сборник документов и материалов. М., изд. ВШ КГБ, 1983, вып. 3, с. 115.

возможность приступить к оснащению органов КГБ более современной специальной вычислительной техникой.

Использование достижений НТР определяет возможность для советской контрразведки перейти от разработки отдельных разрозненных устройств к созданию комплексов и систем широкой автоматизации процессов, а также применению электронно-вычислительной техники, что существенно повысит эффективность влияния на совершенствование содержания труда при проведении аналитических исследований в советской контрразведке.

*Рекомендована НИО
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник Ю. Н. Старцев*

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ И РАБОТА ОРГАНОВ КГБ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Кандидат юридических наук, доцент
полковник *Т. Г. Юсуф-Заде*,
кандидат юридических наук
полковник *Р. И. Тямушкин*

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗЕРВА АГЕНТУРНОГО АППАРАТА НА ОСОБЫЙ ПЕРИОД

Агрессивность международного империализма и возросшие масштабы подготовки его специальных служб и подрывных центров к войне требуют дальнейшего совершенствования подготовки территориальных органов КГБ к борьбе с подрывной деятельностью противника в особый период и военное время.

Задача ограждения СССР от подрывной деятельности противника в чрезвычайной обстановке требует исследований и дискуссий по этому вопросу в чекистской науке.

В. И. Ленин указывал, что «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться»¹. В научной литературе, в том числе и чекистской, чаще всего ограничиваются лишь только первой частью этой мысли. Однако, на наш взгляд, мысль В. И. Ленина «но не сразу революция научается защищаться» имеет чрезвычайно важное методологическое значение, требующее от нас умения постоянно учиться защите социалистического Отечества как в мирное время, так и на случай агрессии.

В настоящей статье рассматривается одна из проблем, связанная с подготовкой территориальных органов КГБ к работе в особый период, — определение необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период². Авторы видят свою задачу в выработке единого методологического подхода к решению данной проблемы на основе достижений чекистской науки и практики.

Одна из основных мер территориальных органов КГБ, направленных на эффективное обеспечение государственной без-

опасности СССР в особый период и военное время, — это расширение агентурного аппарата за счет подготовленного в мирное время резерва³. Нормативные акты органов КГБ не устанавливают какую-либо предельную конкретную цифровую величину резерва агентурного аппарата на особый период, а указывают лишь на общие требования, определяющие его количественную и качественную стороны.

Изучение материалов подбора и подготовки резерва агентурного аппарата на особый период показывает, что сложившаяся в настоящее время практика определения его необходимого количества в территориальных органах КГБ весьма разнообразна, применяемые критерии оценок и базисные основы расчетов неоднородны.

Из устных опросов руководящего и оперативного состава ряда органов КГБ видно, что в одних случаях необходимое количество резерва устанавливается эмпирическим путем, в других — по принципу равномерного распределения и расстановки агентурного аппарата по всем звеньям чекистской деятельности, в третьих — из желания иметь максимальное количество агентурного аппарата в особый период.

Однако, как показывает практика ряда передовых оперативных подразделений, эти точки зрения являются неточными. Они базируются на том, что локальная оперативная обстановка мирного времени продолжительное время будет оставаться неизменной, происходящие конкретные изменения на участках чекистской деятельности, связанные с их переводом с мирного положения на военное, не повлияют на оперативную обстановку, а также не будут учтены новые задачи, которые должны решаться в особый период и военное время, характер активизации подрывной деятельности противника и другие факторы, требующие привлечения дополнительных оперативных сил и средств. В силу изложенного предлагаемые основы для определения необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период, по нашему мнению, не могут быть приняты.

Несмотря на существующие в настоящее время различия в оперативной обстановке и специфику условий на конкретных участках чекистской деятельности, методика определения необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период должна быть единой как в центре, так и на местах.

К сожалению, в настоящее время такой выработанной методики еще нет, а практика испытывает в ней острую нужду. В связи с этим авторы на основе анализа передового опыта формирования резерва агентурного аппарата на особый период предпринимают попытку выработать методику определения не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122—123.

² В дальнейшем по тексту — резерв.

³ См.: Приказы КГБ СССР № 00140 от 4 июня 1983 г.; № 00145 от 4 июня 1983 г.

обходимого количества резерва для обеспечения решения контрразведывательных задач, которые стоят перед территориальными органами КГБ в особый период и военное время.

Решая проблему определения необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период, авторы опираются на известное положение чекистской науки о том, что основными факторами, определяющими количественный и качественный состав агентурного аппарата, являются задачи органов КГБ, которые должны решаться на конкретном участке чекистской деятельности, а также сложившаяся на этом участке в каждый конкретный момент оперативная обстановка и перспектива ее развития и изменения⁴.

Кроме изложенного, на наш взгляд, при разработке методики определения необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период следует придерживаться ряда требований, связанных с подготовкой территориальных органов КГБ к деятельности в особый период и военное время.

Во-первых, оперативному составу должен быть разрешен официальный доступ к мобилизационным материалам оперативно обслуживаемых или подлежащих оперативному обслуживанию в особый период участков чекистской деятельности⁵, без которых невозможно реально разработать перечни мероприятий по усилению (организации) агентурно-оперативной работы в особый период⁶.

Во-вторых, перечни мероприятий по усилению (организации) агентурно-оперативной работы на участках чекистской деятельности в особый период должны отражать наиболее полно, конкретно и точно содержание всех контрразведывательных мероприятий и отдельных агентурно-оперативных действий, которые подлежат реализации в особый период. При этом все планируемые мероприятия должны быть объективными и вытекать из текущих планов, оперативной обстановки мирного времени, прогноза ее развития в особый период, задач, которые необходимо будет решать в это время, а также учитывать действительные устремления специальных служб противника, формы и методы его подрывной деятельности в особый период и военное время⁷.

В-третьих, резерв агентурного аппарата для реализации запланированных на особый период мероприятий должен быть

⁴ См.: Основы агентурно-оперативной деятельности органов советской контрразведки. Учебное пособие. М., изд. ВШ КГБ, 1981, ч. I, с. 258, 259; Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. Сборник документов и материалов. М., изд. ВШ КГБ, 1986, вып. 3, с. 98.

⁵ Данное положение должно быть зафиксировано и закреплено определенным нормативным актом в КГБ и народном хозяйстве.

⁶ См.: Приказ КГБ СССР № 00250 от 23 декабря 1982 г.

⁷ См.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе, с. 98.

оптимальным и позволять решать все задачи особого периода в полном объеме. При этом необходимо руководствоваться указанием В. И. Ленина о том, что «побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»⁸. Каким должен быть объем этого резерва — дело конкретных расчетов на каждом участке чекистской деятельности при определенно выбранном варианте.

Таковы, на наш взгляд, основные требования, которые необходимо соблюдать при подготовке органов КГБ к деятельности в особый период и военное время. (Названные требования реально используются на практике.)

Руководствуясь вышеизложенным, авторы считают, что исходными данными для производства расчетов по определению необходимого количества резерва агентурного аппарата являются конкретные мероприятия, содержащиеся в перечнях мероприятий по усилению (организации) агентурно-оперативной работы в особый период.

При разработке методики определения необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период авторы исходят из того, что потребность в нем характеризуется в определенный фиксированный момент числом оперативных мероприятий, которые могут быть реализованы в особый период с помощью имеющегося на связи в мирное время агентурного аппарата (с учетом убытия части действующего агентурного аппарата по мобилизации в Советскую Армию), и числом запланированных на особый период мероприятий, которые не могут быть решены с помощью имеющегося на связи у оперативного работника агентурного аппарата и для решения которых потребуется привлечь дополнительные оперативные средства, резерв которых и необходимо создать в настоящее время.

На наш взгляд, методика определения необходимого количества резерва агентурного аппарата должна отражать три аспекта: общее количество агентурного аппарата, необходимое для реализации в полном объеме мероприятий в особый период; количество имеющегося на связи агентурного аппарата, которое может быть использовано в реализации этих мероприятий; количество агентурного аппарата, которое необходимо подобрать для реализации всех запланированных мероприятий в особый период, то есть резерв.

Логическая взаимосвязь и взаимозависимость этих аспектов выдвигает условия единства и общности принципов и основ производства расчетов по определению их количественной стороны. В силу этого методика должна быть универсальной, общей для всех указанных аспектов. Она нам представляется в следующем виде.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 237.

На первом этапе определяется общее количество агентурного аппарата, которое необходимо для реализации мероприятий особого периода.

На втором этапе определяется количество действующего агентурного аппарата, которое может быть использовано в мероприятиях особого периода. На этом же этапе определяется агентурный аппарат, который остается по брони или подлежит призыву по мобилизации в Советскую Армию.

На третьем этапе определяется собственно недостающее количество агентурного аппарата, необходимое для реализации всех мероприятий особого периода, то есть количество резерва агентурного аппарата на особый период, которое необходимо подобрать оперативному работнику. На наш взгляд, расчеты согласно методике более удобно проводить в форме таблицы.

Таблица 1

Определение резерва агентурного аппарата на особый период

№ п.п.	Перечень мероприятий в особый период	Агентурный аппарат, необходимый в особый период												Примечание
		агенты				резиденты				содержатели я.к.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	Краткое содержание мероприятий	Потребное количество в особый период				Потребное количество в особый период				Потребное количество в особый период				
		Имеется на связи (псевдоним и номер л.д.)				Имеется на связи (псевдоним и номер л.д.)				Имеется на связи (псевдоним и номер л.д.)				
		Убывает по мобилизации				Убывает по мобилизации				Убывает по мобилизации				
		Необходимый резерв				Необходимый резерв				Необходимый резерв				
		Потребное количество в особый период				Потребное количество в особый период				Потребное количество в особый период				
		Имеется на связи (псевдоним и номер л.д.)				Имеется на связи (псевдоним и номер л.д.)				Имеется на связи (псевдоним и номер л.д.)				
		Убывает по мобилизации				Убывает по мобилизации				Убывает по мобилизации				
		Необходимый резерв				Необходимый резерв				Необходимый резерв				

Рассмотрим порядок пользования таблицей.

В графе 1 в числителе проставляется порядковый номер, в знаменателе — номер позиции перечня мероприятий на особый период.

В графе 2 в порядке логической последовательности следует

отразить краткое содержание мероприятия, которое подлежит реализации в особый период. Напротив каждого мероприятия в соответствующих графах следует отразить данные:

об общем количестве агентурного аппарата в особый период для реализации запланированных мероприятий (графы 3, 7 и 11);

о категориях агентурного аппарата, которые имеются на связи у оперативного работника в настоящее время и могут быть использованы в реализации мероприятий в особый период (графы 4, 8 и 12). В этих же графах необходимо отразить псевдоним и номер личного дела имеющих на связи агентов, резидентов и содержателей явочных квартир;

об агентурном аппарате, убывающем по мобилизации в Советскую Армию (графы 5, 9 и 13). Для территориальных органов КГБ важное значение имеет вопрос, подлежит действующий агентурный аппарат призыву по мобилизации или нет. Поэтому, на наш взгляд, в указанных графах должна быть отражена информация не только об агентурном аппарате, убывающем по мобилизации, но и о причинах, по которым оставшийся агентурный аппарат не подлежит мобилизации (невоенно-обязанный, по состоянию здоровья, забронирован за народным хозяйством и др.). Эта информация может быть использована для контроля за тем, по какой причине действующий агентурный аппарат не подлежит призыву по мобилизации, и для внесения коррективов при определении необходимого количества резерва агентурного аппарата на особый период;

о необходимом количестве резерва агентурного аппарата на особый период (графы 6, 10 и 14). При заполнении указанных граф обязательно необходимо иметь в виду, какими конкретными личными качествами и контрразведывательными возможностями должны располагать кандидаты, подбираемые в резерв агентурного аппарата на особый период.

После заполнения таблицы суммируют все данные соответствующих параметров в каждой графе по вертикали.

В результате такого суммирования получают итоговые данные:

о потребном количестве агентурного аппарата, необходимого для выполнения и реализации запланированных на особый период мероприятий по усилению (организации) агентурно-оперативной работы на участке чекистской деятельности при конкретно выбранном варианте решения (графы 3, 7 и 11);

об агентурном аппарате, который имеется на связи у оперативного работника в мирное время и может быть использован в планируемых на особый период мероприятиях (графы 4, 8 и 12);

об агентурном аппарате, подлежащем призыву по мобилизации, или причинах, по которым имеющиеся на связи агенты,

резиденты и держатели явочных квартир мобилизации не подлежат (графы 5, 9 и 13);

об агентах, резидентах и держателях явочных квартир, которых в настоящее время нет на связи у оперативного работника, но которые будут необходимы ему для реализации запланированных на особый период мероприятий (графы 6, 10 и 14).

После установления количества агентурного аппарата, которое имеется на связи у оперативного работника и может быть использовано в реализации мероприятий особого периода, определяется количество резерва, которое необходимо будет подобрать на данный момент с учетом потребности на особый период.

Полученные таким образом конечные результаты необходимого количества резерва агентурного аппарата являются достаточными для реализации мероприятий, которые запланированы в перечне мероприятий по усилению (организации) агентурно-оперативной работы на участке чекистской деятельности в особый период.

Например, в перечне мероприятий по усилению агентурно-оперативной работы на участке чекистской деятельности оперативный работник считает необходимым в числе других мероприятий усилить противодиверсионную защиту на участке чекистской деятельности (позиция плана мероприятий № 4).

С этой целью оперативный работник предусматривает:

укрепить агентурный аппарат в цехе № 2. В настоящее время противодиверсионная защита в цехе осуществляется силами трех агентов: «Рогов» — подлежит призыву по мобилизации; «Светлана» — невоеннообязанная; «Грот» — военнообязанный, забронирован за народным хозяйством;

создать агентурный аппарат в цехах № 4 и № 7, которые в настоящее время выпускают продукцию широкого потребления, а в особый период перейдут на выпуск оборонной продукции. Агентурных позиций в указанных цехах нет.

В перечне оперативный работник намеревается осуществить мероприятия по обеспечению безопасности рабочих и служащих, а также членов их семей в местах рассредоточения, отдыха и эвакуации (позиция перечня мероприятий № 9). Администрацией предусматривается в случае объявления воздушной тревоги работающую смену рассредоточить в трех убежищах, находящихся на территории объекта. Место рассредоточения неработающей смены и эвакуации членов семей рабочих и служащих — в населенных пунктах Терехово и Ивановка. Находящийся на связи у оперативного работника агент «Шуров» является членом эвакуационной комиссии, мобилизации не подлежит по состоянию здоровья.

Рассмотрим методику применения унифицированной таблицы на основе изложенного примера.

Определение резерва агентурного аппарата на особый период

№ п.п.	Перечень мероприятий в особый период	Агентурный аппарат, необходимый в особый период			
		агенты			
		потребное количество	имеется на связи	убывает по мобилизации	необходимый резерв
1	2	3	4	5	6
1/4	Усиление противодиверсионной защиты цеха № 2	5	«Рогов», л. д. № — «Светлана», л. д. № — «Грот», л. д. № —	Убывает Невоеннообязанная Бронь № —	3
	Взятие под агентурное наблюдение:				
	цех № 4	2			2
	цех № 7	3			3
2/9	Обеспечение безопасности рабочих, служащих и членов их семей в местах рассредоточения, отдыха и эвакуации:				
	убежище № 1	3			3
	убежище № 2	2			2
	убежище № 3	2			2
	поселок Терехово	4	«Шуров», л. д. № —	Нет, по состоянию здоровья	3
	поселок Ивановка	3			3
	Итого	24	4	1	21

В приведенной таблице необходимое количество резерва агентурного аппарата (в данном случае агентов) может быть определено следующим образом. Потребное количество агентов на особый период составляет 24 агента. На связи у оперативного работника в настоящее время имеется 4 агента, один из которых подлежит призыву по мобилизации, то есть $4 - 1 = 3$. Разность между потребным количеством агентов в особый период и количеством действующего агентурного аппарата, которое

может быть использовано в особый период, и составляет иско-
мое необходимое количество резерва агентов на особый период.
В нашем примере количество резерва, которое должен будет
подобрать оперативный работник, составляет $24 - 3 = 21$ кан-
дидат.

Аналогичным образом определяется необходимое количество
резидентов и содержателей явочных квартир на особый период
и резерв.

Преимущество излагаемого метода заключается в том, что
он позволяет оперативным работникам однообразно вести рас-
чет и достаточно точно определить:

количество агентурного аппарата, которое необходимо иметь
оперативному работнику, чтобы реально были реализованы за-
планированные на особый период мероприятия;

количество действующего агентурного аппарата, которое
может быть использовано и в особый период;

количество резерва агентурного аппарата на особый период;
правильно ли спланирована и организована работа по при-
обретению резерва агентурного аппарата на особый период;

возможность использования подобранного резерва агентур-
ного аппарата в решении задач мирного времени в масштабе
подразделения, органа и др.

По нашему мнению, предлагаемая методика создает реаль-
ные условия для успешной реализации перечня мероприятий
по усилению (организации) агентурно-оперативной работы на
участке чекистской деятельности оперативного работника в осо-
бый период.

На наш взгляд, следует подчеркнуть, что чем выше уровень
подготовки оперативного работника к защите социалистического
Отечества в особый период и военное время, более полно и объ-
ективно определены элементы состояния и развития оперативной
обстановки, задачи, которые должны решаться в особый период
и военное время, чем конкретнее и точнее проведено прогнози-
рование оперативной обстановки на особый период, а также
планирование мероприятий по усилению (организации) агентур-
но-оперативной работы на участке чекистской деятельности, тем
больше эффективность расчетов, связанных с определением по-
требного количества агентурного аппарата и резерва на особый
период.

На наш взгляд, следует также подчеркнуть, что потребность
в определенном количестве резерва агентурного аппарата на
особый период может быть разной.

Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, оперативная
обстановка может вызвать изменение в количестве и качестве
запланированных на особый период мероприятий. Во-вторых,
у подобранных в резерв кандидатов могут быть ограничены или
вовсе утеряны контрразведывательные возможности в связи с
изменениями в положении и др. Изложенное требует постоян-

ной корректировки количества и качества резерва. Необходимо
будет исключать таких кандидатов из резерва и подбирать но-
вых, которые по своим личным, деловым качествам и контрраз-
ведывательным возможностям могли бы выполнить задачи,
возложенные на органы КГБ в особый период.

В настоящее время разработка теории формирования аген-
турного аппарата для решения задач особого периода и военно-
го времени имеет исключительно важное значение. И эта теория
должна опираться как на опыт подготовки агентурного аппара-
та и резерва накануне Великой Отечественной войны, так и на
современную практику оперативных подразделений территори-
альных органов государственной безопасности.

*Рекомендована спецкафедрой «М»
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор доктор военных наук, профессор
полковник А. И. Цветков*

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И ПСИХОЛОГИИ В КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кандидат юридических наук, доцент
полковник И. И. Артамонов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА: СИСТЕМА ПОНЯТИЙ¹

Творческая дискуссия, начатая профессорами З. И. Кирсановым и В. С. Митричевым, о путях совершенствования учебного процесса в целях углубленного изучения слушателями и практическими работниками вопросов использования современных криминалистических методов и средств² является своевременной и весьма актуальной. Необходимость этой дискуссии продиктована самой жизнью, она прямо вытекает из директивных указаний КГБ СССР.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 марта 1987 г. «О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, улучшении качества подготовки специалистов» поставлена задача существенно поднять теоретический уровень и актуальность выполняемых в вузах научно-исследовательских работ, расширить их масштабы, предусмотреть опережающее развитие фундаментальных исследований³.

Решение Коллегии КГБ СССР от 25 марта 1987 г. потребовало от чекистов неукоснительного исполнения указаний партии, требований советских законов, нормативных актов по надлежащему обеспечению безопасности Советского государства и общества, вскрытию и решительному пресечению враждебных происков, направленных против нашей страны. Перед руководящим и оперативным составом поставлена задача овладевать более совершенными методами работы, учиться действовать политически и профессионально грамотно в условиях расширения демократии и гласности.

¹ Статья публикуется в порядке дискуссии.

² См.: Труды Высшей школы КГБ, 1986, № 37—38.

³ См.: Правда, 1987, 27 марта.

Для решения такой задачи, естественно, потребуется активная разработка новых научных проблем и совершенствование криминалистического обеспечения оперативных и следственных подразделений эффективными рекомендациями. Одной из таких актуальных проблем является проблема криминалистической (следственной) тактики.

Отражая поэтапный процесс развития любой отрасли научного знания, криминалистическая тактика в нашей стране начала активно разрабатываться с середины 30-х гг., когда был накоплен достаточно большой эмпирический материал, необходимый для теоретических обобщений. Основоположителем учения о криминалистической тактике в нашей стране по праву можно назвать И. Н. Якимов. Именно ему принадлежат первые работы по тактике борьбы с преступностью⁴.

В 1955 г. во ВНИИК Прокуратуры СССР была проведена дискуссия по проблемам криминалистической тактики на основе докладов А. И. Винберга и А. Н. Васильева⁵.

В последующий период вопросам криминалистической тактики много внимания уделяли и другие советские ученые-криминалисты (Б. М. Шавер, С. П. Митричев, Р. С. Белкин, Л. К. Карнеева, И. М. Лузгин, Г. Г. Зуйков, А. Р. Ратинов, В. Я. Колдин, А. В. Дулов, Н. И. Порубов, О. Я. Баев, А. Н. Сыров, Н. А. Селиванов, И. Ф. Пантелеев, А. М. Ларин, В. А. Бабич и другие).

Значительный вклад в разработку тактики борьбы с государственными преступлениями внесли ученые-криминалисты органов КГБ М. Г. Майоров, В. И. Акимов, В. А. Тихонов, В. А. Кухарев, Ю. М. Михайлов, М. И. Якунин и другие.

В развитии понятия «криминалистическая тактика» можно выделить три основных направления. Первое направление четко обозначил И. Н. Якимов. На заре становления советской криминалистики он писал: «Под уголовной тактикой понимается система целесообразных способов преследования преступника для его задержания и обезвреживания. Она исследует различные средства, пригодные для этой цели, и в зависимости от их свойств дает указания к их употреблению в различных случаях борьбы с преступником»⁶. Это была концепция криминалистической тактики именно как средства *борьбы с преступником*.

Представители второго направления делают акцент в тактике преимущественно на разработку *приемов*: правильного применения процессуальных норм (М. С. Строгович), производства следствия по уголовным делам (Л. Н. Гусев); обеспечения за-

⁴ См.: Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924; Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929; Следственный осмотр. М., 1946.

⁵ См.: Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 7. М., 1956.

⁶ Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924, с. 117.

конного и наиболее эффективного проведения отдельных следственных действий (С. А. Голунский, Г. М. Миньковский); эффективного применения научно-технических средств (А. Н. Васильев); планомерного расследования (С. П. Митричев); предотвращения и раскрытия совершенных преступлений (М. Г. Майоров, А. П. Сыров); наиболее эффективного решения задач расследования (В. А. Кухарев).

Третьим направлением криминалистической тактики было исследование таких общих вопросов, как *следственная версия, планирование расследования и организация работы следователя* (Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. М. Лузгин, М. Г. Майоров, М. И. Якунин и другие).

Наряду с этим отдельные авторы относят к предмету следственной тактики «тактику предъявления обвинения», «тактику окончания следствия» и даже «тактику составления обвинительного заключения»⁷.

В одном из последних учебных пособий по следственной тактике для студентов ВЮЗИ⁸ подробно излагаются способы фиксации результатов осмотра места происшествия, обыска, предъявления для опознания (главы II, IV, VI). В раздел тактики попали такие категории, как «роль экспертизы в раскрытии и предупреждении преступлений», «заключение эксперта» (глава VII).

Несколько своеобразно понимают тактику авторы нового чекистского учебника по криминалистике⁹.

В тактику следственного осмотра, например, входят его сущность, виды и задачи, правила обращения с предметами (§ 1 главы VI); к тактическим приемам следственного эксперимента по установлению возможности слышать отнесено соблюдение таких условий, как физические параметры воспринимаемого звука, посторонние шумы, удаленность объекта восприятия от источника звука, наличие физических преград между субъектом восприятия и источником звука, состояние субъекта восприятия (§ 3 главы XII). К тактике экспертизы отнесены ее сущность и задачи, определение ее вида, обеспечение условий для нормальной работы эксперта, анализ и оценка результатов экспертного исследования (глава XIV). И применительно к каждому следственному действию излагаются способы и средства фиксации его хода и результатов.

Таким образом, в существующем сегодня виде криминалистическая тактика при значительных достижениях в разработке ее основ явно отклонилась в сторону от первоначального значения, предложенного И. Н. Якимовым. Теперь в ее понятие

⁷ См.: Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, с. 78.

⁸ См.: Следственная тактика. Учебное пособие. М., изд. ВЮЗИ, 1982.

⁹ См.: Криминалистика. Учебник. Раздел II. Криминалистическая тактика. М., изд. ВШ КГБ, 1985.

необоснованно вошли положения уголовного процесса (сущность, виды, задачи, правила производства следственных действий и способы фиксации их результатов, предъявление обвинения, назначение экспертизы, установление предмета доказывания и т. п.), методики расследования преступлений (выдвижение версий, определение направления и объема расследования, его планирование и т. д.), а также криминалистической техники (технические средства и приемы обнаружения и фиксации доказательств, правила обращения с предметами и следами, фотографирование, составление планов и схем и т. п.).

При этом нельзя не заметить, что многие авторы в своих определениях понятия криминалистической (следственной) тактики не выделили необходимые в таких случаях ее *специфические признаки, существенные свойства*.

Едва ли можно оспорить тезис о том, что ни общность тактического приема по отношению к любому уголовному делу, ни отнесение к тактике всех приемов познавательной деятельности следователя, ни сам «прием», «метод», «научная рекомендация», ни законность, эффективность, планомерность, активность, целесообразность, научность и иные категории не образуют этих существенных свойств данного понятия¹⁰ и не позволяют дифференцировать следственную тактику, криминалистическую технику и методику расследования преступлений. Эти категории могут быть в равной степени применены и к технике, и к методике, то есть к любому разделу криминалистики.

А определение следственной тактики как системы научно разработанных общих положений и основанных на них тактических приемов (рекомендаций) по обеспечению планомерного и целенаправленного расследования¹¹ вообще содержит, с точки зрения логики, порочный круг, коль скоро для выяснения понятий «тактический прием», «тактическая рекомендация» нужно вначале определить само понятие «тактика». Все это и порождает известный субъективизм при определении содержания данного понятия и его объема.

Чтобы добраться до существа проблемы криминалистической тактики, необходимо сначала решить такие до настоящего времени не решенные коренные, методологические вопросы, как: почему, собственно, этот раздел науки называется криминалистической (или следственной) тактикой; правомерно ли вообще говорить о тактике применительно к деятельности по расследованию преступлений; какова природа криминалистической

¹⁰ Понятие — форма мышления, отражающая существенные свойства связи и отношения (см.: Советский энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1979, с. 1051).

¹¹ См., например: Криминалистика. Под ред. С. П. Митричева, Н. А. Селиванова, М. П. Шаламова. М., 1973, с. 8; Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980, с. 61—62.

тактики и что тактического (в строгом смысле этого слова) в понятии «следствие».

В криминалистической литературе мы не находим глубокого освещения этих вопросов. Поэтому данная проблема и приобретает особую актуальность, представляет известный теоретический интерес и имеет немалое практическое значение.

Еще В. И. Ленин отмечал, что «отсутствие... ясного термина способно лишь посеять колебания, нерешительность, путаницу»¹². Эти ленинские слова в полной мере применимы к той области деятельности в борьбе с преступностью, которую в существующих понятиях именуют криминалистической (следственной) тактикой.

Необходимость повышения научного уровня оперативной работы и предварительного следствия предполагает комплексное, фундаментальное исследование теоретических и практических аспектов этой проблемы, в первую очередь касающихся природы и сущности криминалистической тактики, ее принципов и роли в раскрытии государственных преступлений.

Криминалистика возникла как ответ науки на запросы оперативно-розыскной и следственной практики, нуждающейся в эффективных научных методах, приемах и средствах борьбы с преступностью. Но случилось так, что криминалисты, разрабатывая приемы криминалистической тактики¹³, названным выше аспектам уделили, как мы увидим далее, недостаточное внимание.

Изучение материалов научных конференций по основам следственной тактики, учебников криминалистики, многочисленных научных статей, монографий и диссертаций показывает, что отсутствие фундаментальных разработок в области самой *природы криминалистической тактики* нередко приводило ученых-криминалистов к субъективным и противоречивым толкованиям этого понятия и его содержания.

Решение этой важной и сложной проблемы следует начинать, на наш взгляд, с выяснения сущности понятия «тактика» (от греческого *taktika* — искусство построения войска). Согласно Большой советской энциклопедии и Толковому словарю военных терминов тактика военная — это составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя¹⁴. Аналогичным образом определяет тактику и Словарь русского языка. Повторяя приведенную уже дефиницию, этот словарь определяет тактику еще и как совокупность приемов и способов ведения общественной и политической борьбы; образ действия, линию поведения кого-либо¹⁵.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 142.

¹³ Здесь и далее имеется в виду и следственная тактика.

¹⁴ См.: БСЭ, 1976; Толковый словарь военных терминов. М., Воениздат, 1966.

¹⁵ См.: Словарь русского языка. Т. IV. М., 1961.

В целях уяснения всей глубины исследуемого понятия и вскрытия природы тактики автор считает необходимым обратиться к марксистско-ленинскому учению и уяснить, какой смысл вкладывал в содержание этого понятия В. И. Ленин.

Анализ ленинского теоретического наследия дает основание прийти к выводу, что В. И. Ленин употреблял понятие тактики в применении к классовой борьбе пролетариата, руководимого партией коммунистов. В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин писал: «Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности»¹⁶.

Рассматривая вопросы тактики, В. И. Ленин особое внимание обращал на то, какие силы и средства следует применять в борьбе, как их применять, каким образом действовать, какие факторы при этом учитывать и с какими обстоятельствами соотнобразовывать свои действия.

Ключ к пониманию сути тактики содержится в указании В. И. Ленина о том, что «марксистская тактика состоит в соединении *различных* приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут к все более глубокому и решительному конфликту»¹⁷.

Таким образом, В. И. Ленин применял понятия «тактика», «тактический» лишь в связи с борьбой, в целях достижения победы в условиях конфликта. Ни в каком другом значении В. И. Ленин этот термин не применял.

Тактика поэтому представляет собой научно обоснованный и целесообразный выбор форм поведения, способов действий и их последовательности, обеспечивающих выполнение определенной программы в борьбе за достижение поставленной цели при наличии у противника альтернативы в использовании своих сил, средств и способов достижения задуманного результата.

Стало быть, сфера применения термина «тактика» ограничивается такими видами деятельности, в которых проявляются элементы, характеризующие отношения соревнования, соперничества, борьбы как специфической формы определенного взаимоотношения между людьми. По справедливому мнению С. А. Голунского, этот термин применяется в военном деле, в классовой борьбе и спорте, то есть в тех случаях, когда имеет место борьба между людьми¹⁸.

С полным правом и вне всяких сомнений сюда же можно отнести и контрразведывательную деятельность. Как справедливо отмечает В. И. Карпов, сама тактика контрразведывательной

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 9.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 57.

¹⁸ См.: Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 7. М., 1956, с. 162.

деятельности, «ее специфические признаки начинают проявляться там и только там, где есть противоборство сторон, где есть элементы борьбы». И задача тактических приемов, применяемых оперативным работником, как раз состоит в том, чтобы обеспечить исход борьбы в нашу пользу, раскрыть планы и намерения противника¹⁹.

В итоге можно отметить, что тактика как процесс предполагает:

конфликтные отношения сторон (разной степени остроты);
целенаправленное поведение социально противодействующих сторон (субъектов деятельности);

наличие альтернативы в выборе сил и средств воздействия;
гибкость воздействия, распределение инициативы сторон (наступление, отступление, компромиссы);

соединение различных приемов борьбы и умелое варьирование ими (выбор последовательности действий и момента перехода от одного действия к другому).

Тактика охватывает многообразный круг вопросов: о формах борьбы, их сочетании, о компромиссах и соглашениях, об использовании противоречий и трений в стане противника и другие.

Изложенные соображения позволяют нам сделать вывод, что везде тактика выступает как специфическое умение или как способность вести борьбу на основе понимания реальной обстановки, учета действий и возможностей противника (соперника, противодействующей стороны), его индивидуальных особенностей, а также своего потенциала. Тактика — это борьба умов, воли и эмоций. В тактической интеллектуальной борьбе человек раскрывает свои качества, способности и умение преодолевать волю противодействующей стороны. Задача первостепенной важности заключается сегодня в том, чтобы признать или отвергнуть этот методологический подход к криминалистической тактике, а потом уже разрабатывать отдельные рекомендации, правила, приемы и т. п.

«Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы», — отмечал В. И. Ленин²⁰.

О роли такого рода общих вопросов справедливо говорил К. Д. Ушинский: «Главное дело вовсе не в изучении правил, а в изучении тех научных основ, из которых эти правила вытекают»²¹. «Знание некоторых принципов, — как метко заметил фи-

¹⁹ См.: Карпов В. И. Контрразведывательные мероприятия как форма тактических действий советской контрразведки. — Труды Высшей школы КГБ, 1980, № 21, с. 198.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

²¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. М. — Л., 1950, т. 8, с. 57.

лософ-материалист Гельвеций, — легко возмещает незнание некоторых фактов»²².

Дело в том, что любое понятие представляет собой отражение определенных объектов познания. Содержание понятия — это отображенная в сознании человека совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которых являются их отличительные существенные свойства, признаки и отношения²³.

И при анализе точек зрения ученых на понятие криминалистической тактики, то есть при решении первой познавательной задачи формирования понятия, необходимо, естественно, прежде всего определить источник этого понятия, то есть те объекты, которые отразились в нем.

В качестве такового, на наш взгляд, выступает определенная сторона практической деятельности как формы отношения к окружающему миру, включающей в себя субъект деятельности, ее цель, объект, на который направлена активность субъекта, средства, условия, в которых протекает деятельность, сам механизм деятельности и ее результат.

Криминалистическая тактика представляет собой определенную сторону этой деятельности, связанной с раскрытием преступлений и осуществляемой следователем или оперработником²⁴. Эта позиция в полной мере соответствует положениям марксистско-ленинской философии, которая рассматривает понятие всегда как отражение объективной реальности. И классики марксизма-ленинизма подчеркивали необходимость выделения в определении понятия специфических признаков отражаемого объекта.

Поэтому и понятие криминалистической тактики должно представлять собой отражение определенных объектов практической деятельности по борьбе с преступностью. Это — максимально широкий объем данного понятия, подлежащий делению, классификации. В основе любой классификации лежит логическая операция деления объема понятия. При этом в качестве объема понятия, подлежащего делению, следует выделить деятельность следователя, осуществляющего расследование.

Согласно марксистско-ленинской философии в зависимости от характера закономерностей, по которым протекает деятельность, в том числе деятельность субъекта расследования, она может быть расчленена на три класса, а именно подчиняющаяся: закономерностям природы; закономерностям общественного

²² Гельвеций К. Об уме. М., 1938, с. 147.

²³ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 557.

²⁴ В дальнейшем, говоря о следователе, мы будем иметь в виду и оперативного работника, производящего дознание или оказывающего помощь следователю по конкретному уголовному делу.

развития (социальная деятельность) и закономерностям мышления.

Как мы уже выяснили, тактика строится на основе закономерностей именно социальной деятельности, представляя собой один из ее видов.

Из данного вида деятельности нас в конкретном случае должна интересовать та ее часть, в процессе которойследователь вступает во взаимоотношения с другими людьми для достижения цели — установления истины по делу. Больше того, и этот вид деятельности должен быть расчленен на два подвида (класса) в зависимости от характера взаимодействия целей: совпадают они или различаются.

Мы полагаем, что криминалистическая тактика по указанным выше соображениям образует такой класс взаимоотношений следователя и других участников процесса (подозреваемого, обыскиваемого, допрашиваемого), в которых их цели не совпадают, являются противоположными, взаимоисключающими (например, цель следователя — установить истину по делу, собрав необходимые доказательства, а цель обыскиваемого — утаить эти доказательства и воспрепятствовать установлению истины).

Едва ли можно отрицать тот факт, что в процессе расследования преступлений сталкиваются люди, отстаивающие различные интересы. Субъект познания в своей деятельности встречается неизбежно с противодействием лиц, заинтересованных в ее результатах, в благополучном для них исходе дела. И это их противодействие возникает как преграда, препятствие на пути следователя к установлению истины.

На случай возможного ареста, обысков и допросов лица, замышляющие преступление, нередко тщательно готовятся, чтобы оказать противодействие следователю. Они знают, какие обстоятельства необходимо скрыть, и заранее отрабатывают возможную линию поведения на следствии. Как показывает следственная практика, представление следователя об этих обстоятельствах бывает обычно неполным. Двигаясь по следам в целях раскрытия преступления и познания его сущности, он как бы отстает от событий, от действий преступника. Поэтому преступник, имея выигрыш во времени, вынуждает следователя действовать в максимально затрудненной обстановке.

В этом процессе мы всякий раз можем выделить две соперничающие стороны. Одна из них стремится тайно совершить общественно опасное деяние и скрыться незамеченной; другая стремится раскрыть это преступление, найти виновного и изобличить его, установить истину. Своим поведением лицо, совершающее преступление, создает обстановку коллизии с законом, а деятельность представителей власти направлена на то, чтобы воспрепятствовать этому. Нетрудно заметить, что обе эти стороны стремятся к взаимоисключающим целям, при планировании

своих действий учитывают возможные действия противной стороны и взаимозатрудняют друг другу решение задачи, создавая трудности и помехи, чтобы обеспечить себе выигрыш. Именно такая противоречивая основа отношений между следователем и обвиняемым (подозреваемым), обыскиваемым, заинтересованным в деле потерпевшим или лжесвидетелем придает расследованию большинства уголовных дел характер борьбы, своеобразного поединка²⁵. И такую специфическую обстановку можно с полным правом назвать конфликтной ситуацией.

Конфликт означает столкновение противоположных сторон, мнений, сил, интересов, взглядов; серьезное разногласие, острый спор; предельный случай обострения противоречий.

Конфликт есть форма развертывания диалектического противоречия. Как отмечал В. И. Ленин, «жизнь идет вперед противоречиями»²⁶.

«Когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга, мы сразу наталкиваемся на противоречия», — писал Ф. Энгельс²⁷.

Конфликтные ситуации, закономерно складывающиеся и в процессе раскрытия преступлений, следует рассматривать также как одно из проявлений социального противоречия. Применяемые следователем тактические приемы (наиболее рациональный способ действия или наиболее целесообразная в конкретных условиях конфликта линия поведения) призваны преодолеть ухищрения подозреваемого, обвиняемого или другого заинтересованного лица, разоблачить его попытки ввести следствие в заблуждение на пути поиска истины. Понятие тактики увязывается с применением гибких, подвижных процессов. Выбор и использование тактических приемов всегда связаны с необходимостью учитывать обстановку и особенности быстро меняющейся следственной ситуации.

Тактика — это управление линией поведения, направленной на эффективное преодоление противодействия заинтересованных лиц, это временное отношение социально соприкасающихся сторон в условиях конфликта²⁸.

²⁵ По данным В. П. Лаврова, по 38% уголовных дел 90,7% осужденных оказывали противодействие расследованию (см.: Лавров В. П. Некоторые аспекты изучения способов сокрытия преступлений. — В кн.: Способы сокрытия следов преступлений и криминалистические методы их установления. М., 1984, с. 34—42).

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 219.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 123.

²⁸ Временное потому, что направлено на решение конкретных задач в реально сложившейся ситуации. Социальный характер оно носит потому, что следователь и оперативный работник — это представители власти, уполномоченные государственным органом как социальной системой вести борьбу с преступностью, и они «связаны» этой ролью.

Источником конфликтов в процессе расследования иногда оказывается неправильное понимание отдельными лицами общественных или личных интересов, неверная оценка фактических обстоятельств дела. Поэтому основной путь разрешения конфликтной ситуации состоит в осознании этих ошибок, что приводит к замене цели и устраняет соперничество.

Вместе с тем, когда мы говорим о противодействии обвиняемых (подозреваемых), то имеем в виду главным образом начальный, самый трудный этап расследования, признавая, что в ходе дальнейшего следствия может иметь место (и в большинстве случаев имеет) частичное совпадение интересов и целей следователя и обвиняемого. Это происходит в силу того, что обвиняемый на базе установившегося контакта со следователем (который умело использует положительные свойства личности обвиняемого) начинает сознавать свою вину, раскаивается в совершенном преступлении и видит, что его интересы охраняются нормами советского закона, предусматривающего, например, смягчающие вину обстоятельства, и т. п.

«Подлинное мастерство следователя,— отмечал А. Р. Ратинов,— проявляется именно тогда, когда, имея сумму фактов, позволяющих преступнику продолжать сопротивление, он, тактически правильно используя их, приводит подследственного к убеждению в бесполезности противодействия»²⁹.

Если же цель следователя определена верно, но бесконфликтный путь к ее достижению оказывается невозможным (отдельные участники процесса не желают принять эту цель), остается другой путь — выиграть эту борьбу (соперничество, соревнование) вопреки желанию заинтересованных лиц. В подобных условиях тактика следователя предполагает недопущение со стороны заинтересованных лиц попыток нарушать (разрушать) свою организацию деятельности по установлению истины.

В этом, например, состоит одна из задач ареста подозреваемого (обвиняемого) — не дать ему возможности скрыться и не допустить действий, препятствующих следствию (нападение на членов оперативной группы, самоубийство, уничтожение улик, сговор, создание алиби, попытки направить следствие по ложному пути и т. п.). При этом необходимо учитывать их интеллектуальные и волевые качества. Научные основы оптимальной организации расследования в таких условиях нужно искать, на наш взгляд, в творческом использовании специальных методов, разрабатываемых наряду с криминалистикой другими науками применительно к тактике ведения борьбы.

В современных условиях необходимо не только знать методы и приемы борьбы с преступностью, но и владеть искусством этой борьбы, чтобы на основе знания теории борьбы уметь про-

²⁹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователя. М., 1967, с. 166.

тивопоставить лицам, замысливающим и совершающим государственные преступления, такие тактические решения, которые обеспечивали бы превосходство следователя над ними при любых ухищрениях с их стороны.

Решение этой задачи возможно только на основе глубокого понимания природы и существа криминалистической тактики, вытекающих из марксистско-ленинского учения о стратегии и тактике политической борьбы, неуклонного учета современных требований, предъявляемых к следственной деятельности, а также овладения общей методикой выработки тактических решений.

При этом важно учитывать, что политическая стратегия и тактика ленинизма явились основой для развития не только советской военной стратегии и тактики, но и тактики борьбы органов КГБ с подрывной деятельностью противника и с особо опасными государственными преступлениями как проявлением этой деятельности.

Имея специальные цели и задачи, следственная деятельность в органах госбезопасности, специфическая по своему содержанию, должна тем не менее базироваться на общих положениях ленинской теории искусства политической борьбы, но в то же время иметь различия в способах и приемах, применяемых следователем в целях установления истины по делу.

Характерные черты криминалистической тактики вытекают именно из особенностей следственной деятельности. Криминалистическая тактика имеет место при наличии сопротивления со стороны лиц, стремящихся разрушить замыслы следователя и препятствующих ему в установлении истины по делу. Для этого следователь так организует свои действия, чтобы обеспечить упреждение достижения преступником намеченных целей.

Значительную помощь в этом плане могут оказать также достижения таких отраслей знания, как логика, теория информации, теория управления, теория игр, праксеология, судебная психология и другие.

Поэтому отправным моментом при конструировании понятия криминалистической тактики должен служить принцип активного использования марксистско-ленинского наследия, современных научных достижений самой криминалистики и других отраслей знаний, целесообразность приспособления которых для нужд раскрытия преступлений диктуется интересами установления истины.

В последние годы вышел в свет ряд работ по криминалистике, в которых авторы в основном разделяют изложенную нами позицию (впервые она была опубликована в 1968 г.³⁰) или

³⁰ Точка зрения автора на тактические устремления противника, организацию расследования и сущность криминалистической тактики как на искусство преодоления противодействия лиц, препятствующих установлению истины, изложена в ряде работ (см., например: Расследование антисоветской

придерживаются аналогичных взглядов, справедливо признавая возможность конфликтного взаимодействия участников процесса, и обращают внимание на необходимость в отдельных случаях преодолевать противодействие лиц, заинтересованных в исходе дела, и вырабатывать соответствующую линию поведения следователя (Р. С. Белкин, В. А. Бабич, В. С. Кузьмичев и другие)³¹.

Криминалистами социалистических стран активно разрабатывается даже праксеологическая концепция криминалистической тактики, характерной особенностью которой является создание особой теории поведения лиц в ситуации «негативной кооперации»³².

Отстаиваемая нами точка зрения нашла отклик и в специальной криминалистической литературе. Так, В. А. Кухарев отмечает: «Разрабатываемые криминалистической тактикой приемы организации расследования и осуществления отдельных следственных действий направлены *в первую очередь* (выделено нами.— И. А.) на преодоление противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в успешном исходе расследуемого дела (задерживаемых, арестованных, обыскиваемых, допрашиваемых и др.)». Однако вслед за этим он говорит, что «приемы криминалистической тактики применяются и в тех случаях, когда нет необходимости преодолевать противодействие лиц, не заинтересованных в установлении истины по делу»³³.

Думается, что первая посылка В. А. Кухарева точнее выражает истинную природу криминалистической тактики. Но случилось так, что эта позиция не нашла дальнейшего развития в учебнике, в котором скорее по традиции, чем по целесообраз-

ности участников неговистских организаций. Автореф. канд. дис. М., изд. ВШ КГБ, 1968; Психологический анализ возможностей теории игр в следственной тактике.—В сб.: Вопросы судебной психологии. Минск, 1972; О природе следственной (криминалистической) тактики.—В сб.: Материалы Всесоюзной научной конференции. Алма-Ата, 1974; Особенности расследования диверсии в военное время. Типовая лекция. Спецфонд ВШ КГБ, 1986).

³¹ См.: Криминалистика. Часть III, т. II. М., 1980, с. 5; Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М., 1987, с. 185; Бабич В. А. Проблемы этической допустимости тактических средств при расследовании преступлений. Автореф. канд. дис. Минск, 1980, с. 13; Кузьмичев В. С. Научные основы и практика реализации принципа внезапности в следственной деятельности. Автореф. канд. дис. Киев, 1986. (Он, в частности, пишет, что тактика следственной деятельности характеризуется особенностями осуществления следственных действий «в сложных неблагоприятных ситуациях, когда заинтересованные лица препятствуют процессу расследования. При подобных обстоятельствах тактика является средством преодоления противодействия, поскольку без активных действий и обеспечивающих их наступательность тактических приемов реализация задач расследования практически невозможна».)

³² См.: Криминалистика социалистических стран. М., Юридическая литература, 1986, с. 24.

³³ Криминалистика. Учебник. Раздел II. Криминалистическая тактика. М., изд. ВШ КГБ, 1985.

ности, излагается материал по ранее сложившейся схеме, на что мы уже обращали внимание.

Для доказательства данного положения достаточно обратиться к предыдущему учебнику по криминалистической тактике. Там криминалистическая тактика определяется как система «научно обоснованных и проверенных практикой рациональных приемов (методов), обеспечивающих в рамках уголовно-процессуального закона наибольшую эффективность расследования, раскрытия и предупреждения преступлений», а тактическими называются приемы, «применяемые для достижения намеченной цели в любой деятельности»³⁴.

Закономерно возникает вопрос: какими же существенными свойствами отличается в такой редакции криминалистическая тактика от уголовного процесса, криминалистической техники? Разве там не требуется научного обоснования, проверки практикой, эффективности, законности?

И если тактические приемы применяются для достижения цели в любой деятельности, то они же в равной мере могут применяться в уголовном процессе, в криминалистической технике, а кроме того, и в деятельности, никак не связанной с процессом борьбы с преступностью.

Не претендует ли в такой интерпретации криминалистическая тактика на поглощение всей криминалистики, а вместе с ней и теории уголовного процесса как деятельности по расследованию преступлений (в части теории доказательств, понятия, видов и порядка производства следственных действий, фиксации их хода и результатов)?

Мы не можем также поддержать взгляд тех авторов, которые призывают «самым решительным образом... отвергать встречающиеся в процессуальной и криминалистической литературе попытки создать две различные «тактики» для допроса свидетелей: одна «тактика» для допроса свидетелей добросовестных, говорящих правду, а другая — для допроса свидетелей, дающих ложные показания»³⁵.

Во-первых, «тактика» не может являться предметом изучения науки советского уголовного процесса; во-вторых, для допроса добросовестных свидетелей, желающих дать показания и говорящих правду, на наш взгляд, вообще не нужна никакая тактика. Там вполне достаточно уголовно-процессуальных правил и чисто психологических приемов.

И мы видим целесообразность четкого выделения в качестве самостоятельных категорий приемов криминалистической тактики, процессуальных правил и технико-криминалистических средств фиксации хода и результатов следственных действий

³⁴ Криминалистика. Учебник. Раздел II. Следственная тактика. М., изд. ВШ КГБ, 1969, с. 7, 4.

³⁵ Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 133.

(фотографирование, составление планов и схем, применение кино- и видеосъемки, звукозаписи, изготовление слепков, взятие проб и т. п.). Тактическими здесь могут быть, по нашему мнению, лишь приемы использования зафиксированных таким путем доказательств в изобличении лиц, скрывающих правду и препятствующих установлению истины.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что противодействие заинтересованных лиц может выступать как фактически проявившееся в данный момент (оказание сопротивления при задержании, отказ выдать искомые предметы, сообщение ложной информации и т. п.) и как реально возможное (потенциальное), обусловленное поведением преступника во время подготовки преступления, в момент его совершения и вслед за этим (меры по маскировке взрывного устройства, уничтожение следов преступления, бегство с места происшествия, инструктаж соучастников о линии поведения на следствии в случае ареста, разработка в этих целях инструктивных документов и т. п.).

И если в первом случае сам факт оказания противодействия является основанием и поводом к выбору соответствующей тактики следователя, то во второй ситуации необходимость применения соответствующих тактических приемов определяется с учетом степени вероятности оказания противодействия, оценки характера возможных негативных последствий в случае непринятия субъектом расследования упреждающих мер (получение информации о механизме совершения и маскировке преступления, определение круга лиц, среди которых следует искать виновного, и получение характеризующих их данных, перекрытие путей вероятного отхода подозреваемого с места происшествия, оставление засады в возможных местах его появления, определение круга предметов и документов, подлежащих изъятию при обыске, мест их сокрытия и т. п.).

При этом следует учитывать, что практические действия следователя призваны обеспечить успех действий *стратегического характера*, направленных в целом на установление истины по делу, поскольку любой стратегический замысел реализуется в результате определенных тактических действий. Поэтому тактические приемы применяются при решении частных задач, которые призваны приносить временный успех на конкретных этапах расследования в условиях, как правило, ограниченного пространства и времени (получение фактических данных и их использование в изобличении виновных). И они дают, естественно, частный результат по сравнению со стратегическими целями, обеспечиваемыми организацией информационно-познавательного процесса по раскрытию преступления в целом.

Тактические задачи расследования состоят, по нашему мнению, в том, чтобы вырабатывать в соответствии с конкретно складывающейся ситуацией такую линию поведения, при которой следователь оказывался бы в возможно более выгодном поло-

жении при самых неблагоприятных действиях заинтересованных в расследовании лиц.

При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь идет именно о природе криминалистической тактики, а не о ее содержании, интерпретации, месте в системе курса криминалистики и т. п.

Причем для расследования преступлений неприемлемо механическое перенесение приемов военной тактики, тактики классовой борьбы и т. п. Высказываемые отдельными авторами мнения о том, что криминалистическая интерпретация этого понятия вносит в него элемент условности, употребляется в переносном значении, в каком-то более широком смысле, может быть, в известной мере и оправданы применительно к конкретным тактическим приемам, но они едва ли могут поколебать взгляд на саму природу криминалистической тактики. Криминалистика, естественно, не может разрабатывать приемы вооруженного уничтожения врага, приемы классовой борьбы и т. п. По своей природе криминалистическая тактика призвана разрабатывать не противоречащие нормам закона приемы преодоления противодействия отдельных лиц установлению истины по делу. Именно в таком качестве криминалистическая тактика существует в жизни, успешно применяется в практике борьбы с преступностью и, стало быть, имеет право на признание в теории криминалистики. При ином подходе едва ли вообще будет оправданным применение криминалистами термина «тактика». При любом расширенном толковании этого термина сразу теряется его подлинный смысл. Тогда его следует решительно заменить другим термином. В существующих сегодня взглядах на криминалистическую тактику речь, по существу, идет не о тактике, а, скорее, о *методике* (совокупности методов, приемов целесообразного проведения какой-либо работы).

Вместе с тем отдельные авторы не проводят различий между тактикой и организацией деятельности по расследованию преступлений.

Организация как внутренняя упорядоченность, согласованность, взаимодействие частей целого призвана обеспечивать эффективность любой деятельности, исправное функционирование какой-либо управляемой системы и устранение возникающих в этой системе помех и искажений. Организация призвана отвечать на вопросы: что надо сделать для достижения намеченной цели, где и когда, какими силами и средствами. Структура организации складывается из таких элементов: планирование деятельности, координация (взаимодействие), регулирование, учет и контроль.

Все указанные положения в полной мере относятся и к деятельности по организации расследования преступлений в целях их раскрытия. Тактика же в силу своей природы и сущности должна опираться на организацию и без нее немыслима.

Какой из этого следует вывод? Криминалистическая тактика — это та функциональная часть искусства организации расследования, которая требует оптимального образа действий для преодоления противодействия лиц, препятствующих установлению истины в конкретно сложившейся следственной ситуации, то есть при наличии таких взаимоотношений сторон (участников деятельности), когда их цели не совпадают, являются взаимоисключающими.

В любом другом случае, по нашему мнению, при организации расследования может и не потребоваться применение тактических приемов, и тогда организация будет больше (ближе) связана с методикой, нежели с тактикой (например, организация экспертных исследований, методика осмотра вещественных доказательств, организация или методика следственного эксперимента и предъявления для опознания, методика фото-, кино-, видеозаписи на месте происшествия и т. д.). В таких случаях достаточно уголовно-процессуальных, психологических, технико-криминалистических и иных правил и средств или их совокупности.

И еще одно положение считаем необходимым подчеркнуть — применяемые при расследовании *тактические приемы* ни в какой мере *не должны противоречить нормам уголовно-процессуального закона*.

Итак, мы полагаем, что **криминалистическая тактика** — это составная часть искусства организации расследования преступлений, включающая теорию и практику применения основанных на достижениях различных наук и не противоречащих закону и нормативным актам приемов преодоления противодействия лиц, которые препятствуют установлению истины.

А тактический прием — это линия поведения (образ действия) следователя, направленная на получение доказательственной информации в условиях противодействия лиц, заинтересованных в том, чтобы преступление осталось нераскрытым.

Подводя итог, отметим, что на все поставленные в начале статьи вопросы мы склонны ответить положительно. Нам представляется, что с полным правом можно говорить о тактике следствия, потому что оно неизбежно отражает конфликтную ситуацию, порожденную преступной деятельностью виновных лиц (подрывной деятельностью противника), и содержит элементы соперничества, борьбы, а применительно к особо опасным государственным преступлениям — элементы борьбы с политическим противником.

Главный вывод, который мы делаем из этого, состоит в том, что истинная природа криминалистической тактики может быть определена совершенно четко. И настала пора сделать такой шаг. Это позволит сосредоточить, сконцентрировать усилия ученых-криминалистов на более глубокой разработке именно тактических приемов, вычленив их из большого количества других

вопросов (процессуальных, технико-криминалистических, методических, психологических и т. п.), которые в существующем виде размыывают, умаляют собственно тактические аспекты. В традиционно сложившемся втором разделе науки криминалистики они занимают, к сожалению, далеко не ведущее положение (ни по объему, ни по существу). Поэтому новый шаг в значительной мере способствовал бы практическим работникам органов государственной безопасности эффективнее вести борьбу с государственными преступлениями.

В Решении Коллегии КГБ СССР от 25 марта 1987 г. отмечается, что происходящий процесс перестройки оказывает влияние на содержание и тактику подрывной деятельности спецслужб. В этих условиях Коллегия потребовала от чекистов своевременно вскрывать планы и замыслы противника, *совершенствовать формы и методы* своей работы, проявлять *больше организованности, твердости, четкости* в пресечении его подрывных акций.

Криминалистическая тактика в ее подлинном значении как раз призвана разрабатывать более совершенные методы и приемы борьбы с особо опасными государственными преступлениями как с проявлением подрывной деятельности противника.

Жизнь постоянно диктует необходимость повышения теоретического уровня исследований проблем криминалистической тактики³⁶. Это позволит на научной основе осуществлять наступательные и упреждающие меры по преодолению противодействия лиц, замышляющих преступные акции против советского строя, эффективно раскрывать их, квалифицированно изобличать виновных в сокрытии истины при строгом соблюдении социалистической законности.

Автор рассматривает собственную трактовку отдельных аспектов данной проблемы лишь как один из возможных выводов и как очередной этап на пути ее дальнейшего исследования.

Рекомендована спецкафедрой № 4
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор доктор юридических наук, профессор
полковник З. И. Кирсанов

³⁶ Вопросы, касающиеся сущности тактических приемов, их классификации и роли в раскрытии государственных преступлений, а также места криминалистической тактики в системе науки криминалистики, заслуживают самостоятельного рассмотрения.

**НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

В условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма значительно активизировали подрывную деятельность спецслужбы стран НАТО. В последнее время эти спецслужбы стали придавать особенно большое значение всестороннему изучению и практическому использованию психологии. То обстоятельство, что именно люди являются и основным средством, и главным объектом враждебных устремлений противника, непосредственно стимулирует поиск его спецслужбами специальных методов воздействия на психику людей с целью ее модификации и трансформации в нужном им направлении. «Нормой стал постоянный контроль, а точнее сказать, слежка за состоянием умов и поведением людей»¹.

В этом направлении противником накоплен немалый опыт, опираясь на который он в настоящее время ищет новые научно обоснованные возможности использования тонких, глубинных, интимных механизмов психической деятельности человека, ориентируясь на учет малоосознаваемых и неосознаваемых мотивационных тенденций в поведении людей. Во многих учебных и научно-исследовательских заведениях США по заказу ЦРУ и ФБР ведутся комплексные разработки проблемы психологического воздействия на людей.

В связи с этим перед Комитетом государственной безопасности стоит задача дальнейшего совершенствования психологических методов борьбы с подрывной деятельностью противника, прежде всего методов применения психологического воздействия в контрразведывательных целях. Некоторым методическим аспектам разработки путей реализации данных задач посвящена наша статья.

К числу наиболее важных методических вопросов, связанных с применением целенаправленного психологического воздействия в деятельности сотрудников органов КГБ, на наш взгляд, относятся следующие:

1. В чем сущность и каковы основные механизмы оказания психологического воздействия на людей в сфере контрразведывательной деятельности?

2. Каков спектр наиболее типичных целей применения психологического воздействия оперативными сотрудниками и агентами органов КГБ?

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 14.

3. Что следует понимать под методами и приемами психологического воздействия, какова их классификация и в чем состоит специфика их применения на практике?

4. Какими научно выверенными принципами необходимо руководствоваться практическому работнику при оказании психологического воздействия?

5. Каковы основные пути и способы формирования и совершенствования навыков и умений оказания психологического воздействия в контрразведывательных целях, а также эффективного противодействия применению психологического воздействия со стороны противника?

Из перечисленных вопросов автор намерен рассмотреть в данной статье первые три пункта, планируя посвятить двум оставшимся отдельную научную статью. Анализ подлежащих рассмотрению вопросов, несмотря на преимущественно теоретический характер, будет подчинен интересам контрразведывательной практики. Здесь мы руководствуемся положением, сформулированным Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук: «Ни один сколько-нибудь крупный практический вопрос не может быть решен, не будучи осмыслен и обоснован теоретически. Сама теоретическая деятельность становится одной из важнейших движущих сил социалистического и коммунистического строительства, наиважнейшим инструментом перестройки»².

Понятие «психологическое воздействие» требует уточнения, так как оно отсутствует даже в недавно изданных психологических словарях³, а его эмпирическое толкование носит нередко слишком расширительный характер (отождествляется с иными разновидностями воздействия — идеологическим, оперативным, педагогическим и др.) или чрезмерно узкий (внушение, гипноз и пр.).

В соответствии с требованиями логики понятие «психологическое воздействие» должно быть определено через родовой признак и видовое отличие. Родовой признак — понятие «воздействие» рассматривается в марксизме как одна из сторон, одна из составляющих философской категории взаимодействия. «Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю...» — писал Ф. Энгельс⁴. Поскольку принцип взаимодействия «конкретизируется в учении о причинности... определяет отношение

² Горбачев М. С. Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. — Коммунист, 1986, № 15, с. 3.

³ См.: Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., Высшая школа, 1981; Психологический словарь. М., Педагогика, 1983; Краткий психологический словарь. М., Политиздат, 1985.

⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 546.

причины и следствия»⁵, само воздействие целесообразно интерпретировать как акт проявления «активности» одной из взаимодействующих сторон, выступающий в качестве причины производимых им следствий, изменений у другой стороны.

Анализируя признаки видового отличия психологического воздействия, мы остановились на положении, согласно которому источник такого воздействия способен вызвать определенные следствия, изменения в психике объекта воздействия посредством формирующегося у него психического образа⁶, в котором отражен источник или (и) содержание данного воздействия. Иными словами, будучи первоначально следствием оказываемого на объект некоего воздействия (физического, физиологического, социального или другого по своей природе), означенный образ вторично, опосредованно вызывает определенные изменения в тех или иных сферах психики (в эмоционально-мотивационной, интеллектуальной и др.) объекта воздействия, а нередко и в его поведении⁷. Этот процесс причинно-следственного порождения и изменения психической деятельности субъекта, который может быть как относительно самостоятельным, так и входить в структуры более широких форм взаимодействия субъекта с окружающей действительностью (например, идеологическое, педагогическое и др.), мы и называем психологическим воздействием (сокращенно ПВ).

Непосредственными источниками психологического воздействия на человека могут быть явления природы, различные предметы и ситуации, животные и т. п. Однако, учитывая специфику наших прикладных целей и задач, мы в дальнейшем ограничим рассмотрение ПВ рамками наиболее важного его вида — воздействия человека на человека в общении. Этот вид, по существу, и является **межличностным психологическим воздействием**. Конкретизируя данное положение, можно прийти к выводу, что сущностью психологического воздействия на людей, применяемого в сфере контрразведывательной деятельности, является целенаправленная детерминация изменений содержательных или (и) процессуальных сторон их психической деятельности: со стороны оперативных сотрудников или агентов органов КГБ — в целях обеспечения желаемой эффективности контрразведывательной работы, а со стороны противника — во враждебных целях. Следует отметить, что применяемые в контрразведыв-

вательной практике такие специфические акты межличностного воздействия, как вербовка, профилактика и другие, со стороны своей формы, то есть в структурно-процессуальном аспекте, выступают как акты именно психологического воздействия.

В ходе проведенного автором эмпирического исследования, базирующегося на опросе оперативных сотрудников, анализе оперативных документов и чекистской литературы, были выявлены характерные цели применения ПВ некоторыми категориями лиц, вовлеченных в контрразведывательный процесс. Среди этих целей можно выделить наиболее специфичные для той или иной категории лиц, а также цели «универсальные», которые могут ставить перед собой любые лица, однако на основе совершенно разных, подчас диаметрально противоположных, мотивов.

Так, для руководителей оперативных подразделений наиболее специфичны следующие цели применения ПВ: обеспечение понимания подчиненными стоящих перед ними задач, улучшение психологического климата в чекистском коллективе, поддержание необходимого уровня дисциплины и ответственности, «заражение» подчиненных своей энергией, создание у них уверенности в успехе дела, оказание воспитательного и психотерапевтического (например, утешение) влияния, реализация арбитражных функций (разрешение спорных вопросов), эффективное применение поощрения или наказания и др.

Для оперативного работника целями ПВ являются: установление отношений секретного сотрудничества, обучение и воспитание агентов, применение в их отношении позитивных или негативных моральных санкций, установление и развитие психологических контактов с агентами и доверенными лицами, корректирование мотивации профилактируемых лиц, в том числе посредством оказания определенного «давления», и др.

К типичным целям применения ПВ в деятельности агента относятся: привлечение к себе внимания, интереса и расположение к себе объектов оперативной заинтересованности в процессе установления и развития с ними контактов, оказание на этих лиц направленного воздействия, дезинформация и дезориентация противника, склонение отдельных лиц к отказу от проведения враждебной деятельности, компрометация лидеров и отдельных членов разрабатываемых групп. В то же время отдельные агенты иногда прибегают к психологическому воздействию в общении с оперативными работниками. Цели при этом у агента могут быть различными. Это самооправдание или демонстрация невозможности удовлетворительно выполнить полученное задание и т. п.

Цели применения ПВ лицами, осуществляющими враждебную деятельность, окрашены соответствующей негативной мотивацией: вовлечение отдельных граждан в преступную деятель-

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1983, с. 81.

⁶ Здесь и далее под образами мы вслед за П. Я. Гальпериным понимаем «все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения предметного мира» (Гальперин П. Я. Введение в психологию. Изд. МГУ, 1976, с. 32).

⁷ О соотношении процессов психического отражения и воздействия как двух составляющих акта взаимодействия субъекта с действительностью см.: Смирнов С. Д. Психология образа. Проблема активности психического отражения. Изд. МГУ, 1985, с. 25.

ность, формирование у них негативных настроений в отношении советской действительности, оказание разлагающего влияния, выведывание разведывательной информации, постановка в зависимость нужных людей, запугивание, «психологический подкуп» лестью или посулами и т. д.

Профилактируемые лица применяют психологическое воздействие в отношении оперативного работника, как правило, в следующих целях: оправдывание своих враждебных взглядов и действий; демонстрация якобы искреннего раскаяния; попытка вызвать к себе жалость и сочувствие; стремление запугать возможностью возникновения различного рода «неприятностей» по службе и т. д.

Все перечисленные категории лиц могут ставить перед собой также и универсальные цели оказания психологического воздействия: импонирование партнеру; формирование доверительности; обеспечение конспирации, выведывание информации; рефлексивное управление партнером и др. Таким образом, целевой спектр ПВ в контрразведывательной деятельности весьма широк, он не определен между ее участниками строгими рамками и не ограничен каким-либо конечным перечислением.

Последовательная реализация контрразведывательных целей применения психологического воздействия возможна лишь на основе понимания оперативным составом органов КГБ сущности механизмов протекания ПВ и применения соответствующих этим механизмам методов (приемов) ПВ. Важную вспомогательную роль при этом играет учет основных принципов применения психологического воздействия.

Исходя из понимания сущности психологического воздействия, можно выделить основные типы механизмов его протекания. С точки зрения автора, возникающий у объекта ПВ на начальной стадии воздействия целостный психический образ источника и (или) содержания воздействия, как правило, вступает теми или иными своими сторонами в определенное соотношение с актуальной мотивацией (потребностями) объекта, начинает «отвечать» ей⁸. При этом образ источника оказывается способным удовлетворить (спрогнозировать удовлетворение) актуальную мотивацию (потребности) объекта воздействия либо не удовлетворить (спрогнозировать неудовлетворение), воспрепятствовать таковому удовлетворению либо модифицировать, видоизменить актуальную мотивацию объекта ПВ. При этом какой-либо четвертый вариант логически исключается.

⁸ По мнению автора, информация, которую несет в себе возникающий в ходе воздействия психический образ, не является лишь чисто познавательной и соответственно нейтральной относительно актуальной мотивации объекта воздействия: ведь так или иначе она входит в качестве компонента в ориентировочную основу деятельности (поведения) данного лица, которая неизменно обусловлена определенной мотивацией.

По нашему мнению, эти три основные разновидности ПВ могут рассматриваться в качестве типов психологического воздействия с условными наименованиями: удовлетворяющее, препятствующее и модифицирующее психологическое воздействие.

Для внесения ясности в данную классификацию типов психологического воздействия следует отметить основные разновидности модифицирующего ПВ. Во-первых, модификация исходной мотивации у объекта ПВ может быть осуществлена посредством усиления, «разжигания» у него определенных потребностей (например, объект до воздействия на него хотел что-то сделать, а после воздействия очень захотел это сделать). Во-вторых, модификация мотивации может состоять в ослаблении (вплоть до исчезновения) интенсивности какой-либо потребности объекта ПВ, в снижении субъективной значимости ее удовлетворения. В-третьих, модификация мотивации может состоять в актуализации какой-нибудь потребности объекта воздействия (например, в ее осознании, в привлечении к ней особого внимания объекта и т. п.). В-четвертых, одним из путей модификации мотивации является опредмечивание, конкретизация потребностей. В-пятых, модификацией мотивации является формирование у объекта воздействия новых потребностей, вступающих в определенные соотношения (конфликтные, гармоничные и пр.) с ранее действующими потребностями.

Изложенная мотивационная интерпретация механизмов психологического воздействия концептуально соотносится с широко известным положением о том, что «мотивация человеческого поведения — это опосредствованная процессом отражения субъективная детерминация человека миром»⁹.

Вычленение основных механизмов и соответствующих им основных разновидностей психологического воздействия является предпосылкой разработки вопроса об арсенале методов и приемов ПВ, применяемых (или которые могут применяться) в практической деятельности сотрудников органов государственной безопасности СССР.

И в чекистской, и в открытой литературе нет единого мнения относительно того, что следует понимать под методом психологического воздействия, сколько всего таких методов, какова их классификация и в чем заключается их сущность. Существуют разногласия и относительно трактовок соотношения методов, способов и средств ПВ.

К способам психологического воздействия можно отнести психическое заражение, внушение и убеждение.

По мнению автора, способ воздействия — это определенная характеристика манипулятивности субъекта воздействия (экс-

⁹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., Педагогика, 1973, с. 368.

прессивности, ситуативной или логической обоснованности ПВ) относительно его объекта, соответствующая определенному уровню произвольности и критичности принятия воздействия последним. Так, психическое заражение заключается в непосредственной передаче субъектом ПВ внешне выражаемого им определенного состояния объекту ПВ, который в силу бессознательной подверженности воздействию начинает непроизвольно испытывать данное состояние.

Внушение — способ ПВ, заключающийся в применении к объекту логически необоснованных, неаргументируемых действий или высказываемых положений, вызывающих у него уверенность в истинности этих положений, а также не вполне осознанное подчинение его психики и поведения содержанию воздействия.

Убеждение — процесс логической аргументации каких-либо положений, приводящей объекта ПВ к сознательному признанию их истинности, к согласию с ними.

Наряду со способами психологического воздействия, на наш взгляд, есть основания для рассмотрения и его методов. Учитывая известную тавтологичность терминов «способ» и «метод», необходимо пояснить, что под методом ПВ подразумевается определенный устойчивый тип целенаправленного построения, конструирования и реализации воздействия во времени. «Суть понятия «метод» указывает на упорядоченность деятельности по достижению определенных целей»¹⁰. Метод проявляется в выборе субъектом «целесообразных форм фиксации содержания и способов развертывания этого содержания»¹¹. В свою очередь каждый метод ПВ может быть реализован посредством разнообразных конкретных приемов.

Понимаемый именно таким образом метод психологического воздействия, очевидно, должен базироваться на том или ином его механизме и проявляться в контексте соответствующей разновидности ПВ. Поэтому сущность метода ПВ как целенаправленного типа его организации и построения должна непременно соответствовать сущности типа ПВ, выделенного по вышеизложенному «мотивационному» критерию. В то же время сущность конкретной разновидности метода, приема ПВ должна являться частным выражением сущности данного общего метода.

Теоретически можно предположить иерархическое построение системы методов и приемов психологического воздействия, в которой следует выделить в качестве базовых общие методы, соответствующие трем вышеуказанным типам ПВ. Далее идут частные методы и, наконец, конкретные приемы.

Мы проверили свои предположения путем опроса оперативных работников и руководителей первичных чекистских коллек-

тивов. В опросник было включено описание всех основных схем (методов, приемов) психологического воздействия, выявленных автором при анализе оперативных документов, чекистской литературы, мемуарных чекистских источников, а также полученных в ходе предварительного полевого опроса оперативных сотрудников. Опрашиваемым предлагалось оценить по 5-балльной системе степень (частоту, интенсивность) использования тех или иных методов (приемов) ПВ различными категориями лиц, вовлеченных в сферу контрразведывательной деятельности. Опрашиваемым был задан также открытый вопрос: какие еще методы психологического воздействия (кем и в какой степени) применяются в сфере контрразведывательной деятельности?

Как и предполагалось, методы ПВ, отмеченные опрашиваемыми, оказалось возможным разбить условно на три группы, которые соответствовали удовлетворяющему, препятствующему и модифицирующему типам ПВ. Среди окончательно зафиксированной совокупности методов ПВ не было обнаружено ни одного метода, который нельзя было бы отнести к одной из трех названных групп. Таким образом, по результатам проведенного опроса нашло подтверждение предположение об универсальности изложенной классификации психологического воздействия и о соответствии существующих методов ПВ тем или иным типам ПВ.

Далее, основываясь на эмпирическом материале и сверяясь с существующими концепциями, нами была предпринята попытка выявить (пока на теоретическом уровне) наиболее фундаментальные, основные разновидности (типы) методов психологического воздействия, соответствующие по своей сути трем основным разновидностям ПВ. В целях дальнейшего системного упорядочения совокупности данных методов и построения их универсальной классификации было бы желательно на данном уровне анализа логически исчерпать арсенал возможных методов ПВ. Особо важным для реализации этих целей представляется также использование мотивационно-психологических критериев для выделения конкретных методов ПВ.

Исходя из предварительно полученных результатов, методы ПВ, соответствующие удовлетворяющему и препятствующему типам ПВ, будут рассматриваться параллельно.

Рассмотрим основные ситуации применения удовлетворяющего и препятствующего типов воздействия. Во-первых, воздействие может быть применено как в связи с определенными действиями (поведением, отношениями) объекта воздействия, так и безотносительно к таковым. При этом в первом случае следует различать воздействие, оказываемое до соответствующих действий, и воздействие, оказываемое после таковых. В обоих последних случаях важно различать ситуации, в которых объект ПВ сознательно действует в соответствии с оказываемым на

¹⁰ Деркач А. А., Селезнева Е. В. Идеологическое воздействие: социально-психологические и педагогические аспекты. М., Мысль, 1985, с. 202.

¹¹ Там же, с. 204.

него воздействием или в которых такое сознательное соответствие отсутствует. Для пояснения сказанного приведем таблицу. Основные методические варианты оказания ПВ обозначены в ней цифрами.

Таблица 1

Критерии выделения методических вариантов			Основные методические варианты применения ПВ
связь оказываемого ПВ с определенными действиями объекта воздействия	порядок оказания ПВ на объекта в связи с его действиями	наличие или отсутствие в сознании объекта связи между его действиями и оказываемым на него ПВ	
Существует	До данных действий	Присутствует	1
		Отсутствует	2
	После данных действий	Присутствует	3
		Отсутствует	4
Не существует			5

По мнению автора, метод психологического воздействия образуется соотношением основного типа ПВ и конкретного методического варианта его применения. Исходя из этого, выделим основные методы ПВ, соответствующие удовлетворяющему (сокращенно У) и препятствующему (сокращенно П) типам психологического воздействия, обозначим их двойной индексацией (У1, П1, У2, П2 и т. д.) и рассмотрим их содержание. Названия методов сугубо условны.

У1 (а) — метод «психологического подкупа»: посредством психологического воздействия удовлетворяются определенные потребности объекта ПВ, вследствие чего объект считает необходимым совершить (и совершает) ожидаемые ответные действия в отношении субъекта ПВ. Так, похвала порождает ответную похвалу (ситуация «Кукушка хвалит петуха...»), доверие — взаимное доверие, помощь — ответное содействие, одолжение — стремление выполнить обусловленное этим одолжением некое пожелание субъекта ПВ и т. д.

У1 (б) — метод «обещания», посредством которого прогнозируется удовлетворение определенных потребностей объекта при условии выполнения им определенных действий (иначе — метод «условного подкупа»). Разновидность данного метода — «обман», следствием которого является невыполнение обещанного (неудовлетворение потребностей объекта), хотя объект выполнил требуемые действия.

П1 (а) — метод «принуждения»: посредством акта ПВ не удовлетворяются определенные потребности объекта воздействия

либо препятствуется удовлетворение данных потребностей, в связи с чем объект вполне сознательно вынужден осуществлять некие действия (соответствующие намерениям субъекта ПВ), чтобы устранить нежелательные последствия осуществляемого на него воздействия.

П1 (б) — метод «условного принуждения», посредством которого прогнозируется неудовлетворение определенных потребностей объекта ПВ при условии невыполнения им определенных требований субъекта воздействия. Например, оперативный сотрудник обращается к объекту профилактики: «Если вы не прекратите подобных действий, мы примем в отношении вас меры в соответствии с существующими законами...» Разновидность данного метода — «блеф», посредством которого субъект прогнозирует в ходе воздействия на объект неудовлетворение потребностей последнего, хотя сам не имеет реальной возможности сделать это.

У2 — метод «импонирувания»: воздействующий формирует у объекта ПВ положительное отношение к себе посредством удовлетворения определенных потребностей объекта (при этом указанное отношение у объекта ПВ возникает как бы произвольно, вне осознанной зависимости от содержания воздействия). Например, агент выражает восхищение глубиной профессиональных познаний объекта оперативной разработки, вызывая тем самым положительное отношение к себе, как к источнику удовлетворения потребности объекта в высокой оценке своей профессиональной состоятельности.

П2 — метод «психологического давления»: в ходе неудовлетворения или препятствования удовлетворению определенных потребностей объекта ПВ воздействующий демонстрирует собственное превосходство над ним, как бы показывает возможность постановки его в зависимость от себя, подчинения себе его воли (например, своим самоуверенным тоном, наглыми манерами, демонстрацией силы или орудий насилия воздействующий вызывает у объекта ПВ чувство страха, неуверенности в себе, собственной незащищенности и т. п.).

У3 — метод «поощрения» (позитивная санкция) за выполнение объектом требуемых от него действий.

П3 — метод «наказания» (негативная санкция) за выполненные объектом действия, идущие вразрез с требованиями воздействующего или определенных социальных норм.

У4 — метод «скрытой благодарности» или не ожидаемого объектом ПВ поощрения.

П4 — метод «скрытой мести» или не ожидаемого объектом ПВ наказания.

У5 — метод «альтруизма»: «бескорыстное» удовлетворение потребностей объекта воздействия. Например, проявление чуткости, душевного тепла в отношении другого человека вне какой-либо связи с его предварительными или ответными действиями.

П5 — метод «садизма»: «беспричинное» нанесение обиды, боли или намеренное неудовлетворение потребностей объекта ПВ. В основе применения двух последних методов ПВ лежат определенные потребности субъекта ПВ, поэтому термины «бескорыстное» или «беспричинное» являются лишь внешнеописательными.

Перейдем к рассмотрению модифицирующего психологического воздействия. Так как модифицирующее ПВ имеет пять разновидностей, то каждой из них соответствует и определенный метод. Пронумеруем эти методы в соответствии с описанием и охарактеризуем их.

М1 — метод «усиления мотивации». Может применяться посредством подчеркивания важности, значимости для объекта ПВ предмета потребности, посредством раскрытия перед объектом широких удовлетворяющих возможностей этого предмета.

М2 — метод «ослабления мотивации» (вплоть до исчезновения). Применяется посредством подчеркивания малой значимости, никчемности предмета потребности объекта воздействия, прогнозирования тех негативных последствий, к которым может привести использование данного предмета.

М3 — метод «актуализации мотивации». Реализуется посредством «доведения» ранее малоосознаваемой или неосознаваемой объектом ПВ потребности до осознанного уровня, например путем напоминания о ней. Сюда следует отнести и приемы «мотивационного вклинивания» — задавания вопросов, обращения с просьбой, выдвижения требований, приказов, призывов к объекту воздействия (например, к сопереживанию, сочувствию, содействию и т. п.).

М4 — метод «опредмечивания». Используется посредством демонстрирования возможностей объекта как потенциального предмета, способного удовлетворить неопредмеченные (неясные, смутные, неконкретизированные) потребности объекта. При этом могут применяться приемы, характерные для предыдущего метода (М3).

М5 — метод «порождения», формирования новых потребностей у объекта воздействия. В качестве одного из механизмов «мотивационного порождения» следует отметить известный механизм сдвига мотива деятельности на цель действия¹².

Теоретический анализ, подкрепленный эмпирическим исследованием, позволил выделить 15 основных методов психологического воздействия, которые могут применяться как сотрудниками органов КГБ, так и противником¹³.

¹² См.: Леонтьев А. М. Проблемы развития психики. М., Мысль, 1968.

¹³ Рассмотрение конкретно-содержательных аспектов применения методов психологического воздействия в контрразведывательной деятельности (например, в ходе вербовки, профилактики, в работе по делам оперативного учета и т. п.) выходит за рамки данной статьи, но может стать предметом отдельного исследования и анализа.

Для полноты и завершенности данного анализа целесообразно выделить и рассмотреть в каждом основном методе ПВ имплицитную в нем систему частных методов, а также наиболее важных приемов их реализации. Но мы не имеем возможности сделать это в полной мере в данной статье из-за ее ограниченного объема. Поэтому рассмотрим лишь один из методов — метод «импониования» (У2).

Для выделения основных разновидностей метода «импониования» необходимо отметить, что, во-первых, импониование может осуществляться как в эмоционально-позитивной, так и в эмоционально-негативной форме (например, «позитивное импониование» может состоять в выражении объекту воздействия положительного отношения к тому, что ему нравится, а «негативное импониование» может заключаться в выражении отрицательного отношения к тому, к чему сам объект ПВ относится негативно).

Во-вторых, предметом импониования, а значит, и предметом соответствующих потребностей объекта воздействия могут быть три класса предметов:

1) свойства и особенности самого объекта воздействия (его самооценка, профессиональное достоинство, интеллект, яркая внешность и пр.);

2) люди, предметы, события, составляющие значимое социальное и предметное окружение объекта ПВ;

3) свойства и особенности воздействующего лица.

На основе сочетания критерия эмоциональной формы и критерия предмета воздействия можно выделить шесть частных методов импониования. Для наглядности приводим таблицу.

Таблица 2

Частные методы импониования

Критерии выделения частных методов	Частные методы импониования	
	эмоциональный знак воздействия	
	+	—
Свойства и особенности объекта воздействия, его деятельности: социальные, личностные, психологические, физические и др.	1 «Ты — хороший!» = «Одобряю тебя, твое...»	4 «Сочувствую...» (твоим несчастьям, недостаткам...)
Люди, предметы, события, составляющие значимое социальное и предметное окружение объекта ПВ	2 «Одобряю...» (то, что тебе нравится)	5 «Порицаю...» (то, к чему ты относишься отрицательно)
Свойства и особенности субъекта психологического воздействия, его деятельности	3 «Могу быть тебе интересен, полезен»	6 «Имею недостатки, к сожалению» = «Мне до тебя далеко»

Приведенные названия методов весьма условны и не в полном объеме описывают содержание соответствующих методов. Однако они выражают, на наш взгляд, наиболее существенное, типичное в каждом из методов импониования. Непосредственная реализация частного метода импониования может быть осуществлена посредством большого количества конкретных приемов, число которых не поддается окончательному логическому учету. На данном уровне психологическая наука уступает место искусству практического применения психологического воздействия.

Приведем лишь несколько примеров конкретных приемов, соответствующих каждому из частных методов импониования:

1. Одобрение, положительная оценка социальных, психологических, физических или иных качеств объектов ПВ, его поступков, поведения; проявление в его адрес участия, доброго отношения, душевного тепла, оказание ему знаков внимания, уважения, проявление к объекту интереса; откровенность, доверительность в общении с ним; выражение согласия, солидарности с действиями, мыслями, оценками, чувствами объекта воздействия; отзывчивость; снисхождение в отношении его поступков и т. д.

Например, агент выражает восхищение личными качествами объекта, которыми тот действительно гордится: «У вас такой широкий круг познаний в этой сфере!..»; «Вашей способности делать логические выводы можно только позавидовать!» и т. д.

2. Выражение одобрения (восхищения) условиями жизни, вещами, иной собственностью объекта ПВ; высказывание положительного мнения (оценки) в отношении тех предметов, явлений, ситуаций, событий, к которым объект относится положительно; высказывание положительного отношения (приязни) в адрес родственников, друзей, знакомых объекта воздействия или иных лиц, к которым он сам хорошо относится.

3. Проявление воздействующим лицом тех личных качеств (например, компетентности, смелости, находчивости, умений, навыков и т. д.), которые были бы небезразличны, интересны или чем-то полезны объекту воздействия; поддержание с определенной целью воздействующим лицом внешнего вида, соблюдение норм этикета, хороших манер и т. п., соответствующих предпочтительным ожиданиям, вкусам объекта воздействия.

Так, в процессе воспитания агента оперативный работник демонстрирует ему отличную наблюдательность и цепкую память. Это удовлетворяет «профессиональный» интерес агента и вызывает у него уважительное отношение к оперативному работнику.

4. Выражение сочувствия объекту воздействия в связи с переживанием им личных неудач или в связи с невозможностью удовлетворения им каких-либо своих потребностей. Например,

оперативный работник сочувствует (выражает негативные эмоции) по поводу несчастья, случившегося с агентом.

5. Негативная реакция в отношении предметов, явлений, ситуаций, событий, к которым объект воздействия также относится отрицательно; выражение негативного отношения в адрес лиц, к которым объект ПВ заведомо относится отрицательно. Например, в общении с объектом агент допускает отрицательные суждения о человеке, к которому, как известно, объект испытывает неприязнь.

6. Принижение воздействующим лицом перед объектом ПВ собственных достоинств, личных качеств, а также демонстрация наивности, некомпетентности с целью повышения у объекта (с помощью сравнения) чувства собственного достоинства, удовлетворенности собой. С той же целью воздействующий демонстрирует «приниженность», «скромность» или «простоту» во внешнем облике, манерах поведения и т. п.

Например, оперативный работник, прежде чем выразить неодобрение по поводу некоторых отрицательных черт характера агента, доверительно и самокритично говорит тому о собственных недостатках.

Подробный психологический анализ, аналогичный тому, который был проведен нами в отношении метода импониования, может быть осуществлен также и в отношении других основных методов ПВ. Знакомство с содержанием и принципами такого анализа, несомненно, поможет практическим работникам, во-первых, более ясно и четко, на научной основе, психологически грамотно ориентироваться в методическом арсенале психологического воздействия, выбирать и применять наиболее адекватные объекту и конкретной ситуации методы и приемы ПВ; во-вторых, точно определять сущность и направленность психологического воздействия, применяемого партнерами по конфликтному общению, с тем чтобы эффективно противодействовать данному воздействию.

Практический смысл проведенного психологического анализа и ознакомление с ним сотрудников органов КГБ автор видит в том, что «человек, вооруженный научной парадигмой, видит в окружающей коммуникативной реальности гораздо больше, чем обычный наблюдатель»¹⁴.

Предпринятый автором данной работы анализ методов психологического воздействия пока находится лишь на начальной стадии разработки. Следует, очевидно, отметить некоторые трудности, с преодолением которых связано дальнейшее исследование данного вопроса.

Прежде всего, содержание психологического воздействия далеко не всегда выступает в явном виде. Так, В. Н. Куликов

¹⁴ Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Изд. ЛГУ, 1985, с. 10.

различает прямое, открытое и косвенное, закрытое воздействие. «Первое характеризуется открытостью, определенностью цели, которую ставит субъект воздействия по отношению к своему объекту... При косвенном воздействии его цель в той или иной степени закрыта. Оно не имеет прямой и непосредственной направленности на того, кто является истинным объектом воздействия»¹⁵.

Мы исходили из достаточно абстрактного факта наличия у человека какой-либо одной, пусть самой главной, доминирующей потребности, в то время как реальное поведение человека всегда полимотивировано, то есть детерминировано в каждый момент времени одновременно целым иерархическим комплексом потребностей, находящихся друг с другом в самых различных динамических взаимоотношениях: антагонистических, конфликтных или синергических, гармоничных, взаимодополнительных и др. Так, И. В. Имедадзе отмечает: «Потребности, как правило, сосуществуют в рамках одной деятельности, устанавливая различные взаимосвязи друг с другом и создавая многообразие сочетаний... Теоретически тут можно предвидеть множество комбинаций в зависимости от номенклатурного состава потребностей, их количества, конфигурации взаимосвязей, силы каждой из них, валентности, топологии их направленности и т. д.»¹⁶. Данное обстоятельство заставляет посмотреть на акт психологического воздействия как на гораздо более сложное явление, чем то, которым оно представляется при элементарном анализе: целостное явление ПВ затрагивает одновременно и по-разному целый ряд, комплекс потребностей объекта воздействия, в силу чего его конечный итог не может быть представлен однозначно.

Наконец, зачастую психологическое воздействие носит многоэтапный характер. Соответственно и методы его применения приобретают сложную, структурно пролонгированную форму. Примерами могут служить коммуникативные «манипуляции», интересные типы которых приводит А. Добрович («Хлопанье дверью», «Попробуй отними», «А-не могли бы вы? — Да, но...» и др.)¹⁷.

Следует отметить, что некоторую путаницу в научно-психологический анализ проблемы ПВ вносит использование рядом авторов в качестве методических единиц неких эмпирических (следовательно, целостных, нерасчлененных и многозначных) явлений, таких, как «просьба», «приказ», «личный пример» и т. д.

Дело в том, что в различных смысловых (мотивационных) контекстах данные «методы» психологического воздействия будут иметь психологически совершенно разное содержание. Так, «просьба» в одном случае может рассматриваться как прием импонирувания («Только ты можешь мне помочь!...»), в другом — как метод «условного давления» (если подразумеваются негативные санкции за невыполнение просьбы), в третьем — как прием актуализации мотивации объекта ПВ (просьба-напоминание) и т. д. Научно-психологическая помощь практическому сотруднику как раз и должна заключаться в том, чтобы раскрыть перед ним сущность используемого или учитываемого им психологического явления, научить его применять эту сущность в практической деятельности.

Таким образом, в данной статье мы попытались обосновать некоторые теоретико-методические подходы к анализу и разработке чрезвычайно сложной и чрезвычайно важной практической проблемы применения психологического воздействия в деятельности сотрудников органов государственной безопасности СССР. Было изложено понимание автором сущности психологического воздействия, рассмотрены основные цели применения ПВ различными категориями лиц, вовлеченных в сферу контрразведывательной деятельности, были выделены и описаны основные методы психологического воздействия, применяемые в контрразведывательной практике, предпринята попытка анализа методического арсенала ПВ (общих и частных методов, конкретных приемов).

В следующей статье автор планирует подробно остановиться на анализе основных принципов оказания психологического воздействия в контрразведывательной практике (принципа учета мотивации объекта воздействия, принципа рефлексивности и др.).

*Рекомендована спецкафедрой № 12
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат психологических наук, доцент
подполковник А. И. Петренко*

¹⁵ Куликов В. Н. Прикладное исследование социально-психологического воздействия. — В кн.: Прикладные проблемы социальной психологии. Под ред. Е. В. Шороховой, В. П. Левкович. М., Наука, 1983, с. 170—171.

¹⁶ Имедадзе И. В. Проблема полимотивации поведения. — Вопросы психологии, 1984, № 6, с. 90.

¹⁷ См.: Добрович А. Общение: наука и искусство. М., Знание, 1978, с. 55—60.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЦ,
ПРИНИМАЕМЫХ НА РАБОТУ В ОРГАНЫ КГБ**

В соответствии с «Общегосударственной программой создания, развития производства и эффективного использования вычислительной техники и автоматизированных систем на период до 2000 года», постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», а также Приказами КГБ СССР № 00109—71 г. и № 0151—86 г. в территориальных органах КГБ областного и республиканского звена осуществляется внедрение средств вычислительной техники (СВТ) и переход на новую технологию учета и обработки оперативной информации.

Наряду с решением информационно-аналитических задач использование СВТ позволяет рассчитывать и на совершенствование одной из основных процедур контрразведывательной деятельности — изучения психологических особенностей лиц, интересующих органы КГБ. При этом в основном речь должна идти об обработке информации, получаемой традиционными методами изучения: опросом источников и психологическим обследованием изучаемых с помощью тестов. В обоих случаях информация может преобразовываться в количественные показатели.

Изучение психологических особенностей интересующих органы КГБ лиц может осуществляться с использованием различных психодиагностических методик. Обычно используется комплекс методик, состав которого определяется с учетом задач и условий изучения. Как правило, в него включаются методики, позволяющие составить представление об основных тенденциях и стиле реагирования изучаемого, уровне его психического здоровья и интеллекта, чертах характера, эмоционально-волевых особенностях. Перед оценкой (интерпретацией) исходная тестовая информация подвергается соответствующей математической обработке, расширение объема и повышение качества которой и предопределяет целесообразность применения СВТ в психологической диагностике.

В целом СВТ могут применяться на четырех основных направлениях психодиагностической работы¹:

¹ См.: Анастаси А. Психологическое тестирование. М., 1982, т. 1, с. 90—91; Егер Р. Применение компьютеров при формировании диагностического суждения.— В кн.: Основы психологической диагностики. Геттинген, Хогрефе, 1982, т. 1, с. 351; Шпитцер Р., Эндикотт И. Применение компьютеров в психиатрии.— В кн.: Американское руководство по психиатрии. 2-е изд. Нью-Йорк, т. 6, с. 811—839.

1. ЭВМ могут использоваться при тестировании. В этом случае задания могут предъявляться на дисплее в стандартной форме и в индивидуальном темпе, соответствующем оптимальному темпу мышления обследуемого². Тестирование с помощью ЭВМ достаточно широко используется в практике профессионального отбора и психологического консультирования. При современном уровне развития элементной базы не исключена возможность разработки переносных тестирующих устройств типа «диагностических чемоданчиков», позволяющих осуществлять тестирование практически в любых условиях, например в номерах гостиниц³.

Несмотря на перспективность компьютеризации процесса тестирования для практики органов КГБ, на наш взгляд, вполне пригодными всегда будут являться и традиционные бланковые методы, хорошо зарекомендовавшие себя при децентрализованной работе с обследуемыми. При использовании оптических считывающих устройств скорость ввода в ЭВМ первичной информации с тестовых бланков может быть увеличена в тысячи раз.

2. ЭВМ могут также использоваться при обработке результатов тестирования. В наибольшей степени преимущества применения СВТ проявляются при обработке первичных результатов тестирования. Благодаря быстродействию и значительному объему памяти с помощью ЭВМ могут проводиться такие вычислительные процедуры диагностики и прогноза, которые недоступны безмашинной обработке. В частности, только на ЭВМ возможно провести процедуру так называемого «критериально-ориентированного тестирования» с оценкой совокупности качеств изучаемого лица относительно вероятности достижения им любого уровня интересующего исследователя критерия: успеваемости, производительности труда, стиля поведения и др.⁴ Возможности табличного прогнозирования, наиболее часто используемого в настоящее время, по мнению автора, крайне ограничены как по числу предсказываемых критериев, так и по числу участвующих в прогнозе психологических качеств-предикторов. Из-за своей статичности методы табличного прогнозирования зарекомендовали себя хуже, чем прогнозирование в условиях диалогового общения с ЭВМ на базе использования специализированных программ обработки психодиагностической информации. Только путем названного способа прогнозирования, на наш взгляд, можно провести процедуры компьютерного

² См.: Грейст Ю., Клейн М. Компьютеры в психиатрии.— В кн.: Американское руководство по психиатрии. 2-е изд. Нью-Йорк, т. 7, с. 750—777.

³ См.: Брябрин В., Кочетков Г. Игры и дела персонального компьютера.— Наука и жизнь, 1986, № 9, с. 64—70.

⁴ См.: Анастаси А. Психологическое тестирование, т. 1, с. 90—92.

моделирования тех характеристик изучаемого лица, которые не поддаются непосредственной фиксации в ходе изучения. Решение задач этого типа может осуществляться путем расчета вероятности достижения изучаемым задаваемого уровня интересующего исследователя критерия с использованием, в отличие от табличных методов, практически всех показателей об изучаемом лице, содержащихся в памяти ЭВМ⁵. Математической основой прогнозирования и классификации наиболее часто выступают методы дискриминантного, регрессивного и других разновидностей статистического анализа⁶.

Наряду с критериально-ориентированным тестированием с помощью ЭВМ эффективнее реализуются и более простые задачи нормативного тестирования, осуществляемые путем соотношения тестовых данных изучаемого с результатами тестирования лиц группы (выборки) сравнения. Позволяя сопоставить выраженность конкретных качеств изучаемого с их выраженностью у других лиц, эти процедуры существенно облегчают формирование диагностического суждения.

Результаты обработки психодиагностической информации выводятся на печать в виде диагностических или прогностических показателей, подлежащих оценке (интерпретации) на этапе формирования суждения.

3. Одним из направлений применения ЭВМ в психологии является автоматизированная «оценка» тестовых данных с выводом на печать текстов психологических характеристик, исполненных ЭВМ («психологических портретов»). В большинстве случаев речь идет о «машинной интерпретации» отдельных тестов, прежде всего ММРІ. Содержательный уровень подобных портретов весьма различен. На наш взгляд, использование такого портрета в диагностическом процессе возможно лишь после тщательной перепроверки его достоверности. К сожалению, многие пользователи принимают исполненные ЭВМ текстовые портреты на веру, рассматривая их не как ориентировочную заготовку, а как окончательное диагностическое суждение. Часто забывается, что машинная интерпретация, как правило, осуществляется лишь по ведущим подъемам тестового профиля и как следствие не способна отразить все важные нюансы случая. В настоящее время, несмотря на продолжающиеся разработки вариантов текстового исполнения психологических портретов на

ЭВМ, в литературе постепенно утверждается мнение о недопустимости передачи ЭВМ функций формирования итогового суждения⁷.

4. СВТ широко применяются в «черновой» исследовательской работе по созданию и совершенствованию диагностических средств, формированию и статистическому описанию выборок сравнения, моделей специалистов и «антиспециалистов», расчету прогностических формул, анализу взаимосвязей между личностными чертами и т. д. Выполнение таких работ требует значительных затрат машинного времени, а также тесного сотрудничества программистов и психологов.

При обработке психологической информации о лицах, интересующих органы КГБ, СВТ могут использоваться как централизованно, так и децентрализованно. Первый вариант требует создания централизованных массивов психодиагностической информации о лицах различных категорий (оперативных сотрудниках, агентах и др.). Эта информация может использоваться для анализа психологических особенностей каждого нового лица и прогнозирования его поведения. Такие массивы могут создаваться на базе существующих информационных систем с использованием ЭВМ типа ЕС⁸ или семейств ЭВМ типа СМ, Электроника-79.

Весьма перспективно для оперативных подразделений формирование и использование децентрализованных массивов психодиагностической информации на базе малых ЭВМ и персональных ЭВМ (ПЭВМ). Создание специализированного для обработки психодиагностической информации и адаптированного для работы с ПЭВМ программного обеспечения позволяет оперативным работникам самостоятельно, на своем рабочем месте решать целый ряд задач описания психологических особенностей изучаемых ими лиц, оценивать прогностическую значимость каждого качества, в ходе диалога с ЭВМ рассчитывать параметры психологической надежности изучаемых и выбирать в их отношении наиболее эффективные управляющие воздействия.

Возможности применения СВТ для решения отдельных задач изучения психологических особенностей интересующих органы КГБ лиц рассматриваются на примере использования в этих целях пакета специализированных прикладных программ

⁵ См.: Колесник Т. И., Бутыгин В. А. Вопросы прогнозирования эффективности подготовки специалистов.— В кн.: Проблемы планирования и управления подготовкой специалистов в высшей школе. Рига, 1985, ч. II, с. 177.

⁶ См.: Паповян С. С. Математические методы в социальной психологии. М., 1983; Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982; Афифи А., Айзен С. Статистический анализ. Подход с использованием ЭВМ. М., 1982.

⁷ См.: Шмидт Л. Диагностическое суждение.— В кн.: Основы психологической диагностики, т. 1, гл. 7, с. 467—537; Янке В. Отнесение к классам.— Там же, гл. 6, с. 376—466; Анастаси А. Психологическое тестирование, т. 2, с. 131.

⁸ См.: Бутыгин В. А., Оранж Ю. Н. Опыт создания базисных элементов системы сбора и автоматизированной обработки психодиагностической информации.— Сборник Высших курсов КГБ (г. Минск), 1983, № 21, с. 68—74.

обработки психодиагностической информации, разрабатываемого Высшими курсами КГБ СССР (г. Минск) в содружестве с Белорусским государственным университетом им. В. И. Ленина⁹.

Программы пакета позволяют решать несколько типов задач.

1. Простое количественное описание психологических характеристик изучаемого лица.

Программа подсчитывает и выводит на печать показатели, необходимые для оценки степени выраженности качеств изучаемого лица, определяемых примененным комплексом конкретных диагностических методик. Содержание комплексов определяется психологом с учетом цели обследования (заказа) и собственных возможностей. Нами обычно используется диагностический комплекс из личностных опросников ММРІ, 16-ФЛО, Айзенка, тестов интеллекта Амтхауера и Равена, экспресс-методик оценки памяти, внимания, мышления (воспроизведение текстов, корректурная проба, сложные аналогии и др.), прожективного теста С. Розенцвейга и гетерооценочных опросников двух типов — из 16 и 40 вопросов.

Большинство этих методик хорошо известны специалистам-психологам. Что касается гетерооценочных опросников, то они представляют собой стандартизованный вариант количественных экспертных оценок¹⁰. Так, при беседе с источником, хорошо знающим изучаемого, ему предлагается оценить личные качества последнего по позициям опросника из 40 вопросов биполярного типа:

Мне кажется, что он, 3 2 1 0 1 2 3 ...скорее,
скорее, общителен... необщителен

Оценки от нескольких источников заносятся на протольный бланк для анализа. Усредненные оценки вводятся в ЭВМ для

⁹ В 1985 г. пакет был сдан в информационный фонд ВФАП Института математики АН БССР под наименованием ПСПП «Психодиагност». Программы пакета реализуются на языке Фортран (см.: Пакет специализированных прикладных программ «Психодиагност». Описание применения. № гос. регистрации 2071857.00169—01 31—ЛУ. Минск, изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1985; Гришанович А. П., Колесник Т. И., Орехов Н. И., Бутыгин В. А. Разработка пакета специализированных прикладных программ (ПСПП) обработки психодиагностической информации. Научный отчет. Минск, изд. БГУ, 1983; Колесник Т. И., Орехов Н. И., Федосюк Г. М. Автоматизация процесса построения модели специалиста.— В кн.: Проблемы планирования и управления подготовки специалистов в высшей школе, с. 175—177.

¹⁰ См.: Кузьмина Н. В. Методы исследования педагогической деятельности. Изд. ЛГУ, 1970, с. 70—84; Пивин Г. Д., Бородин И. А. Опыт создания и применения тестовых методик для решения контрразведывательных задач.— Труды ВШ КГБ, 1982, № 27; Бутыгин В. А., Кушнерев Л. А., Оранж Ю. Н. Опыт разработки тестов гетерооценки — перспективного метода психодиагностики в оперативных целях.— Сборник Высших курсов КГБ (г. Минск), 1982, № 20.

сравнения с показателями лиц, выступающих в качестве выборки сравнения. Ответ распечатывается в виде краткого описания (дескриптора) психологической особенности, абсолютного значения усредненной оценки и ее процентильного¹¹ выражения на фоне использованной выборки:

Фрагмент выводных данных программы «Портрет»

гт 14 — Частота плохого настроения		
x (113)	Значение — 1.750	Процентиль — 6 xxxx
гт 15 — Скрытность, недоверчивость		
x (114)	Значение — 4.250	Процентиль — 52
гт 16 — Уровень симпатичности		
x (115)	Значение — 5.170	Процентиль — 96 xxxx

Знаком xxxx выделяются качества, выходящие за зону 25—75%.

Аналогичным образом на печать выводятся данные по каждой использованной методике. Применение такой программы облегчает оценку психологических характеристик изучаемого лица.

При оценке результатов, выраженных в процентильной форме, необходимо помнить об особенностях лиц, используемых в качестве выборки сравнения. Если характеристики возраста, национальности или образования выборки существенно отличаются от характеристик изучаемого, то при интерпретации результатов обсчета требуется известная осторожность.

В нашем исследовании в качестве выборки сравнения выступали 288 курсантов Высших курсов КГБ (г. Минск).

2. Количественная оценка факторизованных показателей.

Осуществляется с помощью программы «Факторный портрет». Подсчитываются и выводятся на печать абсолютные и относительные (процентильные) значения комплексов (факторов) взаимосвязанных психологических показателей¹². Например, в качестве факторов интеллекта подсчитываются величины, характеризующие надежность зрительной и слуховой памяти, подвижность внимания, логичность мышления и др. Факторный показатель как бы интегрирует сведения об однотипных, имеющих общую психологическую основу, но измеренных разными методами качества. Такие показатели обладают более высокой диагностической надежностью и позволяют в несколько раз со-

¹¹ Процентиль — это точка на шкале распределения результатов, ниже которой расположены результаты соответствующего процента представителей выборки. В ряде случаев это понятие допустимо интерпретировать как процент от максимальной выраженности измеряемого качества у представителей использованной выборки.

¹² См.: Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985; Кулагин Б. В. Основы профессиональной психодиагностики. Л., 1984, с. 20—33.

кратить число данных, подлежащих интерпретации. Так, в нашем исследовании 72 факторизованных показателя, выводимых на печать по программе «Факторный портрет», заменяют 235 исходных показателей, определяемых использованным методическим комплексом.

Предложенная ниже форма представления процентильных значений факторов позволяет быстро обратить внимание на те из них, которые могут наиболее ярко характеризовать изучаемого:

Фрагмент выводных данных программы «Факторный портрет»

Данные гетерооценок по тесту «40»

врж	взм	н/в	соб	ноб	
100					Ф 16—2 Степень принятия коллективом — 3.021
			21		Ф 16—1 Эффективность самоконтроля — 0.607
		50			Ф 16—3 Личностный динамизм 0.082

Подсчет абсолютных значений факторов производится по заранее рассчитанным формулам с учетом величин показателей (переменных), входящих в фактор, коэффициентов их факторных вкладов и статистических характеристик выборки сравнения.

3. Соотнесение качеств изучаемого с показателями эффективности предполагаемой деятельности.

При подборе кандидатов на работу в органы КГБ, оценке возможностей агентов и решении ряда других задач прогностического типа оперативный работник (врач-эксперт, психолог-консультант) должен не только изучить психологические особенности интересующего его лица, но и оценить их в плане эффективности и надежности в предстоящей деятельности. Практически такое соотнесение осуществляется сравнением качеств изучаемого с качествами лиц, деятельность которых отвечает желаемым (заданным) требованиям. Эта процедура реализуется программами типа «Прогноз».

Принцип их работы основан на подсчете частот встречаемости характеристик обследуемого среди лиц, составляющих эталонную группу¹³. Прогностический балл, подсчитываемый для каждого показателя изучаемого лица по программе «Прогноз—эффект», отражает значимость оцениваемого качества для до-

стижения прогнозируемого критерия деятельности или поведения. Выводная информация программы представляется в цифровой и графической формах:

Фрагмент выводных данных программы «Прогноз—эффект»

Значение	Процентиль	Балл	№ переменной	
3.1	99.0	— 18.0	107	— — 0
5.0	13.5	— 62.0	108	— — — — — 0
5.0	94.1	33.0	111	0 + + + +
4.7	8.7	— 37.0	112	— — — — 0
2.1	38.2	17.0	113	0 + +

В цифровой форме распечатываются абсолютные значения анализируемой переменной, ее процентильное значение на фоне выборки сравнения, прогностический балл и номер переменной. Графическая форма вывода данных в виде «хвостов» влево, и вправо от срединной (нулевой) линии позволяет быстро выделить в психологическом профиле изучаемых прогностически сильные и прогностически слабые (неблагоприятные) качества. Длина «хвоста» пропорциональна значению прогностического балла (третий столбик таблицы). Психологический смысл переменных, имеющих наибольшие и наименьшие значения прогностических баллов, распечатывается на отдельном листе. Например:

гг 9 — Качество работы изучаемого лица;

№ пер. 108; Значение 5.0; Процентиль 13.5; Балл — 62.0.

Прогностический балл (—62.0) означает, что при столь низкой оценке экспертами качества работы изучаемого лица (5.0, или 13,5% от максимума) вероятность достижения им заданного нами уровня предполагаемой деятельности снижается в 6,2 раза.

По данным всех оцененных характеристик рассчитывается итоговая вероятность попадания изучаемого в прогнозируемую группу, например в группу высокоуспевающих курсантов.

Программа «Прогноз—эффект» реализуется как на базе исходных, так и на базе факторизованных психодиагностических показателей.

Другая разновидность программ типа «Прогноз» отличается еще более полным использованием прогностических возможностей факторизованных показателей. Наряду с указанием количественных значений измеряемых качеств в выводных данных программы «Прогноз по факторам» предусмотрено графическое представление значений (величин) факторов и ожидаемого места изучаемого лица на оси «специалист — антиспециалист»:

Фрагмент выводных данных программы «Прогноз по факторам»

Фактор интеллекта	
Значение 1.6	Процентиль 95.8

¹³ См.: Колесник Т. И., Бутыгин В. А. Вопросы прогнозирования эффективности подготовки специалистов. — В кн.: Проблемы планирования и управления подготовкой специалистов в высшей школе, с. 177—180.

Отношение к работе
Значение 1.8

Процентиль 97.2

Отношение к людям
Значение 4.8

Процентиль 95.1

iiiiii rrrrrr
iiiiii rrrrrr ллллл
iiiiii rrrrrr ллллл

График выраженности факторов: .....

Положение изучаемого (прогноз):	антисп.	средн.	x	спец.
	— 6		x	+ 6

Вероятность попадания изучаемого:

в группу прогностически благоприятных лиц — 0.87;

в группу средних лиц — 0.13;

в группу прогностически неблагоприятных лиц — 0.00.

4. Статистическая обработка параметров диагностируемых личностных качеств изучаемых лиц.

Осуществляется с помощью программ типа «Сравнение». Программы рассчитывают статистики психодиагностических показателей для любых категорий лиц, информация о которых внесена в ЭВМ. Они сопоставляют усредненные данные сравниваемых групп, равно как и показатели любого лица, с параметрами задаваемой группы. Информация программ представляется в цифровой и графической формах. В последних вариантах программ предусматривается расчет и вывод на печать статистических критериев оценки степени достоверности различий. Формирование сравниваемых групп осуществляется автоматически по задаваемым пользователем критериям.

Рассмотренными классами задач не исчерпываются возможности вычислительной техники. ЭВМ в перспективе могут использоваться оперативным составом для решения вопросов, связанных с психодиагностическими исследованиями. В настоящее время эти подходы используются (с нашей помощью) отдельными оперативными подразделениями для изучения кандидатов на работу в органы КГБ, агентов, которых планируется использовать в активных контрразведывательных мероприятиях, и лиц, проверяемых и разрабатываемых по делам оперативного учета.

Лица двух первых категорий проходят комплексное психологическое обследование с использованием личностных опросников, а также проективных и интеллектуальных методик. При необходимости производится оценка их качеств с помощью гетерооценочных опросников. Результаты вводятся в ЭВМ и обрабатываются по программам пакета «Психодиагност». Выводные данные учитываются при подготовке справок о психологических особенностях изучаемых (психологических портретов), в кото-

рых описываются основные черты их личности, интеллекта, даются характеристики эмоциональной и волевой сфер, приводятся рекомендации по совершенствованию личных качеств.

При изучении объектов дел оперативного учета используется информация источников, заполняющих стандартизованные опросники о личных качествах изучаемого. Сформированный по этим данным «машинный портрет» сопоставляется с другими материалами изучения объекта и уточняется в процессе работы по делу. При достижении достаточной ясности относительно психологических особенностей изучаемого лица составляется соответствующая справка.

Обработка на ЭВМ информации о психологических характеристиках лица, изучаемого по делу оперативного учета, позволяет комплексно оценить мнения источников, путем сложных расчетов выделить нюансы, не всегда замечаемые при безмашинной обработке, и оптимизировать прогностические суждения о его предполагаемом поведении.

Учитывая особую актуальность изучения лиц, интересующих органы КГБ, целесообразно активизировать разработку новых алгоритмов количественной оценки их психологических особенностей с использованием различных средств вычислительной техники, и в первую очередь ЭВМ индивидуального пользования.

Рекомендована Высшими курсами КГБ (г. Минск)

Научный редактор кандидат психологических наук
майор И. А. Бородин

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кандидат юридических наук
майор Л. Н. Башкатов

О ПОНЯТИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Отмеченная на XXVII съезде КПСС необходимость улучшения качества советских законов¹ касается и уголовно-процессуального законодательства. Предстоящее приведение его в соответствие с потребностями современного этапа развития социалистического общества предполагает научное осмысление ряда проблем, в частности связанных с правовым регулированием деятельности участвующих в предварительном расследовании лиц. Эффективность расследования во многом зависит от того, насколько обоснованно вовлекаются в процесс подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и другие субъекты уголовного судопроизводства. Процессуальное положение перечисленных участников процесса и, следовательно, их место и значение в системе расследования выражаются в понятиях подозреваемого (статья 52 УПК РСФСР), обвиняемого (статья 46 УПК РСФСР), потерпевшего (статья 53 УПК РСФСР) и т. п. Именно с анализа таких понятий следует начинать работу по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Обращение к понятию подозреваемого в настоящей статье вызвано прежде всего тем, что оно до сих пор остается дискуссионным. В соответствии со статьей 52 УПК РСФСР подозреваемым считается лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления или в отношении которого применена мера пресечения до предъявления обвинения. Мысль законодателя выражена достаточно определенно: подозреваемый в советском уголовном процессе появляется в силу применения к нему одной из указанных мер принуждения, то есть тогда, когда ограничена личная свобода гражданина в связи с возникшим подозрением. Подозреваемый приобретает свои права и обязанности в ином порядке, чем другие участники уголовного судопроизводства.

¹ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 61.

производства. Поэтому вопрос об основаниях признания лица подозреваемым не был обойден в теории.

Наряду с мнением процессуалистов, отрицающих возможность расширения оснований для признания лица подозреваемым², существуют и предложения о необходимости совершенствования уголовно-процессуального закона в этом направлении. При этом одни из ратующих за дополнение или изменение статьи 52 УПК РСФСР полагают, что появление подозреваемого в процессе должно быть обусловлено также допросом лица по обстоятельствам преступления, к которому, по мнению следователя, оно причастно³. Другие считают, что стеснение гражданина в правах (как результат возникших подозрений о совершении им преступления) выражается, помимо того, в вынесении постановления о возбуждении уголовного дела⁴ или в наложении ареста на имущество, в освидетельствовании, а также других принудительных мерах⁵. Поэтому, по их мнению, последствием перечисленных процессуальных действий должно быть признание лица подозреваемым.

Обычно необходимость изменения или дополнения статьи 52 УПК РСФСР мотивируется заботой об охране прав и законных интересов граждан, добропорядочность которых ставится под сомнение теми или иными действиями. Предложения по совершенствованию статьи 52 УПК РСФСР высказываются уже длительное время, однако законодатель до сих пор не прислушался к ним и в законе содержится все тот же перечень обстоятельств, обуславливающих появление подозреваемого, что и в момент принятия кодекса. Представляется, что в данной ситуации объяснение этому нужно искать не в инерции законотворческого процесса, не в недооценке научных разработок⁶, а в том, что правила статьи 52 УПК РСФСР в современной редакции вполне эффективно регулируют общественные отношения, в которых участвует подозреваемое лицо.

Рассмотрим, насколько обоснованы предложения, касающиеся закрепленного в законе понятия подозреваемого.

² См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 238—239; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 205—206.

³ См., например: Карнеева Л. М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство расследования. — В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979, с. 171.

⁴ См.: Советский уголовный процесс. М., изд. ВШ КГБ, 1973, с. 124.

⁵ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980, с. 126; Чувилев А. Проведение экспертизы до предъявления обвинения. — Социалистическая законность, 1968, № 11, с. 41.

⁶ См.: Карнеева Л. М. О некоторых вопросах совершенствования законодательства. — В кн.: XXVI съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1982, с. 210—211.

Л. М. Карнеева предлагает допрашивать в качестве подозреваемых тех лиц, в отношении которых «собраны доказательства причастности к расследуемому преступлению, недостаточные, однако, для предъявления им обвинения»⁷. С таким определением подозреваемого нельзя согласиться в первую очередь потому, что в его основу положен исключительно расплывчатый критерий. «Наличие недостаточных доказательств» можно трактовать как угодно. Мы разделяем точку зрения М. С. Строговича о нецелесообразности указания в законе подобного основания постановления лица в процессуальное положение подозреваемого. Оно означало бы ничем не ограниченное право следователя допрашивать лицо в качестве подозреваемого по любому поводу. Между тем допрос гражданина в качестве подозреваемого ставит его в тягостное положение и отражается на его общественной репутации⁸.

Следует обратить внимание и еще на ряд обстоятельств.

В советском уголовном процессе основной формой уголовного преследования является обвинение. Об этом, в частности, свидетельствует содержание статей 158, 160 Конституции СССР, статей 4, 13, 14, 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Если же будет позволено привлекать граждан в качестве подозреваемых только потому, что в отношении их собраны доказательства, «недостаточные для предъявления обвинения», то подозрение фактически станет формой уголовного преследования, конкурирующей с обвинением⁹. И в конечном счете по большинству уголовных дел следствие практически до окончания будет вестись без обвиняемого, без использования в интересах дела всех гарантий прав его личности.

Признать лицо подозреваемым, допросив его в связи с наличием «недостаточных для предъявления обвинения доказательств», можно в любой момент расследования. Следовательно, его пребывание в процессе невозможно ограничить конкретными временными рамками. Поэтому в любой момент расследования институт привлечения в качестве подозреваемого можно будет использовать для отсрочки предъявления обвинения.

Следует учитывать и возможные сложности с реабилитацией необоснованно заподозренного. Предлагая новшества в отношении норм, регулирующих процессуальное положение подозреваемого, нужно иметь в виду существующий в обществе уро-

⁷ Карнеева Л. М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство расследования, с. 171.

⁸ См.: Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951, с. 116.

⁹ Некоторые авторы фактически предлагают узаконить такое положение, предусмотрев возможность вынесения «особого процессуального акта, содержащего в себе мотивированный вывод о признании лица подозреваемым» (Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д., с. 127).

вень правосознания. Не только осуждение, но и привлечение в качестве обвиняемого, арест или задержание гражданина сами по себе нередко расцениваются как не нуждающиеся в подтверждении свидетельства его причастности к совершенному преступлению, как основание к применению к нему мер общественного, а иногда и дисциплинарного воздействия. Ставится под сомнение общественная добропорядочность гражданина, а иногда и способность занимать определенные должности.

Негативная оценка личности гражданина может последовать и тогда, когда в качестве оправдательного документа в связи с отсутствием на работе он представит администрации повестку о вызове на допрос в качестве подозреваемого. Предположим, что выдвинутое подозрение не подтвердилось и необходимость вторично допрашивать данное лицо не возникла на протяжении всего следствия. Все это время гражданин будет жить с ярлыком причастного к преступлению. Даже если распространить на таких лиц формы реабилитации, предусмотренные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года¹⁰ (сообщение на работу о непричастности к совершенному преступлению, публикация об этом в печати), то реализованы они могут быть самое раннее по окончании расследования.

В. Я. Дорохов справедливо отмечал, что подозрение, взятое само по себе, не будет иметь правового значения, ибо предположение о виновности не влечет каких-либо правовых последствий для подозреваемого. «Подозреваемый появляется в процессе только тогда, когда подозрение найдет свое выражение в соответствующих действиях органа, ведущего расследование, которыми будут затронуты права гражданина, оказавшегося в положении подозреваемого»¹¹. Утверждение верное, однако с тем, как его развивает автор, согласиться нельзя.

По мысли В. Я. Дорохова, гражданин поставлен в положение подозреваемого постановлением о возбуждении в отношении его уголовного дела. Этим постановлением следователь или орган дознания официально возводит на конкретное лицо подозрение в совершении преступления. При этом обращается внимание на незаконность практики вынесения постановлений о возбуждении уголовного дела против конкретных лиц без каких-либо ограничений. Такая практика, по существу, приравнивала бы исключительную фигуру подозреваемого, какой она является согласно закону, к фигуре обвиняемого¹².

По мнению В. Я. Дорохова, допустимо возбуждать дело «в отношении лица» только в тех случаях, когда нельзя возбудить

¹⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 21, ст. 741.

¹¹ Дорохов В. Я. Подозреваемый.— В кн.: Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1962, с. 42.

¹² См. там же, с. 45, 46.

дело «по факту» и невозможно определить характер общественно опасных действий без установления лица, которое могло совершить эти преступные действия (например, измена Родине в форме бегства за границу, дезертирство, самовольная отлучка)¹³. То есть тогда, когда суждение о преступлении не может быть сформулировано без указания на предполагаемого преступника.

Однако и при таких существенных оговорках мысль о допустимости ставить гражданина в положение подозреваемого путем возбуждения в отношении его уголовного дела представляется спорной.

Во-первых, представляется проблематичной с практической точки зрения сама постановка вопроса о признании гражданина подозреваемым именно путем возбуждения против него уголовного дела. Характер и обстоятельства совершения указанных выше преступлений обычно таковы, что уже в начале расследования к подозреваемым применяется задержание. Повышенная общественная опасность таких преступлений, как правило, обуславливает необходимость ареста подозреваемых (часть 2 статьи 96 УПК РСФСР). Поэтому вопрос о процессуальном положении таких лиц снимается. Ведь поскольку к ним применяется задержание или мера пресечения до предъявления обвинения, они автоматически становятся подозреваемыми в процессуальном смысле этого слова¹⁴. Следовательно, не возникает и вопроса, в качестве кого допрашивать подобных граждан.

Во-вторых, подозрение — это суждение, допускающее возможность совершения преступления определенным лицом; это суждение о преступлении и преступнике, основанное на таких сведениях, объем и характер которых не позволяет считать его окончательным. Подозрение в отличие от обвинения не означает утвердительного вывода (со стороны следователя) и полного знания о личности виновного, о содержании объективной стороны и других компонентах преступления. По сравнению с обвинением оно менее поддается формализации. Следовательно, и защита против подозрения, как правило, значительно сложнее ввиду его меньшей определенности по сравнению с обвинением. Поэтому по общему правилу подозрение (как тезис, суждение, не подтвержденное достаточными для предъявления обвинения доказательствами) не должно проявляться в процессе, не должно предшествовать обвинению.

При задержании подозреваемого или применении к нему меры пресечения мы располагаем комплексом данных: одни из них указывают на совершение преступления определенным лицом,

¹³ См.: Дорохов В. Я. Подозреваемый, с. 44.

¹⁴ Впрочем, и по подобным делам возникают ситуации, когда лицо до привлечения его в качестве обвиняемого не будет подвергнуто мере пресечения или задержанию. Однако это исключение, а не правило.

другие — требуют применить к этому лицу принудительные меры, связанные с ограничением личной свободы.

Исключительность процессуального положения подозреваемого в том и состоит, что он получает права и обязанности в процессе не столько в связи с уличающими его данными, сколько в связи с необходимостью ограничения его свободы в интересах следствия. Подозрение, послужив основанием для ограничения свободы человека, выливается в такие формы, которые уже требуют обеспечить ему право на защиту.

Именно необходимость ограничения свободы лица в целях успешного расследования дела является главной причиной официального признания этого лица подозреваемым. Появление подозреваемого в процессе является в целом следствием, побочным результатом применения к нему принуждения. Именно принуждение в виде задержания или применения меры пресечения помимо своих основных целей (предотвращение уклонения от следствия и суда, воспрепятствования установлению истины и др.) играет роль механизма, вовлекающего подозреваемого в процесс расследования.

Если по обстоятельствам дела нет необходимости задерживать или арестовывать гражданина, то до привлечения его в качестве обвиняемого он не занимает процессуального положения подозреваемого. Если данные о совершении преступления таким лицом имелись уже к моменту возбуждения уголовного дела, то появляется возможность быстро получить на их основе процессуальные доказательства и привлечь лицо в качестве обвиняемого.

В-третьих, постановлением о возбуждении уголовного дела «в отношении лица» не ограничиваются права гражданина в той мере, которая требовала бы наделения его правами для защиты.

Закон предоставляет гражданину гарантии тогда, когда действия следователя ограничивают принадлежащее ему социальное благо. Так могут быть ограничены личная свобода, телесная неприкосновенность, поставлена под сомнение добропорядочность.

Можно ли говорить о том, что в связи с возбуждением уголовного дела гражданин не может использовать какое-либо социальное благо? Думается, нет. И это, на наш взгляд, относится к любому делу вне зависимости от того, возбуждено оно «по факту» или «в отношении лица».

Возбуждая уголовное дело, следователь обязан так формулировать свое решение, чтобы ни у кого не возникло мнения, будто в постановлении содержатся готовые выводы по делу. Должно быть видно, что уголовное дело возбуждается не потому, что следователь заранее согласен с данными, послужившими основанием для начала процесса. Не следует «возводить подо-

зрение»¹⁵, надо так составлять постановление, чтобы было видно: речь идет о первичной информации, которая будет проверяться в ходе расследования.

Постановление о возбуждении уголовного дела не становится (и, как представляется, по закону не должно становиться) известным широкому кругу лиц, не имеющих отношения к расследованию. Таким образом, при возбуждении уголовного дела репутация гражданина не пострадает, если соблюдаются все требования процессуального закона.

В-четвертых, постановление о возбуждении уголовного дела «в отношении лица» может служить основанием для появления в процессе подозреваемых по строго определенному кругу уголовных дел. Реализация предложений В. Я. Дорохова предполагает установление в законе перечня преступлений, при расследовании которых подозреваемый порождается самим началом производства по делу. Получится, что по уголовным делам в отношении одних государственных преступлений (скажем, измены Родины в форме бегства за границу) подозреваемый будет появляться с момента возбуждения уголовного дела, а по делам в отношении других государственных преступлений (например, шпионажа) — не будет. Налицо дифференциация процессуальной формы независимо от общественной опасности преступления. Однако для советского уголовного процесса, напротив, характерно установление единых для всех дел оснований привлечения граждан к участию в деле, единых гарантий прав личности. Дополнительные же основания признания лиц подозреваемыми — это дополнительные по сравнению с имеющимися возможности возложения на граждан весьма серьезных обязанностей.

В-пятых, если постановление о возбуждении уголовного дела содержит информацию о действиях какого-либо лица, то нет необходимости допрашивать такое лицо непременно в качестве подозреваемого. Следователь должен собрать достаточные доказательства и при наличии оснований привлечь лицо в качестве обвиняемого, а затем уже допрашивать его. Привлечение лица в качестве обвиняемого вовсе не обуславливается его предварительным допросом. Сведения о преступлении, и преступнике следователь может почерпнуть из других источников, которыми он, как правило, располагает при возбуждении уголовного дела.

Если в материалах дела есть сведения, указывающие на совершение преступления определенным лицом, то такое лицо

¹⁵ Иначе положение личности в процессе определялось бы тем, в какой редакции составлено постановление о возбуждении уголовного дела: указан в нем определенный гражданин или нет (см. об этом: Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986, с. 26). Кстати, предложенный В. Я. Дороховым термин «возведение подозрения» в русском языке означает «несправедливое приписывание кому-нибудь чего-нибудь неблагоприятного» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978, с. 74, 84).

нельзя допрашивать в качестве свидетеля. Свидетель предупреждается об ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний. Свидетель не может быть допрошен о собственных действиях, которые расцениваются как преступные. Свидетелю нельзя ставить изобличающие вопросы. Уличать можно обвиняемого, а не свидетеля.

Если в материалах дела нет данных о причастности лица к совершению преступления, то его вполне допустимо допрашивать в качестве свидетеля¹⁶.

Так, из ряда уголовных дел были выделены материалы, подтверждающие совершение особо опасного преступления некоей Макаровой А. При расследовании данного уголовного дела было выявлено лицо, носящее фамилию Гинзбург А. М. При этом в распоряжении следствия не было доказательств, что Макарова А. и Гинзбург А. М. — одно и то же лицо. На допросе Гинзбург А. М. были выяснены следующие вопросы: где она находилась в период 1941—1943 годов, чем она занималась в то время, меняла ли она свою фамилию. Гинзбург А. М. дала показания о том, что в указанный период она находилась в районе, где, по данным следствия, совершала свои преступления Макарова А., что в то время она (Гинзбург А. М.) служила в немецкой полиции и что тогда она носила фамилию Макарова, которую изменила в конце войны на фамилию мужа — Гинзбург. С учетом полученных сведений Гинзбург А. М. была арестована, а затем привлечена в качестве обвиняемой¹⁷. В данном случае производился допрос свидетеля об обстоятельствах, связанных с его личностью. Однако свидетель не допрашивался об обстоятельствах преступления, не изобличался в его совершении.

В-шестых, возбуждение уголовного дела «в отношении лица» как основание признания его подозреваемым не укладывается в рамки статьи 52 УПК РСФСР, поскольку нарушает ее логическую структуру. Мы исходим из того, что одно и то же правовое явление, в данном случае — признание лица подозреваемым, может быть порождено сходными по своей природе причинами.

¹⁶ В УПК было бы целесообразно ввести норму, по смыслу аналогичную содержащейся в § 100 УПК ЧССР: «Свидетель имеет право отказаться от дачи показаний, если этими показаниями создаст угрозу уголовного преследования в отношении себя, своих прямых родственников, братьев и сестер, усыновителя, усыновленного, супруга и друга, а также других родственников или лиц, интересы которых ему также близки, как его собственные». В законе следовало бы установить также правило, исключающее привлечение лица, допрошенного в качестве свидетеля, к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний, если оно впоследствии привлечено по данному делу в качестве обвиняемого. Подобные правила известны законодательству социалистических стран (см., например, п. «б» ч. 1 § 65 УПК Венгерской Народной Республики).

¹⁷ Уголовное дело по обвинению Гинзбург-Макаровой А. М. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР. — Материалы 10-го отдела УКГБ СССР по Брянской обл., арх. № 22007, т. 1, л. д. 38—41.

В настоящее время критерием деления оснований для признания лица подозреваемым является степень ограничения свободы. Возбуждение уголовного дела «в отношении лица» предлагается использовать в качестве основания в связи с тем, что оно «за-трагивает» интересы лица. Однако и задержание, и мера пресе-чения по своему содержанию, правовому значению влияют на личную и общественную жизнь человека иначе, чем возбужде-ние уголовного дела. Их вторжение в сферу личных интересов в отличие от возбуждения уголовного дела в целом однородно — гражданин на определенный срок полностью или частично ли-шается свободы. При возбуждении уголовного дела такие по-следствия, естественно, не наступают.

В-седьмых, нарушение логической структуры статьи 52 УПК РСФСР повлечет за собой несогласованность иных норм, регла-ментирующих процессуальное положение подозреваемого.

Так, если признать законным появление в процессе подозре-ваемого с момента возбуждения уголовного дела, то неизбежно возникнут трудности с определением временных рамок суще-ствования данного субъекта. Представим, что по аналогии с тре-бованиями статьи 90 УПК РСФСР будет определен десятису-точный срок для предъявления обвинения подозреваемому. Но такая норма существенно ограничит возможности расследова-ния. Получится, что по всем делам, возбужденным «в отноше-нии лица», обвинение должно быть предъявлено в течение деся-ти суток. Это нереально. Допустим, что будет установлен боль-ший срок. Но тогда трудно объяснить, почему арестованному предъявляется обвинение не позднее десяти суток с момента заключения под стражу, а не подвергнутому мере пресечения — значительно позже.

Нужно учитывать и возможную конкуренцию норм, которая может сложиться при дополнении статьи 52 УПК РСФСР. Пред-положим, что подозреваемый, вначале приобретший права и обязанности в связи с возбуждением дела, затем будет аресто-ван. До ареста он уже пробыл в качестве подозреваемого опре-деленное время, после ареста его в том же качестве могут со-держать под стражей еще десять суток. Предъявление обвине-ния по такому делу будет значительно отсрочено, а это не что иное, как нарушение права подозреваемого на защиту.

Исходя из изложенного, считаем нецелесообразным расши-рять понятие подозреваемого в советском уголовном процессе. Совершенствование законодательства должно идти по пути рас-ширения прав подозреваемого для защиты своих интересов и обеспечения их соответствующими гарантиями.

Необходимо урегулировать сроки пребывания под стражей подозреваемых, которые до применения к ним меры пресечения были задержаны в соответствии со статьей 122 УПК РСФСР. Весьма актуальным также представляется вопрос об обеспече-

нии прав задержанного по подозрению в совершении преступле-ния, если он в связи с теми же обстоятельствами подвергался и административному задержанию в период, предшествующий возбуждению уголовного дела. Должен быть положительно ре-шен вопрос об участии защитника на более ранних этапах рас-следования, нежели установлено ныне. При этом необходимо определить, в каких формах защитник может оказывать юриди-ческую помощь подозреваемому.

*Рекомендована кафедрой уголовного права
и уголовного процесса*

Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского

*Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник А. Ф. Козыкин*

КОДИФИКАЦИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О правовой реформе» указано, что в стране предстоит провести широкую правовую реформу, которая призвана обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизмы поддержания социалистического правопорядка, укрепить социалистическую законность¹. Требование неукоснительного соблюдения социалистической законности в условиях формирования правового государства неразрывно связано прежде всего с качеством законов: лишь законы, адекватно отражающие характер новых общественных отношений, дух перестроечного процесса в целом, могут обеспечить реализацию принципа законности, движение общества вперед, выполнить свою созидательную и охранительную функции.

Поставленная партией задача формирования социалистического правового государства, перестройка политической системы советского общества, развитие демократии, расширение гласности требуют переосмысления концепции обеспечения государственной безопасности СССР и соответствующего законодательного закрепления ее в ходе осуществляемой правовой реформы. При этом важное значение приобретает систематизация правового регулирования в сфере обеспечения государственной безопасности, предполагающая взаимосвязанное комплексное решение следующих наиболее важных проблем:

функция обеспечения государственной безопасности и распределение компетенции в этой области между органами государства, общественными организациями, правовое обеспечение этой функции в условиях перестройки;

роль и место органов государственной безопасности в механизме социалистического государства, задачи и методы их деятельности в новых условиях;

конституционные и иные правовые основы деятельности органов КГБ в свете действующего и разрабатываемого законодательства, других нормативных актов; компетенция органов КГБ, их административные полномочия;

соотношение открытого и закрытого правового регулирования деятельности органов КГБ, включая осуществление специальных мероприятий;

гарантии соблюдения органами КГБ социалистической законности; правовые основания ограничения прав и свобод личности в интересах государственной безопасности с учетом норм международного права;

правовой механизм реализации полномочий органов КГБ, ответственность должностных лиц и граждан за нарушение законодательных актов, регулирующих обеспечение государственной безопасности;

правовое обеспечение интересов государственной безопасности за пределами компетенции органов КГБ.

Для системного решения указанных проблем и выработки конкретных нормотворческих предложений представляется целесообразным создать на период проведения правовой реформы специальную научно-координационную группу из ученых и практических работников, предусмотрев для части из них временное освобождение от других служебных обязанностей.

Имеется ряд неотложных вопросов правового регулирования в области обеспечения государственной безопасности и деятельности органов КГБ, с которыми необходимо выйти в инстанции.

1. В главе 5 Конституции СССР защиту социалистического Отечества надо раскрыть по двум органически связанным направлениям — оборона страны и государственная безопасность, как это сделано в новой редакции Программы КПСС и Законе об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР (пункт 13 статьи 113).

В связи с этим часть 1 статьи 31 Конституции СССР целесообразно изложить в следующей редакции: «Защита социалистического Отечества, укрепление обороны страны и обеспечение государственной безопасности составляют важнейшие функции государства и являются патриотическим долгом всего народа и каждого гражданина СССР».

Предлагаемое дополнение, подчеркивая нацеленность органов КГБ против враждебной деятельности извне, послужило бы конституционной основой для разработки Закона о государственной безопасности СССР, отражающего одно из взаимосвязанных направлений защиты социалистического Отечества.

2. Конституция СССР в действующей редакции, закон о ее изменениях и дополнениях относят обеспечение государственной безопасности наряду с обороной к ведению высших органов власти и управления. Однако если в сфере обеспечения обороны имеется конституционный координирующий орган — Совет обороны СССР, то в сфере обеспечения государственной безопасности аналогичного органа нет. Задачи межведомственной координации по данному вопросу непосредственно выполняет КГБ СССР путем взаимодействия или обращения в инстанции. Это не соответствует линии XIX Всесоюзной партконференции на разграничение функций государственных и общественных организаций. В условиях нарастающей подрывной деятельности противника в сфере экономики, межнациональных отношений и т. п., а также усилившейся зависимости проблем обеспечения государственной безопасности от состояния и функционирования сози-

¹ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., Политиздат, 1988, с. 145—146.

дательных сил общества все в большей мере проявляется необходимость постоянной надведомственной координации деятельности всех звеньев государственного механизма и общественных организаций в интересах системного решения задач обеспечения государственной безопасности. Для этого надо законодательно закрепить компетенцию и состав действующего Совета обороны СССР, имея в виду наделение его полномочиями и в сфере обеспечения государственной безопасности (например, определение основных направлений политики в области обороны и государственной безопасности, координация и контроль за деятельностью государственных органов и общественных организаций, участвующих в реализации функции обороны и государственной безопасности, и т. д.).

Принятие данного предложения способствовало бы повышению эффективности обеспечения государственной безопасности, уточнению роли и места КГБ СССР в системе государственных органов, сосредоточению его усилий прежде всего на разведывательной и контрразведывательной деятельности, что также соответствовало бы перспективам перестройки системы правоохранительных органов в стране.

3. В целях создания системы правовых оснований для принятия мер в отношении враждебных элементов, пытающихся использовать процесс демократизации советского общества в антисоциалистических, антиконституционных целях, следует внести в Конституцию СССР и другие законодательные акты следующие изменения и дополнения:

а). Статью 59 Конституции СССР дополнить частью 3: «Злоупотребление правами, нарушение гражданином возложенных на него обязанностей влекут за собой ответственность по закону». Тем самым будет конкретизирована часть 2 статьи 39 Конституции СССР, что необходимо для создания конституционной основы в целях последующего закрепления в законодательстве границ осуществления прав и свобод граждан (Закон об информации и печати, Закон об общественных организациях, Закон о государственной безопасности и др.) и оснований применения специальных мер.

Вместе с тем нужно обозначить в законодательстве, в частности в Законе о государственной безопасности, правовые средства реализации конституционного требования о недопустимости использования гражданами прав и свобод в ущерб интересам общества, государства, правам других граждан.

б). Установить обязанность гражданина СССР «быть верным своей социалистической Родине, строго хранить государственную и служебную тайну, содействовать укреплению социалистического общественного и государственного строя». С этого начать изложение части 1 статьи 62 Конституции СССР, далее — по тексту.

Понятия государственной и служебной тайны целесообразно дать в подготавливаемом Законе о государственной безопасности.

в). В соответствии с положениями и идеями Всеобщей декларации прав и свобод человека и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 19), а также учитывая опыт конституционного развития социалистических стран (например, статья 31 Конституции ГДР в редакции 1974 года, статьи 55—56 Конституции Республики Куба 1976 года), статью 56 Конституции СССР изложить в следующей редакции: «Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений неприкосновенны и охраняются законом. Эти права могут быть ограничены только в случаях, предусмотренных законом, если этого требуют безопасность социалистического государства или уголовное преследование. При этом гарантируется сохранение в тайне содержания сведений, не связанных с причинами ограничения».

Предлагаемое изменение позволит в последующем отразить в Законе о государственной безопасности правомерность осуществления специальных мероприятий.

С учетом изложенного следует привести в соответствие с Конституцией СССР и редакцию статьи 149 проекта УК РСФСР, с тем чтобы снять препятствия для внесения в Закон о государственной безопасности нормы, дающей право на осуществление специальных мероприятий. Статью 149 проекта УК РСФСР предлагается изложить следующим образом: «Незаконные действия, нарушающие тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, — наказываются...».

Одновременно целесообразно в Законе о государственной безопасности и уголовно-процессуальном законодательстве установить институт контроля за телефонными переговорами в процессе следствия по определенному кругу преступлений, например по особо тяжким и некоторым тяжким.

г). В соответствии с резолюцией XIX партконференции «О гласности» дополнить Конституцию СССР новой статьей следующего содержания: «Граждане СССР имеют право на получение по любому вопросу общественной жизни полной и достоверной информации, не составляющей государственной или служебной тайны.

Это право обеспечивается гласностью в работе государственных органов и общественных организаций, обязанностью должностных лиц отчитываться перед трудящимися, деятельностью средств массовой информации, доступностью для граждан фондов библиотек и архивов, возможностью открытого и свободного обсуждения общественно значимых вопросов». Целесообразно разработать и реализовать систему информирования населения об основных направлениях и результатах деятельности органов государственной безопасности, в том числе в историческом ас-

пекте. Публиковать в СП СССР решения Совета Министров СССР о назначении на должность и освобождении от должности заместителей председателя и членов Коллегии КГБ СССР.

4. В области административных полномочий органов КГБ предлагается следующее:

а) считать основополагающим актом Закон о государственной безопасности СССР, все административные полномочия органов КГБ принципиального характера изложить в открытых правовых актах, а технологию их реализации с использованием негласных сил и средств — в закрытых;

б) закрепить в правовом порядке организационно-координирующие полномочия КГБ СССР и его органов, которые присущи органам государственного управления, относящимся к числу государственных комитетов СССР. Формами правового закрепления названных полномочий могли бы быть указание об этих полномочиях в общей форме в проекте Закона о государственной безопасности, а также детальное их перечисление в проекте закрытого Положения о КГБ СССР (если не будет принято решение об издании Положения об агентурно-оперативной деятельности КГБ СССР);

в) предоставить органам КГБ следующие дополнительные права в области административной деятельности, закрепив их в Законе о государственной безопасности, а затем в Положении о КГБ СССР:

вызывать в служебные помещения лиц, совершивших или пытающихся совершить действия, противоречащие интересам государственной безопасности (для осуществления профилактических мероприятий);

привлекать силы и средства органов внутренних дел и военнослужащих частей Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, а также войск МВД СССР для участия в мероприятиях по обеспечению государственной безопасности;

использовать при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, средства передвижения (кроме дипломатических и специальных автомобилей) и средства связи предприятий, учреждений и организаций страны, а также личные транспортные средства советских граждан;

временно закрывать въезд в СССР и выезд из СССР, а также въезд в отдельные города или местности либо выезд из них конкретным лицам, если их действия противоречат интересам государственной безопасности;

г) ускорить разработку и принятие Закона о профилактике. Полномочия органов КГБ на применение официального предостережения в качестве меры профилактического воздействия следует оставить. Это соответствовало бы линии партии и Советского государства на приоритет профилактики в борьбе с преступностью (в последнее время аналогичными полномочиями наделены органы прокуратуры и органы внутренних дел).

Однако данное полномочие следует изложить в открытых правовых актах, в частности в проекте Закона о государственной безопасности и Закона о профилактике. На данном этапе в качестве переходного акта целесообразно издать открытый Указ Президиума Верховного Совета СССР об официальном предостережении.

В целях повышения эффективности официального предостережения желательно установить административную ответственность, если лицо после объявления официального предостережения не сделало надлежащих выводов и вновь совершило действия, по поводу которых осуществлялось предостережение;

д) наделить в современный период органы КГБ правом осуществлять превентивное административное задержание экстремистски настроенных лиц, вынашивающих намерение выехать в Москву или другие города во время проведения там крупных общественно-политических мероприятий, представляется нецелесообразным.

Административное задержание — острая мера, предусматривающая временное ограничение свободы лица. Основанием для административного задержания является нарушение лицом установленного правопорядка (то есть совершение правонарушения). Предоставление органам КГБ права превентивного задержания противоречило бы закрепленным в законе и устоявшимся принципам и традициям применения административного задержания; оно не было бы в настоящее время понято гражданами, особенно в условиях формирования социалистического правового государства. По своему характеру эта мера чрезвычайная, и ее нельзя по примеру ряда буржуазных стран переводить в обычную.

В целях недопущения въезда экстремистов в города или местности, где проводятся крупные общественно-политические мероприятия, более приемлемо предложенное нами ранее наделение органов КГБ полномочием на временное закрытие для таких лиц въезда в указанные места.

5. Замечания и предложения по проектам уголовного законодательства.

а). Необходимо полнее учесть в уголовном законодательстве нормы международного права:

Уточнить редакцию части 3 статьи 5 проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик² и проекта УК РСФСР. Вместо «согласно международным договорам» дать шире — «согласно международному праву», иначе остается неучтенным международный обычай (например, об иммунитетах командиров военных кораблей). Неточно сказано также о неподсудности советским судам дипломатических представителей. При определенных обстоятельствах (отказ аккредитующего государ-

² Далее — проект Основ.

ства от иммунитета) они подсудны. Поэтому предлагается следующая редакция данной нормы: «Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей и иных граждан, пользующихся в соответствии с действующими законами и международным правом иммунитетом от уголовной юрисдикции, в случае совершения этими лицами преступления на территории СССР (РСФСР) решается дипломатическим путем».

В соответствии с Конвенцией о борьбе с расизмом и расовой дискриминацией (1966 года) дополнить часть 4 статьи 150 проекта УК РСФСР указанием на возбуждение религиозной ненависти.

«(4) Умышленные действия, направленные на возбуждение религиозной ненависти, либо проповедование религиозных верований, сопряженное с запрещением гражданам исполнять гражданские обязанности, либо совершение религиозных обрядов, повлекшее причинение вреда здоровью граждан, — наказываются...»

В проекте УК РСФСР недостаточно отражены положения, вытекающие из Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961 года) и Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой (1973 года).

Во-первых, в целях обеспечения неприкосновенности помещений и транспортных средств указанных лиц уголовную ответственность следует установить не только за нападения на официальные и жилые помещения, где находятся эти лица, либо на их транспортные средства или за угрозу их осуществления (статья 232 проекта УК). Например, если захват всегда предполагает нападение, то вторжение (прорыв), тайное проникновение, оскорбление достоинства представительства, дезорганизация его деятельности и т. п. не всегда сопряжены с нападением. Такие действия не исключены и в условиях, когда будут приняты готовые правила о свободе доступа советских граждан в иностранные представительства. Возможность уголовного преследования за сам факт совершения прорыва, тайного проникновения и т. п. будет способствовать обеспечению неприкосновенности помещений дипломатов и решению стоящих перед органами КГБ задач. Поэтому предполагается соответственно расширить круг посягательств, предусмотренных в статье 232 проекта УК РСФСР.

В соответствии с названной Конвенцией 1973 года повышенные санкции должны быть предусмотрены за посягательства на весь круг лиц, пользующихся международной защитой (не только официальных представителей), независимо от цели этого посягательства, как это сделано в законодательствах многих стран.

Такие санкции предусмотрены, например, в законодательстве

США, Великобритании, Израиля, Южной Кореи, Филиппин, Египта, Нидерландов, Норвегии, Эквадора, Кубы, Польши, Югославии. В советском уголовном законодательстве имеется лишь одна специальная норма с повышенной санкцией — за террористический акт против представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений (статья 67 УК РСФСР). Однако в ней сужен круг лиц, пользующихся международной защитой, и сужена цель. В современных условиях, как показывает практика, террористы чаще посягают на дипломатов с иными целями (корыстными, получение политических выгод и т. п.). К числу преступлений, которые должны влечь за собой повышенные санкции, названная Конвенция относит: убийства, похищения, другие нападения, направленные против личности или свободы дипломата.

Если пойти по пути формулирования специальных составов в УК РСФСР, то их оказалось бы непропорционально много. Проблематично дать и исчерпывающий перечень норм, «работающих» в условиях СССР. Поэтому желательно включить «совершение преступления в отношении лица, пользующегося международной защитой» в перечень отягчающих ответственность обстоятельств, учитываемых при назначении наказания.

Согласно международно-правовым актам целесообразно предусмотреть в советском уголовном законодательстве ответственность за пиратство. Согласно статьям 15 и 19 Конвенции об открытом море (1958 года) и статье 101 Конвенции ООН по морскому праву (1982 года) пиратство определяется как «любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна» или летального аппарата. В открытом море любое государство может захватить пиратское судно, арестовать находящихся на нем лиц и имущество, а судебные органы этого государства вправе определять наказания виновным и меры в отношении судна и имущества (статья 19 Конвенции об открытом море).

Распространенность пиратства в международном масштабе, расширение зон военно-морского присутствия СССР, например в рыбоохранных зонах, открывают возможности для пресечения пиратства кораблями Советского ВМФ. Включение в советское уголовное законодательство нормы об ответственности за пиратство позволит судебным органам СССР не только адекватно характеру деяния наказывать виновных, но и решать вопрос о судьбе пиратского судна и имущества, что также имеет практическое значение.

Статья 243 проекта УК РСФСР оставляет без внимания незаконное пользование эмблемой ООН и символами других международных организаций. Эту статью целесообразно дать в следующей редакции.

«Статья 243. Незаконное пользование символами международных организаций»

Незаконное пользование флагом или эмблемой ООН, знаками или наименованием Красного Креста и Красного Полумесяца либо символами других международных организаций — наказывается...»

б). С точки зрения международного и внутреннего развития СССР представляется важным отразить в проекте Основ и части 1 статьи 3 проекта УК РСФСР принцип социалистического интернационализма.

в). В интересах укрепления правовых основ борьбы с подрывной деятельностью противника, осуществляемой за границей, в частности с позиций третьих стран, целесообразно расширить пределы действия советского уголовного закона в пространстве. В этих целях желательно дополнить часть 4 статьи 6 проекта Основ и проекта УК РСФСР, установив ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства за особо тяжкие и тяжкие преступления против интересов СССР и его граждан, совершенные на территории третьих стран. Такое решение не затрагивает национальную территорию государства, гражданином которого является иностранец, и, следовательно, не повлечет нарушения суверенитета других государств. К тому же и главный противник, и дружественные социалистические страны ставят свои интересы под правовую охрану повсеместно.

Одновременно представляется целесообразным дополнить статью 7 проекта Основ и проекта УК РСФСР частью 4, в которой следует указать, что в случае агрессии против СССР или при ее непосредственной угрозе могут быть введены в действие чрезвычайные уголовные законы (или законы военного времени).

г). В целях усиления предупредительной роли уголовного закона как крайнего средства борьбы с преступностью было бы уместно отразить в некоторых случаях его связь с профилактической работой.

Так, желательно дополнить часть 2 статьи 8 проекта Основ и проекта УК РСФСР (малозначительность деяния) следующими словами: «Совершение такого деяния является основанием для применения к лицу мер профилактического характера соответствующими государственными органами или общественными организациями».

Вполне уместно внести дополнение и в часть 1 статьи 15 проекта Основ и проекта УК РСФСР, продолжив ее: «...Приготовление к менее тяжкому или не представляющему большой общественной опасности преступлению, а также обнаружение лицом преступного намерения являются основанием для применения к данному лицу мер профилактического воздействия соответствующими государственными органами или общественными организациями».

Вместе с тем в целях повышения эффективности (за счет усиления взаимосвязи с уголовным законом) такой профилактической меры, как официальное предостережение, представляется возможным включить в проекты Основ и УК РСФСР в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в течение одного года после объявления официального предостережения по тому же поводу. Ответственность будет усиливать не факт применения в прошлом профилактической меры, как таковой, а ее упорное игнорирование лицом, демонстрация неправомерного поведения, злостное пренебрежение к власти, закону, конституционным обязанностям.

д). Нуждается в дальнейшем совершенствовании проект Закона об уголовной ответственности за преступления против государства.

В систематизации проекта Закона не выдержан единый критерий. В число преступлений против государства не вписываются иные государственные преступления, в частности разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих государственную тайну³. Первое может быть совершено, а второе всегда совершается по неосторожности. Оба эти преступления не направлены против государственного и общественного строя. К числу преступлений против государства они отнесены не по объекту, а по предмету (государственная тайна) без учета характера посягательства. Ранее они были иными государственными преступлениями и помещались в другом разделе, не вместе с особо опасными преступлениями. В проекте же они оказались в одном ряду с бывшими особо опасными государственными преступлениями, хотя их объект не изменился. Одновременно ряд преступлений из числа иных государственных, отнесенных к компетенции органов КГБ (контрабанда, незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР, нарушение правил международных полетов и др.), включены в проект УК РСФСР в качестве общеуголовных преступлений. Так же следует поступить и со статьями о разглашении государственной тайны и утрате документов, содержащих государственную тайну, переместив их в главу VIII проекта УК РСФСР «Преступления против порядка управления» либо выделив в самостоятельную главу, как это сделано, например, в УК ВНР.

В то же время из проекта Закона исключены нормы об ответственности за вредительство (статья 69 УК РСФСР) и организационную антисоветскую деятельность (статья 72 УК РСФСР). Представляется, что это сделано преждевременно. Речь идет о наиболее опасных формах подрывной преступной деятельности. Соображения относительно охвата их нормами Общей части и составами общеуголовных преступлений не убеж-

³ См.: Ляпунов Ю. И., Мшвениерадзе П. Я. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права. — Правоведение, 1985, № 3.

дают в том, что найдена удачная компенсация. Возникает противоречие между социальной реальностью и отражением ее в Законе. Приемлемый выход видится не в упразднении этих норм, как таковых, а в их совершенствовании с учетом новых опасных явлений. Поэтому предлагается дополнить проект Закона об уголовной ответственности за преступления против государства следующими нормами.

«Нанесение вреда экономическому и социальному развитию или обороноспособности СССР»

(1) Действие или бездействие, умышленно вызвавшее срыв или расстройство нормальной работы государственных или общественных предприятий, учреждений или организаций либо снижение боеготовности воинских частей, если это деяние совершено с целью ослабления Советского государства путем использования служебного положения, профессиональных функций, официального поручения или договорных отношений, а равно путем организации массового противодействия органам власти,—

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

(2) Нанесение особо крупного ущерба государственным или общественным предприятиям, учреждениям или организациям в результате злоупотребления служебным положением, профессиональными функциями, официальным поручением, договорными отношениями или доверием, если это деяние совершено из корыстной или иной личной или групповой заинтересованности при заведомой возможности нанесения такого ущерба,—

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

Примечание. Особо крупным признается ущерб на сумму сто тысяч рублей и более».

«Организованная противогосударственная деятельность»

Участие в организованном объединении лиц, ставящем целью совершение преступлений против государства либо свержение или захват власти,—

наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

Примечание. Освобождается от уголовной ответственности лицо, прекратившее участие в организованном объединении, предусмотренное настоящей статьей, и сообщившее органам власти об известной ему деятельности объединения, если этим лицом не были совершены другие преступления против государства либо если оно приняло участие в их подготовке или совершении, но предпринятыми мерами наступление вредных последствий для Советского государства было предотвращено».

«Посягательство на конституционный порядок осуществления народовластия»

Организация или проведение антиконституционной политической деятельности с использованием общественных движений или организаций, трудовых коллективов, самостоятельных групп

либо собраний, митингов или демонстраций, если эта деятельность сопряжена с введением граждан в заблуждение или оказанием на них давления в целях получения политической поддержки, с бойкотом государственных органов, присвоением их функций самостоятельными органами либо с иными нарушениями конституционного порядка осуществления народовластия,—

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Примечание. Освобождается от уголовной ответственности лицо, прекратившее и публично осудившее преступную деятельность, предусмотренную настоящей статьей».

Вариант. Вместо предлагаемой нормы включить в проект УК РСФСР, в частности в главы «Преступления против порядка управления» и «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», группу норм, предусматривающих конкретные проявления данной деятельности.

Включение в проект Закона ответственности лиц за участие в организованном антисоветском объединении и отражение новых форм организационной антисоветской деятельности с одновременным введением стимулирующих норм представляется чрезвычайно важным. Едва ли враждебные элементы когда-либо откажутся от такого сильного оружия, как организованные формы подрывной деятельности. В условиях демократизации жизни советского общества, роста числа неформальных объединений и групп опасность организационных форм подрывной деятельности еще более возрастает, и поэтому требуется решительная борьба с ними.

Вместе с тем норму об участии в организованном антисоветском объединении лиц следует сделать универсальной, указав на взаимосвязанную группу враждебных целей. Эта норма охватит и заговор с целью захвата власти, который не вписывается в структуру измены Родине, ибо имеет другую сущность.

В условиях грандиозной по масштабам перестройки и связанного с этим стремления противника парализовать развитие советской экономики, усилить или искусственно создать механизмы торможения важно наряду с сохранением видоизмененной нормы о вредительстве также отнести к числу преступлений против государства сознательное нанесение особо крупного ущерба в результате различных злоупотреблений. Речь идет о лицах, которые понимают социально-политический смысл содеянного. Предлагаемая норма направлена против опасных для государства проявлений коррупции, так называемой «теневой экономики», организованной преступности.

Конструкция измены Родине, основанная на формуле 1934 года, нуждается в принципиальном обновлении. Во-первых, в ней нечетко и неточно отражена сущность измены Родине как предательского пособничества советского гражданина иностранному государству в посягательстве на безопасность СССР. Во-вторых,

диспозиция статьи отражает социально-политическую оценку содеянного лицом, что при применении нормы требует ее «перевода на язык практики», выработки конкретных юридических признаков путем толкования. В-третьих, норма об измене должна быть нормой-принципом, лишенной специальных составов преступлений⁴. Перечислять их нет необходимости, тем более что некоторые из них в современных политических и практических интересах целесообразно упразднить.

Так, нет необходимости оставлять в проекте Закона такую форму измены Родине, как бегство за границу. Это деяние не имеет самостоятельного значения, так как по существу является не формой, а лишь созданием условий для вступления гражданина СССР в контакт с внешним противником для проведения враждебной деятельности против СССР. Причем сам факт незаконного перемещения гражданина СССР на территорию другого государства охватывается статьей 83 УК РСФСР (статья 227 проекта УК РСФСР), а совершение этого деяния с намерением проводить в контакте с внешним противником враждебную деятельность против СССР будет квалифицироваться еще и как приготовление к измене Родине. Квалификация бегства за границу по совокупности преступлений полностью компенсирует отсутствие этого деяния в числе форм измены Родине.

Исключение данной формы измены Родине было бы оправдано и политически. Кроме СССР только в УК Кубы, Монголии и Болгарии реципирована такая форма измены. Ни в одном другом государстве мира такой формы измены нет. Это дает повод нашим противникам упрекать нас в нарушении хельсинкских соглашений, по которым каждый гражданин имеет право проживать в любом районе земного шара, а мы якобы объявляем изменником того, кто хочет воспользоваться этим правом. Нарушение при этом порядка выезда из СССР не делает действия беглеца изменой. Он должен отвечать за незаконный выезд из СССР.

Следовало бы упразднить такую форму измены Родине, как выдача государственной тайны иностранному государству, ибо она по сути является частным случаем шпионажа. Однако адресат выдачи значительно уже, чем адресат шпионажа. В результате образуется пробел — вне правовой защиты остаются случаи выдачи гражданином СССР государственной тайны иностранной негосударственной организации. Это деяние либо квалифицируется как разглашение государственной тайны (что, однако, не соответствует характеру и опасности посягательства),

⁴ Такой подход лежит в основе уголовного законодательства многих социалистических стран (см. § 91 УК ЧССР, ст. 122 УК ПНР, § 96 УК ГДР, ст. 95 УК Кубы). Например, УК ЧССР так определяет измену Родине: «Чехословацкий гражданин, который в соединении с иностранной державой или с иностранным деятелем совершит дезорганизацию республики, террор, диверсию или саботаж, будет наказан...».

либо оно не составляет преступления (если сведения не были известны лицу по службе или работе и попали к нему не в результате собирания и похищения). По сути же такая выдача — это фактический шпионаж в виде передачи государственной тайны иностранной организации, который не нашел должного юридического отражения в законе.

Переход на сторону противника из проекта Закона следует исключить и отнести к законам военного времени. Подобные случаи в условиях локальных военных конфликтов будут рассматриваться как обычная измена. Санкция статьи вполне позволяет учесть повышенную общественную опасность этого деяния в период боевых действий или в боевой обстановке.

Заговор с целью захвата власти, как было отмечено, целесообразно переместить в другую норму с учетом характера и объекта посягательства.

Шпионаж, совершенный гражданином СССР в пользу иностранного государства, целесообразно рассматривать по совокупности как измену Родине и шпионаж аналогично тому, как оценивается, например, совершение диверсии гражданином СССР по заданию спецслужбы противника. Шпионаж в пользу иностранной негосударственной организации не следует считать изменой, его надо рассматривать только как шпионаж. Таким образом, исключение этой формы измены не приведет к потере защитных функций, а наоборот, позволит уточнить суть измены как преступной взаимосвязи гражданина СССР только с иностранным государством.

Остается единственная форма — оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР. Именно она и выражает сущность измены и поэтому должна быть оставлена с некоторыми уточнениями.

С учетом изложенного предлагается принципиально изменить статью 1 проекта Закона:

«Статья 1. Измена Родине

(1) Вступление гражданина СССР в контакт с разведкой или другим органом иностранного государства для совместного проведения деятельности в ущерб безопасности СССР — наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества.

(2) Подготовка или совершение гражданином СССР в контакте с иностранным государством какого-либо преступления, предусмотренного статьями 2—7 настоящего Закона, или иного умышленного деяния в ущерб безопасности СССР —

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет или смертной казнью, с конфискацией имущества».

С учетом предложенной конструкции измены Родине в норме о шпионаже следует исключить указание на специальный субъект. Вместе с тем эта норма должна быть более дифференцированной в зависимости от предмета преступления (государ-

ственная тайна, служебная тайна, иные сведения), то есть иметь три части. Отнесение служебной тайны к предмету иного государственного преступления, предусмотренного статьей 76¹ УК РСФСР, нельзя считать юридически обоснованным, поскольку речь идет о фактической разновидности шпионажа.

Противоречие между фактическим характером этого посягательства и его юридическим отражением еще более усиливается в проекте нового УК РСФСР. Государственное по действующему УК преступление, посягающее на экономические и другие интересы СССР в международных отношениях, становится в проекте УК РСФСР (статья 223) общеуголовным преступлением, посягающим на порядок управления. В то же время совершаемая по неосторожности утрата документов, содержащих государственную тайну, будучи результатом нарушения правил обращения с этими документами (актов управления), включена в число преступлений против государства. В основу таких решений положен предмет преступления в отрыве от объекта и характера совершенного деяния. Поэтому предлагается отказаться от статьи 223 проекта УК РСФСР, предусмотрев еще один вид шпионажа, предметом которого является служебная тайна.

Следует иметь в виду, что в случае принятия предложенной конструкции измены Родине шпионаж в пользу иностранной негосударственной организации ни при каких обстоятельствах не будет относиться к измене. В итоге норма о шпионаже станет универсальной.

Сопоставление статей 5 и 6 проекта Закона о преступлениях против государства приводит к выводу о необходимости включения в статью 6 указания на изготовление или распространение материалов, содержащих призывы к совершению преступлений против государства. Это снимает формальное противоречие, создающее возможность неоднозначного толкования данной нормы. Кроме того, в статье 6 следовало бы не ограничиваться указанием только на измену Родине, террористический акт и диверсию, особенно с учетом всех внесенных предложений.

Вряд ли обоснованы штрафные санкции в статьях 5, 6, 7 проекта Закона, поскольку это не имущественные преступления, равно как и преступления, не влекущие материального ущерба. Наказание в виде штрафа не отвечает сущности этих преступлений и едва ли будет иметь сколько-нибудь эффективное предупредительное воздействие. Антисоветчики при налаженной взаимопомощи и помощи из-за рубежа с легкостью заплатят и большие штрафы. Поэтому применение штрафа по делам этой категории может превратиться к откуп.

е). Проект Основ и проект Закона о преступлениях против государства готовились отдельно. В результате их кодификации в проекте УК РСФСР возникли новые вопросы систематизации, которые ранее не обсуждались.

Так, упразднение нормы об организационной антисоветской деятельности происходило в расчете на компенсацию ответственностью за приготовление к преступлению. Однако будет наказуемо приготовление только к особо тяжкому и тяжкому преступлениям, а деяния, предусмотренные в части 1 статьи 98, статьях 99 и 100 проекта УК РСФСР, согласно введенной классификации (статья 9 проекта УК РСФСР) относятся к категории менее тяжких преступлений, приготовление к которым ненаказуемо. Образовался ничем не компенсированный пробел. С учетом общественной опасности подготовки средств массового распространения антигосударственных призывов и особенно организационной антисоветской деятельности целесообразно установить уголовную ответственность за приготовление и к указанным преступлениям против государства. Для этого необходимо в части 1 статьи 15 проекта Основ и проекта УК РСФСР наряду с особо тяжким и тяжким преступлениями указать также на преступление против государства. Тем самым будет ликвидирован отмеченный пробел и хотя бы частично преодолен недостаток введенной классификации преступлений, основанной на формальном критерии — рамках санкции статьи. В предлагаемом же дополнении кроме типовой степени общественной опасности будет принят во внимание и ее характер с учетом объекта посягательства.

ж). В проекте Основ и проекте УК РСФСР настоятельно требуется отразить ответственность за организованную преступность. Данный вопрос нуждается в глубокой комплексной проработке, для чего желательно создать временную рабочую группу в рамках КГБ, а также специальную межведомственную комиссию.

Гуманистическая линия борьбы с преступными посягательствами на советский государственный и общественный строй наиболее рельефно отражается в профилактической работе государственных органов и общественных организаций.

Профилактика, проводимая на правовой основе, полностью вписывается в процесс демократизации советского общества, она способствует его нравственному оздоровлению, сужению сферы уголовно-правового принуждения со всеми вытекающими из этого последствиями. На XIX Всесоюзной партийной конференции говорилось, что «КПСС никогда не допустит впредь повторения чего-либо подобного тому, что связано с периодами культа личности и застоя, которые вызвали глубокие деформации в социалистическом обществе...»⁵.

Общий вывод о возможностях профилактического воздействия на личность и его эффективности ясен: чем раньше общественность и правоохранительные органы реагируют на отклоняющееся поведение человека от норм социалистической

⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, с. 116.

морали и нравственности, нарушения административно-правовых и дисциплинарных норм, тем выше результативность предупреждения преступления. Совершение же преступления нередко есть свидетельство упущенных профилактических возможностей на ранних этапах, когда преступные намерения окончательно еще не сформировались, не закрепились негативные установки личности.

Вместе с тем сама профилактическая деятельность как специфическая (и достаточно острая) форма реагирования государственных органов на отклоняющееся поведение требует нормативного урегулирования, ибо затрагивает права и интересы граждан. К сожалению, пока криминологические знания о личности преступника и механизме преступного поведения не воплотились в нормативных актах о профилактике, в которых были бы сформулированы основные принципы этой деятельности, названы субъекты профилактической деятельности, основания для профилактического реагирования и формы и методы его осуществления, закреплены положения, обеспечивающие гарантии прав и интересов личности, неукоснительное соблюдение социалистической законности.

Нельзя признать нормальным положение, при котором полномочия органов государственной безопасности в сфере профилактики, затрагивающие права и свободы граждан, основываются на закрытых внутриведомственных актах.

Такая практика приходит сегодня в противоречие с процессами демократизации и гласности, центральным звеном которых является вопрос о гарантиях прав человека. Применение к советским гражданам мер профилактического характера, о правомерности которых им ничего неизвестно, идет вразрез с линией партии на утверждение в обществе верховенства законности.

К тому же ведомственная разобщенность правоохранительных органов, осуществляющих профилактическую работу, не позволяет вести эту работу единым фронтом, что снижает эффективность предупредительной работы в сфере борьбы с преступлениями в целом.

Основополагающие идеи профилактической деятельности целесообразно, как уже говорилось, изложить в общесоюзном Законе о профилактике. Это позволит преодолеть ведомственную разобщенность и поставить профилактическую работу на прочную правовую основу. Принятие такого закона, способствуя более полной реализации советскими гражданами их конституционных прав и свобод, созданию правовых гарантий строгого соблюдения всеми правоохранительными органами социалистической законности, будет иметь и большое политическое значение.

Однако и этого мало: профилактика может быть прицельной лишь на базе социологических исследований о причинах преступности в целом и преступлений конкретного вида. Главным

недостатком исследований специальной профилактики является то, что пока не преодолен отрыв предлагаемых профилактических мер от причин и условий, порождающих конкретные виды преступлений. Это ведет к уходу исследований в сторону постановочных вопросов, гипотетических суждений либо методических рекомендаций общего характера. Иными словами, специальная профилактика требует глубокого осмысления в аспекте прямого влияния (воздействия) правоохранительных органов на причины и условия совершения конкретных видов преступлений.

Предложения подготовили:

доктор юридических наук полковник С. В. Дьяков,
доктор юридических наук полковник А. А. Игнатьев,
кандидат юридических наук полковник А. Е. Беляев,
кандидат юридических наук подполковник Ю. Г. Демин,
кандидат юридических наук полковник Ю. Я. Коршунов,
кандидат юридических наук подполковник А. И. Микульшин,
кандидат юридических наук полковник М. П. Третьяков.

Рекомендована советом кафедр
юридических дисциплин

Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского

**О ВЛИЯНИИ СЕМЕЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
НА ПРИНЯТИЕ СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ
РЕШЕНИЯ О БЕГСТВЕ ЗА ГРАНИЦУ
ИЛИ ОТКАЗЕ ОТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ В СССР**

Одним из важных направлений борьбы с возрастающей подрывной деятельностью спецслужб империалистических государств против Советского Союза и других социалистических стран является предупреждение и пресечение измены Родине в форме бегства за границу и отказа от возвращения из-за границы в СССР. На основании статистических характеристик семейного положения советских граждан, прошедших по материалам всесоюзного розыска в связи с их бегством за границу или отказом от возвращения из-за границы в СССР, а также данных, касающихся враждебных проявлений изменнического характера, автором было проведено аналитическое исследование вопроса о влиянии семейного положения на принятие решения о враждебных посягательствах в указанных формах¹.

Настоящее исследование не может быть отнесено к разряду криминологических, так как в использованных материалах розыска не отражена судебная квалификация действий проходящих по ним лиц. Не связано оно и с криминологией семьи, рассматривающей преступления против членов семьи. Однако выводы, полученные в результате аналитического исследования, могут быть использованы в криминологическом анализе по особо опасным государственным преступлениям.

Наука изучает и рассматривает человеческую личность как совокупность общественных отношений, включающих ее социальные связи, отношения — политические, трудовые, семейные и т. д. Человек — это определенная целостность, своеобразное единство социального и биологического. «Взаимодействие биологического и социального, проявляющееся, по существу, в каждом действии и в каждом поступке человека, имеет ... большое практическое значение, так как с ним тесно связаны вопросы воспитания и образования людей, социальной ориентации и направленности их деятельности, выбора профессии, подготовки и отбора кадров и т. д.»²

Важной сферой взаимодействия биологического и социаль-

¹ Наряду с результатами анализа основных количественных характеристик по исследуемому вопросу, содержащихся в алфавитных списках агентов иностранных разведок, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников, подлежащих розыску (1963 и 1979 гг. издания КГБ СССР), в ориентировках всесоюзного розыска 1963—1984 гг., автором использовались оперативные и открытые, преимущественно публицистические, источники.

² Демин М. В. Проблемы теории личности (социально-философский аспект). М., 1977, с. 28.

ного является область семейно-брачных отношений. Семья «играет важную роль в ... обеспечении экономического и социального прогресса общества, в улучшении демографических процессов. Здесь формируются основы характера человека, его отношение к труду, моральным, идейным и культурным ценностям»³. «Формирование новой семьи... это сложный процесс, и тут есть свои проблемы. В частности, хотя за последние годы количество разводов и уменьшилось, оно все еще велико. Немало и неблагополучных семей. Все это отрицательно сказывается в первую очередь на воспитании детей, а также на моральном состоянии мужчин и женщин, их трудовой и общественной активности. Общество, разумеется, не может безучастно относиться к этим явлениям. Прочная семья — один из важнейших его устоев»⁴.

В проблеме семьи есть и своя специфическая сторона, имеющая определенное идеологическое значение. Естественно, что оперативные подразделения органов безопасности и правовые науки не обходят вниманием данную сферу жизнедеятельности лиц, попадающих в их поле зрения, в том числе и совершающих особо опасные государственные преступления. В частности, теоретический и практический интерес представляет вопрос о том, как, с какой интенсивностью и какими особенностями проявляются негативные процессы в области семейно-брачных отношений у лиц, которые по разным причинам стремятся незаконно изменить свое гражданство и семейно-родственную среду существования.

Семейные отношения, семейное положение личности преступника криминология относит к числу признаков, обязательно устанавливаемых при расследовании преступлений. Отмечается, в частности, что, «хотя криминологическая ценность их не очень велика, каждый из этих показателей должен быть установлен как для всесторонней характеристики данной личности, так и в целях последующего обобщения статистических данных, полученных по отдельным делам»⁵.

Оперативная практика показывает, что в деле выявления, предупреждения и пресечения враждебных посягательств советских граждан, выражающихся в бегстве за границу или отказе от возвращения из-за границы в СССР, семейное положение этих лиц, наличие у них родственных и иных близких связей могут иметь существенное значение. Члены семьи и другие родственники порой оказываются соучастниками или пособниками готовящихся преступлений, к ним поступает информация о вынашиваемых лицом враждебных намерениях, с ними пытаются устанавливать связь бежавшие за рубеж или отказавшиеся от возвращения в СССР лица и т. д.

³ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 154.

⁴ Там же, с. 51.

⁵ Советская криминология. М., изд. ВШ КГБ, 1975, с. 27.

Решение Коллегии КГБ «О мерах по дальнейшему совершенствованию оперативно-розыскной работы»⁶ обязывает органы государственной безопасности в процессе местного розыска принимать меры к получению наиболее полных данных о личности разыскиваемого, его родственников и иных связях; повышать эффективность контроля за родственными и другими близкими связями разыскиваемых; вести розыск скрывшихся преступников и через их родственные и иные связи; при получении достоверных данных о нахождении разыскиваемого за границей и проведении им активной антисоветской деятельности принимать меры к оказанию на него идеологического воздействия через родственные и иные связи, проживающие в СССР.

В справочной карте на объект оперативного розыска в разделе «Психологические особенности личности разыскиваемого» требуется отражать его отношение к семье и знакомым.

На рассматриваемом направлении оперативной деятельности семейное положение разыскиваемого, его родственные и иные связи, отношение к ним приобретают важное значение. Они могут оказывать существенное влияние на решение задачи розыска лиц, в том числе бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР, на осуществление в связи с этим других мероприятий органов КГБ.

Советские специалисты в области семейно-брачных проблем определяют семью «как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»⁷. По другому определению «семья — это ячейка (малая социальная группа) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т. е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство»⁸. Крепость брачных и родственных отношений, сила взаимной моральной ответственности членов семьи могут служить показателем моральной стойкости, душевных, а в конечном итоге и политических качеств человека, и наоборот⁹.

Криминология признает, что между преступным поведением и семейным положением существует определенная зависимость,

⁶ См.: Приказ председателя КГБ СССР № 00191 — 81 г.

⁷ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979, с. 75.

⁸ Соловьев Н. Брак и семья сегодня. Вильнюс, 1977, с. 17.

⁹ Так, например, результаты аналитического исследования, проведенного на основе обобщения и систематизации индивидуальных данных на лиц, юридически квалифицируемых как бродяги (т. е. люди без определенного места жительства и работы), послужили основанием для некоторых предва-

но довольно условная. Прямой зависимости между этими двумя факторами нет. Более показательные результаты можно получить при анализе данных об обстановке в семьях, где воспитывались особо опасные государственные преступники. Как показывают материалы проведенного автором исследования, фактор семьи, семейного положения рассматриваемых лиц оказывается весьма существенным. Как он проявляется?

Анализ семейного положения особо опасных государственных преступников показывает, что число холостых (незамужних) из них составляет 59%¹⁰. По данным выборочного исследования, проведенного А. Г. Кользеевым, из 119 преступников, совершивших измену Родине в форме бегства за границу, 68,8% были холостыми (незамужними)¹¹. В массе рассматриваемых нами в статье 1184 лиц холостые (незамужние) составляют 63,6%. Разница в несколько единиц в данном случае несущественна. Она может быть обусловлена, в частности, разницей в возрастных характеристиках подвергнутых анализу лиц. Средний показатель 63,6% холостых (незамужних) среди советских граждан, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР, у различных возрастных групп колеблется в значительных пределах: от 94,2% у 18—21-летних до 15% у лиц старше 42 лет (таблица 1). Если низкий процент состоявшей в браке молодежи представляется естественным¹², то

рительных выводов. «Для подавляющего большинства исследованных лиц... характерной была так называемая неблагополучная семейная ситуация. Для всех ее вариантов оказалось типичным отсутствие... семьи как психологической структуры, внутри которой каждый из ее членов получал бы определенное место и роль. Такое положение лишало человека возможности осознать положительный смысл своего существования в семье и всегда затрудняло формирование определенности чувства «Я», т. е. самоидентичности... Некоторые из них были способны легко оставлять своих детей родственникам, знакомым и даже просто случайным встречным, никогда позже не возвращались к ним и не проявляли интереса к их судьбе» (Антонян Ю. М., Савовичев Е. Г. Роль самоидентичности в генезисе некоторых форм девиантного поведения. — В кн.: Семья и личность. М., 1981, с. 76—77). Нередкими являются случаи задержания в приграничной зоне при попытках ухода за рубеж лиц зрелого возраста без определенного места жительства и занятия. Это такие же бродяги, как и рассмотренные выше, задерживавшиеся милицией. «Человек с момента рождения и до его естественного ухода из жизни получает свой индивидуальный опыт благодаря отражению общественного, социального поведения людей, групп, общностей. Поэтому тот, кто не может найти себя в общественной жизни, не может достаточно утвердить себя в семье, в личной жизни» (Сонин В. А. Психологические аспекты семьи и брака. Смоленск, 1985, с. 45).

¹⁰ См.: Советская криминология, с. 51.

¹¹ См.: Кользеев А. Г. Ответственность за измену Родине в форме бегства за границу по советскому уголовному праву. Канд. дис. Спецфонд ВШ КГБ, 1980, с. 142.

¹² Так, по данным социологического исследования, в 1974 г. вступили в брак 46% девушек в возрасте 20—24 лет и около 20% — в возрасте до 20 лет, у мужчин до двадцатилетних женихи составили менее 4,5% (см.: Зацепин В. О жизни супружеской. М., 1978, с. 12).

внебрачное состояние 60,1% лиц 26—29-летнего возраста, почти 40% 30—33-летних, более 25% 34—37-летних и пятой части лиц в возрасте 38—41 года¹³ воспринимается явно ненормальным.

Таблица 1

Распределение по семейному положению и по возрасту лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР (в процентах)

Возраст	Женатые		Холостые	Доля каждой группы в общем количестве исследуемых лиц
	имевшие детей	бездетные		
18—21 год	0,5	5,3	94,2	17,4
22—25 лет	4	9,1	86,9	32,2
26—29 лет	12,8	26,3	60,9	15,2
30—33 года	24,8	36	39,2	13
34—37 лет	40,2	31,8	28	9
38—41 год	43,5	37,5	19	6
42 года и старше	57	28	15	7,2
Все возрасты вместе	18	18,4	63,6	100

Известный немецкий социалист А. Бебель отмечал, что «потребность продолжить род есть высшее выражение воли к жизни. Эта потребность глубоко заложена в каждом нормально развитом человеке, и в зрелом возрасте удовлетворение ее является существенным условием его физического и духовного здоровья»¹⁴. Данные проведенного анализа показывают, что в среднем 38,5% лиц старше 25 лет к моменту бегства за границу или отказа от возвращения из-за границы в СССР были холостыми (незамужними). Высокий средний процент холостых (незамужних) образуется за счет значительного количества холостых (незамужних) среди лиц не старше 26 лет, составляющих половину всего подвергнутого анализу контингента. Тем не менее значительный процент лиц, не состоявших в браке к моменту бегства за границу или отказа от возвращения из-за границы в СССР, свидетельствует об определенном морально-психологическом их неблагополучии, которое не могло не влиять

¹³ Анализ первых браков показывает, что в каждом поколении абсолютное большинство мужчин и женщин вступает в первый брак, причем 85—90% из них не позже 30 лет. Отчетливо выражена (причем в большей степени у мужчин) тенденция к омоложению браков (см.: Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986, с. 127).

¹⁴ Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 142.

на принятие решения о рассматриваемом враждебном посягательстве.

Показатели семейного положения бежавших варьируются в зависимости не только от возраста, но и от времени (таблица 2).

Таблица 2

Распределение по семейному положению и по времени лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР (в процентах)

Период	Женатые		Холостые	Общее количество бежавших в каждый период
	имевшие детей	бездетные		
1945—1949 гг.	13,1	11,2	75,7	54,3
1950—1959 гг.	18,8	24,4	56,8	14,9
1960—1969 гг.	18,4	30,1	51,5	13,8
1970—1979 гг.	31,2	26,3	42,5	15,4
1980—1984 гг.	47,4	31,6	21,1	1,6
1945—1984 гг.	18	18,4	63,6	100

Количество холостых (незамужних) постепенно и устойчиво убывает с 75,7% в 1945—1949 гг. до 42,5% в 1970—1979 гг. и 21,1% в 1980—1984 гг., составляя в среднем 63,6%. Одной из причин проявившейся тенденции послужили изменения в рассматриваемые периоды контингента лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР. В 1945—1949 гг. основную массу их составляли военнослужащие, рабочие и служащие вооруженных сил, бежавшие из воинских подразделений, дислоцированных за границей. В большинстве своем это были молодые люди, призванные на военную службу во время войны или в первые послевоенные годы, а также привлеченные на военную службу впервые или повторно, принятые на работу в вооруженные силы за границей из советских граждан, бывших в плену, выезжавших добровольно или увозившихся насильственно в Германию и захваченные ею страны.

Период в пять лет (1945—1949 гг.) в отличие от трех последующих десятилетий выделен потому, что в эти годы преобладал указанный однородный контингент с присущими ему особенностями. За это пятилетие бежали на Запад или отказались от возвращения из-за границы в СССР более половины всех рассматриваемых лиц (54,3%). Каждое из трех последующих десятилетий характеризуется практически одинаковыми цифрами распределения количества объявлявшихся в розыск граждан, бежавших за границу или отказавшихся от возвращения в СССР.

Значительное сокращение количества побегов на Запад из дислоцированных за границей воинских частей в последующие годы (после 1949 г.), относительный рост среди рассматриваемого контингента лиц, отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР из заграникомандировок, туристических поездок, выездов по частным делам, сопровождались повышением возраста и снижением среди исследуемых лиц числа холостых (незамужних) граждан. Наглядным подтверждением отмеченного явления могут служить данные таблицы 3.

Таблица 3

Распределение по семейному положению
и по способам враждебного посягательства лиц,
бежавших за границу и отказавшихся от возвращения
из-за границы в СССР (в процентах)

Способ враждебного посягательства	Женатые		Холостые	Доля каждой группы в общем количестве исследуемых лиц
	имевшие детей	бездетные		
Бежали за границу	8,3	27	64,7	17,2
Отказались от возвращения из-за границы в СССР:				
из заграникомандировок	45	32	23	9,2
из туристических поездок	41	24,7	35,2	6,2
с морских судов заграничного плавания (члены команд)	15	24	61	12,2

Из приведенной таблицы видно, что среди отказавшихся от возвращения в СССР из заграникомандировок граждан холостые (незамужние) составили 23%, из туристических поездок — 35,2%. В среднем же среди всех лиц, отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР, холостые (незамужние) составили 28,3%, то есть около трети от общего числа. Самый низкий процент холостых среди отказавшихся от возвращения из заграникомандировок советских граждан в определенной мере объясняется тем, что на стадии отбора специалистов, выезжающих в заграникомандировки, предпочтение отдается семейным лицам.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что две трети холостых (незамужних), не возвратившихся из заграникомандировок граждан — студенты и работники искусства.

Определенные особенности есть и у лиц, состоявших в браке до совершения рассматриваемых враждебных посягательств. Они касаются прежде всего наличия в семье детей, то есть генеративной деятельности супругов. «В генеративном поведении

аккумулируются результаты всех видов активности, обнаруживаются все существенные свойства личности, что вполне соответствует сложности и значимости для общества результатов этой деятельности»¹⁵. Участие индивида в генеративной деятельности, как известно, возможно при наличии определенных биологических предпосылок. Однако эти биологические предпосылки реализуются в разной степени в зависимости от социальных качеств личности и совокупности объективных условий, в том числе активности индивида в других видах деятельности. К важнейшим качествам личности, характеризующим его готовность к генеративной деятельности, относится социальная зрелость индивида.

Значение детей для семьи огромно. Семья воздействует не только на физический и духовный облик детей, но и на взрослых членов семьи. Общение родителей с детьми служит также катализатором активности родителей во всех сферах деятельности, результаты которой направлены на детей. Как отмечают специалисты в области семейно-брачных отношений, «можно спорить о наилучшем числе детей в семье, но бездетная семья есть явление патологическое с любой точки зрения»¹⁶.

Среди 18—21-летних лиц, бежавших за границу или отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР, женатых (замужних) бездетных было в десять раз больше по сравнению с женатыми (замужними), у которых к моменту бегства или невозвращения были дети. Однако среди лиц старше 41 года женатые (замужние) бездетные составляли лишь половину от общего количества женатых, имевших детей. Для первой группы обнаруженное соотношение выглядит естественным. Для последующих возрастов выявившаяся тенденция таковой не является. «Никто не принуждается к заключению брака, — отмечал К. Маркс, — но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак»¹⁷. Тем не менее у 22—29-летних согласно исследованию преобладание женатых (замужних) бездетных является двукратным (эта возрастная группа составляет почти половину всех рассматриваемых лиц — 48%), у 30—33-летних — полуторакратным и только у 34—37-летних женатых (замужних) бездетных показатель становится меньше относительно показателя тех лиц, в семьях которых были дети.

Иллюстрацией своеобразия количественных показателей семей женатых (замужних) бездетных могут служить следующие данные: «Перепись населения 1970 г. показала, что 5% семей в

¹⁵ Эглице П. Роль индивидуального поведения в воспроизводстве населения. — В кн.: Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984, с. 37.

¹⁶ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972, с. 129.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 162.

нашей стране при возрасте женщины в пределах 35—39 лет бездетны (в городах таких семей было 7%)»¹⁸. По другим данным, «наименьший удельный вес состоящих в браке, но не имеющих детей мужчин и женщин приходится на возраст 30—39 лет (7,3% женщин и 8,1% мужчин)»¹⁹. Полученные в исследовании цифры распределения женатых (замужних) бездетных значительно больше и колеблются у 34-летних и более старших возрастов в пределах 31,4—28,8%.

Среди лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР в 1945—1949 гг., женатые (замужние) бездетные составляли 11,2% (менее половины всех женатых (замужних) этого периода), а в 1950—1959 гг. цифра удваивается. Такая особенность распределения (75,7% холостых при 11,2% женатых (замужних), но бездетных) вполне объяснима преобладанием в этот период в среде исследуемого контингента лиц молодежного возраста и прошедших Великую Отечественную войну, когда решение личных семейных вопросов военнослужащими действующей армии было объективно затруднено.

Заслуживает внимания такое обстоятельство: 111 человек из 517 бежавших на Запад из дислоцированных за границей воинских частей и невоенных советских организаций пошли на этот шаг вследствие сожительства с иностранками. Находясь определенное время за рубежом, они устанавливали интимные связи с местными женщинами, вступали с ними в сговор и бежали совместно. Все они знали о неизбежном возвращении в Советский Союз, и определенная часть их бежала на Запад непосредственно накануне предстоящего отъезда на Родину. У этих лиц мотивы бытового характера в принятии решения о невозвращении в СССР играли далеко не последнюю роль. В последующие годы отмечались случаи, когда находившиеся в длительных заграничных командировках в капиталистических странах лица оставляли свои семьи и отказывались от возвращения в СССР вместе с женами работавших за рубежом советских граждан.

Два десятилетия после 1949 г. женатые (замужние) бездетные заметно преобладали над женатыми, имевшими детей (24,4% против 18,8% в 1950—1959 гг., затем 30,1% против 18,4% в 1960—1969 гг.), но в 1970—1979 гг. соотношение снова изменилось в пользу супругов с детьми (26,3% против 31,2%). Тем не менее в 1950—1979 гг. женатые (замужние) бездетные составляли около четверти всех бежавших за границу и отказавшихся от возвращения в СССР советских граждан. Эти данные наряду с другими факторами заслуживают внимания органов

¹⁸ Зацепин В. О жизни супружеской, с. 12.

¹⁹ Гоша З. Генеративные установки, степень их реализации и мотивация ограничения деторождений. — В кн.: Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984, с. 108.

государственной безопасности при решении вопроса о допуске к выезду за границу.

Из таблицы 3 видно, что из 77% женатых граждан, выезжавших в заграничные командировки, 32% не имели детей. Показательно и то, что среди бежавших за границу женатых (замужних) советских граждан бездетные втрое превышают число тех, кто имел детей. Общий показатель холостых и женатых (замужних) бездетных у бежавших за границу самый большой — 91,7%. И это весьма симптоматично. Никто из них в отличие от выезжавших за рубеж по официальным каналам советских граждан не проходил никакого отбора и контроля.

По рассматриваемому принципу в среднем соотношение лиц, отказавшихся от возвращения в Советский Союз, и лиц, бежавших из СССР за границу, является иным. Здесь преобладают женатые (замужние), имевшие детей, над бездетными (39,6% против 31,2% в среднем, 45% и 32% — у отказавшихся от возвращения из заграничных командировок, а также 41% и 24,7% — у отказавшихся от возвращения туристов).

У бежавших за границу с морских судов членов команд соотношение снова меняется в сторону преобладания женатых (замужних) бездетных над теми, кто имел детей (24% против 15%). Показатель количества холостых у них почти такой же, как и у бежавших из СССР граждан, — 61%. На эти соотношения накладывает отпечаток своеобразие быта и комплектования флотских экипажей, их в определенной мере молодежный состав.

К исследуемым в статье лицам вполне применимы утверждения социологов о том, что «чем сплоченнее супружеские взаимоотношения, тем... выше число детей в семье. Среднее число детей в семье... важный признак образа жизни, межличностных отношений супругов»²⁰. Дети оказывают стабилизирующее действие на брак, при неустойчивых супружеских отношениях приращение детей в семье становится нежелательным. Каково же положение в данном вопросе?

Количество детей в семьях исследуемых лиц, которые бежали за границу и отказались от возвращения из-за границы в СССР, выглядит следующим образом: всего исследовалось 399 семей (100%), из них бездетных — 50,4%, с одним ребенком — 33,3%, с двумя детьми — 12,5%, с тремя детьми — 3,8%. Показатель бездетных семей 50,4% говорит о явном неблагополучии в семьях исследуемых лиц в данном вопросе. Не могут быть полностью счастливы супруги, если у них нет детей. Своеобразие полученных характеристик четко проявляется, например, на фоне характеристик детности семей по итогам всесоюзной переписи населения 1970 г. Бездетные семьи тогда составляли 21,2%, однодетные — 35,4%, двухдетные — 26,4%, трех-

²⁰ Антонов А. И. Влияние супружеских взаимоотношений на число детей в семье. — В кн.: Семья и личность. М., 1981, с. 76.

детные — 9%²¹. Полученный для исследуемых лиц показатель 50,4% бездетных семей превышает в два с лишним раза общесоюзный уровень 1970 г.

«Реальное число детей в советской семье в настоящее время (в 70-е гг. — И. Г.) существенно меньше идеальной «модели», — отмечал А. Г. Харчев, — о чем свидетельствует прежде всего преобладание, особенно в западных регионах страны и больших городах, однодетных и бездетных семей»²².

Исследуемые в статье лица в своем большинстве являются выходцами из западных районов СССР и бывшими жителями городов. Количество детей в их семьях существенно отличается от средних данных по стране в целом. И в этом одна из особенностей исследуемого контингента. Количественное распределение рассматриваемых лиц по наличию детей характеризуется следующими показателями.

Всего женатых, имевших детей	— 205 (100%), из них:
имевших одного ребенка	— 140 (68,3%),
имевших двоих детей	— 51 (24,9%),
имевших троих детей	— 9 (4,4%),
количество детей не указано	— 5 (2,4%) ²³ .

Совместные показатели общего количества исследуемых лиц, их семейного положения, наличия и числа детей у них выглядят следующим образом.

Общее количество рассмотренных лиц — 1184 (100%), из них: холостых (незамужних) — 753 (63,6%), женатых (замужних) — 423 (35,7%), лиц, семейное положение которых не указано, — 8 (0,7%). В числе их:

женатых (замужних) бездетных	— 218 (18,4%),
женатых (замужних), имевших детей	— 205 (17,3%),
женатых (замужних), имевших одного ребенка	— 140 (11,8%),
женатых (замужних), имевших двоих детей	— 51 (4,3%),

²¹ См.: Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г., Т. 7. М., 1974, с. 250.

Приведенные цифры несопоставимы напрямую с полученными нами, так как они включают всех детей, независимо от возраста, а исследуемые — только детей лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР. В материалах всесоюзной переписи они могли быть сами зафиксированы как дети, проживающие со своими родителями или отдельно от них. Тем не менее обозначившиеся значительные расхождения величин показателей количества детей в семьях весьма красноречивы, и они не случайны.

²² Харчев А. Г. Брак и семья в СССР, с. 251.

²³ У последних в материалах розыска значится «имеются дети». Если их отнести к лицам, имевшим троих детей, то и тогда сумма будет в три раза меньше, чем у лиц, имевших одного ребенка.

женатых (замужних), имевших троих детей	— 9 (0,8%),
женатых (замужних), имевших неуказанное количество детей	— 5 (0,4%).

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что каждая последующая категория лиц составляет менее половины предыдущей. Иными словами, *появление в характеристике человека дополнительного признака, приближающего его к оптимальным физиологическим и духовным условиям существования, наполовину и более уменьшает количество таких лиц среди рассматриваемого контингента.*

Социологами отмечается, что «размер семьи не просто характеризует ее с количественной стороны; изменение числа детей в ней качественно изменяет характер взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, влияет на психологический климат семьи»²⁴. Однако не только размер семьи определяет ее роль в жизни человека. В нашем случае из 423 исследованных женатых (замужних) 41 человек вступал в брак дважды, три человека — трижды и один — четырежды. То, что каждый десятый из женатых (замужних) к моменту враждебного посягательства вступал в брак два и более раз, не является случайным. Это свидетельствует о неблагополучии в их семьях и необходимости учета данного обстоятельства органами безопасности. Если обратиться к материалам социологических исследований, определяющим мотивы создания семьи или факторы ее распада, то можно вычленить «один общий нравственный критерий, который объединяет людей в семью или разрушает супружескую жизнь. Таким критерием является богатство личности, включающее определенный уровень культурных интересов, эмоциональные и интеллектуальные побуждения, ценностные и моральные ориентации»²⁵. Этот критерий заслуживает внимания в борьбе с рассматриваемыми посягательствами.

56 человек (4,7% от общего числа исследуемых) являлись супругами и бежали за границу или отказались от возвращения из-за границы в СССР вместе, из них 19 человек (1,6%) при

²⁴ Управление развитием народонаселения в СССР. Проблемы и перспективы. М., 1977, с. 142.

В исследованиях проблем семьи и брака отмечается, что «в семейно-брачных отношениях нет ни одной грани, которая не имела бы нравственного содержания. Нет такого аспекта... который вышел бы за рамки моральной ценности: это и социально-нравственные идеалы (свобода, справедливость и др.), и нормы и принципы общественной морали (патриотизм, коллективизм и т. д.), и поступки, межличностные отношения... К. Маркс неоднократно подчеркивал, что нравственные ценности выражают и «духовную сущность брака» (Лаптежок С. Д. Советская семья: социально-этические проблемы. Минск, 1985, с. 11).

²⁵ Сонин В. А. Психологические аспекты семьи и брака, с. 61.

этом имели с собой детей. Для этих лиц причина враждебного посягательства не была связана с семейным положением в рассматриваемом аспекте²⁶. Часть их бежала за границу или отказалась от возвращения из-за границы в СССР после совершения общеуголовных преступлений, за которые должны были нести наказание. Эти 56 человек не опровергают изложенных выше выводов о роли семейного положения, они лишь указывают, с одной стороны, на то, что в каждом отдельном случае у конкретных лиц могут быть свои индивидуальные особенности, побудительные мотивы, стимулирующие враждебные посягательства, с другой стороны, на то, что наличие детей, коренные изменения в их судьбах не останавливают супругов, показывают крепость семейных привязанностей покушавшихся и устойчивость вынашивавшихся намерений. «При значительном многообразии моральных мотивов и действий в браке (соблюдение или нарушение супружеского долга, верности, чести, достоинства и т. д.) всем присуща одна общая черта: каждое такое действие имеет своим непосредственным источником не внешнее, а внутреннее побуждение, является выражением индивидуальности человека», — отмечает А. Г. Харчев²⁷.

Известны примеры, когда нормальное семейное положение не удерживало враждебно настроенных лиц от бегства за границу. Оказавшись за рубежом, они предпринимали попытки к вывозу за границу жен и детей по официальным и нелегальным каналам, в том числе и с помощью спецслужб. Некоторые из бежавших за границу советских граждан после пребывания за рубежом возвращались в Советский Союз добровольно, где у них оставались родственники, в том числе жены и дети. Эти действия служат дополнительным показателем того, что в основе бегства у данных лиц лежали, вероятно, не политические, а бытовые мотивы. Дефицит семейного общения рождает, по утверждениям психологов, чувство внутренней пустоты и бессмысленности жизни²⁸.

Семья в социальном плане представляет собой более сложную систему отношений, чем брак. Она, как правило, объединяет не только супругов, но и детей, а также других родственников или просто близких, необходимых супругам людей. Однако главной духовной силой, скрепляющей семью, является чувство родства. Родство далеко не всегда ограничивается лишь пределами семьи, однако истоки его находятся в семье, и проявляется оно во внутрисемейных отношениях. Семья наряду с работой занимает первое место по значимости в совокупности форм деятельности человека. В ней происходит становление личности, она оказывает на личность благоприятное влияние

²⁶ Отношение родителей к детям тесно связано с характером их собственных взаимоотношений (см.: Харчев А. Г. Брак и семья в СССР, с. 71).

²⁷ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР, с. 49.

²⁸ См.: Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978, с. 231.

или не выполняет этой роли в силу разных причин, в том числе из-за полного или частичного отсутствия родителей. Пагубное влияние данного фактора общеизвестно. А как он выражен у исследуемых лиц?

В таблице 4 представлены данные только в отношении тех лиц, у которых отсутствовали оба родителя либо один. Из

Таблица 4

Распределение по отсутствию родителей у лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР (в процентах)

Период	Не имели отца	Не имели матери	Не имели обоих родителей
1945—1949 гг.	30,8	8,6	30,8
1950—1959 гг.	38	9,1	15,9
1960—1969 гг.	29,4	11	8,6
1970—1979 гг.	25,4	7,7	13,3
1980—1984 гг.	31,6	15,8	15,8
1945—1984 гг.	30,8	9	22,6

таблицы видно, что 53,4% (30,8% + 22,6%) не имели отца, 31,6% (15,8% + 15,8%) — матери, а у 22,6% отсутствовали оба родителя. Всего же не имели либо отца, либо матери 62,4%. Приведенные в таблице средние показатели отсутствия родителей колеблются в период с 1945 по 1984 г. в разных пределах: от 38% до 61,6% — отсутствие отца, от 19,6% до 39,4% — отсутствие матери, от 8,6% до 30,8% — отсутствие отца и матери в разные периоды. Полученные количественные характеристики исследуемых лиц показывают явное неблагополучие у них в данном существенном вопросе на фоне общегосударственных характеристик. Так, например, по данным всесоюзной переписи населения 1970 г., 16,7% всех семей являлись неполными. Среди них наиболее типичными были семьи, состоявшие из матери и детей²⁹.

Семья, как известно, служит для людей первым источником социальных идеалов и образцов поведения. Для мальчиков образцом поведения является обычно отец, для девочек — мать. Здесь явно сказывается зависимость психики от пола и восприимчивость к воспитанию от характера психики. Отсутствие у 53,4% исследованных лиц (преимущественно это юноши и

²⁹ См.: Харчев А. Г. Брак и семья в СССР, с. 234.

мужчины) отцов, очевидно, не является случайным. Положение не могло не усугубляться возможной «скрытой безотцовщиной», когда проживающие в семьях отцы не принимают или почти не принимают участия в воспитании детей. (Анализируемые материалы не позволяют исследовать данный вопрос.) На наличии или отсутствии родителей у рассматриваемых лиц не могла не сказаться Великая Отечественная война, особенно на отсутствии отцов, но полученные цифры не могут быть обусловлены только этим фактором, что подтверждается и материалами демографических исследований³⁰. Обращает на себя внимание также отсутствие у пятой части рассматриваемого контингента сразу обоих родителей. Это показатель явного семейного (социального) неблагополучия бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР граждан.

Примечательна, кроме того, относительная стабильность рассматриваемых показателей по выделенным периодам (таблица 4) в зоне семейного неблагополучия, и это, несомненно, играло свою отрицательную роль. Исследования социологов показывают, что «люди, воспитанные в неполных или плохо функционирующих семьях, хуже подготовлены к жизни, особенно к семейной... Такие люди ниже оценивают ценности, связанные с семьей, они склонны к пессимизму относительно брака и более чувствительны относительно брачных стрессов»³¹. Не противоречат данным утверждениям и полученные нами характеристики отсутствия отцов и матерей, а также холостяцкого состояния исследуемых лиц. Между ними существует определенная связь и взаимозависимость. Дополнительные подтверждения этому дают и другие характеристики рассматриваемых лиц.

Исследования советских ученых выявили определенную зависимость семейного положения, прочности брака, количества детей в семьях от уровня образования индивидов³².

В таблице 5 дано распределение подвергнутых анализу лиц по семейному положению, наличию детей в семьях и образованию. Из показателей таблицы видно, что процент холостых с 78 у лиц, имевших к моменту совершения враждебного акта неполное среднее образование, понижается до 58 у лиц со средним образованием, до 46 у лиц с незаконченным высшим и до

³⁰ О масштабах этой трагедии для СССР могут свидетельствовать материалы переписи населения 1979 г. Так, 20,3% женщин в возрасте 50—59 лет, а также 64,3% в возрасте 60 лет и старше на указанный год по разным причинам были вдовыми. В среднем же 19% женщин в возрасте 16 лет и старше были вдовыми (см.: Волков А. Г. Семья — объект демографии, с. 70).

³¹ Кутсар Д. Я., Тийт Э. А. Некоторые закономерности формирования семьи. Тарту, 1980, с. 20.

³² См.: Зариньш И. Создание и потенциальная устойчивость семьи. — В кн.: Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984, с. 69; Поспелова Т. Г. Отношение к семье различных социально-демографических групп трудящихся. — В кн.: Семья и личность. М., 1981, с. 183.

29 у лиц с высшим образованием. Соответственно идет процесс возрастания процента женатых среди выделенных категорий граждан: с 22% (10% + 12%) у лиц с неполным средним образованием до 71% (39% + 32%) у лиц с высшим образованием. Аналогично от 10% до 39% меняются и показатели количества среди тех женатых, у кого в семьях имелись дети.

Таблица 5

Распределение по семейному положению и образованию (в процентах)

Образование	Женатые		Холостые	Доля каждой группы в общем количестве исследуемых лиц
	имевшие детей	бездетные		
Неполное среднее	10	12	78	56
Среднее	21	21	58	21
Незаконченное высшее	29	25	46	4
Высшее	39	32	29	19

На показателе 78% холостых среди лиц с неполным средним образованием сказалась разница в возрасте. Больше половины их составляют лица от 18 до 22 лет. Выделение из числа лиц с неполным средним образованием тех, кто был старше 22 лет, привело к некоторым изменениям характеристик их семейного положения (холостых среди них оказалось уже 67% и соответственно женатых 33%). Однако эти изменения явились не принципиальными, они не внесли существенных коррективов в общую тенденцию: повышение уровня образования у лиц, бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР, сопровождается ростом в их среде числа тех, кто состоял в браке до совершения рассматриваемых враждебных актов и имел детей.

Примечательно то обстоятельство, что сравниваемые группы лиц составляют почти одинаковую долю (21 человек, то есть 9%) в общей массе подвергнутого анализу контингента, но распределения по выделенным признакам у них различные.

Показателем истинных целей бегства за границу и отказа от возвращения из-за границы в СССР советских граждан являются их действия после данного акта, направленность таких поступков. Анализ поведения бежавших показывает, что враждебные проявления с их стороны (а допустивших таковые оказалось 262 человека, или 22% от общего числа) выразились: в выдаче спецслужбам противника известных им по роду занятий или специально добытых секретных сведений — 3%; в разовых либо многократных выступлениях в средствах массовой инфор-

мации Запада с клеветническими, антисоветскими заявлениями и материалами — 6%; в сотрудничестве со спецслужбами и антисоветскими зарубежными эмигрантскими организациями — 13%, а также в некоторых других действиях. Совершались они в одной из указанных форм либо в их различных сочетаниях. Следовательно, только 13% всех бежавших за границу и отказавшихся от возвращения из-за границы в СССР советских граждан проводили за рубежом активную антисоветскую деятельность в течение определенного времени. Около четырех пятых всех исследованных лиц ограничились бегством за границу или отказом от возвращения из-за границы в СССР и больше были заняты устройством личных дел, чем проявлением враждебности в отношении покинутой Родины. При оценке активности рассматриваемых лиц необходимо учитывать, что это не только их инициативные действия, но и результат целенаправленных подрывных усилий спецслужб противника.

Своеобразно выглядят цифры распределения проявивших враждебную активность лиц в связи с их семейным положением. Так, из всех исследованных холостых (незамужних) граждан активными были 18%, среди женатых (замужних) бездетных таковых оказалось 26%, среди женатых (замужних), имевших детей, — 34%. Эти цифры показывают требующую дополнительного исследования тенденцию роста проявлений враждебной активности лиц, обладавших большим социально-бытовым опытом (холостяцкое состояние, супружество, супружество с воспитанием детей). Каждая последующая категория имела на одну треть больше активных во враждебных проявлениях лиц по сравнению с предшествующей.

Полученные цифры, отражающие враждебную активность подвергнутых анализу лиц, показывают необходимость более глубокого исследования связи этой активности с различными факторами, в том числе семейно-бытового характера.

Таким образом, проведенный анализ семейного положения 1184 советских граждан, прошедших по материалам всесоюзного розыска в связи с бегством за границу или отказом от возвращения из-за границы в СССР в 1945—1984 гг., позволяет сделать следующие выводы:

этим лицам присущи характерные для населения страны в целом положительные и отрицательные явления в области семейно-брачных отношений, однако негативные стороны данной сферы жизнедеятельности у них проявляются значительно сильнее (заметное преобладание холостых (незамужних) в зрелом возрасте, большой процент бездетных семей, отсутствие родителей);

значительное большинство исследованных лиц после бегства за границу или отказа от возвращения из-за границы в СССР не проявляло враждебной, антисоветской активности, что свидетельствует о преобладании бытовых, а не политических це-

лей бегства за границу или отказа от возвращения из-за границы в СССР;

в работе по делам оперативного учета и сигналам с окраской «измена Родине в форме бегства за границу или отказа от возвращения из-за границы в СССР» самого пристального внимания заслуживают вопросы семейного положения изучаемых и проверяемых лиц, степени семейно-бытовых привязанностей, осведомленности их родственников, а также внебрачных связей о вынашиваемых враждебных замыслах, роли в готовящихся враждебных актах;

определение измены Родине в форме бегства за границу или отказа от возвращения из-за границы в СССР нуждается в уточнении.

Рекомендована кафедрой спецдисциплин «К»
Учебного центра КИ КГБ СССР

Научный редактор
подполковник Н. А. Чичулин

ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАДРОВ

Кандидат юридических наук
подполковник Л. С. Яковлев

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Перестройка высшего и среднего специального образования в стране, намеченная решениями XXVII съезда КПСС,— одна из неотложных и важнейших задач развития общества на современном этапе. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечалось: «С первых лет обучения студенты должны втягиваться в исследовательскую работу, участвовать во внедрении ее результатов в производство. Только так можно воспитать настоящих ученых, творчески думающих специалистов»¹.

Подготовка специалистов любого профиля, как отмечает член-корреспондент Академии педагогических наук СССР Н. Ф. Талызина, «зависит от степени обоснованности трех основных узлов учебного процесса: цели обучения (для чего учить), его содержания (чему учить) и принципов организации учебного процесса (как учить)»².

Автор данной статьи на основе обобщения своего опыта, опыта работы коллег, а также педагогической практики других вузов рассматривает некоторые принципы, методы и формы обучения слушателей в чекистском вузе.

В партийных документах отмечается, что большое значение в подготовке специалистов имеет развитие в студенческой (слушательской) среде состязательности и всемерной активизации учебно-воспитательной деятельности³.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 28.

² Талызина Н. Ф. Деятельный подход к построению модели специалиста.— Вестник высшей школы, 1986, № 3, с. 10.

³ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране».— Правда, 1987, 21 марта.

Одним из средств такой активизации в преподавании юридических дисциплин в Высшей школе им. Ф. Э. Дзержинского может стать широкое внедрение активных методов обучения. В этой связи важно определить основные признаки, по которым можно было бы те или иные методы относить к активным методам обучения. Можно согласиться с мнением специалистов по активным методам обучения в Киевском инженерно-строительном институте, что активные методы обучения должны:

побуждать обучаемого к активности;

обеспечивать не эпизодическую, а длительную активность;

создавать тесную взаимосвязь обучаемых между собой или с реальными должностными лицами⁴.

Этим же специалистами активное обучение рассматривается как обучение деятельности⁵.

Думается, что «обучение деятельности» в данном случае не следует понимать только лишь как обучение практическим навыкам. Это еще и вооружение обучаемых фундаментальными теоретическими знаниями. В соответствии с вышеизложенным представляется возможным дать следующее определение понятию «активное обучение». Активное обучение — это сочетание или совокупность дидактических приемов и методов по воздействию на обучаемых с целью побуждения их к длительной, интенсивной деятельности по приобретению знаний и практических навыков при тесной взаимосвязи обучаемых между собой и с обучающим.

Важное место в понимании содержания активного обучения занимает вопрос о приемах и методах активного обучения. В данной статье не ставится цель дать исчерпывающий перечень таких методов. В зависимости от профиля обучения они многообразны и специфичны. По мнению автора, приемы и методы активного обучения, которые применяются или могут применяться в чекистском вузе, в зависимости от конкретных целей и задач обучения условно можно разделить на две основные группы:

методы, способствующие формированию у слушателей мировоззренческих принципов и закреплению специальных теоретических знаний;

методы обучения практическим навыкам.

К первой группе методов относим такие, как: проблемная лекция; семинар-викторина; практическое занятие (или семинар), проводимое с использованием ТСО; коллоквиум; научно-теоретические дискуссии, проводимые в рамках (форме) конференций, заседаний научных кружков и т. п.

⁴ См.: Методические рекомендации по классификации методов активного обучения. Киев, изд. Министерства высшего и среднего специального образования УССР, 1982, с. 3—4.

⁵ См. там же, с. 3.

Ко второй группе методов активного обучения, на наш взгляд, можно отнести: деловые игры; комплексные оперативные учения слушателей (как разновидность деловых игр); разыгрывание ролей; игровое моделирование практических ситуаций; стажировки слушателей (оперативные, следственные); языковую практику; оперативно-чекистскую службу по обеспечению безопасности общественно-политических мероприятий (при соответствующих дополнительных организационных мерах ее проведения).

Не все методы активного обучения первой и второй групп одинаково используются и могут быть использованы в преподавании учебных курсов на кафедре общеправовых дисциплин.

Широкое применение в работе преподавателей находят методы активного обучения, отнесенные нами условно к первой группе методов, способствующие формированию у слушателей мировоззренческих принципов и закреплению специальных теоретических знаний.

Одним из таких методов является *проблемная лекция*. Среди части педагогов бытует мнение, что проблемной лекцией как методом обучения можно пользоваться лишь в аудитории подготовленной. Применительно к Высшей школе подготовленной аудиторией можно считать, видимо, слушателей старших курсов, а при работе со слушателями младших курсов использование проблемной лекции весьма сомнительно. Такое утверждение, на наш взгляд, спорно. Лица, отстаивающие точку зрения, что проблемная лекция используется только в аудитории подготовленной, исходят из того, что в ходе лекции должны ставиться общетеоретические проблемы, для понимания которых необходим определенный запас научных знаний. Да, конечно, постановка таких проблем допустима, возможна и даже заманчива, но разрешение их переходит часто уже в другую сферу деятельности: не в обучение, как таковое, а в научно-исследовательскую деятельность. Если же к проблемной лекции подходить все же как к методу активного обучения, то и сами проблемы, выдвигаемые в ходе занятия, должны быть подчинены задачам обучения, а последние сами по себе уже призваны учитывать уровень подготовки аудитории. Автор далек от мысли, что проблемным лекциям вообще не должна предшествовать никакая подготовительная работа. Следует согласиться с мнением педагогов Московского авиационного технологического института, что придание лекциям проблемного характера предполагает формирование в начале лекционного курса его фундаментальных проблем, развиваемых затем в качестве подпроблем в разделах и темах⁶.

Таким образом, проблемная лекция может и должна применяться в обучении слушателей не только старших курсов, но и

⁶ См.: Вестник высшей школы, 1986, № 3, с. 46.

первокурсников, что находит свое подтверждение в работе наших преподавателей, обучающих слушателей таким дисциплинам, как теория государства и права, история государства и права СССР, история государства и права зарубежных стран, которые изучаются на первом курсе. При этом преподаватели исходят не из того, чтобы выдвигаемая проблема была как можно сложнее, а чтобы она давала выход на какие-то спорные вопросы, альтернативные варианты решений. Но чтобы при этом данная проблема обязательно вовлекала всех слушателей в активную познавательную деятельность, в самостоятельный поиск решений в отношении выдвинутой проблемы, побуждала слушателей к их общению между собой и с преподавателем.

Аналогичные задачи, как показывает педагогическая практика московских вузов, могут достигаться и лекционными занятиями, в ходе которых преподаватель не ставит перед студентами каких-либо проблем теоретического характера, а предлагает им проблемные вопросы, которые должны быть разрешены в процессе самостоятельной подготовки к следующей лекции или к семинарскому занятию, определить ключевые позиции для разрешения различных проблемных ситуаций и т. д.⁷

Такой вид лекционных занятий широко используется как автором данной статьи, так и его коллегами по кафедре. Так, слушателям по ходу лекции дается вполне конкретное задание для последующей самостоятельной работы, которое обязывает их обратиться к правовым источникам, монографической литературе и сделать дополнительные выписки к записям лекции. Контроль за этой дополнительной работой слушателей преподаватель осуществляет или в ходе последующих семинарских занятий по данной теме, или в начале следующей ближайшей лекции, когда выборочно одному-двум слушателям в течение 5—6 минут предлагается дать свои решения по заданию, поставленному в ходе предыдущей лекции. Например, в ходе лекции по курсу истории государства и права СССР по теме 2 «Древнерусское государство и право» слушателям показывается 10-минутный видеофрагмент из кинофильма «Ярослав Мудрый», где происходит сцена убийства ремесленника дружинником воеводы. После этого слушателям, предварительно ознакомившимся с правовыми памятниками Древней Руси, дается задание решить, к юрисдикции какого суда — церковного или великокняжеского — относится рассмотрение данного преступления и какую норму «закона» следует здесь применить.

Следующую лекцию преподаватель начинает с того, что напоминает слушателям о теме предыдущего занятия и просит

⁷ Такая педагогическая практика находит место, например, в Московском авиационном технологическом институте (см.: Вестник высшей школы, 1986, № 3).

выборочно одного-двух слушателей доложить свои решения по просмотренному ранее видеосюжету. Тут же преподаватель дает свое заключение о наиболее правильном ответе, а тем слушателям, которые не справились с заданием или у которых остались невыясненными какие-то вопросы, рекомендует встретиться с ним на консультации. Такая форма проведения лекционных занятий побуждает слушателя к самостоятельной дополнительной работе над каждой прослушанной лекцией, способствует систематичности занятий обучаемых, установлению более тесного контакта лектора с аудиторией, то есть отвечает признакам активных методов обучения. Такие лекции, видимо, можно считать разновидностью проблемных лекций или обозначить их как лекции, сопряженные с постановкой контрольных заданий для аудитории и самостоятельным поиском ответов на эти задания.

Разновидностью проблемной лекции является лекция, читаемая преподавателем по плану, скорректированному самой слушательской аудиторией. В качестве эксперимента такие лекции читались слушателям факультета № 10 и слушателям 7-й службы факультета № 1 по курсу истории государства и права СССР в 1986/87 учебном году. Суть такого вида лекций сводится к тому, что слушатели по договоренности с преподавателем самостоятельно знакомятся с материалом по теме предстоящей лекции и делают пометки по вопросам, в которых они самостоятельно не разобрались или которые вызвали у них повышенный интерес, а затем задают эти вопросы преподавателю перед тем, как последний начнет читать лекцию по данной теме. Это дает возможность преподавателю внести некоторые коррективы как в намеченный план лекции, так и в саму подачу лекционного материала.

На наш взгляд, такая методика чтения лекций побуждает слушателей предварительно знакомиться с новым государственно-правовым понятийным аппаратом, самостоятельно уяснять несложный для них фактологический материал предстоящего лекционного занятия и делать попытки самостоятельного перехода от фактологического материала к некоторым вопросам теоретического уровня. В конечном итоге такая методика чтения лекций позволяет преподавателю экономить время на раскрытии несложных вопросов, более или менее удовлетворительно изложенных в учебниках и учебных пособиях, и больше внимания уделять раскрытию общетеоретических юридических проблем, профильных для нашего вуза вопросов, показу межпредметных связей.

Читая по такой методике лекции для слушателей факультетов № 1 и 10, автор данной статьи пришел к некоторым выводам и рекомендациям методического характера.

Во-первых, такая методика проведения лекции эффективна в том случае, если лекционный материал предварительно прочи-

тывает часть слушателей. Для этого необходимо заручиться поддержкой партийного и комсомольского актива слушателей. На самотек, как показал проведенный эксперимент, решение этой задачи пускать нельзя. Кроме того, преподавателем заранее должны быть предусмотрены контрольные вопросы, задаваемые слушателям по ходу лекции. Ответы на эти вопросы должны показывать степень готовности аудитории к восприятию лекции, читаемой по такой методике. Постановка контрольных вопросов дисциплинирует слушателей во время лекционного занятия.

Во-вторых, надо учитывать, что количество и характер вопросов, которые могут задать слушатели по конкретной теме, предугадать невозможно. Задача преподавателя в этой ситуации — не превратить свою лекцию только лишь в ответы на вопросы. Круг частных вопросов в определенной мере может и должен изменяться, но в общем и целом лекция должна проводиться по плану, намеченному преподавателем. Таким образом, ответы на вопросы слушателей как бы вкрапливаются в лекцию, не нарушая ее логики. На вопросы частного характера, выходящие за рамки общего плана лекции, преподаватель отвечает слушателям в индивидуальном порядке, например на консультации.

В-третьих, если слушателями задается значительное количество вопросов, а, как правило, так и бывает, то вопросы следует не только внимательно выслушать, но и записать, чтобы как-то систематизировать их и наметить очередность ответа на них. Практика показала, что на выслушивание вопросов и на их запись самим преподавателем может уходить до 10 минут драгоценного лекционного времени. Проблема экономии этих 10 минут была решена следующим образом: по договоренности со слушателями вопросы выясняются у аудитории одним из представителей учебно-воспитательной комиссии (УВК) перед началом лекций и в письменном виде подаются преподавателю. Но на осмысление вопросов преподаватель тоже должен затратить какое-то время, а чем в этот момент занять аудиторию? Слушатели в это время могут знакомиться с планом лекции, который через кодоскоп экспонируется на экран.

И в-четвертых, данная методика чтения лекций от самого преподавателя требует более основательной и всесторонней подготовки к таким занятиям, определенной психологической настроенности. Преподаватель должен быть готовым к тому, что со стороны слушателей при их заинтересованном отношении к предмету может быть задан такой вопрос, который поставит лектора в затруднительное положение, когда без предварительной подготовки преподаватель сразу и не сможет ответить на поставленный вопрос. Не нужно бояться признаться в этом самому себе и аудитории. Надо поблагодарить слушателя за необычную постановку вопроса и порадоваться тому, что ваш предмет вызвал неподдельный интерес у обучаемых. Такие возможные ситуации не умаляют авторитета педагога, если он строит свои

отношения с аудиторией по-деловому, с симпатией к ней, без какого-либо высокомерия. А выигрыш и удовлетворение здесь получают обе стороны: и обучаемые, более углубленно вникающие в изучение предмета, и сам преподаватель, поставленный перед необходимостью искать ответы на неординарные вопросы слушателей.

Семинар-викторина как один из активных методов обучения характеризуется следующими отличительными признаками его подготовки и проведения:

предварительная основательная подготовка слушателей к участию в семинаре-викторине в форме проработки дополнительного материала, указанного преподавателем, заготовки контрольных вопросов;

выбор для семинара-викторины темы, содержащей значительный фактологический материал (а не теоретические проблемы);

обеспечение в ходе занятия состязательности (аудитория заранее разбивается на команды), а также наглядности для результатов викторины;

наличие компетентного объективного жюри, председателем которого, как правило, является преподаватель, проводящий занятие. Желательно, чтобы преподаватель имел возможность подводить итоги по каждому этапу викторины и одновременно разъяснять неправильно понятые или трудные положения темы семинара;

обеспечение активного участия в семинаре-викторине всех слушателей и индивидуальной оценки преподавателем подготовленности каждого участника;

возможность постановки преподавателем для каждой из команд, участвующих в семинаре-викторине, контрольных вопросов, важных для понимания темы семинарского занятия, но не поднятых самими командами;

подведение итогов, определение команды-победительницы.

Семинар-викторина может проводиться как в рамках плановых семинарских занятий, так и во внеучебное время, а также в ходе занятий, отводимых для самостоятельной работы слушателей, под руководством преподавателя.

Практическое занятие (или семинар), проводимое с использованием ТСО, также можно отнести к активным методам обучения. Такое занятие позволяет за 25—30% времени, отводимого на семинар (практическое занятие), охватить контролем или контрольным обучением всю учебную группу. При этом каждый слушатель получает за свою работу оценку, выставяемую самой машиной. Более подробно об использовании преподавателями кафедры общеправовых дисциплин контрольно-обучающих машин в преподавании юридических дисциплин автор говорил на научно-теоретической конференции Высшей школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского 29 августа 1986 года.

Признакам активных методов соответствует и такой метод обучения, как *коллоквиум*. Подготовка к коллоквиуму начинается задолго до его проведения. Для этого преподаватель обеспечивает слушателей перечнем вопросов, которые выносятся на коллоквиум. В коллоквиуме принимают участие все слушатели. Во время коллоквиума между слушателями допускается дискуссия, они могут задавать вопросы преподавателю. Коллоквиум, проводимый в устной форме, больше соответствует признакам активных методов обучения, нежели коллоквиум, проводимый письменно.

Коллоквиум как метод обучения слушателей широко используется преподавателями, ведущими курсы теории государства и права, истории государства и права зарубежных стран, истории государства и права СССР.

Активные методы обучения могут находить широкое применение в ходе научно-исследовательской работы слушателей, к которой они могут приобщаться как в учебное время (во время лекций, семинаров), так и во внеучебное. Например, в Киевском педагогическом институте во внеучебное время научно-исследовательская работа студентов (НИРС) проходит в рамках студенческих кружков, проблемных групп и конструкторских бюро. Студенты выполняют исследования по хозяйственной и госбюджетной тематике, принимают участие в лекторской работе⁸.

К активным методам обучения слушателей Высшей школы во внеучебное время в ходе НИРС можно отнести различные *научно-теоретические дискуссии, проводимые в рамках (форме) конференций, заседаний научных кружков*. Их проведению предшествует длительная подготовительная работа, участвует в них значительная часть слушателей. На кафедре общеправовых дисциплин практикуется проведение научно-теоретических конференций и со слушателями первых курсов. Такие конференции готовятся, как правило, не одним преподавателем, а группой преподавателей, работающих одновременно на данном курсе. У кафедры общеправовых дисциплин имеется опыт сотрудничества в подготовке таких мероприятий с преподавателями кафедры истории КПСС и специальной кафедры № 9.

Некоторые слушатели продолжают разработку избранных ими для научно-теоретической конференции проблем на последующих курсах, доводят их до научных докладов и представляют в последующем на конкурс слушательских научных работ.

Таковы некоторые выводы относительно методики применения активных методов обучения, способствующих формированию у слушателей мировоззренческих принципов и специальных тео-

⁸ См.: Орлик П. И., Шевченко А. В. Приобретать навыки научного труда.— Вестник высшей школы, 1986, № 3, с. 48.

ретических знаний, условно отнесенных нами к первой группе методов.

Вторую группу методов активного обучения, как это было указано выше, составляют методы обучения практическим навыкам.

Такие методы обучения, как *комплексные оперативные учения, стажировки, оперативно-чекистская служба*, отнесенные нами ко второй группе, в Высшей школе КГБ им. Ф. Э. Дзержинского при изучении общеправовых дисциплин широкого применения не находят, но зато они характерны при изучении различных спецдисциплин. Использование же этих методов обучения в спецдисциплинах заставляет слушателей обращаться к знаниям, которые они ранее получили при изучении общеправовых дисциплин. Это происходит, например, в тех случаях, когда от слушателя в ходе учения, стажировки, оперативного наряда требуется проявление общей правовой культуры, знание правового статуса должностных лиц, государственных и общественных учреждений, соблюдение социалистической законности и умение противостоять чуждым концепциям. Таким образом, хотя, с одной стороны, указанные выше методы и не характерны для изучения самих общеправовых дисциплин, но, с другой стороны, невозможно эффективное использование этих методов и в преподавании спецдисциплин, где они наиболее применимы, без предварительного овладения слушателями основными положениями правовых наук. Профессорско-преподавательский состав кафедры общеправовых дисциплин сознает, что, формируя у слушателей базу их юридического образования, необходимо одновременно всячески содействовать и их специальной чекистской подготовке.

Метод *разыгрывания ролей* и метод *игрового моделирования практических ситуаций* находят применение в преподавании юридических дисциплин.

Разыгрывание ролей — это более простой, чем деловые игры, метод активного обучения. Но этот метод весьма эффективен при решении оперативных комплексных задач в обучении слушателей.

Основными признаками этого метода являются: наличие многоаспектной проблемы и распределение ролей между участниками ее решения (например, разбирательство судебным органом гражданско-правового спора или уголовного преступления);

отличие интересов участников, представляющих разные стороны игрового занятия, с одной стороны, а с другой — общее их стремление к завершению разбора игровой ситуации;

тесная взаимосвязь участников в ходе занятия, поддерживаемая прениями, дискуссией;

возможность введения преподавателем дополнительной ин-

формации, упрощающей или усложняющей дальнейший ход игрового занятия;

оценка результатов занятия и подведение итогов⁹.

Используя данный метод, необходимо иметь в виду, что оптимального, заранее готового решения здесь не следует предусматривать. Участники такого занятия, как говорилось, преследуют разные интересы, а поэтому при подведении итогов надо проявлять больше гибкости, альтернативности. На кафедре общеправовых дисциплин определенный опыт в использовании такого метода обучения слушателей был накоплен профессором В. Н. Струнниковым. Думается, что в настоящее время следует практику использования этого метода восстановить, и застрельщиками должны выступить молодые, перспективные преподаватели юридических дисциплин.

Игровое моделирование практических ситуаций как метод активного обучения довольно прост и доступен каждому преподавателю. К этому методу слушатели часто прибегают по своей собственной инициативе, когда какие-то излагаемые ими теоретические положения стараются подтвердить примерами из жизни.

Хорошие результаты дает использование метода игрового моделирования в сочетании с методом анализа конкретной проблемной ситуации.

Это довольно популярный метод активного обучения, который широко использовался и сейчас применяется различными педагогическими системами. Одно время метод дидактического анализа конкретных ситуаций, получив широкое распространение при подготовке административных и хозяйственных кадров в США и других капиталистических странах, был известен под названием гарвардского метода. Однако проблемно-ситуационные методы, как утверждает Милка Д. Васильева, использовались еще в давние времена, например Сократом и Аристотелем¹⁰.

При использовании метода анализа конкретной проблемной ситуации слушателям ставится задача — на основе анализа конкретной фабулы найти выходы на общетеоретические вопросы, понятия, то есть по своей сути этот метод является противоположностью методу игрового моделирования. Оба эти метода широко применяются нашими преподавателями при проведении семинарских и практических занятий.

Основными признаками данных методов являются:

постановка перед слушателями задачи, требующей от них воспроизвести (смоделировать) на основании конкретных вопро-

⁹ См.: Методические рекомендации по классификации методов активного обучения, с. 9—10.

¹⁰ См.: Милка Д. Васильева. Проблемно-ситуационные методы в системе дидактических форм и методов. — Современная высшая школа, 1986, № 3/55, с. 75.

сов (условий) практическую жизненную ситуацию или, наоборот, на основании анализа обрисованной преподавателем практической жизненной ситуации найти выходы на общетеоретические вопросы;

стремление преподавателя к разработке соревнующимися слушателями нескольких вариантов решений, для чего может вводиться дополнительная корректирующая информация;

организация обсуждения выдвигаемых вариантов;

подведение итогов, оценка результатов дискуссии преподавателем, ведущим занятия.

Подведение итогов предварительно может быть поручено одному из слушателей. Если условия задачи предусматривают возможность нескольких вариантов решения, то выбираются лучшие из них, предложенные слушателями, если же решение должно было строиться по какому-то одному основному критерию, то выбирается только правильное решение.

В учебном процессе проблемные ситуации играют важную формирующую роль и могут быть использованы в различных формах учебного процесса: в лекциях, во время практических и семинарских занятий, при проведении консультаций. При этом сама проблемная ситуация находит свое выражение в виде казуса, инцидента, последовательно развивающейся ситуации.

Общей чертой всех методов активного обучения, отнесенных нами ко второй группе, является то, что они связаны с выходом на практическую деятельность или непосредственно, как это имеет место при стажировке и во время оперативно-чекистской службы, или условно, при использовании деловых игр (комплексных оперативных учений слушателей), разыгрывании ролей, игровом моделировании практических ситуаций.

Основными направлениями перестройки высшего и среднего специального образования в стране предусматривается значительно повысить в подготовке специалистов роль самостоятельной работы студентов (СРС). На наш взгляд, совершенно прав профессор П. И. Пидкасистый, утверждающий, что «в дидактике высшей школы до сих пор не раскрыта сущность СРС, в силу чего конкретные ее виды конструируются только с учетом предметной (содержательной) стороны, без достаточного соотношения с личностью, процессуальной стороной деятельности студентов. В результате их интерес к выполнению самостоятельных заданий... падает»¹¹.

Материальными гарантиями, обеспечивающими повышение роли самостоятельной работы студентов (слушателей), явилось значительное увеличение резерва времени на СРС за счет сокращения часов недельной учебной нагрузки, отводимых на

¹¹ Пидкасистый П. И. Сущностная характеристика познавательной деятельности.— Вестник высшей школы, 1985, № 9, с. 35.

аудиторные лекционные, практические и семинарские занятия. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» предусматривается значительно повысить роль преподавателя в планировании, организации и контроле за самостоятельной работой студентов. Там же говорится, что руководство самостоятельными занятиями студентов является видом учебной работы преподавателя, на которую отводится до 12 часов в неделю на первых, вторых курсах и до 16 часов на старших курсах¹².

Некоторые преподаватели считают, что если такие занятия будут идти в учебную нагрузку, то они должны стать разновидностью семинарских и практических занятий со 100-процентным охватом слушателей. Полностью согласиться с таким мнением, думается, нельзя. Самостоятельная работа слушателей — это не новое терминологическое обозначение прежних традиционных форм обучения, а такая форма работы, которая выявляет и развивает у слушателя его творческие возможности, формирует у него умение самому добывать необходимые теоретические знания, приобретать и закреплять практические навыки своей будущей профессии. Творческие цели самостоятельной работы должны и достигаться творческим подходом в выборе методов, способов и форм обучения. В постановлении об основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране обозначены некоторые пути развития творческих способностей будущих специалистов в ходе их самостоятельной работы: «Первоочередная задача — осуществить решительный поворот от массового, валового обучения к усилению индивидуального подхода... следует уменьшить нагрузку студентов обязательными аудиторными занятиями...»¹³ Таким образом, новая форма (вид) учебной работы может быть определена как самостоятельное, как правило внеаудиторное, добывание слушателем знаний по конкретной учебной дисциплине, осуществляемое при индивидуальной (для каждого слушателя) методической помощи и контроле со стороны преподавателя.

Такая форма работы предполагает, что преподаватель вначале должен выявить у слушателя (или помочь ему определить) круг интересов, проблемы, которыми он заинтересовался при изучении данной учебной дисциплины. Затем необходимо определить, в какой форме слушателю целесообразно работать над изучением данных проблем. Это могут быть: подготовка реферата для выступления на семинарском занятии, доклада для выступления на научно-теоретической конференции или на заседании научного слушательского кружка, доклада на конкурс слушательских работ; написание курсовой работы; разра-

¹² См.: Правда, 1987, 25 марта.

¹³ Правда, 1987, 21 марта.

ботка сценария для создания учебного кинофильма или телефильма, вопросов для проведения викторины со слушателями учебной группы; составление учебной программы для контрольно-обучающей машины; разработка схем, диаграмм в форме плакатов или слайдов для кодоскопа; составление сценария для проведения занятий в форме разыгрывания ролей или деловой игры и т. п.¹⁴

В зависимости от формы работы и ее объема слушатели при разработке учебных проблем действуют каждый индивидуально или небольшими группами.

Учитывая способности и наклонности конкретного слушателя или группы слушателей и проявленный ими интерес к изучению какой-то конкретной проблемы учебной дисциплины, преподаватель ставит перед собой задачу еще больше этот интерес развить и побудить слушателей к постоянному самостоятельному отысканию необходимых знаний по затронутой ими проблеме, что в конечном итоге должно способствовать лучшему усвоению всей учебной дисциплины.

При организации самостоятельной работы слушателей под руководством преподавателя возникает целый ряд вопросов: все ли слушатели способны и имеют желание самостоятельно внеаудиторно работать над углубленным изучением конкретных проблем определенной учебной дисциплины; на каком этапе преподавания учебной дисциплины у слушателей может появиться заинтересованность в самостоятельном изучении тех или иных проблем (вопросов) данной дисциплины; позволяет ли учебная база вуза широко использовать данную форму работы со слушателями; готов ли сам преподаватель к такой работе с ними.

Позволим высказать некоторые соображения, отвечая на поставленные вопросы. С уверенностью можно заявить, что не все слушатели могут самостоятельно и внеаудиторно изучать по определенной учебной дисциплине те или иные проблемы, связанные с ней. Во-первых, часть слушателей с недостаточной общеобразовательной подготовкой, и особенно на первых курсах, вряд ли будет способна самостоятельно изучать какие-то сложные и глубокие проблемы. Во-вторых, другая часть слушателей хотя и способна будет по своему уровню к такой работе, но интересующие ее проблемы могут входить в предмет другой учебной дисциплины. Что касается первой части слушателей, то для них, видимо, следует организовывать аудиторные занятия под руководством преподавателя в форме, позволяющей слушателям прорабатывать самостоятельно учебные вопросы, а преподавателю тут же контролировать правильность их усвоения.

¹⁴ Аналогичный опыт работы со студентами во внеаудиторное время накоплен в Киевском педагогическом институте (см.: Вестник высшей школы, 1986, № 3, с. 47—49).

А такие аудиторные занятия, как коллоквиумы по основным разделам учебной дисциплины, викторины, дискуссии, деловые игры и так далее, проводятся со всей учебной группой независимо от уровня подготовки слушателей. Что касается слушателей, интересы которых в большей мере связаны с другим предметом, то, в случаях когда проблема, избранная для углубленного изучения, стоит на стыке смежных дисциплин, им после предварительной договоренности между преподавателями следует, видимо, разрешить заниматься изучением данных проблем самостоятельно, по индивидуальному плану в часы, отведенные для самостоятельной работы, по всем тем смежным дисциплинам, с которыми связана эта проблема. Остальная же часть этих слушателей занимается аудиторно под контролем преподавателя.

Момент, с которого можно планировать в расписании для слушателей самостоятельные занятия по данному конкретному предмету, определяется самим преподавателем, и это четко должно быть обозначено в тематическом плане. А наступает такой момент тогда, когда преподаватель даст слушателям определенную сумму знаний по своему предмету, позволяющих слушателям выйти на какие-то проблемы, представляющие для него интерес.

Говоря о готовности учебной базы к такой форме работы, следует учитывать наличие свободных аудиторий для самостоятельной работы слушателей, обеспеченность литературой, налаженность связей по межбиблиотечному обмену, согласованный график работы читального зала, наличие и состояние работы учебно-методических кабинетов, наличие на факультетах и курсах базовых аудиторий, оборудованных телеканалом от телестудии или видеоманитофонами, наличие на факультетах классов, оборудованных контрольно-обучающими машинами или ЭВМ, и готовность отдела ТСО оказать техническое обеспечение занятий с использованием ТСО.

Готовность самого преподавателя к данной форме учебной работы со слушателями заключается в том, что преподаватель психологически должен быть предрасположен к индивидуальной работе со слушателями. Для многих преподавателей перестройка в их личном плане именно в этом и будет состоять. Другой немаловажный аспект, характеризующий готовность преподавателя к такой работе, определяется его умением и желанием использовать самые разнообразные и нетрадиционные формы учебной работы: коллоквиум, дискуссия, викторина, занятия с разыгрыванием ролей, с использованием телевидения, контрольно-обучающих средств. В связи с этим преподаватель должен предложить по своему предмету слушателям целый ряд тем, проблем, вопросов, которые могли бы заинтересовать каждого из них в индивидуальном порядке. Здесь мы полностью должны согласиться с мнением педагогов Московского энерге-

тического института, что «генетической клеточкой» самостоятельных работ, их цементирующим ядром является познавательная задача, предлагаемая студенту в конкретной ситуации обучения (усвоения) и выступающая как предмет его деятельности. В учебном процессе в качестве такой задачи всегда должна выступать учебная или научная проблема»¹⁵.

Наконец, большое значение имеют умение и возможности преподавателя руководить слушателями при разработке ими тех или иных научных или учебных проблем. Если их иногда и хватает некоторым преподавателям, чтобы провести лекцию или семинар по уже устоявшимся материалам, то организация самостоятельной работы слушателей, когда надо со значительной частью из них поработать индивидуально, помочь каждому составить план его работы, помочь преодолеть самые разнообразные трудности организационного характера, предусмотреть варианты контроля за основными этапами его работы, конечно, потребует больших усилий от преподавателя.

Из сказанного выше применительно к организации и проведению со слушателями самостоятельной работы под руководством преподавателя можно сделать следующие выводы об обязательных условиях, обеспечивающих успех этой работы:

психологическая настроенность преподавателя на индивидуальный подход к работе со слушателями и на использование нетрадиционных форм учебных занятий с ними;

заблаговременная тщательная подготовка таких занятий, предусматривающая проявление самостоятельности слушателя в приобретении им новых знаний, и активная роль преподавателя в оказании слушателям методической помощи и осуществлении контроля за их работой;

сочетание, особенно на начальных курсах, как аудиторной формы работы со слушателями, так и их работы по индивидуальным планам;

готовность учебной базы вуза обеспечить хотя бы основные запросы кафедр, вытекающие из потребностей учебного процесса, при проведении самостоятельной работы со слушателями.

*Рекомендована кафедрой общеправовых дисциплин
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
В. М. Клеandroва*

¹⁵ Вестник высшей школы, 1985, № 9, с. 36.

КОМПЬЮТЕР В ПРЕПОДАВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Одним из важнейших направлений совершенствования обучения будущих контрразведчиков в условиях перестройки Высшей школы КГБ СССР является всесторонняя компьютеризация учебного процесса. Опыт вузов страны, в том числе и Высшей школы КГБ СССР, свидетельствует о возможности использования в этих целях ЭВМ различных классов: от мощных до микроЭВМ. Главное — найти каждой из них соответствующее применение.

В течение последнего времени рядом кафедр Высшей школы (СК-1, СК-11, СК-14, кафедрой философии и научного коммунизма и др.) предпринимаются усилия по внедрению в учебный процесс микроЭВМ «Электроника БК-0010»¹. В частности, на специальной кафедре № 1 разработан ряд контролирующих и обучающих программ, две из которых внедрены в учебный процесс в рамках специальной дисциплины 1А («Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР»). При этом учитывались основные особенности указанного компьютера: малые габариты и вес, незащищенность, отсутствие специального программного обеспечения, ограниченный объем оперативной памяти. Все это определило главное направление в разработке программ — автоматизацию тех участков работы преподавателя СК-1, на которых можно собирать и анализировать ограниченный объем несекретной учебной информации. В первую очередь для автоматизации были выбраны задачи, решаемые на комплексных оперативных учениях посредниками по учебным объектам.

Комплексное оперативное учение — это высшая форма групповых практических занятий по выработке умений и навыков действий в условиях, максимально приближенных к реальным². Основной целью учений является создание слушателям выпускных курсов максимально приближенных к действительности условий для стажировки в качестве сотрудников конкретного (условного) органа КГБ. При этом учитывается, что профиль их подготовки обусловлен спецификой их борьбы с противником,

¹ Компьютер «Электроника БК-0010» представляет собой микроЭВМ для применения в быту. Он имеет 16-разрядный процессор, объем оперативной памяти — 32 Кбайт (из них 16 Кбайт — для пользователя). Язык программирования ФОКАЛ. В качестве внешней памяти применяется кассетный магнитофон типа «Электроника-302», а в качестве дисплея (устройства для отображения алфавитно-цифровой и графической информации) можно использовать телевизор. Компьютер заключен в корпус размером 365×205×55 мм. На верхней крышке корпуса установлена клавиатура. «БК-0010» продается в магазинах Москвы (цена 600 руб.).

² См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0735 от 10 декабря 1980 г.

действующим с позиций конкретного региона (например, для факультета № 9 Высшей школы с позиций Ближневосточного и Африканского). В ходе учений каждый из слушателей проводит от 2 до 8 встреч с учебными объектами, в качестве которых выступают слушатели четвертых курсов контрразведывательных факультетов и преподаватели кафедр иностранных языков. В процессе встреч слушатели-выпускники закрепляют теоретические знания и приобретают практические навыки подготовки и проведения (в том числе и на иностранном языке) явок с агентами, вербовки советских граждан и иностранцев, проведения бесед с доверенными лицами, приема заявителей, осуществления профилактических бесед и др. Таким образом, работа с учебными объектами является одним из центральных звеньев в проводимых комплексных учениях.

На время учений из слушателей-выпускников формируется 5—8 игровых коллективов (условных городских отделов КГБ СССР). В каждом из них выделяется 11 участников оперативной работы, закрепляемых за конкретными слушателями (оперработниками горотделов КГБ СССР)³.

Комплексные оперативные учения организуются и проводятся факультетами совместно со всеми кафедрами.

Контроль за работой слушателей с учебными объектами осуществляется посредниками по учебным объектам, линиям и коллективам. В качестве посредников выступают преподаватели специальных кафедр контрразведывательного профиля. Традиционными методами такого контроля являются опрос учебных объектов о проведенных с ними слушателями встречах, а также непосредственное участие в этих встречах посредников. Каждому из посредников приходилось опрашивать 30—60 учебных объектов ежедневно. Такая высокая нагрузка затрудняет выявление ошибок, допускаемых слушателями — участниками учений, и не позволяет достаточно адекватно оценивать работу каждого из них.

В целях повышения эффективности труда преподавателей-посредников, качества контроля за работой слушателей с учебными объектами и реализации принципа индивидуального подхода к обучению при активной поддержке руководства факультетов № 3 и 9 была разработана и внедрена в учебный процесс программа «Посредник». Она предназначена для сбора, накопления и анализа информации о результатах проведения слушателями — участниками учений явок с учебными объектами.

Работа с программой не требует какой-либо специальной подготовки. Практически все необходимые режимы работы (в том числе и с внешней памятью, в качестве которой используется кассетный магнитофон «Электроника-302») осуществля-

³ См.: Задача комплексных оперативных учений «Кавказ» для слушателей факультета № 9. Материалы для преподавателей. М., изд. ВШ КГБ, 1984, т. 1.

ются путем выбора необходимого варианта работы из списка предлагаемых в виде так называемого «меню» (рис. 1).

АИС «Посредник» к работе готова!	
Выберите режим работы	
1. Вопросник	
2. Анализатор	
3. Работа с внешней памятью	

Рис. 1. Общий вид экрана монитора после запуска программы АИС «Посредник»

Программа «Посредник» состоит из трех функциональных блоков: сбора информации, анализа информации и графического анализа информации. Первые два блока выполнены в виде одной программы объемом 16 Кбайт, что позволяет динамичнее осуществлять текущий анализ результатов работы.

Сбор информации о работе учебного объекта осуществляется с помощью автоматизированного вопросника, включающего от 16 до 22 вопросов⁴. По возвращении со встречи каждый из объектов отвечает на них.

При подготовке вопросника разработчики программы «Посредник» исходили из модели явки с агентом, результатов анализа опыта проведения подобных учений и учебных занятий в городских условиях с преподавателями — инструкторами СК-1.

В качестве параметров контроля за работой слушателей были определены следующие элементы явки: установление психологического контакта, отбор информации и отработка нового задания, воспитание и обучение, вопросы собственной безопасности и конспирации, умение правильно реагировать на вводные, общий культурный уровень будущего оперативного работника.

В рамках каждого из указанных параметров были определены от 2 до 5 вопросов, подлежащих изучению. Причем их формулировка допускала только два ответа — «да» или «нет». Например: «Был ли отработан способ выполнения задания?»

Порядок работы с автоматизированным вопросником был следующим. Вначале учебный объект вводил в программу иден-

⁴ Версия программы «Посредник» для факультета № 9 Высшей школы включала 16 вопросов, для факультета № 3 — 22 вопроса.

тификационные данные: день работы, номер коллектива, номер участка и номер роли, которую он играл (рис. 2).

22 вопроса для учебных объектов

Введите № дня работы и нажмите «Ввод»: 1

Введите № коллектива и нажмите «Ввод»: 3

Введите № участка и нажмите «Ввод»: 10

Введите № роли и нажмите «Ввод» :

Рис. 2. Вид экрана при вводе идентификационных данных (первые три параметра уже указаны)⁵

Затем на экран дисплея последовательно выводились один за другим 22 вопроса, на которые следовало дать ответ (рис. 3).

Проявил ли он к Вам внимание и заботу?

Нет — 1

Да — 0

Рис. 3. Вид экрана с одним из вопросов

Для ответа учебный объект нажимал на клавиатуре ЭВМ клавишу «0» (да) или «1» (нет). За каждый вопрос начислялся либо 0, либо 1 штрафной балл⁶. Всего за встречу можно было получить максимум 22 штрафных балла.

После ответа на все вопросы программа «Посредник» выдавала звуковой сигнал, свидетельствующий об окончании опроса данного объекта. Затем на экране появлялось приглашение к работе следующему учебному объекту. Накапливаемая в памяти ЭВМ информация периодически выводилась для записи на кассетный магнитофон. Всего в ходе одного учения с помощью программы «Посредник» была получена информация о 650 встречах с учебными объектами.

Накопленная информация анализировалась с помощью второго блока программы — анализатора.

⁵ В реальных условиях запрос о номере коллектива и так далее появляется только после ответа на предыдущий вопрос.

⁶ Для объектов, играющих роли доверенных лиц и заявителей, программа «Посредник» фиксировала только те вопросы, которые соответствовали играемой роли.

Анализатор предназначен для изучения результатов проведенных в рамках учений встреч с учебными объектами. Режим анализа результатов представлен на рис. 4.

Анализатор работы с объектами

Выберите режим анализа результатов работы

1. Сравнительный анализ работы коллективов
2. Анализ работы конкретного коллектива
3. Анализ работы с учебными объектами (по ролям)
4. Анализ конкретной встречи с объектом

Нажмите клавишу с нужной позицией

Рис. 4. Вид экрана с возможными режимами анализа результатов работы

Сравнительный анализ работы коллективов осуществляется по дням занятий и в целом за все время учений. Результаты работы слушателей выводились на экран монитора в цифровом виде, что значительно повышало наглядность этих результатов (рис. 5).

Итоги первого дня работы

Участки						
1	2	6	2	3	4	5
2	—	—	—	—	—	—
3	0	0	2	1	0	1
4	—	—	—	—	—	—
5	—	—	—	—	—	—
6	—	—	—	—	—	—
7	6	1	1	10	1	2
8	3	2	1	5	0	2
9	2	0	0	2	0	2
10	1	1	9	1	1	3

Рис. 5. Вид экрана, показывающего результаты работы с учебными объектами в первый день учений

Были приняты следующие обозначения: «—» — встреч не было; «0» — встреча прошла без замечаний; цифры от 1 до 22 указывают на количество штрафных баллов, полученных по итогам встречи.

В целях повышения эффективности и качества анализа результатов работы с учебными объектами каждый день учений начинался с общего разбора результатов за предыдущий день. Для этого сотрудники ОТСО Высшей школы подключали компьютер к внутривузовской системе телевидения, и результаты работы с 10.00 до 10.25 транслировались на мониторы, установленные в помещениях, где находились играющие коллективы. При этом посредник по учебным объектам давал пояснения и анализировал наиболее типичные ошибки, допускаемые слушателями.

В случае когда возникали сомнения в правильности оценки конкретной встречи, использовался режим работы «Анализ конкретной встречи с объектом». В этих целях слушатель по запросу программы вводил в ЭВМ данные о своем коллективе, дне работы и номере роли, которую играл учебный объект. После этого на экран выводился перечень ошибок, допущенных данным слушателем (рис. 6).

Итоги работы с объектом № 20	
Коллектив 5	День 3
Отсутствовал психологический контакт	
Не отработан способ выполнения задания	
Не отработана линия поведения	
Количество штрафных баллов — 3	

Рис. 6. Вид экрана с результатами работы с объектом № 20 на третий день учений в 5-м коллективе. В середине экрана указаны допущенные ошибки

Для повышения наглядности в представлении результатов работы использовался блок графического анализа информации,

который на основе анализа работы строил в автоматическом режиме различного рода гистограммы (рис. 7).

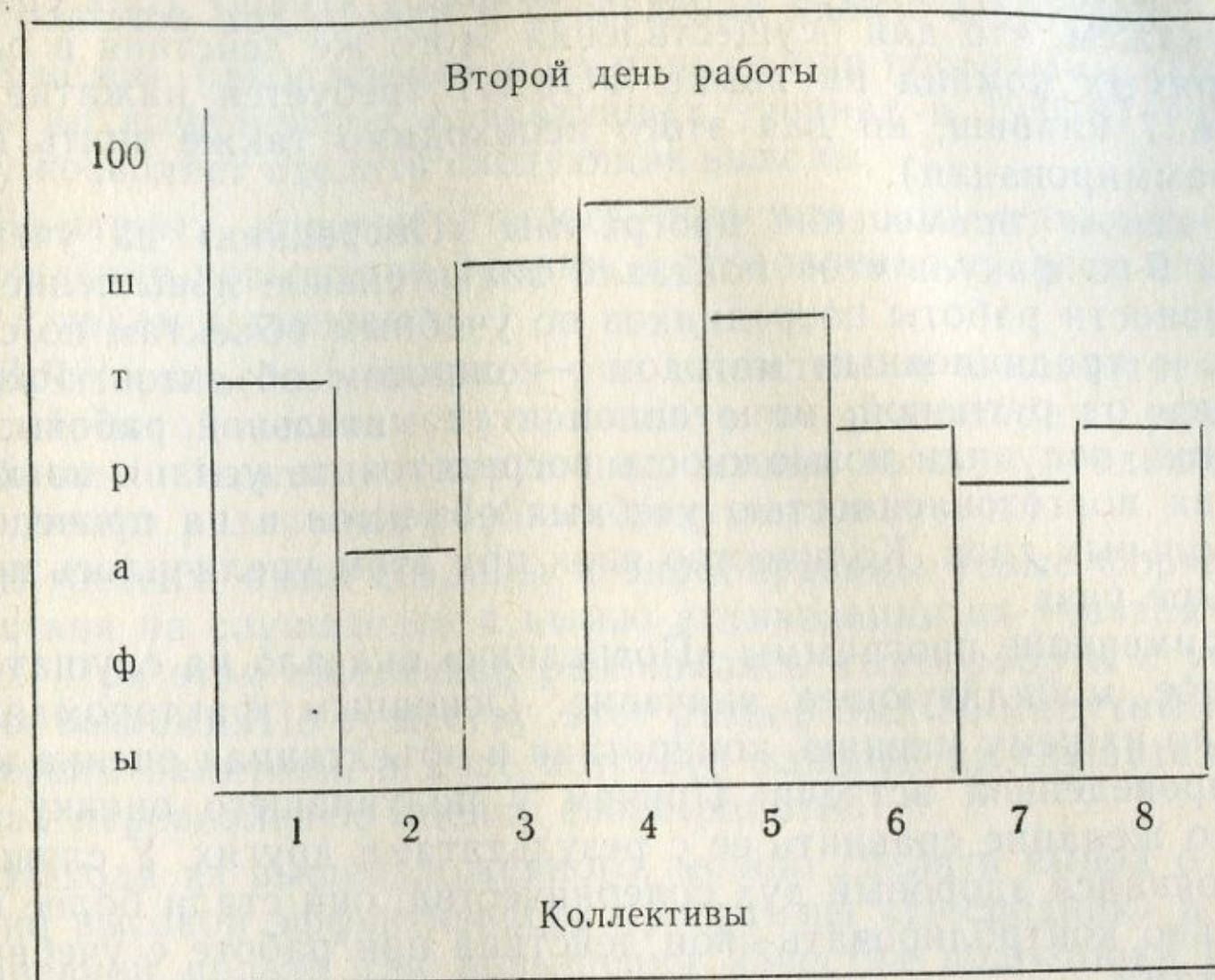

Рис. 7. Вид экрана с результатами работы коллективов на второй день учений

Для более удобной работы с программой «Посредник» большое значение имеют так называемые сервисные подпрограммы. Так, например, из-за ограниченного объема памяти компьютера вводимые в него данные приходилось периодически переписывать на магнитную ленту. В этих целях использовался режим «Работа с внешней памятью» (рис. 8).

Работа с внешней памятью
1. Запись данных на М. Л.
2. Считывание данных с М. Л.
3. Очистка памяти БК
4. Запись программы на М. Л.
Если хотите изменить режим работы, нажмите «Ввод»

Рис. 8. Вид экрана с вариантами режима «Работа с внешней памятью»

После появления на экране монитора этой картинки для осуществления указанных на ней действий достаточно нажать клавишу с нужным номером и затем клавишу «Ввод» (для сравнения укажем, что для осуществления этого же действия в режиме прямых команд на языке ФОКАЛ требуется нажатие минимум 7 клавиш, но для этого необходимо также знать язык программирования).

В целом применение программы «Посредник» на учениях 3-го и 9-го факультетов показало значительное повышение эффективности работы посредников по учебным объектам по сравнению с традиционным методом — опросом объектов. Разгрузившись от рутинной, монотонной и утомительной работы, посредники получили возможность сосредоточить усилия на контроле за подготовленностью учебных объектов и на проведении контрольных явок. Количество явок при этом увеличилось почти в четыре раза.

Применение программы «Посредник» оказало на слушателей большое мобилизующее значение. Основным фактором являлась, по нашему мнению, конкретная и объективная оценка каждой проведенной встречи. Причем у получившего оценку возникало желание сравнить ее с результатами других. У слушателей появился здоровый дух соперничества, они стали более внимательно контролировать свои действия при работе с учебными объектами.

В качестве примера приведем результаты работы слушателей факультета № 3 с учебными объектами на комплексных оперативных учениях в 1986/87 учебном году.

За 6 дней учений было проанализировано 644 встречи, из которых около 70% составляли явки с агентами. В среднем слушатели допускали на встрече от 2 до 5 ошибок. Количество штрафных баллов, набранных коллективами, заключалось в следующих границах: в первый день работы — 102 и 58, во второй — 50 и 20, на третий — 30 и 8, на четвертый — 18 и 6, на пятый — 12 и 3, на шестой — 12 и 4. Таким образом, за период учений произошло резкое улучшение качества работы с учебными объектами (среднее количество ошибок сократилось почти в 10 раз).

В ходе применения программы «Посредник» была получена также дидактическая информация, которая заставила по-иному взглянуть на некоторые уже известные вопросы. Так, например, лучшие результаты работы (наименьшее количество штрафных баллов за одну встречу) были зафиксированы на четвертый день учений. В последующие дни результаты несколько ухудшились, вероятно, из-за некоторого снижения активности слушателей.

Полученные в процессе учений данные опровергли некоторые наши предположения. Например, ожидалось, что ознакомление слушателей с конкретными критериями оценки встреч (а это осуществлялось на второй день работы) приведет к резкому

снижению количества штрафных баллов. Но этого не произошло. Видимо, слушатели еще не получили к тому моменту устойчивых навыков подготовки и проведения явок с агентурой.

В целом накопленный опыт применения программы «Посредник» на комплексных оперативных учениях в 1986/87 учебном году позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, впервые удалось получить документальное подтверждение повышения уровня подготовленности всех слушателей к явкам с агентами.

Во-вторых, был выявлен ряд недостатков в подготовке для учений методических материалов и в организации работы с учебными объектами (нарушение логики выдачи вводных, слабая увязка различных учебных документов и т. п.).

В-третьих, были созданы и апробированы новые формы воздействия на слушателей с целью активизации их участия в учениях. При этом ежедневно разбирались итоги работы с учебными объектами. По существу, этот разбор был 30-минутным практическим занятием, в ходе которого каждый из слушателей получал персональную оценку своей работы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о достаточно высокой эффективности программы «Посредник» и ее несомненной пользе для повышения качества подготовки слушателей.

Вместе с тем следует отметить, что разработка и внедрение программы «Посредник» сопровождалась рядом трудностей организационного и методического характера. Прежде всего не сразу был преодолен психологический барьер у преподавателей и слушателей по отношению к компьютеру. Поначалу у них отсутствовала необходимая подготовка к работе на ЭВМ. Не до конца были разработаны дидактические основы компьютерной технологии обучения и т. п.

На начальном этапе работы возникали также серьезные возражения по поводу того, что оценку слушателю — «оперработнику» давала машина, в которую такие же слушатели — учебные объекты должны были вводить данные. В связи с этим на различных уровнях поднимался вопрос об объективности подобных оценок. Однако первые же результаты работы показали, что объективность оценки результатов значительно возросла, и прежде всего за счет введения конкретных критериев ее оценки и за счет увеличения числа контрольных встреч (о чем было сказано ранее).

В настоящее время работа по совершенствованию программы «Посредник» продолжается. В контакте с СК-15 рассматривается вопрос о переносе программы на более совершенную вычислительную технику и о включении в ее состав блока контроля за качеством исполнения слушателями оперативной документации.

В процессе внедрения программы «Посредник» разработчики столкнулись с некоторыми трудностями, например с психологической напряженностью, возникающей у впервые садившихся за клавиатуру компьютера слушателей. Чтобы снять эту напряженность и привить первоначальные навыки общения с компьютером, была создана игровая программа «Тайник». Суть этой игры сводится к управлению с помощью десяти команд условным «роботом», осуществляющим поиск тайника в квартире шпиона. Наглядность ситуации, доступность и понятные правила обращения с компьютером приводят к тому, что после 10—15-минутной работы по этой программе слушатель перестает чувствовать робость перед ЭВМ.

Опыт применения данной игры показывает, что создание игровых ситуаций является одним из действенных средств в решении многих дидактических задач. Академик А. П. Ершов говорил, что «компьютер создает игровую ситуацию, но такую, в которой она не дает вам никакого спуска Вашей приблизительности, расхлябанности, несобранности, рассеянности и т. д. Компьютер вырабатывает в человеке ряд таких качеств, которые нужны ему в жизни. Пользование персональными компьютерами, к чему мы идем, поможет человеку справиться с усложняющимися задачами усложняющегося мира, все более насыщенного информацией, все более богатого событиями, которые нужно «переваривать» для того, чтобы принимать решения, и в десятки раз быстрее и чаще, чем вчера. И не только принимать решения, но и отвечать за них»⁷.

На наш взгляд, целесообразно продолжить работу по созданию игровых программ с элементами оперативной тематики. Это позволит привить слушателям интерес к компьютерной технике.

Накопленный опыт работы позволил расширить сферу применения компьютера в учебном процессе. Так, в качестве второй задачи, подлежащей автоматизации, по рекомендации учебного отдела Высшей школы был выбран процесс подготовки преподавателей специальных дисциплин. В целях ознакомления обучающихся с возможностями компьютеров была разработана учебно-контролирующая программа «Сборник педагогических задач». В ее основу были положены типичные педагогические ситуации, имевшие место в учебном процессе Высшей школы КГБ. Для решения задач требовалось знание основ вузовской педагогики, положений «Инструкции по организации учебного процесса в учебных заведениях КГБ СССР»⁸, а также ряда приказов начальника Высшей школы КГБ СССР, касающихся организации учебного процесса.

Для работы с данной программой не требовалось специальных знаний и навыков. После запуска программы компьютер проводит ознакомление обучаемого с назначением сборника. Затем происходит обучение пользованием клавиатурой в виде диалога и компьютер выводит на экран монитора следующий текст: «Посмотрите внимательно на клавиатуру компьютера. Посмотрели? Найдите в ее верхнем левом углу зеленые клавиши с цифрами 1, 2, 3, 4 и т. д. Нашли? Тогда нажмите на любую из них». Если обучаемый ошибется и нажмет не ту клавишу, на экране появятся слова: «Вы ошиблись! Попробуйте еще раз!» После нажатия на нужную клавишу на экране монитора появится следующее сообщение: «Правильно! А теперь нажмите красную клавишу «Ввод» — она находится в правом нижнем углу клавиатуры». После того как эта клавиша будет нажата, появится фраза: «Теперь Вы знаете, на какие клавиши Вам надо будет нажимать в процессе решения задач». Затем компьютер начнет выдавать на экран учебные кадры информации (рис. 9).

Основным назначением лекции как ведущего вида занятий в вузе является:
<ol style="list-style-type: none"> 1. Углубление и закрепление знаний по наиболее сложным темам изучаемого курса 2. Привитие знаний, умений и навыков будущей работы 3. Раскрытие закономерностей и тенденций развития изучаемого предмета
Нажмите зеленую клавишу с номером ответа

Рис. 9. Вид экрана с одним из вопросных кадров

После решения каждой задачи на экран выводится сумма штрафных баллов, набранных за неверные ответы.

Третья задача, подлежащая автоматизации, возникла после создания класса педагогического мастерства в Высшей школе. Для демонстрации возможностей компьютерной техники и первоначального ознакомления преподавателей с «БК-0010» была разработана программа «СПИН» («Справочник по педагогике и научной работе»). Она предназначена для выявления уровня знаний и выдачи на этой основе рекомендаций по ознакомлению с

⁷ Цит. по: Кубичев Е. А. ЭВМ в школе. М., Педагогика, 1986, с. 92.

⁸ См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0735 от 10 декабря 1980 г.

соответствующими разделами второй части программы, содержащей данные по педагогике, психологии, организации и методике учебного процесса (рис. 10).

<p>Автоматизированная справочная система «СПИН» располагает информацией по следующим вопросам:</p> <ol style="list-style-type: none">
1. Основы педагогики и психологии обучения
2. Организация учебного процесса
3. Методика подготовки и проведения учебных занятий
4. Научно-исследовательская работа слушателей
5. Кураторская работа преподавателя
6. Самостоятельная работа преподавателя
7. НИР преподавателя
8. ЭВМ в учебном процессе <p>.....</p> <p>Выберите нужный раздел и нажмите зеленую клавишу с его номером</p>
--

Рис. 10. Вид экрана с «меню» возможных режимов системы

Кроме информации о рассматриваемом вопросе программа рекомендует литературу, в которой этот вопрос освещен более подробно.

Наибольшую сложность в работе с программой «СПИН» представил ее ввод в компьютер. Однако пользователь может научиться этому за 10—15 минут, руководствуясь имеющейся инструкцией к ЭВМ.

В целом разработка и применение всех указанных программ⁹ на базе ЭВМ «Электроника БК-0010» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, использование современных микроЭВМ (включая разработку простейших программ для них) является вполне доступным делом для профессорско-преподавательского состава специальных кафедр контрразведывательного профиля.

Во-вторых, применение даже таких компьютеров с весьма ограниченными возможностями, как «БК-0010», дает ощутимые

⁹ Указанные в статье программы находятся в кабинете педагогического мастерства Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского (каб. 380 МУЦ).

результаты в плане совершенствования учебного процесса в Высшей школе КГБ СССР.

В-третьих, компьютер может широко применяться для ознакомления слушателей с основами самостоятельной работы с ЭВМ. Для этого необходимо дать возможность каждому из слушателей поработать с ней (в том числе и в рамках НИРС¹⁰), начиная уже с первого года обучения.

В-четвертых, уже сейчас следует поставить вопрос о снабжении специальных кафедр контрразведывательного профиля современными персональными компьютерами. Необходимо, чтобы сами педагоги учились использовать ЭВМ в своей работе. Однако здесь надо создать соответствующие условия, то есть разработать в первую очередь такие программные средства, которые показали бы реальную выгоду от применения ЭВМ. Идея компьютеризации обучения получит признание у педагогов только тогда, когда ЭВМ будут облегчать и совершенствовать их труд как в содержательном, так и в организационном плане¹¹. Только в этом случае можно обеспечить максимальный эффект от использования дорогостоящей компьютерной техники.

Рекомендована спецкафедрой № 1
Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского

Научные редакторы
майор С. И. Смирнов, капитан А. В. Минаев

¹⁰ В разработке первой версии программы «Посредник» активно участвовали слушатели факультета № 9, не имевшие специальной математической подготовки.

¹¹ См.: Кубичев Е. А. ЭВМ в школе, с. 7.

Кандидат юридических наук, доцент
капитан 1 ранга М. И. Ковалев,
кандидат юридических наук
полковник Н. М. Голованов

ОБ ОПЫТЕ ЧТЕНИЯ ПРОБЛЕМНОЙ ЛЕКЦИИ В ФОРМЕ ДИАЛОГА МЕЖДУ ДВУМЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ

В принятом ЦК КПСС в соответствии с решениями XXVII съезда партии документе «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» подчеркивается, что первоочередной задачей в области повышения качества подготовки специалистов является решительный поворот от массового, валового обучения к индивидуальному подходу, развитию творческих способностей студентов. Главными путями реализации данной задачи являются: опора на самостоятельную работу обучаемых, использование активных форм и методов преподавания¹. Сюда, как представляется, можно отнести лекцию-диалог, базирующуюся на исследовании двумя преподавателями системы взаимосвязанных проблемных ситуаций, раскрывающих существо конкретной учебной (реальной) проблемы. Идя от частного к общему или, наоборот, используя вопросно-ответную форму разговора между собой и разнообразные средства наглядности, осуществляя наблюдение за аудиторией и при необходимости устный опрос слушателей, преподаватели стремятся сформировать познавательный интерес у всех без исключения обучаемых, добиться осмысления ими программного материала, овладения методом решения выдвинутой проблемы.

Лекции проблемного характера в форме диалога целесообразно проводить в тех случаях, когда возникает потребность:

обеспечить глубокое усвоение знаний по главным, наиболее существенным вопросам, трудноусваиваемым темам, темам с повышенным числом внутриспредметных и межпредметных связей;

усилить профилизацию отдельных тем, их связь с условиями будущей деятельности обучаемых;

осветить не вполне решенные наукой дискуссионные вопросы; сообщить результаты проведенных научных исследований; обобщить, интегрировать знания обучаемых.

Изложенная позиция основывается на мнении, что аудитория на подобного рода лекциях должна иметь определенный минимум знаний по учебному предмету, иначе она не поймет преподавателя. Кроме того, не всякий материал можно обсудить на основе принципа проблемности. И наконец, не всегда проблемное

¹ См.: Правда, 1987, 21 марта.

усвоение знаний является необходимым. В обучении всегда есть материал, который нужно просто заучить и запомнить.

В предлагаемой статье освещается опыт специальной кафедры № 1 Высших курсов КГБ СССР (г. Ленинград) по чтению проблемной лекции² в форме диалога между двумя преподавателями на курсе подготовки оперативного состава со сроком обучения пять месяцев. Слушатели данного потока имеют высшее образование и стаж работы в должности оперуполномоченного райгоротдела не менее одного года.

При подготовке к лекции-диалогу обучаемым рекомендуется в часы самоподготовки изучить специальную литературу по теме, определить все неясные для себя вопросы, чтобы получить на них исчерпывающие ответы уже на занятии. Им предоставляется также возможность задавать такие вопросы в ходе занятия.

И в первом и во втором случае сбор и систематизация вопросов поручаются одному из преподавателей, который выступает в роли представителя аудитории. В этом качестве он ставит перед лектором поступившие от слушателей (при необходимости и от себя) уточняющие и встречные вопросы, полемизирует с ним, добиваясь большей ясности и четкости, всесторонности и глубины высказываемых положений.

До начала лекции оба преподавателя составляют ее план, предусматривая в нем порядок раскрытия темы, логическую последовательность рассматриваемых проблемных ситуаций, дозировку материала, используемого для аргументации, очередность постановки вопросов, другие существенные моменты диалога. Например, по теме «Оперативная комбинация» слушателям давалось задание самостоятельно в течение 7—10 дней изучить специальную литературу по этой теме³.

Таким образом, проработке подлежал материал общим объемом до 90 страниц, что требовало не более четырех часов занятий.

² По вопросу классификации лекций проблемного типа см.: Низамов Р. А. Дидактические основы активизации учебной деятельности студентов. Казань, изд. Казанского государственного университета, 1975, с. 85; Горбунов М. Г. Используя проблемные методы изложения. — Вестник высшей школы, 1977, № 7, с. 19; Гончаренко В. В. Методы проблемного обучения марксистско-ленинской философии в вузе. Киев, 1982; Голованов Н. М. К вопросу о теоретических основах проблемного обучения. — Труды Высших курсов военной контрразведки КГБ СССР, 1986, № 4, с. 70—71.

³ См.: Основы агентурно-оперативной деятельности органов советской контрразведки. Учебное пособие. М., изд. ВШ КГБ, 1981, ч. III, с. 92—104; Корняков С. В., Воронов А. А. Оперативная комбинация. М., изд. ВШ КГБ, 1975, с. 4—25; Воронов А. А. Оптимизация решений о проведении оперативной комбинации с использованием элементов прогнозирования. — Труды ВШ КГБ, 1981, № 24, с. 137—145; Ковалев М. И. Оперативный эксперимент как метод изучения оперативной обстановки. Учебное пособие. Л., изд. ВК КГБ СССР, 1978, с. 14—16; Титов В. и др. При попытке к бегству. — Сборник КГБ, 1986, № 110, с. 9—23; Василенко Г., Шишков А. Пойман с поличным. — Сборник КГБ, 1986, № 114, с. 38—48.

В результате самостоятельной работы над указанной литературой от слушателей поступило большое количество вопросов, которые касались вопросов отличия оперативной комбинации от оперативного эксперимента, пределов воздействия на личность проверяемого (разрабатываемого) в ходе его проведения, а также правомерности оперативной комбинации, степени риска в оперативной комбинации, особенностей легализации данных, полученных при ее осуществлении.

Учебная цель лекции была определена как углубление и закрепление знаний теоретических основ оперативной комбинации, познание «механизма» решения возникающих в ходе нее проблем. Формирование убежденности в эффективности комбинации, необходимости ее проведения в отношении лиц, занимающихся враждебной деятельностью против Советского государства, правомерно и морально оправдано и в полной мере соответствует идее об усилении наступательности, более активного воздействия на противника⁴.

Планом лекции предусматривалось выделение двух основных учебных проблем⁵: понятие и сущность оперативной комбинации; оперативная комбинация как наступательный метод контрразведывательной деятельности.

В рамках первой учебной проблемы намечалось рассмотреть следующие проблемные ситуации⁶ и проблемные вопросы⁷, сформулированные на основе вопросов, поступивших от слушателей.

⁴ См.: Чебриков В. М. Деятельность органов и войск КГБ — на уровень требований XXVII съезда партии. — В кн.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. М., изд. ВШ КГБ, 1986, вып. III, с. 86.

⁵ Под проблемой понимается сложный теоретический или практический вопрос, требующий изучения, разрешения (см.: БСЭ. М., Советская энциклопедия, 1975, т. 21, с. 7).

Различают проблемы реальные и проблемы учебные. Реальные проблемы — это проблемы действительности: науки, политики, культуры, техники, военного дела, контрразведывательной практики, пути решения которых пока еще не найдены. Учебные проблемы — это проблемы, которые решены наукой и практикой, но их результаты для данной аудитории не известны (см.: Кудрявцев Т. В. Итоги дискуссии и пути дальнейшей работы. — Вестник высшей школы, 1984, № 4, с. 30; Генц Н. и др. Проблемное обучение в системе марксистско-ленинского образования. М., Политиздат, 1980, с. 19—28; Загвязинский В. И. Главное — проблемность. — Вестник высшей школы, 1979, № 12, с. 15—19).

⁶ Проблемная ситуация — это интеллектуальное затруднение, возникающее у слушателя, когда он не может объяснить при помощи имеющихся знаний явление, факт, процесс, не может достичь цели известным ему способом действия и должен найти новый способ объяснения или действия (см.: Махмутов М. И. Организация проблемного обучения в школе. М., Просвещение, 1977, с. 30; Ильницкая И. А. Проблемные ситуации и пути их создания на уроке. М., Знание, 1985, с. 3).

⁷ Под проблемным понимается вопрос, в котором или не допускается, или ограничивается возможность готового ответа.

Проблемная ситуация № 1

Что такое оперативная комбинация: метод агентурной деятельности или организационно-тактический способ контрразведывательного искусства?

Проблемные вопросы:

1. Что понимается под методом контрразведывательной деятельности и способом контрразведывательного искусства, в чем их отличие?
2. Каковы характерные черты оперативной комбинации?

Проблемная ситуация № 2

В чем отличие оперативной комбинации от оперативного эксперимента, если в обоих случаях оказывается воздействие на определенных лиц, искусственно создаются условия, побуждающие их к тем или иным действиям, проводится наблюдение за реагированием этих лиц на созданные условия?

Проблемные вопросы:

1. Каковы цели и задачи оперативного эксперимента и оперативной комбинации?
2. При каких условиях оперативная комбинация и оперативный эксперимент будут считаться успешно проведенными?
3. На каких стадиях преступной деятельности проверяемых (разрабатываемых) лиц используются соответственно оперативная комбинация и оперативный эксперимент и почему?

Вторую учебную проблему с учетом пожеланий слушателей предусматривалось раскрыть через обсуждение следующих проблемных ситуаций и вытекающих из них проблемных вопросов.

Проблемная ситуация № 1

Почему верно утверждение, что оперативная комбинация всегда носит активный, наступательный характер?

Проблемные вопросы:

1. Какова роль оперативной комбинации в обеспечении системного и комплексного использования сил и средств органов госбезопасности, сосредоточения их на главных направлениях организации борьбы с противником?
2. Какие группы оперативных комбинаций можно выделить в области выявления, предупреждения и пресечения подрывной деятельности противника?
3. Какова роль оперативной комбинации при легализации оперативных материалов, создании новых оперативных возможностей в контрразведывательной работе?

4. Каковы сильные и слабые стороны побуждения и принуждения в оперативной комбинации?

Проблемная ситуация № 2

Правомерно ли мнение, что при оперативной комбинации нет пределов воздействия на личность проверяемого (разрабатываемого)?

Проблемные вопросы:

1. Каково соотношение между комбинацией и провокацией?
2. Каковы условия правомерности оперативной комбинации?
3. На что оказывается воздействие при оперативной комбинации?
4. Свободна ли воля проверяемого (разрабатываемого), имеет ли он право выбора (варианта поведения) в ходе оперативной комбинации?
5. Влияет ли стадия преступления на характер побуждения и вынуждения, оказываемых на проверяемого (разрабатываемого) в ходе оперативной комбинации?

Проблемная ситуация № 3

Верно ли утверждение, что осуществление оперативной комбинации всегда связано с риском наступления неблагоприятных последствий?

Проблемные вопросы:

1. Чем определяется успех проведения оперативной комбинации?
2. Можно ли определить степень риска при подготовке оперативной комбинации?
3. Каковы пути снижения риска в оперативной комбинации?

Проблемная ситуация № 4

Имеются ли отличия легализации оперативных данных, полученных в ходе оперативной комбинации, от легализации данных, полученных в ходе проведения других оперативных мероприятий?

Проблемные вопросы:

1. Какие требования предъявляются к легализации данных, добытых в результате осуществления оперативной комбинации?
2. Какие мероприятия проводятся для легализации отмеченных данных?

В заключение рассмотрения оперативной комбинации как наступательного метода контрразведывательной деятельности предусматривалось освещение вопроса об оценке ее результатов.

Приведенная система взаимосвязанных проблемных ситуаций базируется на определенных видах противоречий, и в частности на противоречиях между: эмпирическими (обыденными) представлениями об отдельных явлениях и научными знаниями; знаниями более низкого и знаниями более высокого уровня; выдвинутыми предположениями и результатами их проверки; требуемым способом действия и способом, известным слушателю; старыми теоретическими знаниями и новыми социальными фактами; «статическим» и диалектическим характером знания; системой знаний и необходимостью выбора из них тех, которые нужны для правильного решения задачи.

Перечисленные виды противоречий⁸ позволяют вызвать в сознании обучаемых сомнения и использовать их в качестве стимула мыслительной деятельности, поиска, мобилизации прошлых знаний для разрешения возникшей ситуации. Вопросы, которые ставятся, заостряют противоречия в сознании слушателей, а значит, стимулируют их познавательную активность, побуждают обучаемых к плодотворной интеллектуальной деятельности на протяжении всего занятия⁹.

Помимо проблемных вопросов, сформулированных заблаговременно, этой задаче служат и вопросы, которые задаются лектору преподавателем, играющим роль представителя аудитории, непосредственно в ходе лекции.

Значительный интерес у обучаемых вызывает также обмен мнениями между преподавателями по отдельным спорным моментам, аргументированное отстаивание ими противоположных точек зрения, взаимное дополнение друг друга.

Так, в ходе разрешения проблемных ситуаций, помогающих уяснить сущность оперативной комбинации, были дополнительно поставлены и на конкретных примерах освещены следующие вопросы: каково соотношение между побуждением и вынуждением в оперативной комбинации; могут ли оказывать какое-либо влияние на процессы побуждения или вынуждения проверяемых к определенным действиям используемые в оперативной комбинации оперативно-технические средства; чем отличается воздействие в оперативных комбинациях от воздействия в других оперативных мероприятиях; какова роль оперативной комбинации в проведении оперативного эксперимента на мнимое благоприятствование; оказывают ли влияние на проведение оперативной

⁸ В зависимости от вида противоречий, возникающих в сознании человека, можно дать определенную классификацию проблемным ситуациям (по данному вопросу см.: Вилькеев Д. В. Некоторые вопросы проблемного преподавания литературы в школе.— В сб.: Проблемное преподавание литературы в школе. Казань, изд. Казанского государственного университета, 1971; Хабиб Р. А. Мастерство проблемного обучения.— Учительская газета, 1979, 12 сентября, и др.).

⁹ Примеры проблемных вопросов также см.: Корнаков С. В., Нарышкин А. С. Содержание и методика чтения проблемной лекции по курсам специальных дисциплин.— Труды ВШ КГБ, 1981, № 24, с. 391.

комбинации процессы демократизации общественной и государственной жизни в нашей стране?

Преподаватель, участвующий в диалоге от имени аудитории, так же, как и лектор, высказался по перечисленным вопросам. Он, в частности, обратил внимание обучаемых на общие признаки, присущие всем оперативным комбинациям. Подчеркнул, что комбинация применяется для решения разнообразных контрразведывательных задач, связанных с выявлением, предупреждением и пресечением подрывной деятельности противника. Особо отметил, что мероприятия, входящие в оперативную комбинацию, должны осуществляться в определенной логической последовательности, поскольку положительные результаты одного мероприятия служат необходимым условием для проведения всех последующих. Привел примеры комбинаций по внедрению агентов органов КГБ в спецслужбы империалистических государств, по перехвату каналов связи вражеских разведчиков со своей агентурой, по осуществлению сложных вербовок и др. Усилил материал, касающийся объектов воздействия, и выделил в зависимости от характера решаемых задач виды оперативных комбинаций¹⁰.

При исследовании проблемных ситуаций, раскрывающих оперативную комбинацию как наступательный метод контрразведывательной деятельности, преподаватель, выступающий от имени аудитории, поставил на обсуждение такие вопросы: каким образом учитываются мотивы и степень сформированности умысла при совершении особо опасного государственного преступления во время подготовки той или иной комбинации; как учитываются сильные и слабые стороны побуждения и вынуждения в комбинациях, направленных на удержание противника от подрывной деятельности; одинаково ли выглядят побуждение и вынуждение в комбинациях по вводу агента в разработку и по подставе его проверяемому; чем определяются пределы воздействия при осуществлении комбинаций по поимке с поличным?

Ответы на перечисленные вопросы давались участниками диалога совместно. При этом теоретические положения иллюстрировались конкретными примерами из современной практики контрразведывательных подразделений, а также их взаимодействием с седьмыми и шестыми подразделениями органов КГБ.

В ходе обсуждения соблюдения законности при проведении оперативных комбинаций лектору поступили такие вопросы: можно ли опираться в рассматриваемом случае на институты крайней необходимости и необходимой обороны; что следует иметь в виду, чтобы наш агент не стал соучастником преступления в комбинациях по выявлению подрывной деятельности противника?

¹⁰ О видах оперативных комбинаций см.: Корнаков С. В., Воронов А. А. Оперативная комбинация, с. 9—10.

В связи с обсуждением названных аспектов преподаватель, участвующий в диалоге от имени аудитории, дополнил лектора в части разграничения комбинации от подстрекательства. Осветил роль в этом вопросе таких институтов советского уголовного права, как понятия преступления, стадий его совершения, соучастия в преступлении.

Содержательный обмен мнениями был проведен по проблеме риска. Исходя из концепции, что оправданный оперативный риск — это вынужденные действия работника органов КГБ в условиях неопределенности оперативной обстановки, в которой принимается решение, ведущее в конечном итоге к преобладанию успеха над неудачей¹¹, лектор определил следующие пути снижения степени риска в комбинации: глубокое изучение оперативной обстановки, ее прогнозирование¹² в целях получения максимально полных исходных данных; наличие средств, необходимых для достижения целей комбинации, и рациональное их использование на основе тщательного планирования; обеспечение контроля за ходом подготовки и осуществления намеченных агентурно-оперативных мероприятий; своевременный учет реагирования проверяемых на созданные в отношении их условия и совершение определенных действий, которые могли бы повлиять на процесс принятия ими необходимого нам решения.

Не отвергая изложенной точки зрения, преподаватель, участвующий в диалоге с лектором, ознакомил слушателей со взглядом на оперативный риск как на возможность отклонения результата действий сотрудника органов КГБ от цели конкретного агентурно-оперативного мероприятия, поставленной при отсутствии исчерпывающей для принятия обоснованного решения информации об оперативной обстановке, в которой предстоит действовать.

В соответствии с такой позицией наличие информации, которая позволяет действовать со знанием всех деталей оперативной обстановки, принимать во всех отношениях обоснованные решения, вообще исключает какой бы то ни было риск. Это позволяет приравнять показатель информированности оперативного работника к показателю вероятности достижения им поставленной в ситуации риска цели, который можно определить по соотношению между объемом информации об оперативной обстановке, имеющейся на момент риска, и объемом информации, который необходим для принятия обоснованного решения. Важно также иметь в виду величину риска как соотношение между ценностью подвергаемых риску интересов и ценностью ожидаемой при этом выгоды.

¹¹ См.: Балашов И. С., Воронов А. А. Некоторые теоретические вопросы риска в агентурно-оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР. — Труды ВШ КГБ, 1976, № 10, с. 5.

¹² По данному вопросу см.: Воронов А. А. Оптимизация решений о проведении оперативной комбинации с использованием элементов прогнозирования, с. 137—145.

На основе этих рассуждений преподаватель-лектор сделал вывод, что в условиях оперативной комбинации надо стремиться к повышению величины вероятности достижения цели и понижению величины риска. Это может быть сделано посредством сбора дополнительных достоверных сведений о складывающейся оперативной обстановке, что, в свою очередь, позволит увеличить объем достигаемых положительных результатов и уменьшить или исключить возможные вредные последствия от принимаемых в ходе комбинации действий¹³.

В ходе лекции предпринимались меры к обеспечению постоянной «обратной» связи с обучаемыми. В этих целях лектор периодически, особенно по наиболее сложным аспектам темы, осуществлял выборочный устный опрос слушателей. Таким образом он выяснил, усвоены ли признаки оперативной комбинации и области ее использования, виды, средства и формы направляющего воздействия, основные его варианты и пределы применения, поскольку от глубокого понимания именно этих вопросов во многом зависит успешное достижение учебных целей лекции.

Отмеченный прием позволил быстро уяснить, в какой мере слушатели овладели учебным материалом, следует ли переходить к освещению новых теоретических положений или что-то надо разъяснить дополнительно.

В свою очередь, преподаватель, представляющий интересы аудитории, следил за ее настроением, побуждал обучаемых как непосредственно на лекции, так и в перерыве задавать все неясные им вопросы, корректировал свою линию поведения в диалоге, добиваясь наиболее доходчивого и убедительного изложения существа рассматриваемых вопросов.

Большое внимание на лекции уделялось применению средств наглядности с целью обеспечить более полную и точную информацию по изучаемому методу агентурно-оперативной деятельности, удовлетворить и в максимальной мере развить познавательные интересы обучаемых, интенсифицировать их учебный труд и тем самым повысить темп изучения программного материала¹⁴. В этих целях все основные понятия темы, формулировки проблемных ситуаций и проблемных вопросов высвечивались на экранах мониторов. Перечни видов оперативных комбинаций и групп мероприятий, их составляющих, условия правомерности и успешного проведения комбинаций и ряд других вопросов были отображены на схемах. В учебной аудитории была развернута

¹³ По данному вопросу см.: Голованов Н. М. К вопросу об оперативном риске, условиях его правомерности и целесообразности. — В сб. Совершенствование управления в органах КГБ. Материалы научно-практической конференции. Новосибирск, изд. ВКВК, 1983, с. 52—61.

¹⁴ О дидактических функциях средств обучения см.: Основы методики преподавания общественных наук в высшей школе. Под ред. Э. Л. Васиной и др. Изд. МГУ, 1971, с. 168—184; Дидактика средней школы. Под ред. М. Н. Скаткина. М., Просвещение, 1982, с. 251—254.

выставка специальной литературы по теме лекции. Все поступившие от слушателей вопросы фиксировались на доске.

Распределение бюджета времени по составным частям лекции выглядело следующим образом: введение и заключение — каждое 2—3 мин.; рассмотрение первого вопроса — 28 мин. (в том числе проблемной ситуации № 1 — 8 мин. и проблемной ситуации № 2 — 20 мин.); рассмотрение второго вопроса — 58 мин. (в том числе проблемной ситуации № 1 — 10 мин., проблемной ситуации № 2 — 20 мин., проблемной ситуации № 3 — 15 мин., проблемной ситуации № 4 — 8 мин., информационного материала, касающегося оценки результатов оперативной комбинации, — 5 мин.).

В заключение следует подчеркнуть, что опыт чтения проблемной лекции в форме диалога между двумя преподавателями показал: обучаемые в общей своей массе вполне способны самостоятельно подготовиться по отдельным темам учебной программы без предварительного прослушивания лекции.

Наблюдения свидетельствуют, что, получив задание на самостоятельное изучение темы, слушатели относятся к его выполнению с повышенным вниманием, добросовестно прорабатывают рекомендованную литературу. В результате в ходе лекции-диалога наблюдается заинтересованное, осмысленное восприятие материала.

Несомненно, такая лекция должна читаться на гораздо более высоком научном уровне, чем проблемная лекция-монолог. Для этого имеются все возможности, поскольку преподавателям можно не отвлекаться на рассмотрение положений, которые хорошо изложены в учебной литературе. Они могут сосредоточить свое внимание на раскрытии наиболее сложных, а также спорных в теоретическом отношении вопросов, привлечь для аргументации занимаемой позиции материалы научных статей и монографий.

Вследствие этого обучаемые вводятся в круг проблем современной контрразведывательной науки и практики, учатся решать их, у них вырабатываются инициатива и творческое отношение к делу, интерес к осознанному овладению учебной программой.

Слушатели высоко оценивают инициативу по чтению проблемных лекций в форме диалога между двумя преподавателями по материалам, которые ими предварительно изучаются самостоятельно. По их мнению, такая методика в максимальной степени активизирует мыслительную деятельность, позволяет в короткий срок проработать больше вопросов, чем при использовании традиционных методов преподавания.

*Рекомендована учебным отделом
Высших курсов КГБ СССР (г. Ленинград)*

*Научный редактор
капитан 1 ранга В. И. Авраменко*

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ И ЗАДАЧАХ ЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

Вопросы ускорения и перестройки, которые так остро поставил XXVII съезд КПСС, являются в настоящее время определяющими для практики раскрытия, расследования и предупреждения государственных преступлений. Одним из наиболее эффективных способов реализации указанных требований будет активное внедрение новейших достижений науки и техники, позволяющих проводить расследование качественно и в срок, то есть на высоком профессиональном уровне. Данное положение имеет непосредственное отношение к криминалистике, которая постоянно вооружает дознание и следствие новыми научно-техническими средствами, методами и приемами и играет важную роль в контрразведывательном обеспечении безопасности страны.

Анализируя современное состояние криминалистики, следует отметить, что в последние годы криминалистика как наука вступила на качественно новый путь развития. Достаточно указать на активное использование методов и средств криминалистики в сфере оперативной деятельности, на появление таких перспективных направлений этой науки, как криминалистическая одорология и одорография, криминалистическая взрывотехника, исследование микроследов и др. Уместно отметить также интенсивное использование средств электронно-вычислительной техники, которые позволили расширить возможности получения доказательственной информации об объектах и создания автоматизированных систем их учета. Значительно глубже за последние годы разработаны и вопросы тактики и методики расследования.

Сказанное не означает, что перед криминалистикой сегодняшнего дня существует меньше проблем, чем их было раньше — на этапе становления науки. Наоборот, имеющиеся проблемы приобрели сейчас большую остроту и требуют скорейшего разрешения. До сих пор не удалось выработать единое отношение к предмету криминалистики, четко выявить его границы, поэтому нет точного определения места криминалистики в системе юридических и специальных дисциплин. Продолжающаяся дискуссия о предмете криминалистики дала положительный эффект: сейчас криминалистику не только рассматривают для нужд следствия, но и указывают на необходимость использования ее методов и средств в процессе производства дознания. Некоторые авторы считают, что криминалистика как наука, обобщающая следственную практику, не должна вторгаться в оперативную сферу, поскольку оперативно-розыскные действия, используемые для предупреждения, обнаружения, пресечения

преступлений, а также в процессе расследования, должны составлять, по мнению отдельных авторов, особую дисциплину¹.

Данная позиция объясняется тем, что ее сторонники являются представителями «общей криминалистики», то есть криминалистики, изучаемой в открытых учебных заведениях страны, где, как известно, оперативная деятельность не изучается, а использование в ней методов и средств криминалистики вообще не рассматривается. Однако и представители отмеченного выше направления вынуждены констатировать тот очевидный факт, что «поскольку взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов в борьбе с преступностью во многих случаях является неизбежным и необходимым, а сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий — это не только условие, но и гарантия эффективности расследования дела, постольку криминалистическая методика расследования разрабатывается как система, элементами которой выступают и следственные действия, и оперативно-розыскные мероприятия»².

В Высшей школе КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского спецкурс криминалистики обладает статусом специальной дисциплины, на которую возложено решение задач, вытекающих из потребностей не только уголовно-процессуальной деятельности, но и разведки и контрразведки³.

О необходимости интенсивного использования методов и средств криминалистики в оперативной деятельности органов госбезопасности говорит тот факт, что свыше 80 процентов исследований, проводимых криминалистическими подразделениями органов КГБ СССР, выполняются для оперативных служб в целях оперативной деятельности⁴.

Возникает неясность относительно пределов проникновения методов и средств криминалистики в оперативную деятельность. Это может привести к ненужному дублированию вопросов другими научными дисциплинами или же к размыванию границ предмета криминалистики.

Проследим это на конкретном примере. Криминалистика, как известно, изучает механизм возникновения материальных следов при подготовке, совершении и сокрытии преступления, способы их выявления, фиксации и изъятия, без чего нельзя провести осмотр, обыск и другие виды следственных действий. Но вопросы слеодообразования надо знать и при проведении негласного (оперативного) осмотра, который изучается СД-1. На наш взгляд, дублирование указанных вопросов излишне,

¹ См.: Криминалистика. Учебник. Изд. МГУ, 1980, с. 11.

² Атанесян Г. А., Герасимов В. Н., Самыгин Л. Д. Место криминалистики в системе наук. — Вестник МГУ. Серия II. Право. 1987, № 1, с. 33.

³ См.: Криминалистика. М., изд. ВШ КГБ, 1977, с. 9.

⁴ Материалы ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР.

поскольку объекты исследования (место происшествия, жилые и служебные помещения, местность, предметы и документы), встречающиеся в ходе оперативного негласного осмотра, такие же, как и при уголовно-процессуальном осмотре. Но круг участников этого следственного действия, их права и обязанности, документальное содержание другие. И хотя при негласном осмотре применяются те же криминалистические средства и методы, организация работы по проведению оперативного осмотра иная. Тактика проведения этого оперативного действия должна полностью отвечать правилам агентурно-оперативной деятельности и, следовательно, быть отнесена к предмету СД-1. Поэтому на практике для выявления оперативных фактов проводится негласный осмотр, который чаще всего предшествует проведению следственного действия — обыска и является как бы предварительным его этапом.

В подобных случаях следует учитывать, что не всегда обоснованное взаимопроникновение дисциплин приводит к такому состоянию, в котором могут теряться четкие ориентиры самостоятельности конкретной науки. Сейчас, например, некоторые авторы указывают на наличие связей криминалистики с более чем двадцатью дисциплинами неюридического профиля: этикой, кибернетикой, математикой, статистикой, теорией вероятностей, семиотикой, криптографией, экономическими науками, наукой управления, психологией, эргономикой, физикой и др. Если же сюда добавить и юридические науки, то количество дисциплин будет еще большим⁵.

Видимо, предметом криминалистики останется практическое познание, которое осуществляется определенными должностными лицами при исследовании события, имеющего признаки преступления. Но это не исключает возможности использования методов и средств криминалистики и в других направлениях научно-практической деятельности.

Многие направления современной криминалистики на протяжении длительного времени находятся в стадии научного поиска и далеки от своего совершенства, поэтому не могут однозначно восприниматься. Но некоторые положения из этих разработок вошли в учебники и учебные пособия. Сюда можно отнести пока еще не сформировавшиеся выводы по криминалистической характеристике преступлений, исследования по криминалистической диагностике и ее соотношение с криминалистической идентификацией, не до конца обоснованные положения о следственных ситуациях и др.

Кроме того, некоторые направления криминалистики в последнее время обрели относительную самостоятельность, например «Судебная экспертология», «Судебная психология сле-

⁵ См.: Атанесян Г. А., Герасимов В. Н., Самыгин Л. Д. Место криминалистики в системе наук, с. 31—38.

дователя». Но они рассматриваются криминалистикой, так как их отсутствие приведет к нарушению структуры науки в том ее традиционном понимании, которое существует в настоящее время, — как науки о раскрытии и расследовании преступлений.

Все это говорит о наличии определенного барьера между теорией криминалистики и практикой ее применения, а преодолеть этот барьер в конкретно сложившейся ситуации бывает чрезвычайно трудно.

Заслуживает внимания и тот факт, что разработанные и апробированные на практике современные научно-технические средства и методы криминалистики крайне медленно входят в судебную и следственную сферы деятельности из-за существующих процессуальных ограничений. Как правильно пишут в этой связи некоторые авторы, подобный «консерватизм» применения научно-технических средств в области уголовного процесса разумен, обоснован, он препятствует скоропалительному внедрению в уголовно-процессуальную деятельность методов и средств, не отвечающих требованиям научности, достоверности, объективности, и тем самым содействует защите интересов правосудия, личности. Но, будучи доведен до крайности, он задерживает естественный процесс обогащения арсенала технических средств обнаружения, собирания и исследования доказательств, становится тормозом на пути внедрения научно-технических достижений в дело установления истины⁶. Примером тому могут служить процессуальные ограничения в использовании аудиовизуальных средств и техники.

Названные проблемы в существенной мере затрудняют познание основного объекта криминалистики, а таковым, как известно, является преступление. Главенствующей точкой зрения большинства авторов, определяющих предмет криминалистики, является поиск закономерностей, которые характеризуют действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления⁷.

Некоторые авторы определяют преступление как один из материальных процессов действительности, находящийся в связи и во взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями, отражающийся в них и сам являющийся отражением каких-то процессов⁸.

Другие авторы считают, что криминалистика изучает способы совершения преступлений различных видов, их механизм и связанный с действиями преступника механизм образования

⁶ См.: Винберг А. И., Корухов Ю. Г. Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области применения научно-технических средств. — В кн.: Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. М., Юридическая литература, 1985, с. 3—4.

⁷ См.: Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., Юридическая литература, 1978, с. 7—12.

⁸ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., Юридическая литература, 1983, с. 23.

следов в широком смысле этого слова — материальных и нематериальных⁹.

Существует мнение, что в криминалистическом аспекте преступление — это обусловленная обстановка и в ней отображающаяся реальная, целеустремленная, обладающая структурной устойчивостью система, появление которой законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания¹⁰.

Представляют определенный интерес попытки авторов рассматривать преступление как вид деятельности и на основании этого утверждать, что преступление как объект криминалистического, научного и практического познания представляет собой специфическую разновидность человеческой деятельности — процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды, порождающий ее изменения, которые имеют значение для установления истины по уголовному делу¹¹.

Перечисленные точки зрения авторов в целом правильно фиксируют элементы преступления, которые имеют непосредственное отношение и к другим правовым дисциплинам, а потому позволяют считать преступление в гносеологическом плане объектом междисциплинарным. Но главный недостаток приведенных дефиниций заключается в том, что они ориентируют на познание материальной обстановки преступления и приводят к неоправданному сужению задач криминалистики. И в этой связи нельзя не упомянуть высказывание известного русского психолога В. М. Бехтерева, который считал, что «в таком деле, как преступление, отражается вся личность субъекта и даже, более того, вся его психофизическая организация»¹².

Таким образом, основной задачей криминалистики является выявление и исследование всего многообразия следов преступных действий как результата противоправной деятельности человека. Поэтому криминалистическое понимание преступления ставит своей целью прежде всего выявление и исследование криминалистически значимой информации, разработку криминалистической характеристики преступлений. Это позволит исключить уголовно-процессуальные, криминологические, социологические и иные вопросы, которые нередко включаются в криминалистическую характеристику, делают ее громоздкой, расплывчатой и малоэффективной для быстрого, успешного и полного раскрытия преступления.

Применительно к деятельности органов государственной безопасности раскрытие и расследование преступления не огра-

ничивается установлением фактов и обстоятельств конкретного уголовного дела, а выходит за его рамки в целях выявления признаков подрывной деятельности противника, определения «почерка» конкретных спецслужб¹³. Данное обстоятельство, безусловно, определяет специфику информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению государственных преступлений. Поэтому следует согласиться с существующей точкой зрения, что предмет криминалистики не следует смешивать с задачами науки (в том числе и ведомственной науки), содержанием науки или результатами научных криминалистических разработок¹⁴.

Например, многообразие элементов, входящих в криминалистическое понимание преступления, определяет количество задач, которые следует решать на различных направлениях деятельности: оперативной, следственной, экспертной.

Если 5—7 лет назад экспертные задачи определялись в основном проведением идентификационных или классификационных исследований и основные разногласия криминалистов касались правомерности подразделения общего процесса идентификации на вопросы индивидуальные и групповые, то теперь перечень решаемых экспертизой вопросов значительно возрос. Сейчас сюда включаются диагностические, ситуационные (ситуалогические), реставрационные исследования. Они позволяют получить сведения о:

- фактическом состоянии объекта;
- соответствии объекта определенным характеристикам;
- установлении причин и условий изменений объекта в момент отражения;
- наличии причинной связи между действиями преступника и наступившими последствиями;
- характере криминалистически значимой информации, содержащейся в различных объектах, и возможностях ее использования;
- системе свойств объектов и явлений, позволяющих воспроизвести полностью или частично какое-либо событие (ситуацию);
- признаках отсутствующего или изменившегося объекта по

¹³ Некоторые авторы, подчеркивая специфику использования методов и средств криминалистики в деятельности органов госбезопасности, предлагают ввести термин «криминалистическое обеспечение контрразведывательной деятельности» (см.: Митричев В. С. Совершенствовать изучение криминалистики в учебных заведениях органов государственной безопасности СССР. — Труды ВШ КГБ, 1986, № 37, 38, с. 391).

Однако такой необходимости, на наш взгляд, нет, потому что, во-первых, этот термин по своей сути тавтологичен (криминалистическое обеспечение обеспечения государственной безопасности), во-вторых, будет характеризовать криминалистику не как науку, а как сборник предписанных инструкций.

¹⁴ См.: Криминалистика социалистических стран. М., Юридическая литература, 1986, с. 9.

⁹ См.: Криминалистика, 1980, с. 6.

¹⁰ См.: Густов Г. А. К разработке криминалистической теории преступления. — Правоведение, 1983, № 3, с. 92.

¹¹ См.: Клочков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания. — Вопросы борьбы с преступностью, 1985, вып. 42, с. 48—49.

¹² Бехтерев В. М. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников. — Обзор психиатрии, 1902, № 8, с. 2.

описаниям, изображениям и вещественным остаткам и других важных для дела обстоятельствах.

Указанный перечень сведений не является какой-то данью моде современной науки, а ставит прежде всего целью изучение всей системы элементов (так называемых структур и подструктур), позволяющей получить необходимые в процессе расследования данные.

Однако познание элементов преступления не может быть произвольным без учета направления и специфики познавательной деятельности. У каждого субъекта познания при наличии общей цели — борьба с преступлением — будет свое характерное направление.

Для специалиста (эксперта), например, основными будут вопросы отождествления человека по различным его свойствам, идентификации вещей (предметов) и их комплектов, идентификации животных и представителей растительного мира, а также отдельных событий и явлений. Кроме указанных идентификационных исследований специалисты (эксперты) проводят ряд неидентификационных исследований, но и в тех и в других случаях они должны обладать специальными познаниями. Другие требования, предъявляемые к данным субъектам, особо излагаются в уголовно-процессуальных нормах.

Для оперативных работников как представителей органа дознания на первоначальном этапе расследования важной задачей является выявление признаков преступления и получение информации, необходимой для организации и проведения оперативно-розыскных действий. Как правильно отмечается в руководящих документах КГБ СССР, целенаправленное решение указанных задач в настоящее время невозможно без активного использования современных достижений криминалистики в оперативной деятельности органов государственной безопасности. Эпизодическое, не всегда квалифицированное применение криминалистических методов и средств, отсутствие необходимого уровня знаний и практического опыта в работе с объектами криминалистических исследований отрицательно сказываются на качестве ведения дел оперативного учета и на процессе дознания по делам, отнесенным к ведению органов государственной безопасности¹⁵.

Специфика использования криминалистических методов и средств оперативным работником заключается в том, что он должен отчасти владеть ими самостоятельно, а также использовать помощь специалистов из оперативно-технических подразделений.

Иными являются задачи органов следствия и суда. Следователи, например, призваны синтезировать комплекс криминалистических знаний на всех этапах расследования, а иногда

и раньше — до возбуждения уголовного дела, когда совместно с оперативными подразделениями рассматривается перспектива реализации оперативной разработки. Кроме того, на следствие и суд возложена обязанность дать всесторонний анализ и оценку заключениям экспертов и другим доказательствам и оценить содержащиеся в них выводы и имеющиеся доказательства по делу.

Таким образом, дифференциация познания криминалистических элементов преступления со стороны различных субъектов в целом положительно сказывается на практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, поскольку позволяет решать указанные вопросы на высоком профессиональном уровне. Но вместе с тем любая дифференциация нарушает единство всего процесса познания и приводит к возникновению различных логических барьеров.

Поэтому наряду с дифференциацией возникает необходимость в интеграции познания и как следствие этого в установлении четкого взаимодействия оперативных и следственных подразделений. В существующих на этот счет указаниях прямо говорится, что одним из факторов, определяющих успех деятельности органов госбезопасности по выявлению и предупреждению преступлений, является слаженная работа оперативных и следственных подразделений, их тесное взаимодействие¹⁶.

Практическими подразделениями органов государственной безопасности в настоящее время накоплен богатый опыт различных форм взаимодействия оперативных и следственных подразделений по многим направлениям контрразведывательной деятельности. Этот опыт сейчас нуждается в научном исследовании и обобщении, так как совершенствование и поиск новых форм взаимодействия между оперативными работниками и следователями создают благоприятные условия для эффективного и качественного познания всех элементов преступления.

Аналогичным образом, на наш взгляд, должен решаться и вопрос взаимодействия оперативных и следственных подразделений с криминалистическими службами, так как современная практика раскрытия и расследования преступлений немыслима без широкого применения криминалистических средств и методов. Форм такого взаимодействия можно отметить немало — от традиционных, которые касаются уточнения или определения предмета исследования, правильной постановки вопросов, до оценки результатов и тактики их использования в процессе расследования.

Однако задача получения как можно больше информации о преступлении ставит целью поиск новых направлений в работе криминалистических подразделений, и одним из таких на-

¹⁵ См.: Приказ председателя КГБ СССР № 0540 от 22 сентября 1977 г.

¹⁶ См.: Приказы председателя КГБ СССР № 0180 от 4 апреля 1977 г.; № 0302 от 24 апреля 1984 г.

правлений является проведение инициативных исследований. Указанные исследования проводятся в тех случаях, когда для интересов дела эксперт (специалист) не ограничивается ответами на вопросы, поставленные следователем (оперативным работником), а по своей инициативе устанавливает важные для дела факты.

Примером тому могут служить, например, материалы уголовного дела, в котором обвиняемый, полностью отрицая свою причастность к провозу большой партии героина, объяснил простой случайностью нахождение записок с охранной молитвой из Корана в статуэтках, где этот героин хранился. Криминалистическая экспертиза дала категорическое заключение, что данные записки были исполнены не обвиняемым, а другим лицом. Но эксперты инициативно провели исследование и определили, что все записки были исполнены одним орудием письма — шариковой ручкой, изъятой при личном обыске у подозреваемого. Это обстоятельство сыграло важную роль при изоляции преступника¹⁷.

Подобных примеров из современной криминалистической практики расследования государственных преступлений можно привести немало. Но сказанное не означает, что возможности поиска новых форм взаимодействия оперативных и следственных подразделений с криминалистическими службами являются исчерпывающими, хотя на этом пути имеются определенные трудности.

Сейчас, например, можно отметить определенные различия в уровнях криминалистического мышления специалистов-криминалистов, с одной стороны, и оперативных работников и следователей — с другой. И это в большей мере объясняется не столько разностью профессиональных требований, сколько тем, что достижения современной криминалистики доводятся в основном до сведения лишь узкого круга специалистов и нет доступного для всех заинтересованных лиц криминалистического сборника, где бы они могли почерпнуть необходимые для себя знания.

О недостаточном внимании к криминалистике и ограничении ее возможностей в современной практике расследования государственных преступлений свидетельствует тот факт, что издающиеся в КГБ СССР обзоры по реализованным уголовным делам подготавливаются следователями и оперативными подразделениями, а криминалистические службы непосредственного участия в подготовке обзоров не принимают. Поэтому не случайно, что во многих обзорах современная криминалистическая практика отражена крайне слабо.

Практически мало анализируется и не доводится до заинте-

¹⁷ Материалы Следственного отдела КГБ СССР, уголовное дело № 21 на Джойо Сабато.

ресованных лиц опыт зарубежной криминалистики, и прежде всего криминалистики стран социалистического содружества, хотя по отдельным направлениям там имеется немало существенных достижений. Эти достижения можно активно использовать в оперативной и следственной деятельности органов государственной безопасности. Частично этот пробел ликвидирован выходом в свет очень нужной и полезной работы¹⁸ — совместного труда советских криминалистов и криминалистов других стран социалистического содружества. Эта работа явилась первым шагом широкого сотрудничества криминалистов на основе обобщения научных достижений и опыта расследования и предупреждения преступлений. Однако основные положения, содержащиеся в данной работе, базируются на исследовании общеуголовной криминальной практики и не отражают специфики деятельности органов безопасности братских стран. Между тем, как свидетельствует опыт работы факультета № 6 Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского, наши друзья в достаточной степени располагают передовой наукой и практикой раскрытия и расследования государственных преступлений, активным использованием методов и средств криминалистики на различных участках контрразведывательной деятельности, и этот опыт нуждается в тщательном обобщении и изучении. По нашему мнению, местом изучения практики друзей мог бы явиться факультет № 6 при соответствующей поддержке заинтересованных практических подразделений. Такое решение отвечало бы установке XXVII съезда КПСС, который указал, что «бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира»¹⁹.

Перестройка, как известно, предстоит во всех сферах деятельности, но особое значение она приобретает в подготовке специалистов в высших учебных заведениях. Именно от специалистов завтрашнего дня будет зависеть, насколько они психологически и профессионально способны решать задачи, которые сейчас поставлены перед всем нашим обществом.

Применительно к СД-4 сущность такой перестройки, по мнению З. И. Кирсанова, прежде всего должна состоять в уточнении функций криминалистики как прикладной науки в разработке специальных приемов, методов и средств собирания и исследования информации о преступлении и подрывной деятельности противника²⁰.

Конкретные предложения о необходимости изменения преподавания криминалистической техники, сделанные В. С. Митри-

¹⁸ См.: Криминалистика социалистических стран.

¹⁹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 72.

²⁰ См.: Кирсанов З. И. Профилизация преподавания криминалистической техники на контрразведывательных факультетах. — Труды ВШ КГБ, 1986, № 37, 38, с. 405.

чевым, помогут привести учебные материалы в соответствие с достигнутым уровнем криминалистического обеспечения²¹.

Сейчас, например, заметен существенный разрыв между современной криминалистической практикой и «вузовской» криминалистикой. В учебниках, пособиях и других учебных материалах содержатся тактические и методические рекомендации, основанные на анализе прошлого опыта, поскольку современная криминальная практика малодоступна для научного анализа и обобщения. Поэтому многие учебные материалы перегружены стереотипными понятиями и представлениями, в результате чего при познании преступления и подрывной деятельности противника основное внимание уделяется выявлению и исследованию только лишь видимых, типичных характеристик, признаков и связей, а другие, не типичные для прошлой практики обстоятельства остаются вне поля зрения.

Анализ практики раскрытия и расследования государственных преступлений свидетельствует о том, что по особо важным и сложным делам требуются усилия многих подразделений органов госбезопасности. Лишь четко продуманная и слаженная работа этих подразделений позволяет успешно осуществить задержание с поличным шпиона, провести одновременный обыск у нескольких представителей антисоветской организации, локализовать и пресечь действия тщательно законспирированной группы валютчиков и контрабандистов. Речь идет о необходимости проведения в особо важных случаях криминалистической операции (иногда ее называют тактической операцией), то есть комплекса мер, которые используются современной практикой, но достаточного научного осмысления еще не получили.

Между тем опыт друзей при проведении таких операций, в частности венгерских криминалистов, свидетельствует о том, что при расследовании особо опасных преступлений следует уделить внимание прежде всего формированию и организации работы оперативно-следственных групп. Наиболее оптимальная, по их мнению, структура, когда в группу входит комиссия по осмотру места происшествия, бригада инспекторов уголовного розыска, патрульная служба, а в случаях необходимости группа преследования лиц, представляющих особую опасность²². Представляется, что подобный подход полезен и при расследовании государственных преступлений, в частности при организации работы дежурных служб.

Серьезного изучения для научных и практических подразде-

²¹ См.: Митричев В. С. Совершенствовать изучение криминалистики в учебных заведениях органов государственной безопасности СССР, с. 391.

²² См.: Селиванов Н. А. Социалистическая криминалистика. Международная научная конференция. — Социалистическая законность, 1987, № 1, с. 64.

лений требует сейчас проблема, возникшая в связи с допуском на предварительное следствие адвоката с момента предъявления обвинения или ареста (задержания).

Как известно, в большинстве случаев тактика расследования особо опасных государственных преступлений в прошлом базировалась на активизации работы с обвиняемым, получении от него признательных показаний либо на широком использовании в процессе расследования оперативных сил и средств и данных, полученных оперативным путем. При этом эта работа велась на протяжении длительного срока предварительного расследования (до 9 месяцев и более) при отсутствии квалифицированной юридической помощи обвиняемому со стороны адвоката. Сейчас ситуация резко меняется, возникают новые задачи, и решить эти задачи может лишь следователь новой формации.

Поэтому поиски форм преподавания СД-4 должны проходить в свете требований постановления ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». На учебные заведения правоохранительных органов, как отмечается в постановлении ЦК КПСС, возложены задачи повышения уровня научных исследований, активной разработки актуальных вопросов социалистической законности, укрепления связи юридической науки с практикой, совершенствования подготовки юридических кадров и системы правового обучения²³.

Для решения указанных задач потребуется комплекс самых различных мер, среди которых особая роль должна отводиться вопросам методики преподавания криминалистики. Основное содержание такой методики следует видеть в необходимости проведения специализации обучаемых, так как именно специализация позволяет максимально соединить обучение с практикой, способствует глубокому усвоению профилирующих дисциплин. Для криминалистики как практической дисциплины прежде всего будет обоснованным внедрение в учебный процесс занятий, представляющих собой имитацию практической деятельности (деловые игры), где полностью раскрывалась бы роль использования современных научно-технических средств и методов в близких к реальности ситуациях²⁴.

Разумеется, все эти требования должны быть заложены в программы и в последующем реализованы в ходе учебного процесса. Но продолжает оставаться проблемным вопрос о дозировании знаний обучаемым. Сейчас, например, можно выделить три основных уровня обучаемых: курсы повышения квалификации руководящего и оперативного состава, вузовская подготовка оперативного состава, подготовка следователей.

²³ См.: Известия, 1986, 30 ноября.

²⁴ См.: Перестройка высшей школы и подготовка юридических кадров. — Социалистическая законность, 1986, № 9, с. 38—39.

Руководителям оперативных подразделений, например, нет особой необходимости в приобретении навыков и умений по выявлению и фиксации следов, знанию тонкостей частных методик проведения криминалистических исследований. Но руководитель должен четко знать возможности современной криминалистики и способствовать активному их использованию на основных участках оперативной деятельности, в процессе расследования фактов ЧП, а также организации и проведении розыскных мероприятий и др. Здесь вопросы СД-4 должны быть поставлены под иным углом, нежели при подготовке следователей и оперативных работников. Между тем такой профиль отсутствует по ряду тем, поскольку любая тема, содержащаяся в программе, является как бы нужной и опустить ее нельзя, потому что важность и престижность изучаемой дисциплины (а в пределах дисциплины — отдельных ее разделов) определяются количеством отпущенных на ее изучение тем и часов. Периодическое «усечение» учебных часов в Высшей школе КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского в последнее время касается в большей мере юридических дисциплин, в том числе и криминалистики. Например, на вузовском (факультет № 6) потоке с пятилетним сроком обучения количество часов на изучение СД-4 было сокращено со 150 до 80, то есть почти вдвое, что противоречит требованию о необходимости интенсивного внедрения методов и средств криминалистики в оперативную деятельность²⁵.

В последнее время преподавание всего курса СД-4 стало возлагаться на одного преподавателя, который должен одинаково ориентироваться во всех трех разделах СД-4 и уметь проблемно излагать возникающие в процессе обучения вопросы²⁶.

На данном этапе возникает острая необходимость быстрого поиска данных из многочисленных пособий, справочников, разного рода информационных систем. Следовательно, знание спра-

²⁵ Представляют интерес высказываемые криминалистами социалистических стран мнения о том, что криминалистика в учебных заведениях юридического профиля должна занимать важное место в системе изучаемых дисциплин. Так, в ВШ МВД ВНР количество часов, отведенных криминалистике, составляет 10,8 процента от общего числа учебного времени, что при 3-годичном обучении выражается в 322 часах (см.: Иллар Ш. Осмотр места происшествия в обучении криминалистике; Материалы XIII международного криминалистического симпозиума. Изд. МВД ВНР, 1982, с. 405).

Аналогичное понимание роли криминалистики существует и в других европейских социалистических странах, где криминалистика даже в рамках общеправовой подготовки изучается всеми студентами в объеме не менее 60 часов (см.: Криминалистика социалистических стран, с. 62).

²⁶ Следует согласиться с З. И. Кирсановым, утверждающим, что «каждый преподаватель криминалистики должен обладать широким кругозором, но нельзя требовать от него высокой квалификации в различных областях науки и практики. Универсальность преподавания криминалистики невозможна без ущерба качеству обучения» (Кирсанов З. И. Профилизация преподавания криминалистической техники на контрразведывательных факультетах, с. 408).

вочного материала на специфических направлениях практической деятельности не является обязательным, а слушателю достаточно иметь представление о том, где и каким образом эти сведения можно получить. Данное положение, на наш взгляд, уместно отразить в учебных программах.

Активизации обучения будет способствовать, на наш взгляд, комплексный метод изучения проблемы, например совместное проведение практических занятий преподавателями различных спецдисциплин, уголовного права, уголовного процесса, СД-4, где слушатели могут анализировать целостную картину всех необходимых действий, начиная от получения сигнала и заканчивая предварительным расследованием. Сейчас на факультете № 6 делаются попытки создания специальных учебных материалов для проведения таких занятий.

Не совсем четкие ориентиры обрели в преподавании СД-4 возможности использования компьютерной техники, хотя требование сегодняшнего дня, само содержание и структура СД-4 создают неплохие предпосылки для решения этой важной задачи. Главная причина, по нашему мнению, заключается не столько в малодоступности таких средств, сколько в наличии определенного психологического барьера. Между тем имеющийся опыт по использованию ТСО, применение программированных методов обучения при изучении тем криминалистики свидетельствуют о широких возможностях использования активных методов и средств.

Таким образом, организацию преподавания СД-4 можно схематически представить в такой последовательности:

изучение контингента слушателей (паспортизация аудитории) в целях выяснения их общего и специального образования, уровня подготовки, культуры, жизненного опыта, потребностей, интересов, особенностей национальной психологии;

дозирование знаний с учетом профиля обучения, определение роли и места СД-4 в системе юридических и специальных дисциплин на конкретных потоках;

использование наиболее эффективной методики преподавания в данной учебной группе и по отношению к конкретному слушателю.

Своевременное решение указанных в настоящей статье задач должно способствовать, по нашему мнению, активному использованию методов и средств криминалистики в деле обеспечения безопасности СССР и других стран социалистического содружества.

*Рекомендована спецкафедрой № 20
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор доктор юридических наук, профессор
полковник Б. С. Тетерин*

САМОВОСПИТАНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛУШАТЕЛЕЙ

Выдвинутая Коммунистической партией Советского Союза программа совершенствования социализма на основе ускорения социально-экономического и духовного развития общества не может быть выполнена без развития сознательности, ответственности и активности каждого советского человека. Вполне закономерно, что партия решение намеченных задач связывает с повышением роли человеческого фактора¹.

В формировании всесторонне развитой личности марксизм-ленинизм выделяет объективные условия, общественное воспитание и самовоспитание. Значение общественного воспитания непосредственно зависит и является следствием возрастающей роли субъективного фактора в социалистическом обществе, к которому относится общественное воспитание и самовоспитание. Однако эффективность этого процесса находится в зависимости от степени соответствия оптимальности сочетания общественного воспитания и самовоспитания объективным условиям. На сложный процесс формирования личности чекиста влияют: социальное окружение личности; воспитание как последовательный процесс, направленный на выработку определенных социальных качеств личности; самовоспитание личности.

Марксистское понимание сущности человека как совокупности общественных отношений и его деятельности по их преобразованию составляет научную основу воспитания и самовоспитания личности. Главное в общественном воспитании состоит в формировании у людей ответственности перед коллективом и обществом. В процессе самовоспитания человек из объекта социального воздействия становится его субъектом. Таким образом, самовоспитание представляет обработку самого себя. Оно направлено на активное формирование и преобразование своих качеств путем воздействия на свой внутренний и внешний мир.

Однако самовоспитание и его активность зависят от социальных условий и общественного воспитания. Осмысление и оценка внешних для личности условий, целей и содержания воспитания лишь создают объективную основу для саморазвития, самосовершенствования личности.

В настоящей статье автор, исходя из основных положений учения классиков марксизма-ленинизма по вопросам формирования личности, программных документов КПСС по этим вопросам, а также опыта работы Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского по обучению и воспитанию чекистских

кадров, предлагает свою точку зрения по этой сложной и недостаточно разработанной проблеме.

С возрастанием роли субъективного фактора в социалистическом обществе самовоспитание становится объективной необходимостью комплексного воздействия на формирование высоко нравственной личности, важнейшим условием эффективности ее развития. Самовоспитание характеризует высший этап в ее становлении. В нем в концентрированной форме проявляется результат формирующего воздействия на личность коллектива и общества, а также воспитания. Более того, воспитание, побуждающее к самовоспитанию, и есть настоящее воспитание².

Методология самовоспитания разработана классиками марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин рассматривал самовоспитание как важнейшее средство формирования идейно-нравственной и социально активной личности. «Август Бебель, — писал о нем В. И. Ленин, — сам рабочий, выработал себе ценой упорной борьбы социалистическое мировоззрение, отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком, без остатка»³. Позднее В. И. Ленин скажет о Я. М. Свердлове, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковывал сам⁴.

Особое значение придавал В. И. Ленин самовоспитанию в идейно-нравственном развитии молодого поколения. «Старайтесь сделать главной целью своей организации, — указывал он, — выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных социал-демократов»⁵, «Вы должны воспитать из себя коммунистов»⁶.

На необходимость активного формирования социальных качеств личности путем самовоспитания указывал А. В. Луначарский. Человеку, говорил он, надо «уметь властной рукой направлять свою волю, свое сознание в нужную сторону так, чтобы коммунист господствовал над мещанином, чтобы общественная личность господствовала над личностью индивидуальной. Это очень важная задача, к разрешению которой можно идти самовоспитанием»⁷.

На возрастающее значение самовоспитания для чекистских кадров постоянно указывал Ю. В. Андропов: «Быть чекистом — значит прежде всего быть бойцом, воспитывать в себе (выделено мною. — Э. Л.) необходимые для этого качества: верность партии и народу, смелость и самоотверженность, готовность в лю-

² См.: Сухомлинский В. А. О воспитании. М., Педагогика, 1973, с. 262.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 364.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 75.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 66.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 308.

⁷ Луначарский А. В. О народном образовании. М., Педагогика, 1957, с. 477.

¹ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 140.

бых сложных и тяжелых условиях биться за торжество великих идеалов коммунизма»⁸.

В силу недостаточной научной разработки проблем самовоспитания в литературе излагаются различные точки зрения на сущность и содержание самовоспитания, его влияние на идейно-нравственное формирование личности. Одни авторы считают, что самовоспитание представляет собой самоопределение, другие — самоограничение, третьи — умение властвовать над собой, заставлять себя⁹. Существует мнение, что самовоспитание — одна из составных частей самоконтроля личности¹⁰.

Анализ предложенных точек зрения на самовоспитание показывает односторонний подход в его понимании. Самовоспитание в марксизме рассматривается шире, прежде всего как важнейшая составная часть формирования высоконравственной личности, для которой характерны осознание ответственности перед коллективом и обществом, готовность внести и оценить свой вклад в их развитие, оценить и изменить свое поведение. Осознание личной ответственности и способность оценить вклад в общее дело способствуют ее нравственному росту, повышению личного участия в решении возложенных на коллектив задач, ибо «в нашей власти быть нравственными или порочными людьми»¹¹, — говорил еще Аристотель. «Наша власть» как господство над самим собой определяет поведение человека по отношению к своему саморазвитию и самовыражению.

Под самовоспитанием автор понимает сознательную, последовательную и целеустремленную деятельность личности, направленную на формирование высоконравственных социальных качеств, соответствующих коммунистическому идеалу, и на их реализацию в практической деятельности. При таком подходе к самовоспитанию в нем в органическом единстве обнаруживаются теоретические и практические компоненты. Единство индивидуального сознания, выраженное в форме социальных качеств личности и деятельности по их реализации, создает оптимальные условия для саморазвития и самовыражения личности.

Вместе с тем проблема самовоспитания еще не овладела массами. Одной из причин подобного положения следует считать ее недостаточную теоретическую разработанность.

Как показывают исследования, проведенные в средних школах страны, большинство опрошенных школьников осознает социальную и личную значимость самовоспитания. Они стремятся

⁸ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1979, с. 254.

⁹ См.: Рувинский Л. И., Арет А. Я. Самовоспитание школьников. М., Педагогика, 1976, с. 5; Теория и практика коммунистического воспитания. М., Мысль, 1980, с. 80—85.

¹⁰ См.: Словарь по этике. М., Политиздат, 1981, с. 289.

¹¹ Цит. по: Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М., 1974, с. 86.

таким путем стать более самостоятельными в жизни, устранить недостатки, препятствующие самоутверждению в коллективе. В этом случае самовоспитанием занимаются более 70% учащихся 6—7 классов¹².

В то же время имеют место факты не только низкого уровня охвата молодежи самовоспитанием, но и полного его непонимания. Так, по данным анкетного опроса 403 юношей и девушек школьного возраста, оказалось, что у них даже не возникало вопроса о самовоспитании¹³.

В исследовании И. Г. Безуглова, проведенном среди личного состава пограничных застав КГБ СССР, выявлено, что у 62% пограничников нет потребности в самовоспитании, у 30% — она носит временный, неустойчивый характер и не выступает как ведущий мотив в их работе над собой и только у 8% личного состава эта потребность носит устойчивый характер¹⁴. В нашем исследовании, проведенном среди слушателей Высшей школы КГБ СССР, выявлено, что большинство слушателей знают о самовоспитании со школьной скамьи, относятся к нему положительно и считают, что каждый должен заниматься самовоспитанием, признают, что оно особенно необходимо чекистам. Однако самовоспитанием активно занимаются около 20% опрошенных слушателей, от случая к случаю — около 60%. Остальные самовоспитанием не занимаются. Отвечая на вопрос: «Что необходимо делать в Высшей школе на факультете, чтобы самовоспитанием занимался каждый слушатель?», абсолютное большинство опрошенных слушателей подчеркнули необходимость улучшения пропаганды самовоспитания, раскрытия его теоретических основ.

Исходя из изложенного выше, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, самовоспитание вторично, производно от социальных условий и воспитания. Оно подготавливается всем ходом развития общества и воспитанием, которые формируют у человека внутренние потребности к самовоспитанию. Во-вторых, самовоспитание начинается с обнаружения человеком противоречия между качествами, которыми он обладает, и качествами, проявления которых требует от него коллектив и общество в интересах эффективной деятельности. В-третьих, самовоспитание исходит от самой личности, а не от воспитателя. В-четвертых, самовоспитание начинается с достижения личностью определенного уровня идейно-нравственной зрелости, позволяющей

¹² См.: Рувинский Л. И., Соловьева А. Е. Психология самовоспитания. М., Просвещение, 1982, с. 11—22.

¹³ См.: Киселев В. П. Нравственное самовоспитание. М., Знание, 1977, с. 7.

¹⁴ См.: Безуглов И. Г. Социально-педагогические проблемы теории и практики формирования всесторонне и гармонически развитой личности пограничника. Докт. дис. М., изд. Высших пограничных ордена Ленина Краснознаменных командных курсов КГБ СССР, 1985, с. 163—164.

осознать свою роль и место в коллективе и обществе. В-пятых, в процессе самовоспитания человек делает свои знания, убеждения и практические действия объектом своего анализа и развития, поэтому самовоспитание личности предполагает наличие у нее способности критически оценивать и сравнивать свои знания, убеждения и практические действия с социальными качествами и действиями других людей, непосредственного окружения, осознавать собственное «я» и изменять его.

Таким образом, общественное воспитание и самовоспитание соотносятся как внешнее и внутреннее для каждой личности. Эти процессы взаимосвязаны и не могут существовать один без другого. Вместе с тем в самовоспитании, как в относительно самостоятельном процессе, выделяются различные этапы.

Прежде всего нельзя не согласиться с правильной, на наш взгляд, точкой зрения ученых, что возникновение сознательной потребности к самовоспитанию обнаруживается у школьников в 6—8 классах. В качестве основных мотивов самовоспитания они называют те или иные социальные идеалы и стремление к их достижению. Это положение подтверждается результатами исследования, проведенного среди слушателей Высшей школы КГБ имени Ф. Э. Дзержинского.

С социальным взрослением личности стремление к самовоспитанию отнюдь не угасает, оно требует более широких социальных возможностей самореализации этого процесса. После завершения обучения в средних учебных заведениях молодые люди, как правило, самостоятельно выбирают дальнейший путь своей деятельности, который требует от них определенных знаний, навыков и умений, социальных качеств. Они все более активно вторгаются в социальную жизнь коллектива и общества, выполняют различные социальные роли. Все это объективно вызывает необходимость саморазвития, самовоспитания. В это же время происходит формирование социально значимых целей самовоспитания. С одной стороны, возникает потребность в формировании новых социальных качеств, необходимых для успешного выполнения возложенных на каждого члена коллектива обязанностей, с другой — в стремлении избавиться от тех качеств, которые отрицательно влияют на самоутверждение личности в коллективе и обществе.

Для слушателей учебных заведений КГБ, где закладываются организационные основы самовоспитания чекистских кадров и осваивается ее практика, основной формой воспитания является учебно-воспитательный процесс. Личное участие слушателей в обеспечении государственной безопасности воспринимается ими как высшая оценка их идейно-нравственной зрелости, способности и готовности выполнить профессиональный чекистский долг.

Знания и навыки профессиональной деятельности и работы в коллективе, приобретаемые выпускниками учебных заведений

КГБ в процессе обучения, опыт работы по самовоспитанию обуславливают активное включение абсолютного большинства выпускников в оперативную деятельность и работу в чекистских коллективах.

Выпускники учебных заведений КГБ СССР положительно оценивают роль учебных заведений КГБ СССР в их профессиональной подготовке, идейно-нравственном становлении и развитии, так как это позволяет им эффективно работать в органах КГБ СССР. Однако приходит время, когда полученных знаний становится недостаточно, чтобы успешно выполнять профессиональный чекистский долг. Как разрешить это противоречие? Оказывается, что в этом случае самообразование, самовоспитание, основы которого были заложены в учебных заведениях КГБ, выступают в качестве надежного средства разрешения возникающего противоречия.

Приведем наиболее типичные ответы на два поставленных в опросном листе открытых вопроса к выпускникам Высшей школы КГБ, которые имеют пятнадцатилетний опыт оперативной работы.

Вопрос 1: «Как вы оцениваете систему подготовки в Высшей школе имени Ф. Э. Дзержинского с точки зрения полученных идейно-политических и профессиональных знаний, в том числе знания иностранного языка, за период обучения, нравственного воспитания, умения ответственно, инициативно и творчески работать в чекистском коллективе?»

Ответ: «Что касается полученных в Высшей школе знаний, то их вполне достаточно для эффективной работы в органах КГБ в первые годы самостоятельной деятельности. В последующие годы этих знаний уже не хватает. Необходимо много работать в плане совершенствования. Поэтому результаты в работе во многом зависят от самого себя, от трудолюбия, настойчивости, дисциплинированности, отзывчивости и душевной доброты».

Вопрос 2: «Какие вопросы Вам пришлось дорабатывать, «доучивать» в большей степени, чем было дано в Высшей школе, или изучать вновь в полном объеме в связи с началом работы в органах КГБ? Как Вы это делали?»

Ответ: «В первый период были определенные трудности с написанием различных оперативных документов. Внимательно изучил ряд документов, подготовленных опытными и грамотными оперработниками, а потом много тренировался. Оказал помощь и наставник, который был исключительно грамотный, опытный и тактичный человек. Через год проблемы с составлением оперативных документов уже не было».

Приходилось учиться сдерживать свои эмоции в ситуациях, когда имели место предвзятости со стороны руководства. Удалось это не сразу. Я понял, что делаю свое дело не для себя и не для руководства, а для Родины, ее безопасности. После этого стало легче работать».

Абсолютное большинство опрошенных выпускников высказались подобным образом. Из этого следует, что оперативная работа требует постоянного совершенствования профессиональных знаний и выработки высоконравственных качеств, необходимых для выполнения задач по обеспечению безопасности не только государства.

В учебных заведениях КГБ основным условием, побуждающим слушателей к самовоспитанию, является учебно-воспитательный процесс, в ходе которого каждый слушатель не только овладевает суммой знаний, необходимых для профессиональной деятельности, но и осознает значение идейно-нравственных качеств, его активности в практической деятельности.

Важное место в решении этих задач принадлежит профессорско-преподавательскому составу. Их личный пример — в постоянном самосовершенствовании, глубоком знании предмета, готовности и способности оказать эффективную помощь каждому слушателю в овладении чекистской профессией, в формировании навыков самообразования и самовоспитания слушателей.

Вместе с тем эти возможности не всегда реализуются в учебно-воспитательном процессе.

Прежде всего следует заметить, что на формирование у слушателей потребности к самовоспитанию не всегда эффективно влияет учебный процесс. Отсутствие ярко выраженного творческого начала в проведении учебных занятий со стороны некоторых преподавателей существенно снижает уровень профессиональной подготовки слушателей. Проводимые преподавателями виды занятий в значительной степени носят иллюстративно-объяснительный характер, служат лишь воспроизводству знаний информативным методом, посредством чтения лекций, демонстрации кино-, телефильмов и т. п. Они недостаточно используют проблемные лекции, активные формы работы на семинарских занятиях. Нередко практические и лабораторные занятия не требуют напряженного самостоятельного труда от слушателей, не развивают их мышление. Подобное положение отрицательно сказывается на развитии интереса к овладению знаниями, на повышении роли самостоятельной работы и самообразования в овладении чекистской профессией, повышении роли самовоспитания в формировании идейно-нравственных качеств личности будущего чекиста.

Одной из основных причин подобного положения являются заниженные требования к преподавателям со стороны отдельных коллективов кафедр и их руководителей, к их идейно-теоретическому, профессиональному и нравственному развитию. Поэтому некоторые преподаватели не отвечают предъявляемым к ним требованиям, не участвуют в научно-исследовательской работе со слушателями. Отдельные из них не занимаются не только самовоспитанием, но и самообразованием, допускают грубые аморальные проступки.

Недостаточное внимание уделяется развитию самовоспитания среди слушателей, его важному значению в идейно-нравственном формировании личности будущего чекиста. Так, в предложенном слушателям вопросе анкеты: «Какие из перечисленных качеств, которыми должен обладать выпускник ВШ, Вы бы поставили на первые три места?», не предлагался вариант ответа, который привлек бы внимание слушателей к самовоспитанию и его важности для чекиста. Сами же слушатели не занимаются активно самовоспитанием, не считают его важным средством своего развития. Так, в распространенном среди слушателей опросном листе было предложено дать открытые ответы на вопросы: «Какие качества, характеризующие личность чекиста, помогла развить Вам учеба в Высшей школе?» и «Какие качества чекиста Вы считаете наиболее ценными?» При обработке полученных ответов оказалось, что ни один из отвечавших на вопросы анкеты слушателей не указал на самовоспитание.

Вместе с тем слушатели при ответе на прямой вопрос о значении самовоспитания в их формировании и совершенствовании как личности признают его важность. Однако данные проведенных исследований показывают, что хотя 80% из опрошенных и рассматривают самовоспитание как один из важных факторов, формирующих личность в условиях Высшей школы, но лишь 25% из них смогли более или менее точно выразить свои представления о самовоспитании, другие же затруднялись сделать это. Имели место единичные ответы, когда слушатели не знали, что представляют собой самовоспитание, его цели и задачи, его возможности для саморазвития и формирования высоконравственной личности чекиста.

С этим ответом тесно коррелируют полученные в исследовании данные, характеризующие соотношение между слушателями, успевающими на «хорошо» и «отлично», и оценками «хорошо» и «отлично», получаемыми слушателями в период экзаменационных сессий. Это соотношение остается устойчивым там, где доля оценок превышает долю слушателей в интервале от 6% до 20%. И наоборот, доля слушателей, успевающих на «удовлетворительно», превышает долю оценок «удовлетворительно», полученных слушателями, разрыв между которыми составляет от 6% до 19%. Приведенные данные характеризуют не только различный уровень в изучении дисциплин, определяющих профессиональную подготовку чекистских кадров, но и заниженный уровень ответственности значительной части слушателей в овладении чекистской профессией, удовлетворенность определенной части слушателей работой над усвоением учебного материала без напряжения, терпимое отношение коллектива к слушателям, нарушающим единство слова и дела, которое выявляется при подведении итогов выполнения индивидуальных социальных обязательств.

Нравственный ущерб этого явления состоит в том, что, с од-

ной стороны, формируется тип слушателя-«середняка», который находится вне критики, так как учится на «хорошо», но работает без напряжения при овладении профессией чекиста, не проявляет инициативы и в других сферах деятельности коллектива, не занимается самовоспитанием. Такой слушатель на вопрос анкеты: «Могли бы Вы учиться лучше?», отвечает: «Да», но этого не делает. С другой стороны, подвергаются критике слушатели, получающие удовлетворительные оценки, как правило на младших курсах, из-за низкого уровня общего образования, длительного перерыва в учебе и т. д., но при этом трудолюбивые и настойчивые в достижении поставленной цели — стать чекистом-профессионалом, в том числе и посредством самовоспитания.

Одной из задач самовоспитания является преодоление названного противоречия путем выявления уровня развития нравственности слушателей как при анализе их успеваемости, так и при оценке практической деятельности каждого слушателя по овладению чекистской профессией. Возможная опасность так называемого «середняка» состоит в том, что он разрушает нравственный климат первичного коллектива слушателей, а затем пополняет ряды оперативных работников, имея существенные изъяны в нравственности.

Таким образом, самовоспитание становится важным фактором нравственного совершенствования каждого слушателя лишь в том случае, когда в этом процессе четко выражены три последовательных и взаимосвязанных этапа: анализ самого себя как личности для определения качеств, которые необходимо сформировать или от которых следует избавиться; выработка на основе проведенного анализа цели и соответствующей ей программы самовоспитания; реализация поставленной цели и программы в процессе самовоспитания, основу которого составляет саморегуляция деятельности.

Основы механизма самовоспитания слушателей составляет процесс осознания самого себя, на базе которого через самообязательство, самоконтроль и самоприказ осуществляется работа по формированию и совершенствованию индивидуальных идейно-нравственных качеств в духе принятого коммунистического идеала. Самонаблюдение, самоанализ, самооценка способствуют осознанию самого себя при наличии у слушателя идеала сравнения.

Социальная природа самовоспитания определяет не только его связь с воспитанием, но и его ведущую роль в организации работы слушателей над собой. Высокий уровень организации идейно-нравственного воспитания позволяет перевести внешние требования коллектива к слушателям во внутренние требования к самим себе. Сложившиеся идейно-нравственные отношения, социальные идеалы играют определяющую роль в самовоспитании. Сравнивая себя с принятым идеалом, слушатели глубже

осознают самих себя, свою роль и место в коллективе и обществе, отчетливее видят свои отрицательные качества, что стимулирует их деятельность по самовоспитанию в соответствии с принятым общественным идеалом.

Самовоспитание не достигает цели, если в его процессе слушатели не осуществляют самооценку своей деятельности и саморегуляцию.

Конкретно-социологический анализ показывает, что абсолютное большинство слушателей способны к самооценке. В этом нас убеждает то, что они знают свои сильные и слабые стороны, которые тесно коррелируют с объективными показателями учебы и дисциплины, их активностью.

Одна из проблем, тормозящих дальнейшее развитие самовоспитания и повышение его эффективности, состоит в том, что значительная часть слушателей ограничивается самооценкой и не занимается саморегуляцией в соответствии с принятым идеалом. По данным нашего исследования, их насчитывается в учебных группах с низким уровнем сплоченности до 60%, а в учебных группах с высоким уровнем сплоченности — до 50%.

Сердцевину самовоспитания, осуществляемого как продолжение идейно-нравственного воспитания, составляет воспитание совести, которая выступает как «способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков»¹⁵. В условиях расширяющейся гласности и демократии ее значение существенно возрастает. Поэтому не случайно высшей формой поведения личности является поведение, регулируемое не требованиями коллективного или общественного мнения, в которых заключается нравственность коллектива или общества, а совестью человека, сформированной в процессе идейно-нравственного воспитания и самовоспитания личности.

Важным фактором, оказывающим непосредственное влияние на самовоспитание личности, является первичный коллектив слушателей. Чем выше уровень сплоченности коллектива, тем выше активность самовоспитания его членов. Чем лучше идейно-нравственная атмосфера в коллективе, тем полнее реализуются в нем принципы партийной требовательности, ответственности и заботливого отношения к своим членам, тем активнее участвуют слушатели в его деятельности. Уровень развития коллектива характеризуется общностью целей совместной деятельности членов коллектива и степенью ее принятия ими. На наиболее низком уровне развития коллектива цель коллективной деятельности принимают как свою лишь лидеры и наиболее сознательные члены коллектива. Но только на следующем, более высоком уровне развития коллектива, для которого характер-

¹⁵ Краткий психологический словарь. М., Политиздат, 1985, с. 325.

ными становятся устойчивая общность целей, органическое сочетание коллективных и личных интересов, появляются объективные предпосылки для самовоспитания слушателей. Как правило, такой уровень развития слушательских коллективов достигается на завершающих этапах обучения, на старших курсах.

Наиболее важными мероприятиями, стимулирующими слушателей учебных заведений КГБ к самовоспитанию и помогающими им определить цели и задачи, пути и средства самовоспитания, являются мероприятия, на которые дается глубокий, всесторонний анализ результатов учебно-воспитательного процесса слушателей. Это прежде всего партийные и комсомольские собрания, на которых рассматриваются вопросы общественно-политической практики и нравственного климата в коллективах учебных групп. В Высшей школе КГБ имени Ф. Э. Дзержинского наиболее эффективной формой подведения итогов учебно-воспитательного процесса за семестр стали общие собрания личного состава факультетов, которые проходят под руководством начальника школы или его заместителей. На этих собраниях выступают начальники факультетов и секретари парткомов факультетов с докладами о результатах учебно-воспитательного процесса, отмечаются положительные моменты, вскрываются недостатки и их причины, определяются задачи на очередной период обучения, объявляется приказ начальника Высшей школы о награждении победителей социалистического соревнования среди слушателей, называются учебные группы, добившиеся права именоваться «Лучшая учебная группа».

Активизируют самовоспитание слушателей также собрания, на которых обсуждаются вопросы дисциплины и дисциплинарной практики. Немаловажное значение для развития самовоспитания имеют ритуалы посвящения первокурсников в слушатели, пропаганда чекистских традиций, посещение мест трудовой, боевой и чекистской славы, встречи с ветеранами органов и войск КГБ.

Проведенные исследования показывают обратную связь самовоспитания слушателей с их активностью в учебной, общественно-политической и научной деятельности. С повышением уровня развития самовоспитания возрастают показатели успеваемости и сплоченности коллективов учебных групп, организованность и дисциплина слушателей.

Большое влияние на уровень самовоспитания оказывает общественно-политическая практика, проводимая в учебных заведениях КГБ. Среди партийного и комсомольского актива больше слушателей, осуществляющих самовоспитание и считающих эту деятельность обязательной для формирования необходимых чекисту качеств.

Исследования показывают, что характер и уровень развития самовоспитания слушателей находятся в прямой зависимости

от авторитета преподавателя и руководителя курсового коллектива, от его работы со слушателями во внеучебное время.

Важное место в активизации самовоспитания слушателей, как они сами считают, принадлежит контролю за их работой в ходе учебного процесса, самоподготовки, особенно за уровнем успеваемости слушателей путем анализа получаемых ими промежуточных оценок по иностранному языку и другим предметам. Введенное с 1982 года написание характеристик на каждого слушателя по итогам учебного года также оказывает положительное влияние на повышение эффективности самовоспитания слушателей¹⁶.

Среди недостатков, отрицательно влияющих на развитие самовоспитания, слушатели называют слабую организацию досуга, культурно-массовых и спортивных мероприятий в выходные дни, а также слабую пропаганду самовоспитания среди слушателей.

Неразвитые формы самовоспитания у отдельных слушателей учебных заведений продолжают оказывать отрицательное влияние на их утверждение в чекистских коллективах после окончания учебного заведения. Они не приучены к напряженной самостоятельной работе по изучению партийных документов, приказов и указаний КГБ, чтению ориентировок и обзоров КГБ, чекистской литературы, Сборников КГБ, Трудов Высшей школы КГБ и т. д. Проведенные исследования показывают, что не все сотрудники постоянно читают названные документы и литературу. Так, из опрошенных молодых оперативных работников постоянно читают приказы и указания КГБ СССР 87% сотрудников, учебники и учебные пособия — 48%, Сборники КГБ — 63%. А 54% опрошенных сотрудников отметили, что чекистская литература помогает в определенной мере решать оперативные задачи.

Процесс образования в учебных заведениях КГБ развивает потребность в самообразовании. Слушатели осознают, что таким путем можно добиться повышения уровня общеобразовательных, политических и профессиональных знаний, что позволит им проявить большую активность в общественной работе, достигнуть необходимого культурного и физического развития. В конечном счете ведущая направленность самообразования слушателей подчинена овладению ими чекистской профессией. В ходе самообразования слушатели стремятся полнее раскрыть свои способности, готовы делиться своими знаниями с товарищами, оказать им необходимую помощь. Особенно следует подчеркнуть стремление слушателей активно обсуждать проблемы нравственности. Они заинтересованно, принципиально и ответственно подходят к оценке поступков и поведения своих товарищей, обсуждают характеристики на каждого слушателя по

¹⁶ См.: Указание председателя КГБ СССР № 2с от 27 января 1982 г.

итогах учебного года, содержание рекомендаций для вступления в ряды КПСС. В этом проявляется заинтересованное отношение слушателей и к собственному самосовершенствованию, их активное желание вырабатывать собственный нравственный опыт, формировать коллективное мнение, выполняющее функцию нравственного контроля и коллективного регулятора отношений в первичных коллективах слушателей.

В то же время в ходе исследования стало возможным выделить уровни самовоспитания слушателей, которые определяют степень влияния на формирование нравственной позиции слушателя, его отношение к самовоспитанию. Среди слушателей младших курсов самовоспитание находится на более низком уровне, который можно характеризовать как уровень подражания. Для этого уровня характерным признаком является наличие у слушателей знаний о самовоспитании, которое они положительно оценивают как важное условие развития личности. Однако самовоспитанием они активно не занимаются, хотя и не исключают, что займутся им в дальнейшем. Ориентируясь на положительные нравственные идеалы, они еще не могут с марксистских позиций обосновать их, показать преимущество морали социалистического общества, разоблачить буржуазную идеологию и мораль. Необходимых самостоятельных усилий к преодолению этих недостатков они не принимают.

Следующий уровень самовоспитания можно определить как средний. Для него характерным является осознание роли и места личности в коллективе. Слушателя характеризует добросовестное отношение к выполнению возложенных на него обязанностей, ответственность и дисциплинированность. Однако процесс самовоспитания они сами оценивают как неустойчивый, непостоянный. Они его прерывают, но затем вновь возобновляют.

Высоким уровнем самовоспитания является уровень, основу которого характеризует идейно-нравственное самосознание слушателя. Для этого уровня характерными признаками являются творческое отношение к овладению учебным материалом, активное участие в общественной работе, постоянное оказание помощи своим товарищам. На этом уровне слушатели способны оценить чекистскую профессию как необходимую, высоконравственную и гуманную в социалистическом обществе и прилагают все силы к овладению ею.

Критерием определения уровня развития самовоспитания слушателя следует рассматривать принимаемые слушателями индивидуальные социалистические обязательства и отношение к их выполнению. По критерию отношения слушателей к принятию и выполнению индивидуальных социалистических обязательств их нетрудно подразделить на категории с низким, средним и высоким уровнем развития нравственности. Индивидуальные социалистические обязательства слушателя определяют и программу его самовоспитания.

Итак, нами предпринята попытка рассмотреть самовоспитание как ведущий фактор нравственного самосовершенствования слушателей. Подводя основные итоги поставленной проблемы, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых. В современных условиях развития социалистического общества все возрастающее значение принадлежит общественному воспитанию и самовоспитанию, на которое оказывают положительное влияние происходящая в стране перестройка, расширение демократии и гласности.

Во-вторых. Самовоспитание является следствием и результатом воспитания, в рамках которого требуется усиление пропаганды целей и задач самовоспитания, его форм и методов, а также конкретного опыта.

В-третьих. Самовоспитание — одна из черт высоконравственной личности, сознающей свою роль и место в коллективе и обществе и стремящейся добровольно увеличить свой вклад в решение социальных задач.

В-четвертых. Основными средствами развития самовоспитания в учебных заведениях КГБ и вовлечения в этот процесс каждого слушателя являются учебный процесс, личный пример воспитателей в этой работе, развитие критики и самокритики в партийных и комсомольских организациях, первичных коллективах слушателей, принципиальная и доброжелательная оценка ими работы каждого слушателя в овладении чекистской профессией и развитии высоконравственных качеств.

В-пятых. Способность к самовоспитанию, сознательному, творческому и активному усвоению принципов коммунистической нравственности и осуществлению практической деятельности в соответствии с их требованиями, умение формировать свою личность на основе анализа своих чувств и действий являются одним из показателей идейно-нравственной зрелости и коммунистической сознательности каждого слушателя. Такова точка зрения автора на поставленную проблему.

*Рекомендована советом факультета № 2
Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского
Научный редактор кандидат юридических наук, доцент
полковник В. Г. Курдаков*

Доктор психологических наук
полковник Г. И. Иванин

СВОЕВРЕМЕННОЕ И ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В материалах XXVII съезда КПСС, на последующих Пленумах ЦК КПСС, в многочисленных периодических публикациях указывается на распространение в нашем обществе таких явлений, как бездуховность, идейная инфантильность, снижение нравственности. К сожалению, эти негативные явления коснулись и чекистских кадров, особенно молодых, в том числе некоторых слушателей учебных заведений КГБ СССР. Между тем бездуховность, размытость идейных позиций, эрозированная нравственность чекистам принципиально противопоказаны. Эта деформация личности в основе своей подрывает надежность кадров, делает их «доступными» для идеологического и морально-психологического воздействия со стороны противника. Вместе с тем хорошо известно, что именно глубокая идейная убежденность, преданность социалистическим идеалам, нравственная чистота всегда отличали чекистов, воспитанных на идеях и традициях Ф. Э. Дзержинского, Ю. В. Андропова.

С этой точки зрения монография капитана 1 ранга Э. П. Литвинова «Идейно-нравственное воспитание — основа нравственности чекистских кадров в учебных заведениях КГБ СССР контрразведывательного профиля» действительно является своевременным и ценным исследованием, особенно в период начавшейся перестройки всех сторон деятельности органов госбезопасности. Автор обстоятельно анализирует теоретико-методологические основы идейно-нравственного воспитания, его сущность и содержание, значение практической деятельности в формировании нравственного облика чекиста. По мнению рецензента, Э. П. Литвинов предпринял попытку восстановить глубоко гуманистические и нравственные традиции, заложенные Ф. Э. Дзержинским, в которых органически сочетаются классовый подход и общечеловеческие ценности.

В монографии выделяются и обосновываются основные факторы идейно-нравственного воспитания чекистских кадров:

учебный процесс, первичный чекистский коллектив, самовоспитание. Однако следует заметить, что связывать идейно-нравственную воспитанность личности напрямую, жестко с учебным процессом едва ли правомерно. Об этом свидетельствует острая критика принципа воспитывающего обучения, которая появилась сейчас на страницах партийных и психолого-педагогических изданий, в частности в журналах «Коммунист» (1987, № 15), «Вопросы психологии» (1988, № 1), «Советская педагогика» (1987, № 10) и других. Об этом свидетельствуют и эмпирические данные, собранные автором монографии.

По мнению рецензента, в монографии удачно выделены критерии эффективности идейно-нравственного воспитания — коммунистическая убежденность, боевой чекистский характер, результаты практической деятельности чекистов. По существу, это система, ибо идейная убежденность лежит в основе наиболее устойчивого свойства личности — характера, а характер как личность в действии непосредственно отражается в результатах ее практической деятельности. В свою очередь практические результаты укрепляют, стабилизируют боевой характер и цементируют коммунистическую убежденность чекистских кадров.

Глава IV монографии переводит обсуждаемые проблемы идейно-нравственного воспитания уже в прикладную, практическую плоскость — руководство и управление идейно-нравственным воспитанием чекистов. И здесь отчетливо обнаруживается, что личность является не только и не столько объектом, сколько субъектом воспитания, что без ее собственного «участия» в конструировании и преобразовании внутреннего мира идейно-нравственное воспитание, по сути дела, невозможно. В этом состоит глубокий смысл самовоспитания, ибо, как говорил В. А. Сухомлинский, воспитание совершается только тогда, когда есть самовоспитание. В идейно-нравственном воспитании чекистских кадров эти положения имеют принципиальное значение, поскольку идейная убежденность и нравственная закаленность — основа их политической надежности и морально-психологической устойчивости, особенно когда чекисты действуют в сложных, экстремальных условиях.

Основные идеи и выводы монографии убедительно аргументированы социологическими данными. Автором не только разработана научная методика сбора и анализа эмпирического материала, характеризующего уровень развития нравственности слушателей и их первичных коллективов, но и проведена ее проверка, что позволило построить социолого-динамическую систему формирования идейно-нравственных качеств слушателей учебных заведений КГБ СССР в процессе обучения.

Монография Э. П. Литвинова, надо полагать, представляет собой первый шаг на пути реализации решения Коллегии КГБ

СССР «О задачах органов и войск КГБ, вытекающих из решений январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС», объявленного Приказом КГБ СССР № 080 от 4 февраля 1987 г. Будем надеяться, что она найдет применение в процессе идейно-нравственного воспитания чекистских кадров, причем не только в учебных заведениях КГБ, но и в практических подразделениях.

Подполковник А. Ф. Алешкин,
майор А. А. Грачев

РЕФЕРАТ
СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ СК-1

(объем — 12,5 авт. л.)

В сборник включены статьи по актуальным проблемам основ контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР.

В статье Н. Н. Швеца анализируется природа, структура и сущность оперативных отношений как конкретно-исторической конспиративной насильственной формы разрешения оперативно-ценностного противоречия.

Ю. М. Дубинский, рассматривая профессиональное творчество советских чекистов в решении оперативных задач, акцентирует внимание на возможностях дальнейшей разработки таких вопросов, как анализ оперативной обстановки, формирование оперативных задач и т. п.

В. А. Толкачев раскрывает требования к профилактической работе органов советской контрразведки в современных условиях.

А. Н. Голяк рассматривает вопрос о формах контрразведывательной деятельности и делах оперативного учета органов КГБ СССР, предлагая возможные пути его решения.

В статье В. Е. Овчинникова и Ф. И. Хильченко исследуется проблема повседневного оперативного поиска нарушителей государственной границы как составной части контрразведывательного поиска, развиваются отдельные положения методических рекомендаций, объявленных Указанием КГБ СССР № 1с от 4 января 1985 г.

А. А. Новиньков характеризует критерии сценки оснований проверки сигналов о возможной подрывной деятельности.

Л. Б. Катерюшин раскрывает основные мотивы и стимулы, побуждающие ханьцев к даче согласия на сотрудничество с органами КГБ, основные причины, приводящие к изменению мотивов у кандидата на вербовку из этой категории лиц, и признаки, свидетельствующие об этом.

Статья В. В. Попова посвящена проблеме обеспечения надежности при политическом, правовом, нравственном воспитании и психологической подготовке агентуры.

М. И. Москаленко рассматривает важнейший фактор повышения эффективности деятельности агентов органов КГБ — стимулирование их работы.

А. А. Грачев предлагает новый подход к определению агентурной позиции в процессе оперативной разработки, позволяю-

ций, в частности, глубже понять сущность ввода агентов в оперативную разработку.

Статья Г. В. Крисинеля посвящена структурно-функциональному анализу деятельности подразделений наружного наблюдения.

В. А. Головин описывает специальную методику изучения процесса формирования мировоззренческих взглядов и убеждений слушателей в ходе преподавания спецдисциплины 1А. Методика основана на системе задач по выявлению профессиональных умений ориентироваться в динамично развивающихся оперативных ситуациях.

В. Б. Огибин исследует взгляды на структуру разведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР, обосновывает необходимость научной разработки структурно-функциональных аспектов и намечает перспективные направления дальнейшего изучения проблемы.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28406-н).

Майор В. Н. Глазков

РЕФЕРАТ

СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ СПЕЦКАФЕДРЫ № 17 «НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКЕ»

(объем — 6,3 авт. л.)

Научный доклад П. Е. Афанасьева посвящен анализу некоторых путей совершенствования управления в советской контрразведке в свете решений XXVII съезда КПСС. Особое внимание уделено проблеме совершенствования организационной структуры управления советской контрразведки, повышению уровня информационно-аналитической работы в органах госбезопасности, повышению эффективности перспективного централизованного планирования деятельности органов КГБ.

В. И. Махинин в своем докладе отразил результаты исследования сущности прогнозирования разведывательной деятельности противника. Им рассмотрены различные точки зрения специалистов на сущность разработки социального прогноза, прогноза в сфере политики, экономики, науки и техники, военного дела, в частности разведки. Анализируются материалы о практике прогностической деятельности в процессе подготовки разведывательных акций и советской контрразведки в ходе организации защиты особо важных проблем государственного характера. Содержатся выводы о сущности прогностической

деятельности, об основах и возможностях ее успешного практического осуществления.

В. И. Рыкунов формулирует проблемы координации и взаимодействия в деятельности советской контрразведки, предлагая пути их решения, основывающиеся на конкретных предложениях по совершенствованию данного элемента управления.

В. Н. Глазков основное внимание уделяет рассмотрению показателей отчетности о результатах агентурно-оперативной деятельности, уяснению их роли в повышении эффективности управления контрразведывательной деятельностью органов Комитета госбезопасности СССР.

В статье В. П. Михайлова анализируются различные точки зрения на понятие принципов деятельности, приводится ряд дополнительных замечаний по поводу его содержания, что позволяет автору сформулировать систему принципов деятельности по подбору кадров на действительную военную службу в контрразведывательные подразделения территориальных органов КГБ СССР.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28607-н).

Подполковник В. А. Глухов,
подполковник В. К. Горин

РЕФЕРАТ

СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПОЛУЧЕНИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ И КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»

(объем — 8 авт. л.)

В сборник вошли доклады и научные сообщения по актуальным вопросам получения разведывательной и контрразведывательной информации при расследовании государственных преступлений, сделанные на состоявшейся в феврале 1986 года научно-практической конференции. В ее работе приняли участие преподаватели Высших курсов КГБ СССР (г. Ленинград, г. Ташкент), КИ КГБ СССР им. Ю. В. Андропова, представители оперативных подразделений КГБ СССР и Следственного отдела КГБ СССР, а также преподаватели, научные сотрудники и аспиранты Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского.

В докладах Г. Ф. Пушкарева и В. А. Глухова раскрыты теоретические аспекты понятий разведывательной и контрразведывательной информации.

Статья В. Н. Рябчука посвящена вопросам получения разведывательной и контрразведывательной информации в ходе оперативных игр, проводимых на основе материалов следствия.

В. И. Николаев проанализировал использование различных методов сбора разведывательной информации при расследовании дел об особо опасных государственных преступлениях.

Вопросы организации и тактики получения разведывательной и контрразведывательной информации в процессе ведения дел о государственных преступлениях рассмотрены в статьях В. К. Горина.

Проблеме выбора методологии исследования контрразведывательной и разведывательной информации посвящено сообщение В. Н. Комкова.

Правовые аспекты получения разведывательной и контрразведывательной информации при расследовании дел, отнесенных к компетенции органов КГБ, отражены в докладе В. И. Зажицкого.

Практика получения разведывательной и контрразведывательной информации в процессе расследования государственных преступлений анализируется в статьях А. Н. Тюленева, И. С. Цуркана и В. А. Парамонова.

Вопрос об уголовно-процессуальной деятельности органов государственной безопасности в военное время исследует В. И. Колосков.

Взаимодействие следователя и разведаппаратов погранвойск при получении разведывательной и контрразведывательной информации — тема сообщения А. И. Кривенко.

В докладе В. П. Галицкого подробно рассмотрены психологические аспекты методики допроса военнопленных в интересах добывания разведывательной и контрразведывательной информации.

Критериям оценки разведывательной и контрразведывательной информации, а также вопросам ее накопления и использования в процессе ведения дел о государственных преступлениях посвящены статьи Р. И. Тямушкина, А. А. Одинцова и М. Г. Дегтярева.

Сообщение о целесообразности использования компьютеров следователями КГБ СССР в целях оптимизации процесса получения информации подготовил В. В. Марущенко.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28850-н).

Кандидат юридических наук, доцент
полковник К. Х. Ипполитов,
кандидат юридических наук
майор С. Б. Шурыгин

РЕФЕРАТ
СБОРНИКА СТАТЕЙ
ПО ПРОБЛЕМАМ СПЕЦИАЛЬНОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ
(объем — 25 авт. л.)

Девятый выпуск сборника статей по проблемам специального страноведения (СД-16) — совместный труд многочисленного авторского коллектива. Структура сборника соответствует программам и тематическим планам курса СД-16. Сборник состоит из трех томов и семи разделов.

В первый том включены рефераты по откликам зарубежных политических кругов и средств массовой информации на перестройку в СССР и на январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. В. А. Ракитский анализирует отклики на материалы Пленума средств массовой информации европейских стран социалистического содружества, А. И. Репин — средств массовой информации Вьетнама, Лаоса и Кампучии; В. Ф. Бородич освещает реакцию средств массовой информации КНР на решения январского Пленума. В статьях М. Е. Смирнова, С. Б. Шурыгина, В. И. Бабичева, Б. М. Гутина и К. Х. Ипполитова содержится оценка откликов на перестройку в СССР и работу Пленума в США, Японии, Великобритании, Франции, Италии, Греции.

Во второй том сборника вошли 16 статей. А. М. Пегушев исследует роль британских спецслужб в подавлении антиколониального вооруженного восстания 1952—1956 гг. в Кении; Г. Н. Тайгачев рассматривает некоторые вопросы истории органов госбезопасности Народной Республики Болгарии; В. С. Винарский прослеживает роль системы образования в формировании национально-психологических особенностей этносов на примере Италии. А. А. Кокорев в двух статьях исследует проблемы межэтнического общения под углом зрения агентурно-оперативной деятельности органов КГБ, а также структуру психического склада нации и содержание его основных структурно-образующих элементов. О. Н. Матвеев рассматривает некоторые вопросы эмиграционной политики Китая в отношении лиц, выезжавших в СССР до и после образования КНР, П. В. Чернов — особенности арабского национально-освободительного движения на современном этапе и место ислама в подрывной деятельности против него. В. Д. Бабакаев и В. В. Басов анализируют новые органы суда, прокуратуры и народной милиции в политической системе Республики Афганистан, Л. В. Кищенко — мусульманский фактор в политической и оперативной обстановке в Индонезии, В. Л. Ключни-

ков — роль и место современного иранского руководства в фундаменталистском движении стран Ближнего и Среднего Востока, В. В. Овчаренко — теорию Али Шариати «возвращение к себе». А. И. Репин и Н. Н. Александрович рассматривают внутриполитическое и экономическое положение Таиланда в 70—80-е годы, И. В. Макроусов — основные тенденции и некоторые особенности военно-промышленного сотрудничества западноевропейских стран, А. М. Горбачев — подход Сирии к вопросу ближневосточного урегулирования после израильской агрессии в Ливане 1982 г.

В третий том включено 12 статей. В. Ф. Бородич дает оценку изменений политической и оперативной обстановки в КНР на современном этапе, С. Я. Голосов исследует роль лидера революции в освободившихся странах социалистической ориентации и объективную необходимость создания специальной службы по обеспечению его безопасности. А. А. Добровольский раскрывает особенности подрывной деятельности афганской контрреволюции по срыву политики национального примирения в ДРА, В. К. Кленов — понятие государственной безопасности Японии и политику правящих кругов страны в этой сфере. П. М. Нургалиев рассматривает совместные предприятия на территории СССР как объект подрывных устремлений спецслужб империалистических государств, А. А. Погодин и А. П. Поддубный — взгляды противника на психологические операции в «партизанской войне», И. В. Святненко — влияние изменений в подрывной пропаганде средств массовой информации КНР на особенности работы особых отделов КГБ по делам оперативного учета в войсках и их окружении, Н. Е. Смирнов — взаимосвязь деятельности национальных африканских спецслужб по подавлению политических противников с подрывной деятельностью империалистических разведок против СССР и национально-освободительного движения в регионе. И. М. Скуридин исследует «новую эмиграционную политику» КНР и возможности ее использования китайскими спецслужбами в подрывной деятельности против СССР на первом этапе ее реализации (1977—1981 гг.), В. В. Щербатенко и С. О. Беседа — некоторые аспекты деятельности американской разведки в Центральной Америке.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (к т. 1 инв. № 28567-н, к т. 2 инв. № 28568-н, к т. 3 инв. № 28569-н).

Подполковник В. А. Каминский

РЕФЕРАТ
МОНОГРАФИИ «ВОПРОСЫ ТЕОРИИ АГЕНТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ»

(объем — 12,6 авт. л.)

В монографии исследуется один из аспектов контрразведывательной деятельности органов КГБ — определение места и роли агентов в системе средств контрразведывательных аппаратов.

В работе рассматриваются содержание и понятие агентурной деятельности, ее социально-политические, правовые и моральные аспекты, содержание и структура агентурных отношений. Автор раскрывает ряд теоретических и практических вопросов формирования агентурного аппарата, а также линии поведения и тактики агентов. В монографии исследуется и понятие содержания искусства агентурной деятельности. Автор систематизировал материалы чекистской практики, сделал ряд практических предложений и выводов.

Монография депонирована в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28608-н).

Старший лейтенант В. Б. Кравцов

РЕФЕРАТ
ЛЕКЦИИ «ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ
ОРГАНОВ КГБ СССР ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ МГБ ДРА
В СТАБИЛИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ
В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН»

(объем — 1 авт. л.)

В лекции последовательно изложены вопросы сотрудничества органов КГБ СССР с Министерством государственной безопасности ДРА, направленного на укрепление МГБ, повышение его роли в реализации общегосударственной программы борьбы с подрывной деятельностью банддвижения и привлечения на сторону народной власти ведущих сил и социальных слоев афганского общества.

Укрепление органов МГБ, активизация их деятельности, повышение их роли и авторитета, координация и взаимодействие с другими ведомствами — одно из важнейших условий стабилизации обстановки в стране. В лекции изложены договорно-правовые основы сотрудничества между КГБ СССР и МГБ ДРА, его цели и задачи, обязательства сторон, особенности и характер работы по его практической реализации.

Основное внимание уделено рассмотрению форм и методов работы органов КГБ СССР по оказанию помощи МГБ ДРА. При этом акцент сделан на особенности работы советнических коллективов по укреплению агентурного аппарата органов МГБ, повышению эффективности и результативности их контрразведывательной деятельности.

Лекция депонирована в спецбонементе № 3 научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28400-н).

Подполковник *Е. В. Кузьмин*

**РЕФЕРАТ
СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ АСПИРАНТОВ**

(объем — 10 авт. л.)

В сборнике отражены результаты диссертационных исследований аспирантов Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского по ряду проблем контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР.

В. П. Васильев на основе обобщения материалов КГБ Азербайджана исследует влияние «исламского фактора» на подрывную деятельность спецслужб Ирана с позиций генерального консульства в Баку.

А. Д. Витковский на материале оперативной практики рассматривает психологические аспекты профилактики негативных явлений в студенческой среде в свете задач перестройки советского общества.

В. А. Гамза анализирует понятие очной ставки, условия ее производства, правила предъявления доказательств на очной ставке.

В. Н. Глазков исследует понятие отчетности в контрразведывательной деятельности КГБ—УКГБ, ее роль в управлении контрразведывательной деятельностью органов КГБ СССР.

Ю. В. Голов анализирует тенденции организации противником разведывательных поездок, тактику их осуществления и вопросы координации контрразведывательных подразделений в борьбе с легальной разведкой.

Е. В. Кузьмин рассматривает философско-методологические функции марксистско-ленинского учения о практике и теории классовой борьбы применительно к анализу понятия «чекистская практика».

В статье В. П. Михайлова представлена попытка системного анализа кадровой деятельности территориальных органов КГБ СССР по подбору на действительную военную службу в контрразведывательные подразделения.

А. Н. Мозговой предлагает возможный подход к вычленению из объективного процесса обеспечения безопасности советского общества той стороны, которая является объектом чекистской деятельности и познания.

В статье Н. Г. Михайлова рассматриваются общее понятие следственной ситуации и ее сущности, а также факторы, влияющие на состояние, ход и результаты расследования государственных преступлений.

А. Н. Савчук предлагает систему общих и специальных критериев оценки эффективности частных мер предупреждения и пресечения подрывной деятельности противника, осуществляемой с позиций представительств торгово-промышленных фирм и банков капиталистических стран в СССР.

Л. Л. Соболевский исследует особенности вербовочной деятельности противника на канале международных научно-технических связей СССР.

В статье В. И. Тарасова анализируются основные направления ведения разведки противником против Советских Вооруженных Сил, используемые при этом формы и методы подрывной деятельности.

Э. И. Юн рассматривает специфику разведывательной тактики японских спецслужб и направления совершенствования контрразведывательного поиска агентуры противника на территории СССР.

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28602-н).

Подполковник *Г. Н. Куринин*

**РЕФЕРАТ
СБОРНИКА СТАТЕЙ ПО СПЕЦКУРСУ СД-4
«АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕТСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»**

(объем — 5,5 авт. л.)

В сборнике представлены статьи по проблемам общей теории советской криминалистики и дискуссионным проблемам криминалистической тактики.

В статье З. И. Кирсанова «Методологические проблемы советской криминалистики» дается современная трактовка методологии советской криминалистики. На основе анализа истории формирования научных взглядов на методологию советской криминалистики автором раскрываются уровни методологии: философская методология (диалектическая логика), общенаучные методологические концепции и методы познания, методоло-

гия криминалистики, методика и техника конкретных научных исследований и практической деятельности. В методологии криминалистики центральное место занимает концепция о возможности установления (познания) механизма преступления по оставленным следам и другим отображениям.

Статья И. И. Артамонова «Методологические проблемы криминалистической характеристики государственных преступлений» посвящена актуальным проблемам новой категории криминалистической науки — криминалистической характеристике преступлений, по которой среди ученых-криминалистов пока нет единого мнения. В статье представлена история развития учения о криминалистической характеристике преступлений.

В статье Г. Н. Курина «Следственные ситуации и тактические операции в расследовании преступлений» рассматриваются взгляды отдельных авторов на вопрос о природе следственной ситуации, предлагается дефиниция понятия, раскрывается структура, характеризуется значение оценки следственной ситуации в определении направлений расследования и характера решаемых следствием задач, а также дается общее представление о такой криминалистической категории, как тактическая операция.

Сборник статей депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28431-н).

Подполковник Л. М. Луценко

РЕФЕРАТ

СБОРНИКА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ «НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ КГБ СССР В ОСОБЫЙ ПЕРИОД И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ»

(объем — 12,8 авт. л.)

Статьи и научные доклады сборника посвящены вопросам, рассмотрение которых способствует наиболее полному обеспечению учебного процесса материалами в ходе преподавания СД-«М», эффективному комплексному исследованию методологических и других научных проблем курса с учетом опыта Великой Отечественной войны, оказания интернациональной помощи развивающимся странам и подготовки органов КГБ к решению задач в особый период и в военное время.

С. С. Конокотов и Я. Ф. Семенов пишут о деятельности оперативных групп органов государственной безопасности в тылу противника в годы Великой Отечественной войны на территории сопредельных СССР стран.

Э. П. Русанов и П. Е. Петренко анализируют опыт контрразведывательного обеспечения контингента советских войск, оказывавших интернациональную помощь развивающимся странам.

В. Ф. Блинков исследует влияние ядерных взрывов на состояние радиосвязи с агентами органов КГБ.

В. П. Галицкий и Л. М. Луценко рассматривают вопросы контрразведывательного обеспечения основных мероприятий Гражданской обороны СССР при решении задач территориальной обороны страны в современной войне.

В статье Л. М. Луценко нашли отражение некоторые вопросы подготовки оперативно-боевых отрядов (групп) для решения задач территориальной обороны страны.

Ф. Х. Субханкулов освещает некоторые вопросы борьбы особых отделов КГБ объединений сухопутных войск с акциями идеологической диверсии и «психологической войны» в военное время.

Г. А. Шумилин рассматривает некоторые направления мобилизационной работы в территориальных органах КГБ.

Научные доклады Н. Г. Будея посвящены исследованию вопросов сотрудничества и оказания помощи органами КГБ СССР в боевых условиях военной контрразведке развивающихся государств (на опыте работы советников в ДРА).

Сборник депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28573-н).

Майор В. Г. Максименко

РЕФЕРАТ

МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ТЕМУ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ КГБ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ И ГЛАСНОСТИ, УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА»

(объем — 8 авт. л.)

В марте 1987 года в Высшей школе КГБ СССР состоялась научно-практическая конференция, на которой рассматривались вопросы совершенствования профилактической деятельности органов КГБ в современных условиях развития демократии и гласности, укрепления социалистической законности и правопорядка.

В работе конференции принимали участие научно-педагогические работники Высшей школы, оперативные и следственные

работники органов КГБ, а также научные сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР.

В. П. Ерошин обосновал актуальность обсуждаемой проблемы, призвал участников конференции к тесному и деловому сотрудничеству в изучении и разработке проблем профилактической деятельности органов госбезопасности в условиях перестройки и демократизации советского общества.

С докладом «Актуальные вопросы профилактической деятельности органов КГБ в условиях развития демократии и гласности, укрепления социалистической законности и правопорядка» выступил С. В. Дьяков.

При обсуждении доклада выступили представители науки и практики. Директор Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности И. И. Карпец охарактеризовал положение, сложившееся в области изучения и предупреждения преступности, отметив экстенсивные черты развития науки, создающие трудности внедрения ее рекомендаций в практику.

А. А. Игнатьев, рассматривая профилактику как одно из главных направлений контрразведывательной деятельности органов госбезопасности в борьбе с государственной преступностью, отметил имеющиеся в этой работе серьезные ошибки и недостатки, связанные прежде всего с нечетким представлением практических работников об основаниях профилактического реагирования.

Заместитель начальника 4-го отдела 3-го Главного управления КГБ СССР А. П. Семенов остановился на практике применения официального предостережения как наиболее острой мере профилактического воздействия.

Н. А. Духно обратил внимание на неисследованные в достаточной мере вопросы специфики участия в профилактике следователя.

Сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступлений Ю. Г. Козлов ознакомил с тенденциями изменения преступности как криминогенными последствиями ряда негативных экономических, социальных, организационно-управленческих процессов, характерных для последних десятилетий развития нашего общества, и сообщил о создании в системе профилактики информационной базы, позволяющей оперативно прогнозировать возможные негативные процессы и явления, происходящие в обществе.

С. П. Макаров подчеркнул место и роль агентуры и доверенных лиц в проведении профилактических мероприятий.

Начальник отделения 2-го отдела 3-го Главного управления КГБ СССР А. В. Гаврилюк проанализировал негативные тенденции, сложившиеся в профилактической работе особых отделов, и предложил первоочередные меры по их устранению.

В. А. Толкачев подчеркнул необходимость перестройки отношения сотрудников чекистских подразделений к профилактической деятельности в соответствии с процессом совершенствования демократии.

А. Д. Донченко высказал мнение о том, что следователь наряду с установлением юридически значимых обстоятельств по конкретному делу обязан также проводить профилактическую работу.

А. Г. Пипия раскрыл понятие «правомерной» и «неправомерной» провокации, используемой правоприменительными органами США. Показал значимость использования данного института в практике разведывательной деятельности органов КГБ.

В. Г. Максименко, используя признаки состава преступления в качестве критериального аппарата уголовно-правовой оценки, показал ее место и роль в изучении материалов профилактики.

В. И. Петровичев рассмотрел механизм причинно-следственных связей и условий формирования противоправного поведения, связанного с разглашением государственных секретов.

Материалы депонированы в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (инв. № 28603-н).

Подполковник А. С. Шавловский

РЕФЕРАТ
НАУЧНОГО ОТЧЕТА НА ТЕМУ
«КАНАЛЫ УТЕЧКИ СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ
О ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СССР
К ПРОТИВНИКУ И МЕТОДЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПУТЕМ АНАЛИЗА
И ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ»

(объем — 1,8 авт. л.)

Научный отчет кандидата юридических наук подполковника С. А. Колосова и подполковника В. А. Рубанова (научно-исследовательский институт 6-го Управления КГБ СССР) подготовлен на основе проведенного исследования зарубежных публикаций о советской авиационной промышленности. Авторы излагают свою точку зрения на проблему вскрытия наиболее вероятных способов получения противником разведывательной информации путем анализа и оценки открытых зарубежных публикаций. Представляет интерес методика отбора, анализа и оценки зарубежных публикаций с целью уточнения данных об осведомленности противника. В заключительном разделе дана методика использования результатов анализа и оценки открытых зарубежных публикаций в контрразведывательной деятельности органов КГБ.

Авторы делают вывод, что анализ и оценка зарубежных публикаций являются одним из элементов решения проблемы надежной защиты государственных секретов от проникновения к ним спецслужб противника и в сочетании с другими методами контрразведывательной деятельности могут оказать существенную помощь в предупреждении и пресечении разведывательной деятельности противника. Авторы подчеркивают, что работа по анализу и оценке открытых зарубежных публикаций о военно-экономическом потенциале СССР требует переосмысления, переоценки ее значимости.

Отчет депонирован в специальном фонде научной библиотеки Высшей школы КГБ СССР им. Дзержинского (инв. № 28517-н).

Кандидат юридических наук
полковник В. Ф. Чесноков

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В 1987 ГОДУ

На заседаниях специализированных советов контрразведывательного профиля, а также по юридическим, философским, психологическим и педагогическим наукам в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского в 1987 г. было защищено 30 диссертаций, из них одна диссертация на соискание ученой степени доктора наук и 29 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Из числа защищенных в 1986—1987 гг. диссертаций Высшей аттестационной комиссией при СМ СССР уже утверждено 28.

I. Диссертации на соискание ученой степени доктора наук:

1. Долгополов Ю. Б. Тема «Проблемы правовой основы управления в области обеспечения государственной безопасности Вооруженных Сил СССР». Специальности 20.03.02 и 12.00.02.

Диссертация состоит из введения, шести глав и заключения.

В первой главе рассматриваются основные понятия и термины, применяемые при исследовании правовой основы управления в области обеспечения государственной безопасности.

Во второй главе анализируются вопросы компетенции советских государственных органов в области обеспечения государственной безопасности Вооруженных Сил СССР.

В третьей главе освещаются проблемы общей организации и управленческой деятельности органов военной контрразведки, раскрывается их роль в системе органов государственного управления, формулируются основные задачи деятельности и определяется компетенция.

В четвертой главе исследуются вопросы правовой основы формирования системы органов военной контрразведки, показана возрастающая роль Третьего главного управления в руководстве особыми отделами.

В пятой главе анализируются основные принципы, методы и формы управленческой деятельности органов военной контрразведки.

В шестой главе характеризуются проблемы правовой основы взаимодействия особых отделов КГБ с другими органами государственной безопасности, с органами военного командования и с органами внутренних дел.

2. Дьяков С. В. Тема «Причинность в механизме совершения особо опасных государственных преступлений». Специальность 12.00.08.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения.

В первой главе рассматривается понятие причин и условий совершения преступлений, излагается концепция общих причин

преступности в СССР, причин преступлений конкретного вида и причин индивидуального преступного поведения.

Во второй главе раскрываются причины, порождающие особо опасные государственные преступления, освещаются состояние, структура и динамика указанных преступлений, а также тенденции их взаимосвязи с общеуголовными преступлениями.

В третьей главе анализируются личность особо опасного государственного преступника и механизм преступного поведения, дается характеристика социально-демографических и нравственно-психологических признаков личности преступника, их типов, разновидностей механизмов развития преступного посягательства.

В четвертой главе автор исследует профилактическую деятельность органов КГБ с учетом полученных данных о причинах и условиях совершения преступлений данного вида, формулирует основания профилактики, формы и методы ее осуществления с использованием оперативных и уголовно-правовых мер, предлагает проект нового законодательства о преступлениях против государственного и общественного строя.

3. Игнатьев А. А. Тема «Проблемы эффективности уголовного законодательства в борьбе с особо опасными государственными преступлениями». Специальность 12.00.08.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе разработаны теоретические основы эффективности уголовного законодательства об ответственности за особо опасные государственные преступления, предложена теоретическая модель эффективности, с помощью которой исследована реальная эффективность закона.

Во второй главе проанализированы действующее уголовное законодательство, практика его применения в борьбе с особо опасными государственными преступлениями, а также вопросы профилактической работы правоохранительных органов.

В третьей главе выясняется степень эффективности уголовного законодательства в достижении стоящих перед ним задач, предлагаются конкретные меры по повышению его эффективности в борьбе с особо опасными государственными преступлениями.

4. Рапохин Н. П. Тема «Психологические основы отбора кадров для внешней разведки КГБ СССР». Специальность 19.00.11.

Диссертация состоит из введения, шести глав и заключения.

В первой главе рассмотрены методологические предпосылки и общетеоретические вопросы профессионального психологического отбора. Раскрываются особенности и общие принципы психологического отбора кадров внешней разведки КГБ.

Вторая глава содержит результаты оперативно-психологического анализа деятельности разведчика «легальной» резидентуры КГБ за границей. В ней раскрывается специфика условий

и содержания этой деятельности, формулируются требования, которые она предъявляет к личности оперативного работника.

В третьей главе дана общепсихологическая характеристика личности и рассмотрены профессионально значимые качества личности кандидата для работы во внешней разведке.

В четвертой главе анализируются методы психологического отбора чекистов-разведчиков. Изложены результаты экспериментальных исследований и использования психодиагностических методик при отборе кадров и в учебно-воспитательной работе Краснознаменного института КГБ.

Пятая глава раскрывает проблему прогностической ценности психодиагностических методик в определении профессиональной пригодности к работе в разведке.

В шестой главе изложены организационные аспекты психологического отбора кадров ПГУ, дан анализ существующей системы изучения кандидатов для работы во внешней разведке КГБ, определяется место психологического отбора в этой системе, рассматриваются конкретные программы изучения различных контингентов кандидатов.

II. Диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Алдабаев Н. П. Тема «Вербовка контрразведывательными аппаратами органов КГБ агентов из числа иностранных граждан развивающихся стран, обучающихся в Советском Союзе». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе анализируются основные факторы, оказывающие влияние на вербовочные мероприятия, приводится социально-политическая характеристика иностранных граждан из развивающихся стран, обучающихся в Советском Союзе, как вербовочного контингента, определяется их правовой статус, дается анализ тактики разведывательно-подрывной деятельности противника с использованием иностранных граждан из развивающихся стран на канале международного обмена учащимися.

Во второй главе рассмотрены различные этапы вербовочной операции, подбор и изучение кандидатов на вербовку, установление оперативных контактов, вербовка, а также механизм формирования вербовочных ситуаций, обоснована целесообразность использования основы зависимости при вербовке агентов, предложены методика по оказанию идейно-политического воздействия на кандидатов на вербовку и агентов, конкретные пути и методы дальнейшего совершенствования вербовочной деятельности.

2. Арсеньев В. В. Тема «Содержание и тактика идеологической диверсии противника, направленной на подрыв экономической системы СССР, и особенности борьбы с ней органов советской контрразведки». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе раскрыты роль идеологической диверсии в деятельности империалистических государств по нанесению ущерба экономической системе Советского государства, ее содержание, характерные черты, особенности и некоторые тенденции в тактике ее осуществления.

Во второй главе рассмотрены задачи борьбы органов советской контрразведки с идеологической диверсией, направленной на подрыв экономической системы СССР, сформулированы рекомендации по использованию агентурно-оперативных средств, разработаны меры контрразведывательных аппаратов по предупреждению и нейтрализации негативных явлений в трудовых коллективах, а также по совершенствованию взаимодействия с другими подразделениями КГБ и государственными органами.

3. Баронов В. И. Тема «**Вербовка разведывательными аппаратами пограничных войск КГБ нарушителей границы из Китая в интересах охраны государственной границы СССР**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе характеризуются основные факторы, влияющие на специфику вербовочной деятельности среди нарушителей границы из КНР, дается определение понятия факторов, раскрывается их структура, взаимосвязи и механизм воздействия на вербовочную деятельность разведывательных аппаратов пограничных войск КГБ.

Во второй главе рассмотрена специфика подбора кандидатов на вербовку из нарушителей границы, их проверки и изучения.

В третьей главе анализируется основа вербовки, процесс ее формирования, раскрываются особенности тактики вербовки нарушителей границы из КНР.

4. Грамотин А. Л. Тема «**Подрывная деятельность ЦРУ США против СССР на территории другого империалистического государства (на примере Японии)**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе даны анализ и классификация основных факторов, обуславливающих характер, масштабы и активность подрывной деятельности ЦРУ США против СССР на территории Японии.

Вторая глава посвящена вопросам организации подрывной деятельности ЦРУ США против СССР на территории Японии. В ней исследованы структура и функции «легальной» резидентуры ЦРУ и сети «глубоких» прикрытий, характеризуются личный состав, агентурный аппарат и разведывательные позиции в Японии, рассмотрены правовые и организационно-тактические аспекты сотрудничества спецслужб США и Японии.

В третьей главе анализируются особенности и тенденции современной тактики противника в области агентурного проникновения, непосредственного подрыва и добывания разведывательной информации.

5. Гурьев А. И. Тема «**Подрывная деятельность спецслужб империалистических государств в сфере внешнеторговых связей СССР**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе раскрыты содержание и направления подрывной деятельности спецслужб империалистических государств в сфере внешнеторговых связей СССР, исследуется воздействие политических, экономических и оперативных факторов, как способствующих, так и препятствующих подрывной деятельности противника в этой области.

Во второй главе исследуется механизм взаимодействия спецслужб империалистических государств с монополиями, государственными и общественными организациями в деятельности по подрыву советских внешнеторговых связей, рассматриваются особенности организации и тактики подрывной деятельности противника по подрыву импортных поставок в СССР и экспорта советских товаров на мировые рынки, предлагаются рекомендации по совершенствованию контрразведывательной защиты внешнеторговых интересов Советского Союза.

6. Дзедзюля И. А. Тема «**Теоретические и практические вопросы вербовки агентов для борьбы с подрывной деятельностью бандитских формирований (по опыту оказания советнической помощи органам государственной безопасности ДРА)**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе характеризуются политические и социально-экономические условия афганского общества, в которых осуществляется вербовочная работа органов госбезопасности ДРА, а также рассматривается влияние на вербовочную работу таких важных для условий Афганистана объективных факторов, как исламский и национально-этнический.

Во второй главе рассмотрены прикладные вопросы вербовочной работы: создание агентурных позиций для борьбы с подрывной деятельностью бандитских формирований; характеристика вербовочных контингентов для подбора кандидатов на вербовку и предъявляемых к ним требований; подбор, изучение и проверка кандидатов на вербовку; способы привлечения к секретному сотрудничеству кандидатов из числа граждан ДРА, способных участвовать с агентурных позиций в борьбе с подрывной деятельностью бандитских формирований и контрреволюционного подполья.

7. Кокорев А. А. Тема «**Этнопсихологические особенности общения с лицами китайской национальности в оперативной деятельности**». Специальность 19.00.11.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе даны основные методологические и теоретические проблемы современной этнопсихологии.

Во второй главе исследуется влияние этнопсихологических особенностей ханьцев на характер и динамику межличностного общения в малой контактной группе, рассматриваются этнические стереотипы и ценностные ориентации ханьцев, функционально значимые в коммуникативном процессе, особенности мышления, восприятия и социальной регуляции поведения, определяются доминирующие черты национального характера и особенности национального самосознания ханьцев.

Третья глава содержит психологический анализ проблемы формирования межличностных отношений оперативного работника с объектом оперативной заинтересованности из числа ханьцев, в ней раскрывается специфика вербального и невербального общения в китайской культуре, особенности установления психологического контакта и целенаправленного психологического воздействия на ханьцев, дана характеристика доверительного и делового общения.

8. Коломин В. В. Тема «**Правовое положение разведывательных аппаратов пограничных войск КГБ СССР**». Специальность 12.00.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе исследуются теоретические вопросы, связанные с определением понятия разведаппаратов пограничных войск КГБ СССР и общими положениями о правовом регулировании их деятельности, дается оценка роли разведаппаратов в обеспечении государственной безопасности, анализируется состояние юридического закрепления основных задач, функций и системы разведаппаратов.

Во второй главе анализируются компетенция разведаппаратов и эффективность ее реализации, рассматриваются правовые основы, виды, направления и формы взаимодействия разведаппаратов с оперативными подразделениями органов КГБ и войсковыми органами управления пограничных войск.

В третьей главе обобщаются факторы, обуславливающие необходимость дальнейшего совершенствования правового положения данных подразделений пограничных войск, обосновываются направления и пути этой работы, предлагаются конкретные рекомендации по повышению эффективности деятельности разведаппаратов погранвойск с помощью организационно-правовых средств.

9. Комков В. Н. Тема «**Методологическое значение законов диалектики для развития чекистской науки**». Специальность 09.00.01.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе рассматриваются проблема «включенности» марксистско-ленинской философии в теоретические построения чекистской науки и содержание понятия «развитие» относительно системы чекистского научного знания, раскрывается цель методологического анализа его теоретических проблем, предла-

гается возможная методика оценки уровня развития чекистских теорий, намечаются основные пути их дальнейшей диалектической обработки.

Во второй главе дан критический анализ советской философской литературы по проблеме, раскрывается содержание понятия методологического значения законов материалистической диалектики для формирования и развития частнонаучных теорий, показано содержание процесса реализации функций законов диалектики, сформулированы конкретные принципы познания явлений чекистской практики.

10. Машкин М. В. Тема «**Организация управленческой деятельности оперативного уполномоченного в органах военной контрразведки**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе раскрыта сущность организации процесса управления, обоснованы элементы, составляющие ее содержание, определены основы для классификации участков контрразведывательной деятельности, систематизированы права и обязанности оперативного уполномоченного.

Во второй главе проанализировано содержание элементов организации процесса управления на участке контрразведывательной деятельности в соответствии со стадиями управленческого цикла: выработка и принятие решений, организация их исполнения и контроль в ходе их реализации, рассмотрена проблема разработки комплексной оценки контрразведывательной работы оперативного уполномоченного.

11. Новиньков А. А. Тема «**Основания выделения сигналов о возможной подрывной деятельности и их оценка**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе исследуются высказанные в чекистской теории взгляды на понятие «сигнал», анализируются его природа и сущность, указывается место сигнала в деятельности советской контрразведки, дается определение сигнала.

Во второй главе раскрываются основания выделения сигналов, исследуется содержание критериев их оценки и даются практические рекомендации по их применению в процессе принятия решений о выделении сигналов о возможной подрывной деятельности.

12. Нургалиев П. М. Тема «**Советско-индийское экономическое и научно-техническое сотрудничество как объект подрывной деятельности спецслужб США**». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе рассматриваются политический курс США в отношении советско-индийского экономического и научно-технического сотрудничества и основные факторы, определяющие его подрывную направленность.

Во второй главе показана ведущая роль спецслужб США в

реализации политики подрыва экономических связей СССР и Индии, рассматриваются механизм подрыва сотрудничества, а также особенности организации и тактики разведывательно-подрывных акций американских спецслужб в отношении советско-индийского экономического и научно-технического сотрудничества, анализируются возможности и конкретное участие неразведывательных организаций и учреждений, используемых спецслужбами, в деятельности по подрыву советско-индийских экономических связей.

13. Панпурин А. А. Тема «Правовое регулирование принятия управленческих решений в советской контрразведке». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе анализируются основы регулятивного воздействия норм права на отношения управления контрразведывательной деятельностью в ходе реализации функции принятия решений, их место и роль в системе социальных регуляторов процесса выработки и принятия управленческих решений, а также особенности воздействия нормативно-правовых положений на участников этого процесса.

Во второй главе исследуются нормы права как управленческая информация с позиций решения задач обеспечения ею наравне с оперативными и иными сведениями субъектов отношений управления контрразведывательной деятельностью в интересах выработки и принятия решений; характеризуются правовая информация, а также пути и средства обеспечения ею адресатов и потребителей.

В третьей главе рассматриваются вопросы практики правового регулирования процесса выработки и принятия управленческих решений в советской контрразведке в ходе последовательного анализа особенностей регулятивного воздействия правовой информации на участников этого процесса, сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию правовой основы управленческой деятельности, предложены меры, направленные на совершенствование системы обеспечения правовой информацией.

14. Пискарев Г. Е. Тема «Оценка оперативной обстановки в управлении контрразведывательной деятельностью органов госбезопасности СССР». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и семи приложений.

В первой главе формулируются понятия оценки оперативной обстановки и ее предмета — состояния оперативной обстановки, рассматриваются связи и отношения состояний оперативной обстановки, раскрывается содержание ее этапов, определяются место и роль оперативной обстановки в процессе управления контрразведывательной деятельностью, выделяются основные задачи, которые решает субъект управления в процессе реали-

зации данной функции управления, классифицируются принципы оценки оперативной обстановки и раскрывается их содержание.

Во второй главе анализируется практика организации оценки оперативной обстановки в контрразведывательных подразделениях органов КГБ СССР, вскрываются проблемы оценочного процесса, исследуются виды и формы фиксации результатов процесса оценки оперативной обстановки, обосновываются пути совершенствования информационного и аналитического обеспечения процесса ее проведения.

15. Платонов С. В. Тема «Организационно-правовые основы контрразведывательного обеспечения МВД СССР и его органов». Специальность 12.00.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе исследуются вопросы, связанные с социально-политической ролью, правовым положением и особенностями органов внутренних дел как объекта контрразведывательного обеспечения, дана классификация этих особенностей и показано их влияние на содержание и организационно-правовые основы деятельности третьих подразделений органов КГБ.

Во второй главе анализируется правовая основа контрразведывательной деятельности третьих подразделений органов КГБ, а также состояние юридического закрепления основных задач, функций, организационной структуры и компетенции данных подразделений, даются рекомендации по совершенствованию организационно-правового регулирования деятельности по контрразведывательному обеспечению органов внутренних дел.

В третьей главе рассматриваются организационно-правовые основы, виды, направления, формы и порядок взаимодействия третьих подразделений с другими подразделениями органов КГБ и руководством органов МВД.

16. Попов В. В. Тема «Обеспечение безопасности агентурного аппарата органов советской контрразведки». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе раскрываются понятия собственной безопасности органов КГБ и безопасности агентурного аппарата как ее важнейшей составной части и рассматриваются основные факторы, влияющие на деятельность органов КГБ на данном направлении.

Во второй главе дается анализ основных аспектов надежности агентуры — определяющего фактора обеспечения безопасности агентурного аппарата, выдвигается и обосновывается положение о целесообразности использования различных видов оценки надежности внештатных секретных сотрудников и даются соответствующие методические рекомендации.

В третьей главе представлен комплексный анализ мер, направленных на обеспечение безопасности агентурного аппарата,

выделены общие меры, меры по предупреждению проникновения в агентурный аппарат агентов спецслужб противника и враждебных элементов и меры по предотвращению расшифровки агентуры.

17. Святненко И. В. Тема «Деятельность органов военной контрразведки по ограждению личного состава Вооруженных Сил СССР от подрывной пропаганды спецслужб КНР». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе исследуется сущность и содержание подрывной пропаганды спецслужб Китая, осуществляемой против личного состава Вооруженных Сил СССР, а также особенности тактики этой пропаганды на современном этапе.

Во второй главе освещаются вопросы ограждения советских военнослужащих от подрывных идеологических акций спецслужб Китая, раскрывается работа особых отделов КГБ по проверке сигналов и по делам оперативного учета, рассматриваются особенности профилактических мероприятий в отношении лиц, подпавших под идеологическое воздействие противника.

18. Середюк Н. А. Тема «Теоретические и прикладные аспекты профилактической деятельности органов советской контрразведки». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе дается анализ профилактической работы органов государственной безопасности, рассматриваются природа и назначение профилактики, ее место в деятельности органов государственной безопасности и системе социальной профилактики в целом.

Во второй главе раскрываются система и содержание профилактической работы на современном этапе деятельности органов государственной безопасности.

В третьей главе дан анализ современного состояния профилактической работы органов государственной безопасности, выработаны конкретные предложения и рекомендации, направленные на повышение ее качества, определены пути ее дальнейшего совершенствования.

19. Симонов Н. Е. Тема «Роль спецслужб стран Тропической Африки в подавлении политических противников правящих режимов и его взаимосвязь с подрывной деятельностью империализма в регионе». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе рассматриваются особенности национально-освободительного движения в Африке на современном этапе, анализируются политические системы и особенности формирования механизма подавления политических противников правящих режимов развивающихся стран.

Вторая глава содержит анализ организации национальных спецслужб в Тропической Африке.

Третья глава посвящена организации и тактике деятельности национальных спецслужб стран Тропической Африки в регионе и на территории СССР. Эта проблема рассмотрена во взаимосвязи с подрывной деятельностью империалистических разведок против СССР.

20. Слудский П. А. Тема «Идеологическая диверсия сионизма против Вооруженных Сил СССР и борьба с ней органов военной контрразведки». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и трех приложений.

В первой главе рассматриваются политические цели сионизма по осуществлению идеологической диверсии, особенности его устремлений против Вооруженных Сил СССР, дается типологическая классификация и характеристика негативных проявлений, инспирируемых сионизмом в войсках.

Вторая глава посвящена исследованию актуальных проблем борьбы особых отделов КГБ с идеологической диверсией сионизма, в ней предложены конкретные меры по совершенствованию профилактической работы и контрразведывательного поиска, осуществляемых по линии борьбы с подрывной деятельностью сионизма, а также оперативной проверки и разработки просионистски настроенных лиц, совершающих враждебные и другие антиобщественные действия.

21. Таршин П. В. Тема «Борьба советской контрразведки с эмиссарской деятельностью, осуществляемой на территории СССР зарубежными антисоветскими центрами (организационный аспект)». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

В первой главе раскрывается природа и сущность эмиссарской деятельности, рассматриваются ее содержание, место и роль в системе идеологической диверсии противника, дается характеристика эмиссаров, классифицируются демаскирующие эмиссарскую деятельность признаки.

Во второй главе исследуется организация советской контрразведкой противодействия эмиссарской деятельности противника, рассматриваются организация контрразведывательного поиска, подготовка контрразведывательных операций по борьбе с эмиссарской деятельностью, а также организация информационного обеспечения процесса борьбы органов КГБ с подрывной деятельностью противника.

22. Титов Е. В. Тема «Эмпатическое воздействие и возможности его применения в контрразведывательной практике органов государственной безопасности СССР». Специальность 19.00.11.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе характеризуются роль и место эмпатии и эмпатического воздействия в контрразведывательной деятельности.

сти, обобщается и анализируется опыт их научного изучения, разрабатываются основы проведения прикладного исследования.

Во второй главе излагаются методика и результаты эмпирического исследования эмпатического воздействия, рассматриваются принципы, методы и возможности его практического использования в деятельности органов КГБ.

Третья глава посвящена методике организации и проведения социально-психологического тренинга эмпатического воздействия в целях развития психологической подготовленности чекистов.

23. Хоткин В. Н. Тема «Контрразведывательная операция по поимке с личным вражеских разведчиков и агентов из иностранцев при совершении ими противоправных действий на территории СССР». Специальность 20.03.02.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе раскрывается понятие поимки с личным, теоретически обосновывается операционный уровень ее проведения, исследуется правовая природа операции по поимке с личным.

Во второй главе исследуется процесс моделирования действий противника по подготовке и проведению конкретных враждебных акций на территории СССР, раскрываются особенности контрразведывательной операции по поимке с личным лиц, обладающих правом личной неприкосновенности.

В третьей главе исследуются возможности применения идей и положений программно-целевого управления при подготовке и проведении операции по поимке с личным, излагается методика организации комплекса сил и средств и организационная структура управления операцией, обосновывается метод построения логической модели контрразведывательной операции по поимке с личным.

24. Шавловский А. С. Тема «Социально-психологические аспекты организации междисциплинарных исследований в условиях учебного заведения контрразведывательного профиля». Специальность 19.00.11.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Первая глава посвящена теоретическим вопросам изучения социально-психологических явлений, возникающих и развивающихся в процессе организации междисциплинарных исследований.

Во второй главе осуществлен анализ эмпирических характеристик изучаемых социально-психологических явлений.

В третьей главе излагаются разработанные автором пути повышения междисциплинарной активности научно-педагогических работников, основанные на социально-психологической подготовке личности и коллектива к осознанному принятию внедряемого нового и организационном стимулировании участников научно-исследовательского процесса.

СОДЕРЖАНИЕ

Кандидат исторических наук, доцент полковник В. Ф. Мацук. Ленинские принципы социалистической демократии и их значение для деятельности органов государственной безопасности 3

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кандидат юридических наук капитан 2 ранга В. Е. Овчинников. Некоторые методологические аспекты исследования оперативной обстановки 14

Кандидат юридических наук, доцент капитан 1 ранга В. П. Галицкий, кандидат юридических наук, доцент полковник Б. А. Мартыанов. Психологическая война империалистических государств против СССР и особенности участия органов советской военной контрразведки в борьбе с ней 33

Кандидат юридических наук полковник Ф. Д. Попов, подполковник Н. А. Музырев. Некоторые актуальные вопросы защиты секретов в СССР 49

Подполковник Э. И. Юн. О путях совершенствования контрразведывательного поиска источников информации японских спецслужб 56

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВНИКА

Кандидат юридических наук капитан 1 ранга А. М. Колычев. Подготовка противника к диверсионной деятельности в современной войне 75

Кандидат юридических наук подполковник А. Л. Грамотин. Интеграционные процессы в сфере разведывательно-подрывной деятельности главного противника против Советского Союза (на примере спецслужб США и Японии) 92

Кандидат технических наук подполковник В. Н. Суриков, полковник В. Ф. Блинков. Состояние и тенденции развития некоторых средств специальной электросвязи капиталистических государств (радиосвязь прямой видимости) 103

Подполковник В. Ф. Бородич. К изменению политической и оперативной обстановки в КНР 111

БОРЬБА С ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИЕЙ ПРОТИВНИКА

Кандидат исторических наук, доцент полковник В. А. Золототрубов, кандидат философских наук, доцент полковник В. Б. Кулаков. Некоторые вопросы использования спецслужбами империалистических государств идеологии буржуазного национализма и клерикализма в идеологической диверсии против советской молодежи 128

Кандидат философских наук, доцент В. А. Васильев, кандидат экономических наук подполковник В. А. Шаронов. Антисоветские альтернативы перестройке в СССР 144

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

- Кандидат юридических наук, доцент полковник *Е. М. Давыдов*. О совершенствовании управления контрразведывательной деятельностью в условиях демократизации советского общества 156
- Подполковник *В. Г. Матюнин*, майор *Ю. В. Грачев*. Об информационном обеспечении контрразведывательной работы по розыску авторов и распространителей анонимных антисоветских документов 170
- Подполковник *Н. А. Чичулин*. Влияние научно-технической революции на совершенствование содержания труда при проведении аналитических исследований в советской контрразведке 183

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ И РАБОТА ОРГАНОВ КГБ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

- Кандидат юридических наук, доцент полковник *Т. Г. Юсуф-Заде*, кандидат юридических наук полковник *Р. И. Тямушкин*. Методика определения резерва агентурного аппарата на особый период 194

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И ПСИХОЛОГИИ В КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Кандидат юридических наук, доцент полковник *И. И. Артамонов*. Криминалистическая тактика: система понятий 204
- Кандидат психологических наук подполковник *Е. В. Титов*. Некоторые методические вопросы оказания психологического воздействия в деятельности оперативных сотрудников органов госбезопасности 222
- Кандидат медицинских наук майор *В. А. Бутыгин*. Использование средств вычислительной техники при изучении психологических особенностей лиц, принимаемых на работу в органы КГБ 238

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Кандидат юридических наук майор *Л. Н. Башкатов*. О понятии подозреваемого в советском уголовном процессе 248
- Кодификация советского законодательства и актуальные вопросы правового регулирования обеспечения государственной безопасности 258
- Кандидат юридических наук капитан 1 ранга *И. И. Грабко*. О влиянии семейного положения на принятие советскими гражданами решения о бегстве за границу или отказе от возвращения из-за границы в СССР 276

ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАДРОВ

- Кандидат юридических наук подполковник *Л. С. Яковлев*. Об опыте использования активных методов обучения в преподавании юридических дисциплин 294
- Кандидат юридических наук подполковник *Ю. М. Дубинский*. Компьютер в преподавании специальных дисциплин 309
- Кандидат юридических наук, доцент капитан 1 ранга *М. И. Ковалев*, кандидат юридических наук полковник *Н. М. Голованов*. Об опы-

- те чтения проблемной лекции в форме диалога между двумя преподавателями 322
- Кандидат юридических наук, доцент подполковник *Ю. А. Малышев*. К вопросу о современном состоянии криминалистики и задачах ее преподавания 332

- Кандидат философских наук, доцент капитан 1 ранга *Э. П. Литвинов*. Самовоспитание как ведущий фактор нравственного совершенствования слушателей 346

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

- Доктор психологических наук полковник *Г. И. Иванин*. Своевременное и ценное исследование 360
- Подполковник *А. Ф. Алешкин*, майор *А. А. Грачев*. Реферат сборника научных статей преподавателей и аспирантов СК-1 363
- Майор *В. Н. Глазков*. Реферат сборника научных статей спецкафедры № 17 «Некоторые теоретические и научно-педагогические проблемы в советской контрразведке» 364
- Подполковник *В. А. Глухов*, подполковник *В. К. Горин*. Реферат сборника материалов научно-практической конференции «Вопросы теории и практики получения разведывательной и контрразведывательной информации при расследовании государственных преступлений» 365
- Кандидат юридических наук, доцент полковник *К. Х. Ипполитов*, кандидат юридических наук майор *С. Б. Шурыгин*. Реферат сборника статей по проблемам специального страноведения 367
- Подполковник *В. А. Каминский*. Реферат монографии «Вопросы теории агентурной деятельности органов советской контрразведки» 369
- Старший лейтенант *В. Б. Кравцов*. Реферат лекции «Правовые основы, формы и методы работы органов КГБ СССР по оказанию помощи МГБ ДРА в стабилизации оперативной обстановки в Демократической Республике Афганистан» 369
- Подполковник *Е. В. Кузьмин*. Реферат сборника научных статей аспирантов 370
- Подполковник *Г. Н. Куринин*. Реферат сборника статей по спецкурсу СД-4 «Актуальные теоретические проблемы советской криминалистики» 371
- Подполковник *Л. М. Луценко*. Реферат сборника научных статей и докладов «Некоторые проблемы деятельности органов КГБ СССР в особый период и военное время» 372
- Майор *В. Г. Максименко*. Реферат материалов научно-практической конференции на тему «Актуальные вопросы профилактической деятельности органов КГБ в условиях развития демократии и гласности, укрепления социалистической законности и правопорядка» 373
- Подполковник *А. С. Шавловский*. Реферат научного отчета на тему «Каналы утечки секретной информации о военно-экономическом потенциале СССР к противнику и методы их выявления путем анализа и оценки публикаций зарубежной печати» 375
- Кандидат юридических наук полковник *В. Ф. Чесноков*. Защита диссертаций в 1987 году 377

Всего пронумеровано 392 стр.
и одна вклейка между стр. 50 и 51.

Литературные редакторы Л. И. Васильева, Т. Е. Заева,

А. О. Леонтьев, Н. А. Овчинникова, Т. Д. Шустова

Корректоры И. А. Затика, Н. В. Чищевая

Сдано в набор 7.VII.1988 г. Подписано к печати 17.X.1988 г.

Авт. л. 28,0. Усл. печ. л. 24,5.

Тираж 350 экз.

Инв. № 11/001131. Заказ № 00231т

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
21	5-я снизу	В условиях развитого	В современных услови-
53	20-я сверху	социализма	ях развития социализма
117	15-я сверху	высококвалифицирован-	высококвалифицирован-
145	19-я снизу	ными	ными
146	2-я снизу	приоритет отношений	приоритет динамики от-
242	2-я снизу	КНР	ношений КНР
347	25-я сверху	или делается вывод	Ими делается вывод
375		привлечения	привлечение
		протольный	протокольный
		— указывал он, — выра-	— указывал он, — само-
		ботку из себя...	образование, выработку
		(научно-исследователь-	из себя...
		ский институт 6-го Уп-	(научно-исследователь-
		равления КГБ СССР)	ский институт 2-го Глав-
			ного управления КГБ
			СССР)

Типография редакционно-издательского отдела
Высшей ордена Октябрьской Революции
Краснознаменной школы КГБ СССР
имени Ф. Э. Дзержинского